СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Рецензии

ХРОНИКА

ОПЕЧАТКА

В № 1 журнала «Историк-марксист» за 1941 год на странице 73, в колонтитулах на стр. 74 и 76, а также в содержании номера на стр. 159 и 160 автором статьи «Три встречи с Лениным» указан — **Л. Бранденбургский**, должно быть — **Я. Бранденбургский.**

СТАТЬИ

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

(октябрь 1917 — март 1919 г.)

Д. Баевский

«Едва ли нужно доказывать, что без партии, способной собрать вокруг себя массовые организации пролетариата и централизовать в ходе борьбы руководство всем движением, пролетариат в России не смог бы осуществить свою революционную диктатуру» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 71. 11-е изд.).

«Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методов работы всецело определяется особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают» («ВКП(б) в резолюциях». Т. I, стр. 365. М. 1936).

Еще в начале 1917 г. партия большевиков была в подполье. Ее вожди, значительная часть ее руководящих кадров были на каторге, в ссылке и эмиграции. С величайшим трудом партия могла поддерживать связь лишь с передовыми рабочими. Только из нелегальных газет, с большими предосторожностями передаваемых друг другу в узком кругу проверенных товарищей, могли рабочие узнать ленинско-сталинские идеи, освещающие путь борьбы. Используя очень небольшие легальные возможности и опираясь на свои нелегальные организации, руководили большевики освободительной борьбой рабочего класса и его союзника — крестьянства.

В конце же 1917 г., после социалистической революции, условия работы партии круто изменились. Она стала правящей партией. Идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина дошли до миллионов. Овладев широчайшими массами, они стали великой силой. Эти идеи нашли свое осуществление в декретах советской власти. Они воплотились в социалистическом государстве, созданном на обломках разрушенной старой государственной машины. В распоряжении партии находились типографии, радио и завоеванные рабочими и крестьянами дворцы, где собирались трудящиеся. Голос большевистской «Правды» свободно разносился по всей стране. Он проникал за ее рубежи, находя отклик среди трудящихся всего мира. Слова «мировой большевизм» не сходили со страниц буржуазной печати.

Свержение власти буржуазии, установление диктатуры пролетариата выдвинули перед пролетариатом и его партией новые задачи: подавление сопротивления буржуазии, государственное руководство непролетарскими массами трудящихся, построение социалистического общества. Теперь, когда партия стала руководящей, «направляющей силой» в системе диктатуры пролетариата, по-новому встал вопрос о руководстве массовыми беспартийными организациями, прежде всего

профсоюзами и советами. Профсоюзы становились хребтом диктатуры пролетариата. Советы, представляющие организации трудящихся города и деревни, стали органами власти, прямым выражением диктатуры пролетариата. Руководство партии советами означало теперь руководство государственной работой. Это была новая задача для партии большевиков.

Могли ли при таком крутом повороте мировой истории, при коренном изменении всей исторической обстановки остаться неизменными формы организации и методы работы партии? Очевидно, нет.

В рассматриваемый нами отрезок времени (октябрь 1917 — март 1919 г.) складываются те формы организации партии, та система ее взаимоотношений с массовыми организациями, которая свойственна всей эпохе диктатуры пролетариата. Но прежде чем перейти к изучению этих вопросов, мы должны рассмотреть особенности партийного строительства, характерные для первого года диктатуры пролетариата и начала гражданской войны.

Специфические особенности партийного строительства до VIII съезда РКП(б)

С момента победы социалистической революции основной задачей партии стала борьба за упрочение советской власти. Большевистская партия организует отпор контрреволюции, под ее руководством происходит разрушение старого государственного аппарата и создание нового аппарата социалистического государства, под ее руководством проводятся мероприятия, которые «подорвали в корне силы буржуазии, помещиков, реакционного чиновничества, контрреволюционных партий и — значительно упрочили советскую власть внутри страны» [1].

В первую очередь большевики организуют подавление контрреволюционных мятежей, разоружают контрреволюционные и ненадежные части и вооружают защитников советской власти. Большевики Петрограда, Москвы и других пролетарских центров были душой формирующихся отрядов молодой Красной Армии. Большевистские организации создают коммунистические отряды, идущие на фронт, чтобы дать отпор интервентам и белогвардейцам. Орган Донецкого и Криворожского обкомов РСДРП(б) в марте обратился к рабочим с призывом записываться в боевые отряды партии большевиков [2]. В Петрограде в конце февраля большевички Нарвского района призвали женщин-работниц вступать в организуемый ими отряд, чтобы встать на защиту Петрограда. Большевики станции Тихорецкой, организуя заслон против калединских банд, убеждали проезжающих через станцию с кавказского фронта солдат старой армии сдавать оружие и вооружали им рабочих, крестьян и революционно настроенное казачество окружающих станиц. Они создали в станицах Тихорецкой, Архангельской, Новороссийской, Ростовской и др. крупные партийные организации [3].

Наряду с борьбой за создание вооруженных сил молодой социалистической республики большевистские организации ведут интенсивную работу в советах по проведению в жизнь декретов советской власти о рабочем контроле, земле и т. д. Так, из Екатеринбурга сообщают в ЦК, что партийная организация отдает все силы работе по контролю и регулированию производства, работе в советах. «Недостаток сил всюду громадный. Во всех областях кипит работа» [4]. Те же вопросы государственной работы (работа промышленности, продовольствие, то-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 205.

[2] См. «Донецкий пролетарий» № 88 от 6 марта 1918 года. Харьков.

[3] См. «Правду» № 7 от 24 января 1918 года.

[4] «Правда» № 37 от 20 февраля 1918 года.

варообмен с деревней и т. п.) стоят в центре внимания большевиков Иваново-Вознесенска, Тулы и других городов. В уездных городах перед большевиками встали новые сложные задачи в связи с проведением в жизнь декрета о земле. Так, большевики г. Орши в конце 1918 г. много внимания уделяли работе в деревне. Ими были созданы партийные ячейки в деревне, возглавлявшие борьбу за проведение в жизнь декрета о земле. Руководимое большевиками г. Орши бюро по крестьянским делам ВРК местного совета, судя по письму в ЦК, «пользуется среди крестьян и батраков большим доверием». Это письмо заканчивается словами: «Горизонт у нас обширный, работы много интересной, творческой»[1].

Все письма в ЦК партии в конце 1917 и в начале 1918 г. (январь—февраль) очень много говорят о борьбе с контрреволюцией, о работе в советах, но почти не упоминают об организационно-партийной и партийно-воспитательной работе. Внимание многих большевистских организаций в это время было настолько поглощено государственной работой, что они не замечали, как ослабевала партийно-воспитательная работа. В одном из тех немногих писем в ЦК этого периода триумфального шествия советской власти, в которых заметна тревога за состояние партийной работы,— в письме екатеринбургской большевистской организации от 11 декабря 1917 г.— говорится, что внутрипартийная работа пошла на убыль в связи с тем, что кипучая работа в советах, в государственных органах потребовала много сил.

Свои лучшие силы партийные организации бросили на советскую работу. Часто наиболее видные и авторитетные работники возглавляли советы, а в партийном аппарате работали более молодые, менее опытные, менее авторитетные члены партии. Местами партийные комитеты не обеспечивали достаточного руководства советами. В некоторых организациях заметно было падение партийной дисциплины. Активные работники партии, отдававшие все свои силы советской работе, часто не вели никакой партийной работы, не имели никаких партийных обязанностей. Бывали случаи, когда советские работники не выполняли директив партийных комитетов. Кое-кто даже пытался доказать, что советская работа — это и есть партийная работа, никакой другой партийной работы теперь, в условиях диктатуры пролетариата, и не надо. Все это ослабляло роль партии как руководящей и направляющей силы всей системы диктатуры пролетариата. Создалась опасность ослабления партийного руководства советами. Возникла угроза снижения авангардной роли партии. Между тем невиданная активность масс, небывалый размах и разрушительной и созидательной, творческой работы с особой остротой ставили вопрос о повышении качества внутрипартийной работы, требовали особо напряженной борьбы за повышение самодисциплины и организованности. В дни тяжких испытаний, накануне заключения брестского мира это сказалось с особой силой. Партия сделала отсюда все необходимые выводы.

VII съезд РКП(б), поставивший в порядок дня укрепление обороноспособности страны и поднятие производительности труда, заявил в резолюции, предложенной В. И. Лениным, что «...первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и советской власти Съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России... для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и само-

---

[1] «Правда» № 1 от 16 января 1918 года.

отверженное действие как в будничные, так и особенно в критические моменты жизни народа»[1].

Победа ленинской линии на VII съезде РКП(б) имела огромное значение. Чтобы окончательно упрочить советскую власть, нужно было покончить с войной. Это было достигнуто. Троцкистско-бухаринские провокаторы войны потерпели поражение. Передышка была завоевана. Получив передышку, партия большевиков и советское правительство развернули огромную организационную работу по укреплению диктатуры пролетариата и строительству нового, социалистического общества.

Весной 1918 г. начинается новый этап социалистического строительства — переход «от экспроприации экспроприаторов» к организационному закреплению одержанных побед, к строительству советского народного хозяйства»[2]. Ленин выдвигает лозунг борьбы за всенародный учет и контроль.

Борьбу с мелкобуржуазной стихией, с расхлябанностью и неорганизованностью партия большевиков начинает с приведения в порядок собственных рядов, с укрепления партийных организаций, с оживления всей партийной работы. «Было признано,— говорил Я. М. Свердлов,— что только при сильной партийной организации, при суровой дисциплине можно укрепить работу в других областях»[3].

В мае 1918 г. партия большевиков указала своим членам, что они «должны обратить самое серьезное внимание на партийное строительство»[4].

ЦК РКП(б), обсудив создавшееся в партии положение, вынес 18 мая 1918 г. постановление о том, что «все члены партии, независимо от рода их работы и выполняемых ими функций, обязаны принимать непосредственное участие в партийных организациях и не могут уклоняться от партийных поручений, даваемых соответствующими партийными центрами»[5]. Это решение ЦК напоминает членам партии основные положения § 1 устава, отстаивавшиеся Лениным еще на II съезде.

Чем было вызвано это знаменательное постановление, показывают циркулярные письма ЦК РКП(б) ко всем парторганизациям, ко всем членам партии, опубликованные 22 и 29 мая 1918 года.

Первое из них дает анализ международного и внутреннего положения Советской России и указывает, что Республика советов переживает «крайне критический момент». Острота положения «усугубляется и нашим внутрипартийным состоянием», создавшимся в результате ухода многих активных работников партии на советскую работу, в результате «значительного сближения партийной работы с советской» и притока новых членов партии. Все это привело к понижению боеспособности партийных организаций, к ослаблению сплоченности, организованности и дисциплины в их рядах. Это первое письмо ЦК указывает, что необходимо «самое строгое беспощадное отношение к себе самим, к неурядице, к разброду в наших собственных рядах».

Во втором письме, от 29 мая, ЦК ставит вопрос о кризисе, переживаемом нашей партией. «Этот кризис, — говорится в письме, — очень и очень силен. Лишь при ясном понимании его причин и мер к его ликвидации мы сможем с ним покончить...» «Участились случаи внутренних конфликтов в наших партийных организациях», в частности между фракциями советов и партийными комитетами. «Стройность и цельность партийного аппарата нарушены, нет прежнего единства действий. Дис-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 339.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 210.
[3] Свердлов Я. Избранные статьи и речи 1917—1919, стр. 149. М. 1939.
[4] «Правда» № 99 от 22 мая 1918 года.
[5] Там же.

циплина, столь крепкая всегда в нашей партии, ослабела. Общий упадок партийной работы, распад в организациях безусловны»[1].

Результат упадка партийной работы привел в некоторых промышленных центрах, например в Иваново-Вознесенске, к уменьшению числа членов местной организации РКП(б).

Анализируя причины кризиса партии, ЦК считает, что среди них сыграли известную роль общая разруха, голод и другие трудности. Среди хлынувших в партию новых членов оказалось немало людей, случайно попавших в ее ряды, иногда чуждых ей. «Трудности же переходного периода заставляют эти шаткие слои колебаться, порождают в некоторых из них недоверие к силам партии, к собственным силам... Эти элементы вносят расстройство в сплоченные ряды партии»[2].

С величайшей прямотой поставив вопрос о болезненных явлениях в партии, ЦК указывает путь к оздоровлению парторганизаций, к повышению их боеспособности. Это прежде всего поворот внимания большевистских организаций к партийному строительству.

«В настоящее время, — говорится в письме ЦК от 29 мая 1918 г., — когда государственное устройство на советских началах можно считать до известной степени налаженным, мы можем несколько передвинуть центр тяжести нашей деятельности, передвинуть в партийное строительство. Да и сама советская работа требует от нас создания крепкого, сплоченного партийного организма». Все мероприятия советской власти могут быть проведены лишь путем осуществления суровой диктатуры над буржуазией. «Но диктатура требует от рабочего класса, от нашей партии, как ее авангарда, в первую очередь, крепкой, стройной организации. Вне этого последнего условия железная диктатура, могущая подавить буржуазию, превращается в бумажную. Наша партия должна вновь стать цельной, литой из единого куска. Она должна очиститься от посторонних элементов, вносящих разложение в ее ряды... Пусть партия потеряет в количестве, она выиграет в качестве. Выиграет партия и в силе»[3].

ЦК выражает уверенность, что члены партии не утратили способности к самопожертвованию, что они отдадут все свои силы «на воссоздание мощной, единой волей, единым стремлением скованной партии».

Письмо заканчивается призывом всем взяться дружнее за работу: «Нет члена партии без партийных обязанностей. Нет члена партии, не выполняющего директив партийных центров».

Поворачивая внимание большевистских организаций к вопросам партийного строительства, указывая на необходимость борьбы за чистоту рядов партии, ЦК РКП(б) ставит ряд коренных вопросов строительства большевистской партии после победы Великой социалистической революции, дает отпор тем, кто пытался ослабить партийное руководство советами, растворить партию в беспартийных организациях. ЦК показывает, что борьба за партию-авангард продолжается и после свержения буржуазии, что не следует забывать слова, сказанные Лениным на II съезде РСДРП(б): «Наша задача — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше»[4].

Решение ЦК создало перелом. Большевистские организации приводят в порядок свои ряды, очищаются от чуждых элементов, ведут борьбу за повышение дисциплины, усиливают контроль и руководство государственными органами.

ЦК партии провел ряд организационных мероприятий по усилению партийной работы, командировав на места своих представителей и созвав

[1] «Правда» № 105 от 29 мая 1918 года.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Ленин. Соч. Т. VI, стр. 33.

ряд губернских конференций. Доклады о положении на местах, заслушанные на губернских партконференциях, подтвердили правильность анализа состояния партийной работы, данного в обращении ЦК 29 мая 1918 года. Так например нижегородская губернская конференция констатировала, что «советская работа поглотила почти все наличные активные рабочие силы. Все работники с головой ушли в административно-хозяйственную деятельность по проведению в жизнь мероприятий рабоче-крестьянского правительства, отложив в то же время чисто партийные дела в более или менее долгий ящик»[1].

Избранный конференцией Нижегородский губком во главе с Л. М. Кагановичем в течение нескольких месяцев добился подъема партийной работы и обеспечения необходимого партийного руководства советской работой. Нижегородский губком после решения ЦК 18 мая 1918 г. об усилении партийной работы, по словам Л. М. Кагановича, поставил себе задачу — «не кустарничать, а работать широким размахом»[2].

Для укрепления партийных аппаратов и партийной работы губернский комитет, избранный 19 июня, «счел нужным отозвать 5 партийных работников с ответственных постов и поставить их исключительно на партийную работу»[3]. Такой же крутой перелом в сторону укрепления партийных рядов и оживления внутрипартийной работы наблюдался и во всех других партийных организациях. Значительно повысилась дисциплина, выросли ответственность и активность членов партии, внутрипартийная жизнь стала более оживленной и боевой. Теперь новые и все более сложные задачи, встающие перед страной, решаются не за счет ослабления внутрипартийной работы, а именно на основе ее усиления и развертывания.

Период гражданской войны не мог не отразиться на строительстве большевистской партии. Страна превратилась в вооруженный лагерь. В центре внимания партии стало создание регулярной Красной Армии, помощь фронту. С июля 1918 г. партия начинает широко практиковать мобилизацию своих членов на фронт. Первая же мобилизация на чехословацкий фронт, в июле 1918 г., охватывает 20% членов партии. За три месяца (июль, август, сентябрь 1918 г.) московская организация РКП(б) провела три мобилизации. На пленуме Моссовета 30 октября 1918 г. секретарь МК РКП(б) тов. Загорский сообщил, что третья мобилизация коммунистов на фронт прошла с необыкновенным подъемом. Коммунисты цементируют и воодушевляют молодые части Красной Армии, которая начинает одерживать одну победу за другой: в течение сентября — октября были освобождены от чехословаков и белогвардейцев Казань, Симбирск, Самара, Бугульма, Бугуруслан.

Военное поражение германского империализма, свержение Гогенцоллернов и Габсбургов, возникновение советов рабочих и солдатских депутатов в центре Европы, освобождение Красной Армией белорусского, литовского, латышского, эстонского народов, переход власти к советам в ряде районов Украины — все это было триумфом политики партии Ленина—Сталина. Но большевистская партия знала, что впереди новые тяжелые и упорные бои с антантовскими империалистами и белогвардейцами. «Страна готовилась к длительной и серьезной гражданской войне с внешними и внутренними врагами советской власти»[4].

В этих условиях партия особое внимание уделяет борьбе с местническими и областническими тенденциями, об опасности которых И. В. Сталин предупреждал еще в январе 1918 года. Я. М. Свердлов в своем

---

[1] «Правда» № 132 от 30 июня 1918 года.
[2] Стенографический отчет V нижегородской губернской конференции РКП(б), стр. 62.
[3] Там же.
[4] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 219.

выступлении на фракции коммунистов II всероссийского съезда профессиональных союзов (январь 1919 г.) указал на игнорирование директив ЦК партии и советского правительства некоторыми местными органами, которые «ведут свою, местную политику»[1]. Бухаринцы и троцкисты стремились ослабить централизм советского государства, помешать осуществлению принципа демократического централизма в партии. На I съезде КП(б) Украины (июль 1918 г.) они пытались противопоставить украинские организации Центральному Комитету РКП(б). Но их домогательства получили должный отпор, и КП(б) Украины признала себя составной частью РКП(б). VIII съезд РКП(б) в своей резолюции установил, что «необходимо существование единой централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР»[2].

Накануне VIII съезда и на самом съезде антипартийная группа «децистов» (Сапронов, Осинский и др.) выступила в защиту местничества и областничества, против абсолютно необходимых мер по усилению централизма советского государства. В тот момент, когда требовалось усиление централизма для сосредоточения всех сил и мобилизации всех скудных ресурсов в интересах обороны страны, когда давала себя чувствовать именно недостаточность централизма, «децисты» демагогически выступали в защиту «мест», против «центра», обвиняли ЦК партии и СНК в проведении «бюрократического централизма». По сути дела, они выступали как защитники кулаков и спекулянтов, как защитники анархо-бандитской махновщины.

Обстановка осажденного лагеря требовала свертывания коллегиальных органов партийной организации. Около половины членов партии в 1919 г. находилось в рядах Красной Армии, где с конца 1918 г. были созданы политотделы. В гражданских парторганизациях РКП(б) внутрипартийная демократия была ограничена, а методы партийной работы к началу 1919 г. начинают все более тяготеть «к системе боевых приказов, которые давались руководящими партийными учреждениями и которые беспрекословно выполнялись без обсуждения рядовыми членами партии»[3].

В ответ на это «децисты» демагогически обвиняли ЦК в бюрократизме, требовали демократии во что бы то ни стало, повторяли те же аргументы, которые в свое время выдвигали против Ленина и ленинцев сначала экономисты, потом меньшевики. Борьба большевистской партии за ликвидацию капитулянтской группы «децистов», пытавшихся реставрировать буржуазную демократию и превратить боевые органы партии в парламент, была, по сути дела, продолжением борьбы за ликвидацию меньшевизма.

Конкретная историческая обстановка периода гражданской войны выдвинула на первый план задачу—победить интервентов и белогвардейцев. Эта задача требовала все подчинить интересам обороны страны. В этих условиях наиболее целесообразной организационной формой была милитаризация партийной организации. На смену «митинговому демократизму» периода триумфального шествия пришла суровая дисциплина и крайний организационный централизм, необходимые в условиях осажденной крепости. Партия сумела выработать те формы организации, те методы партийной работы, которые обеспечили победу над врагом и укрепление диктатуры пролетариата.

---

[1] Свердлов Я. Избранные статьи и речи, стр. 151.

[2] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 313.

[3] Там же, стр. 366.

Строительство партии нового типа в условиях первых лет диктатуры пролетариата

Накануне октябрьского штурма, на VI съезде партия большевиков в дополнение к § 1 включила в свой устав новый параграф (§ 2) — об условиях приема в партию. «Новые члены,— гласил он,— принимаются местными партийными организациями по рекомендации двух членов партии и утверждаются ближайшим общим собранием членов организации»[1]. В этот момент партия была на полулегальном положении, а своего вождя — В. И. Ленина — она должна была укрывать в глубоком подполье.

Превращение партии большевиков в правящую партию увеличило опасность наплыва в ее ряды не только случайных, но и шкурнических элементов, стремящихся использовать свое пребывание в партии для получения «теплых местечек» в государственном аппарате. Упоенные победами периода триумфального шествия советской власти, многие парторганизации нарушали требования § 2 партийного устава, принятого VI съездом РСДРП(б). Иногда дело доходило до того, что производилась «запись» в члены партии чуть ли не всех желающих, «без всякого разбора и без всяких рекомендаций»[2].

Обращение ЦК РКП(б) от 29 мая 1918 г. показывает, что в связи с банкротством буржуазных и мелкобуржуазных партий и ростом популярности большевиков «в нашу партию влилось много элементов чуждых ей по своему классовому положению, своей психологии, элементов малоподготовленных для восприятия пролетарского миросозерцания, пролетарской дисциплинированности и способности к стройной организации... Трудности же переходного периода заставляют эти шаткие слои колебаться, порождают в некоторых из них недоверие к силам партии, к собственным силам... Эти элементы вносят расстройство в сплоченные ряды партии»[3].

Эти шатающиеся мелкобуржуазные элементы нередко подпадали под влияние троцкистско-бухаринских провокаторов. Под прикрытием «левых» фраз вели они свою подрывную работу внутри партии. «Левые коммунисты» после VII съезда РКП(б) боролись против введения учета и контроля, пытались сорвать мероприятия партии и правительства по наведению социалистического порядка в народном хозяйстве. Спекулируя на трудностях, демагогически критикуя политику мира советского правительства, они пытались вселить неверие в силы рабочего класса, в возможность победы социализма в нашей стране.

Эти чуждые и враждебные элементы стремились внести в партию разброд, шатания, ослабить ее железную дисциплину, они пытались подорвать основы диктатуры пролетариата и реставрировать капитализм.

Перед партией встала двуединая задача: 1) очистить свои ряды от случайных, чуждых и враждебных элементов, 2) организовать прием в члены партии так, чтобы воспрепятствовать проникновению таких элементов в большевистские организации.

Очищению партии от шкурников и трусов способствовали и партийные мобилизации и суровые требования партии к своим членам (железная дисциплина, самоотверженная работа на производстве, обязательное прохождение военного обучения и т. п.).

Постановление ЦК от 18 мая было вынесено в напряженной обстановке. Чехословацкий мятеж, волна кулацких восстаний, заговоры и контрреволюционные мятежи, суживающееся кольцо фронтов — все это

[1] «ВКП(б) в резолюциях...» Ч. 1-я, стр. 266.
[2] «Правда» № 160 от 1 августа 1918 года.
[3] «Правда» № 105 от 29 мая 1918 года.

заставляло партию держать своих членов в состоянии мобилизационной готовности.

В прифронтовой полосе партийные комитеты иногда всех своих членов ставят под ружье. Одни из них идут на фронт, другие несут караульную службу в своем городе. Все это способствовало тому, что пришедшие в партию из корыстных побуждений спешили покинуть ее. Многие из них были исключены в эти дни суровых испытаний.

Летом 1918 г. партия для очищения и укрепления своих рядов прибегла к перерегистрации своих членов. Одно из первых сообщений об этом относится к началу июня. В Москве, в Рогожском районе, говорится в этом сообщении, перерегистрация дает хорошие результаты [1]. К началу июня в районе партийная работа заметно оживилась. В вологодской организации 15 июня началась перерегистрация. «Все прежние партийные билеты объявлены недействительными» [2]. Были случаи роспуска местных организаций. Так, по инициативе местного комитета партии была распущена бежецкая организация (Орловской губ.). 13 июля 1918 г. было решено приступить «к созданию новой организации, что в данное время и начинает проводиться в жизнь со строгим соблюдением партийной дисциплины. Вступающие принимаются не иначе как только по рекомендации двух официальных членов партии» [3].

В другом рабочем центре — Кохме (Иваново-Вознесенской губ.) — «перерегистрацией членов партии были удалены все нежелательные и дряблые элементы... В настоящее время прием новых членов производится с большой осторожностью, и строго выполняются постановления ЦК» [4].

Во многих парторганизациях в помощь партийным комитетам были созданы «суды чести» и «партийные суды». В московской организации «суд чести» 24 мая 1918 г. опубликовал свое решение об исключении за «сознательное и тяжелое нарушение партэтики» члена партии, использовавшего свое положение для получения от администрации предприятия незаконного вознаграждения. Чаще всего были случаи исключения за нарушение партийной дисциплины: за неявку на занятия по военному обучению, уклонение от партийной мобилизации, непосещение партийных собраний, неуплату членских взносов. Списки исключенных обычно публиковались в газетах (позже — в «Известиях ЦК РКП(б)»). Партийные суды создавались иногда и при первичных организациях. Тогда их решение утверждалось укомом или райкомом РКП(б). Партийные суды существовали в течение 1919 г. и в первой половине 1920 года [5]. В сентябре 1920 г. было вынесено решение IX всероссийской партконференцией о создании контрольных комиссий [6].

Решение ЦК РКП(б) от 18 мая и развернувшаяся вслед за ним борьба за укрепление рядов партии выправили положение и с приемом в партию. Теперь большевистские организации не только уделяли особое внимание проведению в жизнь решений VI съезда о необходимости двух рекомендаций, но и выдвигали требование определенного стажа пребывания в партии для рекомендующих. Это видно из следующего сообщения: «С целью очистить партию от нежелательных элементов Москов-

---

[1] См. «Правду» № 115 от 9 июня 1918 года.
[2] «Правда» № 145 от 14 июля 1918 года.
[3] «Правда» № 161 от 2 августа 1918 года.
[4] «Правда» № 145 от 14 июля 1918 года.
[5] В выпущенной в 1920 г. организационной схеме костромской организации РКП(б) (Кострома. 1920. 15 стр.) говорится: «Партийный суд избирается комитетом и действует согласно указаний центра и инструкций»
[6] Летом 1918 г. в царицынской организации РКП(б) была создана контрольная комиссия, которая должна была следить, чтобы партийная дисциплина соблюдалась как в советских организациях, так и в партийных ячейках («Правда» № 161 от 2 августа 1918 года).

ский комитет РКП предписал всем районным комитетам принимать новых членов только по рекомендациям в каждом случае двух товарищей, состоящих членами партии в течение времени не менее полугода»[1].

В некоторых других организациях стаж рекомендующих был установлен не менее 3 месяцев.

Одновременно вводится своеобразный кандидатский стаж. «Правда» от 14 июля ставит широко вопрос о необходимости для кандидатов «партийного карантина», введенного уже рядом партийных организаций. Поддерживая эту инициативу местных партийных организаций, «Правда» пишет: «Боязнь нездорового разбухания партии заставляет совершенно основательно местные организации подвергнуть неофитов некоторому искусу»[2].

К числу наиболее ранних из найденных нами документов, где имеется упоминание о кандидатах, относится «Инструкция, принятая конференцией РКП(б) в Н.-Новгороде 25 февраля 1918 года». В этом документе, принятом III нижегородской губернской партконференцией, имеется следующее место: «Запись кандидатов в члены партии производится лишь по рекомендации 2-х членов местной организации, а окончательное утверждение и принятие членов происходит на общих собраниях членов партии данного района».

Пункт этот сформулирован недостаточно ясно. Слово «кандидат» здесь, очевидно, не имеет того смысла, который мы вкладываем теперь, в современной практике приема в партию. Следует обратить внимание на то, что здесь речь идет: 1) о необходимости рекомендаций, 2) «запись» в кандидаты не совпадает «с окончательным утверждением». Как выглядел на практике этот своеобразный «кандидатский стаж», можно судить по выступлению на V нижегородской губернской партконференции (октябрь 1918 г.) делегата от ардатовской организации, который говорил: «Граждане, желающие вступить в члены партии, подают заявления при рекомендации двух товарищей, которые работали не менее трех месяцев. Для осведомления об этих кандидатах объявления о желании вступить в партию расклеиваются по улицам в течение двух недель, и, если за это время не поступает никаких протестов, комитет партии ходатайствует об утверждении этих кандидатов и затем делает им испытания в течение месяца. Только после этого стажа они делаются членами партии, а пробыв в организации не менее трех месяцев, могут уже сами рекомендовать других кандидатов, т. е. равноправными членами партии могут быть через 4 месяца»[3].

Судя по этому выступлению, в ардатовской организации были 3 категории: 1) кандидаты, 2) члены партии со стажем менее 3 месяцев, 3) полноправные члены партии, имеющие право рекомендации. Едва ли это типично для партийной практики того времени. Предварительная публикация (обычно в газете) фамилий вступающих в партию была широко распространена в то время. «Правда» 2 августа сообщает, что «в последнее время в некоторых местах, помимо «чистки»... принято печатать списки кандидатов, т. е. лиц, желающих вступить в организацию... причем товарищей, имеющих сказать что-либо против принятия упоминаемых в списке лиц, просят подавать заявления в партийный комитет»[4].

В ржевской организации РКП(б) существовала практика утверждать кандидата «действительным членом», «если в течение трех недель

---

[1] «Правда» № 132 от 30 июня 1918 года.

[2] «Правда» № 145 от 14 июля 1918 года.

[3] Стенографический отчет V нижегородской губернской конференции РКП(б), стр. 10.

[4] «Правда» № 161 от 2 августа 1918 года.

со дня объявления в газете член партии не предъявит мотивированного отвода кандидата»[1].

Приведенный материал не дает ясного представления об «искусе» для «неофитов», о котором писала в июне 1918 г. «Правда». Трудно назвать кандидатским стажем те 2—3 недели[2], в течение которых партийная организация не разбирала вопроса о приеме в партию, ожидая возможных отводов после опубликования списка желающих вступить в партию. Упоминаемое в протоколах V нижегородской партконференции «испытание в течение месяца» является, собственно, кандидатским стажем. К концу 1918 г. уже можно говорить о существовании института кандидатов, с которыми в некоторых организациях велась воспитательная работа[3]. А в конце 1919 г. в уставе РКП(б), принятом VIII партконференцией, кандидатский стаж становится партийным законом. Продолжительность стажа для рабочих и крестьян установлена в 2 месяца, для выходцев из непролетарской среды — в 6 месяцев. При вступлении в кандидаты должны быть представлены 2 рекомендации членов партии со стажем не менее 6 месяцев[4].

Наряду с институтом кандидатов РКП(б) в то время существовала категория сочувствующих. В письмах в ЦК конца 1917 г. и первых месяцев 1918 г. встречаются упоминания о сочувствующих. Сведений об особых организациях сочувствующих в начале 1918 г. мы не встречали. 22 августа 1918 г. Московский комитет РКП(б) опубликовал проект устава организации сочувствующих. Этот устав говорит о группах сочувствующих, в которые входят «все, кто поддерживает РКП(б) в ее борьбе за освобождение пролетариата и всего трудового народа от политического и экономического рабства». Для приема в сочувствующие необходима была рекомендация одного члена партии и одного сочувствующего. Сочувствующие обязаны выполнять все решения партийных организаций. Они имеют право решающего голоса при решении парторганизацией вопросов местного характера[5].

Решение ЦК РКП(б) от 18 мая повернуло внимание партийных организаций также и в сторону воспитательной работы с членами партии. В начале июня в Екатеринбурге состоялся выпуск окончивших партийную школу[6]. 19 июня на делегатском собрании коллективов РКП(б) Выборгского района в Петрограде было вынесено решение, обязывающее всех членов партии «для обучения политической грамоте» посещать лекции, устраиваемые райкомом РКП(б)[7].

В июле 1918 г. в петроградской организации обсуждался вопрос о создании партийных школ. По этому вопросу собрание районных организаторов при ЦК РКП(б) постановило: «1) начать немедленно подготовительную работу по организации партийных школ. Школы должны быть первоначального типа, 2) разработать программу». В нее должно «входить детальное изучение программы коммунистической партии, истории партии и интернационала»[8]. К моменту совещания уже существовали партшколы в Выборгском, Василеостровском и 1-м городском райо-

---

[1] «Правда» № 161 от 2 августа 1918 года.

[2] Иногда (например в Костроме летом 1918 г.) список кандидатур для приема в члены партии печатался за два—три дня до общего собрания организации РКП(б), которое должно было обсуждать вопрос о приеме в партию указанных в списке лиц.

[3] В сентябре 1918 г. в сообщении агитатора, посетившего ореховозуевскую организацию РКП(б), говорится, что там «существует институт кандидатов, среди которых ведется подготовительная работа» («Правда» № 202 от 20 сентября 1918 года).

[4] См. «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 326.

[5] См. «Правду» №№ 178 и 187 за 1918 год.

[6] См. «Правду» № 117 от 12 июня.

[7] См. «Петроградскую правду» № 152 от 18 июля 1918 года.

[8] Там же.

нах и была выработана Петроградским комитетом РКП(б) программа для партшкол (опубликована 18 июля 1918 г.).

Партийные школы не только способствовали повышению идейно-политического уровня членов партии, но и давали партии возможность подготовлять новые кадры пропагандистов и агитаторов. Забота о пополнении рядов пропагандистов и агитаторов сказывается в решении смоленской организации РКП(б) о созыве еженедельных совещаний членов партии, прослушавших цикл лекций в партийной школе, с целью выработки из них новых пропагандистов и агитаторов[1].

В деле воспитания членов партии и выращивания актива все большее значение приобретают общие собрания партийных организаций. Некоторые комитеты выделяют специальный день для партработы. Так, в смоленской организации было вынесено в конце 1918 г. решение о выделении одного дня в неделю только для партийной работы. В этот день не должно быть никаких собраний и заседаний, кроме партийных, и все партийные работники должны находиться в распоряжении партийного комитета[2].

Все эти мероприятия по усилению партийно-воспитательной работы и вооружению членов партии, особенно новых ее членов, революционной теорией способствовали повышению авангардной роли коммунистов.

Так в условиях рассматриваемого периода складывались те формы организации и методы партработы, которые впоследствии вошли прочно в практику партии.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции партия выступает в роли «направляющей силы», а массовые беспартийные организации рабочих и крестьян становятся «приводами» или «рычагами», без помощи которых невозможно осуществление диктатуры пролетариата.

Ленин в 1920 г. писал о том, что к этому времени сложился «формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский, аппарат, посредством которого партия тесно связана с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса»[3].

Особое значение среди массовых организаций, тесно связанных с партией, имели союзы рабочей молодежи, к концу 1918 г. сформировавшиеся в Российский коммунистический союз молодежи. И в дни октябрьского штурма и в дни борьбы с белогвардейцами и интервентами в первых рядах бойцов за советскую власть шла рабочая молодежь. Комсомольцы давали прекрасное пополнение рядов партии. «Юношество — наш верный помощник в настоящем и наша надежда в будущем»[4],— писал в ноябре 1918 г. Я. М. Свердлов, давая от имени ЦК РКП(б) указание местным организациям партии о необходимости поддержки организаций РКСМ и участия в создании их.

Октябрьская революция призвала к активному участию в строительстве нового, социалистического общества трудящихся женщин. В момент напряженной борьбы за существование Советской республики партия большевиков привлекала все новые и новые силы из рядов женщин-работниц, взявших почти целиком в свои руки ясли и детские сады, обслуживавших раненых и больных красноармейцев, организовавших посылку подарков на фронт, наводивших чистоту в казармах, обшивавших красноармейцев и участвовавших в контроле над работой органов здравоохранения, народного образования, продовольствия и общественного питания. Вскоре после I всероссийского совещания работниц в ноябре

[1] См. Архив ИМЭЛ, ф. V, д. № 64-а, л. 92.
[2] Там же.
[3] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 192.
[4] Свердлов Я. Избранные статьи и речи, стр. 142—143.

1918 г. Я. М. Свердлов предложил от имени ЦК РКП(б) губернским и местным комитетам РКП(б) «выделить особые комиссии по пропаганде и агитации среди работниц» [1]. Вскоре было создано бюро по работе среди женщин при ЦК РКП(б), а в сентябре 1919 г. был создан при ЦК РКП(б) отдел по работе среди женщин. В это время регулярно работали женские делегатские собрания. Местами существовали особые организации женщин-работниц.

В первые месяцы существования советской власти перед коммунистами, работающими в профсоюзах, встал вопрос о включении профсоюзов в творческую работу по строительству советского государства, в первую очередь его хозяйственных органов. Меньшевики пытались и в советских профсоюзных организациях отстаивать оппортунистическую теорию «нейтральности», «независимости» их, т. е. независимости от пролетариата и его партии и зависимости от буржуазии. Они пытались противопоставить профсоюзы хозяйственным органам советского государства. Такова была их линия и на I съезде профсоюзов (январь 1918 г.).

Вскоре после съезда в печати появилось обращение большевиков — работников ЦК профсоюза кожевников — о необходимости большевикам «объединиться в крепкие фракции», создаваемые и в районных отделах союза, чтобы наладить дружную работу профсоюзов с советами вопреки усилиям меньшевиков [2].

Разумеется, большевистские группы или фракции в отдельных, хотя и далеко не во всех, беспартийных организациях существовали и до установления советской власти. Значение этого обращения коммунистов-кожевников заключается в том, что оно ставит вопрос о разветвленной, охватывающей все звенья профсоюзной организации, системе партийных групп (вплоть до низовых организаций).

Но даже полгода спустя, в августе 1918 г., по свидетельству «Правды», фракции коммунистов были созданы еще не во всех профессиональных союзах. Обращая внимание на это, «Правда» писала: «Первейшей задачей коммунистов, членов союзов, не имеющих ячеек, является создание партийных групп, помогающих укрепить политическую жизнь союзов» [3].

То же самое можно сказать и про фракции советов. Система руководства партийных комитетов через фракции или партийные группы в выборных организациях и ячейки в невыборных органах советов сложилась не сразу. В первые месяцы существования советской власти партийные организации еще искали путей осуществления руководства и контроля государственными органами.

Например на партийной конференции большевиков Таврической губернии очень много времени и внимания было уделено вопросу о контроле над деятельностью членов партии, работающих в советах. Конференция рекомендовала всем партийным организациям ввести у себя систематические отчеты членов партии, работающих в советских органах, по примеру севастопольской организации, где такие отчеты заслушивались на партийных собраниях еженедельно.

Такое же положение существовало в уфимской организации большевиков, где члены партии, работающие в советах, отчитывались «в своей работе на партийных собраниях» [4].

Заслушивание на партийных собраниях еженедельных отчетов членов партии, работающих в советах, являлось, конечно, несовершенной формой партийного руководства советами, особенно когда речь шла о повседневном руководстве государственными органами.

---

[1] Свердлов Я. Избранные статьи и речи, стр. 145.
[2] См. газету «Социал-демократ» № 23 от 31 января 1918 года (ст. ст.). Москва.
[3] «Правда» № 183 от 28 августа 1918 года.
[4] «Правда» № 102 от 25 мая 1918 года.

Но даже во второй половине 1918 г. не везде еще сложилась система партийного руководства советами и рабочими организациями через коммунистические фракции и ячейки. Об этом свидетельствует сообщение в «Правде» 3 августа о том, что по примеру московской и петроградской организаций РКП(б) Царицынский комитет РКП(б) постановил: «Все члены партии в выборных государственных и рабочих организациях обязываются объединяться во фракции, а во всех невыборных организациях члены партии обязаны объединяться в ячейки» [1].

Следовательно, даже в июле и начале августа 1918 г. партийные комитеты таких передовых организаций, как московская, петроградская, царицынская, лишь устанавливали те формы руководства партии «приводными» ремнями, которые нам сейчас кажутся такими элементарно простыми, прочно вошедшими в практику.

Создание коммунистических фракций в советах усилило партийное руководство ими, установило правильное отношение между парторганизациями и советами, ликвидировало возникшие кое-где трения между работниками советов и партийных аппаратов. Характерно в этом отношении письмо в ЦК РКП(б) из архангельской организации РКП(б) от 18 июля 1918 года. В письме рассказывается, как организация добилась того, что трения между коммунистическими фракциями губернского исполкома и городского совета и губкомом были устранены. Одной из причин этих трений было то, что наиболее сильные работники, посвятившие себя советской работе, были оторваны от партработы, от руководства парторганизацией. После решения ЦК от 18 мая они были кооптированы в состав губкома. «Так как в комитете партии теперь были собраны «лучшие силы», то, естественно, обсуждение всех вопросов здесь носит более интересный и в то же время серьезно деловой характер, так что советские работники стали даже предпочитать предварительное обсуждение вопросов в комитете партии обсуждению в толчее пленарных заседаний исполкома и с охотой несут все вопросы на решение комитета» [2].

В конце 1918 г. ряд конференций РКП(б) подвел первые итоги своего опыта в деле руководства советами. Так, костромской губернский съезд РКП(б) в своей резолюции записал, что «советы должны быть строго и безусловно подчинены вождю рабочего класса — Российской коммунистической партии. Подчинение советов партии должно быть идейным... Партийные организации должны давать советам, как органам власти и управления, лишь общие принципиальные указания и общее направление работы» [3].

Так создавались правильные взаимоотношения между партийными комитетами и фракциями советов, складывались формы руководства партии советами.

В конце 1918 г., накануне VIII съезда РКП(б), в московской организации антипартийная группа Сапронова выступила с демагогическим заявлением, что она против «опеки» партийными комитетами фракций советов, что она (эта группа) стоит за «независимость» советов от партийных комитетов. Эта линия капитулянтской группки Сапронова (позднее — «децистов») на ослабление партийного руководства советами была, по сути дела, выражением стремления буржуазии свести на-нет роль советов (под лозунгом «Советы без коммунистов») и реставрировать буржуазную демократию.

VIII съезд РКП(б) дал отпор «децистам» и подтвердил своим решением абсолютную необходимость образования в советских организациях «партийных фракций, строжайше подчиняющихся партийной дисципли-

---

[1] «Правда» № 162 от 3 августа 1918 года.
[2] «Петроградская правда» № 160 от 28 июня 1918 года.
[3] «Северный рабочий» № 345 от 19 сентября 1918 года. Кострома.

не»[1]. В то же время съезд предупредил партийные организации, что «смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в каком случае не следует. Такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их»[2].

Большевистская партия, будучи высшей формой классового объединения пролетариата, должна объединять, направлять деятельность всех массовых организаций к одной цели — к построению социализма. Будучи «ядром власти», основной руководящей силой в системе диктатуры пролетариата, она осуществляет диктатуру пролетариата «...не непосредственно, а при помощи профсоюзов, через советы и их разветвления»[3].

В основу строительства партии в условиях диктатуры пролетариата, в основу ее взаимоотношений с советами и другими массовыми организациями легло учение Маркса—Энгельса о пролетарской партии, развитое и обогащенное Лениным и Сталиным.

Партийно-политическая работа и партийное строительство в деревне до VIII съезда РКП(б) (ноябрь 1917 г.— март 1919 г.)

На своем опыте борьбы за землю в 1917 г. трудящееся крестьянство убедилось в правоте большевиков и начало понимать, что за «друзья народа» — эсеры, пытавшиеся спасти помещичье землевладение.

Происходивший в начале декабря 1917 г. крестьянский съезд показал, сколь велико влияние большевиков в деревне. «Левые» эсеры пытались сохранить свое влияние на крестьянство путем блока с большевиками, но их провокаторская политика в связи с заключением брестского мира, откровенно кулацкая ненависть их к комбедам и продотрядам и, наконец, их открытое контрреволюционное выступление 6—7 июля 1918 г. разоблачили полностью их кулацкую сущность, лишили их всякой опоры в массах трудового крестьянства.

Организация комитетов бедноты являлась дальнейшим этапом в развертывании социалистической революции в деревне. Она открыла новую полосу в партийно-политической работе и в партийном строительстве в деревне. За время с установления советской власти и до VIII съезда РКП(б) можно наметить 3 этапа в партийно-политической работе в деревне примерно в следующих хронологических рамках: 1) с ноября 1917 г. по май 1918 г.; 2) с мая 1918 г. до ноября 1918 г. — с начала похода рабочих в деревню до VI съезда советов; 3) с ноября 1918 г. до марта 1919 г. — с VI съезда советов до VIII съезда РКП(б).

Для первого этапа характерна политическая работа в деревне большевиков-одиночек из местных крестьян, солдат или рабочих. Немалую роль в деле укрепления влияния большевиков в деревне сыграли агитаторы, посылавшиеся Военно-революционным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, ВЦИК, местными советами. Большевистские организации городов, рабочих поселков, железнодорожных станций в первые месяцы советской власти не только выделяют своих членов для агитационной и организационной работы в деревне, для проведения в жизнь декрета о земле, но и создают сельские и станичные партийные организации. О создании в селах партийных ячеек сообщает ЦК РСДРП(б) партийный комитет большевистской организации г. Орши в письме, опубликованном в «Правде» в начале января

[1] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 315.
[2] Там же.
[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 121. 11-е изд.

1918 года. Эти факты, однако, нетипичны для всей территории республики. Организация большевистских ячеек в деревне приобретает широкий размах лишь в связи с походом рабочих в деревню и развитием комбедовского движения, т. е. весной и летом 1918 года.

Деревенские коммунисты на этом первом этапе развертывали партийно-политическую работу в деревне вокруг раздела земли, создания советских органов и организации отпора контрреволюции. Характерна для этого периода резолюция, вынесенная 23 ноября 1917 г. рыканской сельской ячейкой (именующей себя «Рыканской сельской партией большевиков») Усманского уезда, Воронежской губернии. В ней намечались такие задачи: «реквизировать хлеб у помещиков и богатых крестьян, не останавливаясь ни перед чем», и «всю землю взять на учет и распределение земельных комитетов и самого народа»[1].

Большевистские ячейки в эти первые месяцы существования советской власти были в деревне еще редким явлением. Они часто не были связаны между собою в пределах уезда, не имели выборного уездного комитета, иногда не были связаны и с большевистской организацией уездного города. Организаторы партийной работы в деревне нередко обращались непосредственно в ЦК РСДРП(б) с просьбой прислать партийную литературу, культурные силы, помочь наладить курсы агитаторов и т. п.

Весна 1918 г. принесла великие перемены в жизни советской деревни. К этому времени в деревню вернулось немало солдат-фронтовиков, сочувствующих большевикам. В мае начинается «крестовый поход» рабочих в деревню. Вместо отдельных рабочих, приехавших по своей инициативе на родину, или агитаторов-одиночек в деревне появляются десятки тысяч лучших, проверенных рабочих Петрограда и других пролетарских центров, по зову Ленина двинувшихся на борьбу с кулачеством, на помощь деревенской бедноте. Эти отборные пролетарские отряды встречают помощь и поддержку со стороны деревенской бедноты, кое-где организующей уже свои союзы или комитеты. Ленинская директива об организации деревенской бедноты, нашедшая свое воплощение в декрете СНК от 11 июня 1918 г., направила это массовое движение на верный путь. Большевистская партия возглавила это движение.

В помощь застрельщикам комбедовского движения — большевикам из числа вернувшихся с фронта солдат и крестьян-бедняков — партия посылает в деревню своих членов — передовых рабочих. Крупнейшие пролетарские парторганизации формируют коммунистические отряды, посылаемые в деревню. Так, Нижегородский губком РКП(б) летом 1918 г. сформировал три таких отряда. В каждой деревне такой отряд проводил митинг, организовывал комбед, в ряде волостей нижегородские коммунисты провели волостные съезды советов, в некоторых из них были переизбраны советы.

«Петроградская правда», призывая коммунистов записываться в продотряды, сообщала, что отряд, в котором были коммунисты, собрал хлеба в 5 раз больше чем остальные отряды, действовавшие в этом же районе[2]. Через несколько дней после издания декрета об организации комитетов бедноты собрание коммунистов Твери вынесло решение о создании «примерного реквизиционно-учетного отряда имени тверской организации РКП(б)»[3]. Коммунисты города помогали организоваться деревенским большевикам.

Первые месяцы комбедовского движения были месяцами невиданного подъема организационной работы и строительства большевистских ячеек в деревне. «Правда» от 30 июня 1918 г. сообщает, что «подъем

[1] Архив ИМЭЛ, ф. V, д. № А-73, л. 169.
[2] См. «Петроградскую правду» № 198 за 1918 год.
[3] «Комитеты бедноты Московской области», стр. 158.

организационного строительства охватил все деревни республики совершенно стихийно, произвольно, помимо инициативы городских организаций» [1].

Разумеется, о стихийности здесь говорить можно лишь условно. Этот подъем был прямым результатом похода рабочих в деревню и пробуждения деревенской бедноты. Он был результатом гениальной ленинско-сталинской политики большевистской партии. Отличительной чертой его была инициатива снизу, из самой деревни, где создавались партийные организации иногда помимо местных городских организаций. В деревне создана была благоприятная почва для роста сил большевистской партии. Теперь уже нередко большевистские ячейки создаются во всех или почти во всех волостях уезда. Так, в Чембарском уезде, Пензенской губернии, коммунистические ячейки к концу июня 1918 г. были созданы в большинстве волостей. Выросла мощная уездная организация в 800 членов [2]. Уездные организации РКП(б) летом 1918 г., как правило, еще не оформились, не выбрали своих уездных комитетов. Бывали случаи, когда только что возникшая деревенская ячейка «спешит зарегистрироваться в ЦК» [3].

Решение о создании коммунистической ячейки иногда выносилось на собрании граждан деревни или станицы. Например в деревне Лаврове, Клинского уезда, Московской губернии, на общем собрании граждан «было постановлено организовать ячейку коммунистической партии, в состав которой вошли 11 человек. Из числа записавшихся был избран комитет» [4].

Интересна инструкция фракции коммунистов-большевиков Могилевского губисполкома по организации партийных ячеек в деревне. Она рекомендует посланному в деревню агитатору-организатору сначала узнать, есть ли в этом селе «члены партии с партийными билетами, если нет — расспросить, есть ли бывшие матросы, солдаты, рабочие большевики... Собрать при помощи найденных товарищей всех коммунистов и беднейших крестьян... На этом собрании назначить одного или двух из самых преданных ответственным руководителем созданной партийной ячейки» [5].

Сельские ячейки ведут напряженную работу. Они организуют и просвещают бедноту, ведут борьбу с кулачеством. Члены ячейки должны быть готовы в любую минуту взяться за оружие для борьбы с белобандитами, они помогают проведению в жизнь советских законов и укреплению советской власти в деревне, заботятся об учете урожая, помогают выявлению скрытых излишков хлеба, ведут агитационную работу, читают газеты и разъясняют «текущие события с коммунистической точки зрения» [6].

Разобщенные, затерянные в многомиллионной массе крестьянства деревенские ячейки ведут огромную работу. «Правда», освещая опыт партийного строительства в деревне летом 1918 г., пишет: «Создание коммунистических ячеек используется в первую голову для развития и организации советской работы, экономического строительства». Сельские ячейки, являющиеся «душой всей огромной работы социалистического строительства, проделываемой теперь деревней,— разбросаны пока в бессистемном, случайном порядке, но все более и более они выливаются в форму централизованных по уездам, а в иных случаях и по губерниям организаций. Эта работа централизации идет сверху и снизу» [7].

---

[1] «Правда» № 132 от 30 июня 1918 года.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] «Правда» № 119 от 15 июня 1918 года.
[7] «Правда» № 158 от 30 июля 1918 года.

Уездные партийные конференции, на которых были созданы уездные комитеты РКП(б), проходили во второй половине 1918 г., главным образом осенью. Так, в Нижегородской губернии, в Павловском уезде, уком РКП(б) был избран партконференцией 18 июля, в Ардатовском — 29 сентября, в Васильсурском — 13 октября[1]. До создания уездного комитета его функции частично выполнял комитет большевистской организации уездного города. Характерно, что в Западной области и в сентябре еще не везде были созданы уездные комитеты. Так, в резолюции V западной областной конференции РКП(б) 2—4 сентября 1918 г. говорится: «До образования уездных комитетов городской комитет приобретает права уездного»[2].

Бывали случаи, когда коммунистов уезда объединяла коммунистическая фракция совета уездного города. Заслуживает внимания письмо петербургского рабочего-большевика, командированного в провинцию и направленного 27 июля 1918 г. Тамбовским губкомом РКП(б) в Усманский уезд для создания там комбедов и партийных ячеек. В Усмани, как сообщает письмо, он не нашел ни уездного, ни городского комитета партии и поставил вопрос о создании уездной организации РКП(б) на заседании исполкома совета, где пытался доказать, что исполком не имеет возможности вести одновременно свою работу и работу бюро уездного комитета РКП(б).

Предложение его о создании партийной организации в Усмани было отвергнуто. Ему и его товарищам было предложено агитировать «по городу и желающих вступить в партию направлять в исполком»[3]. Особенно любопытно, что в Усмани почти за 2 месяца до того, 2 июня 1918 г., был уездный съезд РКП(б), созванный и проведенный председателем уездного исполкома. Съехавшиеся на этот съезд 100 деревенских коммунистов и сочувствующих вынесли резолюцию о задачах большевиков в деревне. Эта резолюция обязывает, между прочим, «записавшихся в партию» «по вызову президиума выезжать в Усмань»[4] (речь идет, очевидно, о президиуме совета). Лишь 1 сентября 1918 г. в Усмани собралась уездная партконференция, выбравшая уездный комитет РКП(б).

Создание партийных организаций в деревне и объединение их в уездные организации шло различными путями: «и сверху и снизу». Этот процесс строительства не мог быть стихийным. Руководству им все больше уделяют внимания и Центральный Комитет РКП(б) и местные партийные комитеты. От имени ЦК РКП(б) Я. М. Свердловым было написано циркулярное письмо к местным организациям РКП(б) по вопросу о работе в деревне (опубликовано 21 сентября 1918 г.). В нем поставлена задача — создать целую сеть сельских партийных организаций, охватив ими «и темные, глухие углы, втягивая и их в процесс создания нового общества на коммунистических началах»[5].

Большевистские организации губернских и уездных городов должны больше уделять внимания работе в деревне, укреплению влияния партии в самой толще многомиллионных масс крестьянства. Они должны «выделить кадры членов партии для распределения их между отдельными деревенскими поселениями»[6]. Выезды руководящих работников в деревню имели известное значение, но решающую роль играли сельские коммунисты, ведущие повседневно политическую работу среди трудящихся крестьян. Письмо ЦК ставит задачу — «в каждой волости

---

[1] См. «Правду» № 202 за 1918 г. и Стенографический отчет V нижегородской губернской конференции РКП(б), стр. 10.
[2] «Звезда» № 253 от 12 сентября 1918 года. Смоленск.
[3] Архив ИМЭЛ, ф. V, д. № 52, л. 48.
[4] «Правда» № 112 от 6 июня 1918 г.; № 119 от 15 июня 1918 года.
[5] «Правда» № 203 от 21 сентября 1918 года.
[6] Там же.

иметь достаточно надежного партийного товарища»[1]. Волостной организатор РКП(б) «должен будет руководить всей партийной работой в своем районе на основе получаемых им директив»[2].

Комбедовское движение выдвинуло ряд организаторов-коммунистов, получивших закалку в борьбе с кулачеством. Я. М. Свердлов, выступая месяц спустя, в октябре 1918 г., отметил, что волостные организаторы, или, как он их называет, «волостные партийные агенты», пользуются влиянием среди крестьян и «ведут за собою целую волость»[3].

Из такого глухого угла, как Великий Устюг, Северодвинской губернии, писали в январе 1919 г. об открытии курсов агитаторов для работы в деревне, на которые записалось 100 человек, и о посылке 30 товарищей на агитаторские курсы в Петроград. «В местах, где некоторое время тому назад не знали слово «коммунист», теперь организованы ячейки, которые постепенно начинают руководить всей общественной работой»[4]. «Темные, глухие углы», о которых говорилось в письме ЦК от 21 сентября 1918 г., все больше втягивались в орбиту влияния большевистской партии.

В конце 1918 и в начале 1919 г. перед сельскими ячейками РКП(б) встали новые сложные задачи — руководить ликвидацией комбедов и перевыборами советов.

Четкое проведение классовой линии необходимо было при взимании чрезвычайного налога, вся тяжесть которого должна была лечь на кулацкую верхушку деревни. Удар по кулачеству не должен был задеть крестьянина-середняка.

На уездной партконференции Белоозерского уезда, Череповецкой губернии, 20 января 1919 г. отмечалось, что вновь организованные «и еще не вполне окрепшие ячейки ведут борьбу с кулачеством, содействуя проведению чрезвычайного налога»[5]. О том, что даже в глухих углах нашей страны перевыборы советов в начале 1919 г. проходили под влиянием большевистских организаций, свидетельствует цитированное выше письмо из Великого Устюга. «В последнее время,— говорится в нем,— происходят перевыборы волостных исполкомов; во всех волостях имеются коллективы коммунистов, под руководством которых происходят перевыборы»[6].

Большевистское влияние в комбедах и сельских советах имело решающее значение. Сельские ячейки, руководя комбедовским движением и перевыборами советов, сами росли и крепли. Они укрепляли диктатуру пролетариата на трудных участках, в деревнях и селах, где напор мелкобуржуазной стихии был особенно велик, где проведение учета и контроля встречало особые трудности, а происки врага были особенно опасны. Партия должна была создать свои форпосты в деревне, организационно закрепить свое влияние на крестьянство. Она это сделала в основном уже к VIII съезду РКП(б).

Неся тяжелые жертвы, большевистская партия в эти годы неимоверных трудностей и напряженной борьбы с врагами все более крепла, заражая жаждой подвигов широкие массы трудящихся, множа число борцов за коммунизм, пополняя лучшими из них свои ряды.

Коммунистическая партия была и есть для рабочих и крестьян образцом идейности, организованности, дисциплинированности и самопожертвования. Она создала в миллионах трудящихся абсолютную уверенность в том, что неслыханно тяжелые жертвы не напрасны, что победа социализма неизбежна в титанической борьбе двух миров—капиталистического и социалистического.

---

1 «Правда» № 203 от 21 сентября 1918 года.
2 Там же.
3 Свердлов Я. Избранные статьи и речи, стр. 126.
4 Архив ИМЭЛ, ф. V, д. № 62-а, лл. 41—42.
5 Там же, д. № 64-а, лл. 35, 36.
6 Там же, д. № 62-а, лл. 41, 42.

НАКАНУНЕ ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

Н. Рубинштейн

В 1921 г. капиталистические страны были охвачены глубоким разрушительным кризисом. Промышленное производство падало так же, как и сельскохозяйственное. Промышленность испытывала острый недостаток в сырье. Произведенные товары не находили сбыта, так как покупательная способность населения резко снизилась, да и к тому же каждое государство преграждало доступ иностранным товарам запретительными пошлинами. Особенно тяжелым было положение английской промышленности, 41% продукции которой шел в прошлом на заграничные рынки. Безработица возрастала с каждым днем. Франция еще могла занять рабочую силу на работах по восстановлению разрушенных областей, но в Англии насчитывалось до 2 млн. безработных.

Чудовищно возросшие за время войны государственные долги породили финансовую разруху, инфляцию во всех европейских странах. Государственные долги возрастали, так как европейские государства спустя два года после версальского мира продолжали содержать армии, общая численность которых доходила до 3 млн. 780 тыс. человек.

Экономическому кризису сопутствовал кризис политический. Балканизированная в результате версальского договора Европа походила на вооруженный лагерь, внутри которого, не переставая, возникали острые конфликты и столкновения. Франция, опираясь на свою армию и на вооруженные силы зависимых от нее государств: Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, — давила в тисках репараций Германию. Англия боролась против утверждения французской гегемонии на континенте и поэтому настаивала на уступках в отношении Германии, Италия блокировалась с Англией против Франции; малые государства угрожали друг другу, в то время как внутри этих стран кипела ожесточенная борьба национальных меньшинств — народов, насильно включенных в состав других государств по договорам в Версале, Нейи, Сен-Жермене и Трианоне.

Мировая война потрясла основы колониального могущества империалистических держав. В Ирландии шла ожесточенная и кровавая война за освобождение от британского владычества; Турция боролась с греческими интервентами. В Египте, Сирии, Месопотамии, Индии и других колониальных и зависимых странах национально-освободительное движение приняло острые формы.

Кризис особенно побуждал правящие круги Антанты добиваться капитуляции Советской России с тем, чтобы включить ее в капиталистическую систему, из которой она вырвалась 25 октября 1917 года.

После того как провал антисоветской интервенции стал совершенно очевидным для ее инициаторов, правительствам капиталистических стран пришлось устанавливать отношения с Советской Россией на какой-

* Настоящая статья является сокращенной главой подготовляемой работы о Генуэзской конференции.

то новой основе. Торговое соглашение между РСФСР и Великобританией, подписанное в Лондоне 16 марта 1921 г., явилось первым шагом в этом направлении.

Начало торговых отношений с Советской Россией вовсе не означало, что правящие круги капиталистических стран распрощались с мыслью о новой интервенции. Карело-финская авантюра, вторжение белогвардейских петлюровских банд на территорию Советской Украины, наступление каппелевцев и меркуловцев — агентуры японского империализма — на Дальнем Востоке — все эти события, развернувшиеся в октябре — ноябре 1921 г., свидетельствовали, что социалистическому государству продолжает угрожать военная опасность.

Но все же положение изменилось по сравнению с 1920 г., и недаром Ленин в декабре 1921 г. говорил о создавшемся равновесии между Советской Россией и капиталистическим миром, в высшей степени неустойчивом равновесии, подчеркивал Ленин, «но все же несомненном, неоспоримом известном равновесии» [1].

Добиться капитуляции Советской России военным путем империалистическим державам не удалось, но оставались иные средства — средства экономического давления. В 1921 г. на Западе могло казаться, что использование этих средств сулит несомненную победу, тем более что империалистические державы рассчитывали на нового союзника, казалось, не менее сильного чем армии Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля. Этим союзником международного империализма был голод в Советской России.

Страшный голод 1921 г. поразил полностью или частично 22 губернии Советской России с 23,3 млн. населения. В губерниях, не признанных неурожайными, насчитывалось 12 голодных уездов. Таким образом, общее количество голодающих доходило до 26 млн. чел., а вместе с Украиной — до 33,5 млн. человек [2].

По представлениям правящих кругов империалистических стран голод и хозяйственная разруха должны были сделать Советскую страну и ее правительство податливыми.

В середине августа 1921 г. в Женеве состоялась конференция представителей общественных, а также некоторых правительственных организаций для обсуждения мероприятий по оказанию помощи голодающим районам Советской России.

Эта конференция избрала верховным комиссаром по организации этой помощи известного полярного исследователя д-ра Фритьофа Нансена.

Нансен — филантроп и пацифист по убеждениям — горячо взялся за дело. 9 сентября он выступил в Лиге наций с предложением предоставить Советской России для борьбы с голодом правительственные кредиты в 10 млн. фунтов стерлингов с тем, чтобы контроль за их расходованием находился в руках Совета Лиги. Но представители держав — участников Лиги наций — наотрез отказали Нансену. Вопрос был сдан в комиссию, — другими словами, похоронен. Общее мнение членов Лиги наиболее цинично выразил югославский делегат Сполайкович. «Из двух бедствий, которые в течение многих лет одолевают Россию, — говорил он,— одно именуется большевизмом, другое — голодом. Первое более ужасное, и нужно думать о нем». Державы и попытались использовать голод для осуществления интервенционистских замыслов. Впротивовес женевской организации помощи голодающим Советской России Верховный совет союзников создал международную комиссию «для изучения и изыскания способов оказания помощи русскому народу, ставшему жертвой голода и эпидемии».

Во главе комиссии был поставлен Нуланс, бывший французский по-

---

[1] См. Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 117.

[2] См. «Известия ВЦИК» от 15 марта 1922 года.

сол в Советской России, один из активных организаторов антисоветской интервенции в 1918 году.

4 сентября 1921 г., т. е. за 5 дней до выступления Нансена в Лиге наций, комиссия Нуланса обратилась к советскому правительству с радиограммой, в которой, ссылаясь на «гуманитарную цель» помощи голодающим, требовала допустить в пределы Советской страны анкетную подкомиссию в составе 30 экспертов для детального обследования размеров бедствия и способов помощи.

Программа обследования, изложенная Нулансом, не оставляла ни малейшего сомнения в том, что Антанта под предлогом помощи голодающим рассчитывает, во-первых, произвести тщательную разведку материальных ресурсов Советской страны, а во-вторых, поставить советское правительство под контроль союзников.

Попытка Антанты встретила решительный отпор со стороны советского правительства. В ответной ноте Наркоминдела на имя правительств Великобритании, Франции, Италии и Бельгии указывалось, что «уже самое имя Нуланса, как представителя Франции в международной комиссии помощи голодающим, а вслед за этим, как председателя этой комиссии, возбудило во всей России, среди самых широких слоев трудящегося населения, взрыв негодования. Г. Нуланс был одним из наиболее активных руководителей той самой системы блокады, которая привела весь русский народ в состояние разорения и нищеты, в значительной мере обусловивших нынешнее неслыханное бедствие голода. ...Имя г. Нуланса — это уже целая программа».

В ноте разоблачались подлинные замыслы комиссии Нуланса, которая — не в пример Нансену — намерена была заменить помощь умирающим от голода собиранием сведений о ресурсах и средствах Советской России в области земледелия, транспорта, скотоводства и т. д. под руководством старых шпионов. «Всякой деловой практической попытке помощи голодающим России Рабоче-крестьянское Росс. правительство будет в полной мере итти навстречу,— говорилось в ноте. — В предложениях же комиссии г. Нуланса Сов. правительство усматривает лишь неслыханное издевательство над миллионами умирающих голодающих»[1].

Нансен в речи на заседании Лиги наций 30 сентября констатировал, что вопрос о голоде в России «окружен отвратительной политической атмосферой». В этой отвратительной атмосфере проходила и конференция представителей держав «по оказанию помощи Советской России», собравшаяся в Брюсселе в начале октября 1921 года. Конференция отказалась рекомендовать правительствам предоставить Советской России кредиты для борьбы с голодом. Получение кредитов для содействия экспорту в Россию, говорилось в резолюции конференции, будет осуществимо только в том случае, если советское правительство признает долги и даст «подобающие гарантии».

Участники Брюссельской конференции, конечно, не считались с выступлениями пацифистов, подобных Нансену. Деятельность Нансена была зато в полной мере оценена советским народом. Нансен был избран почетным членом Московского совета рабочих и красноармейских депутатов, а IX всероссийский съезд советов, происходивший в декабре 1921 г., выразил Нансену глубочайшую признательность от имени миллионов трудящихся Советской страны за его благородные усилия спасти гибнущих крестьян Поволжья. «Русский народ, — говорилось в обращении съезда к Нансену,— сохранит в своей памяти имя великого ученого исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробившего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося

[1] «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Состав. проф. Ключников Ю. и проф. Сабанин А. Ч. 3-я, Вып. 1-й, стр. 118. М. 1928.

бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран»[1].

Узнав о решениях Брюссельской конференции, советское правительство 28 октября 1921 г. направило Англии, Франции, Италии, Японии и США ноту, в которой указывалось, что вопрос о взаимоотношениях между Россией и остальным миром, являющийся первостепенным мировым вопросом, не может быть разрешен без соглашения с советским правительством. Нота отмечала, что советское правительство создало условия для такого соглашения: восстановило частную торговлю, частную собственность на мелкие предприятия, установило правовые гарантии и дает возможность иностранному капиталу в стране получать достаточную прибыль. В ноте излагалось принципиальное отношение советского правительства и к вопросу о долгах. «Советское правительство заявляет, что, по его твердому убеждению, никакой народ не обязан оплачивать стоимость тех цепей, которые он носил в продолжение веков. Но в своем непоколебимом решении притти к полному соглашению с другими державами российское правительство готово сделать ряд существенных уступок в этом важнейшем вопросе... Оно готово признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 года, при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих ему практическую возможность выполнения этих обязательств... Советская республика может принять на себя эти обязательства лишь в том случае, если великие державы заключат с ней мир, и если ее правительство будет признано другими державами»[2]. Для рассмотрения взаимных претензий Советской России и буржуазных государств и выработки окончательного мирного договора между ними советское правительство предлагало созвать в кратчайший срок международную конференцию. В заключение в ноте подчеркивалась беспочвенность новых интервенционистских замыслов.

Нота советского правительства от 28 октября попала в цель. Надо вспомнить, что как раз в эти дни открывалась Вашингтонская конференция. Французский министр иностранных дел Бриан получил советскую ноту на пароходе «Лафайет» по пути в США. Отношения между Англией и Францией становились все прохладнее. Это ярко сказалось в Вашингтоне во время словесной дуэли Бальфура — Бриана по вопросу о морских вооружениях.

2 ноября советскому представителю в Лондоне тов. Красину была вручена ответная нота английского правительства. В ней «правительство его величества» заявляло, что советское правительство «вступило на единственно правильный путь, ведущий к той цели, к которой оно стремится, а именно — к хозяйственному сотрудничеству с другими странами»[3]. Однако английское правительство хотело получить разъяснения некоторых «неясных» для него мест советской ноты. Так как советская нота от 28 октября ограничивалась признанием одной определенной категории долгов, а именно по займам, заключенным царским правительством до 1914 г., то английское правительство запрашивало, как обстоит дело с признанием военных долгов, муниципальных и железнодорожных займов, а также претензий иностранцев, имущество которых в России конфисковано после Октябрьской революции.

Иначе отнеслось к советской ноте французское правительство. Не отвечая прямо на советскую ноту, оно изложило свою позицию в ноте, адресованной 9 ноября английскому кабинету. Французское правительство расценивало выступление Советской России как ее капитуляцию

[1] «Международная политика новейшего времени». Ч. 3-я, Вып. 1-й, стр. 155.
[2] «Правда» от 29 октября 1921 года.
[3] «Правда» от 15 ноября 1921 года.

в результате «неизменной и твердой политики, проводимой Францией в отношении Советов». Вместе с тем французское правительство, ссылаясь на такую же позицию США и на отказ советского правительства ратифицировать договор Лесли Уркварта с Красиным, подчеркивало, что оно считает «одновременно тщетным и опасным пытаться вступать в контакт — пусть в экономический — с территориями, подчиненными диктатуре коммунистических вождей» [1].

Французские требования шли гораздо дальше английских.

Французское правительство ополчалось против советского правительства, которое-де опирается на «особые организмы»: Чрезвычайную комиссию и профсоюзы. Далее в ноте изложено было требование предоставления гарантий иностранцам, устранения всякой большевистской пропаганды заграницей. Французское правительство заявляло также, что оно высказывается против обособленных действий отдельных государств и за общую их тактику по отношению к Советской России.

Ответ советского правительства на английскую ноту последовал 12 ноября. Советское правительство выражало удовлетворение по поводу того, что Британия вступает на путь совместного разрешения интересующих обе страны вопросов. Что же касается некоторых «темных сторон» проблемы о долгах, то советское правительство настаивало на обсуждении этих вопросов международной конференцией, которая должна будет заняться не только вопросом о русских долгах, являющимся лишь частью проблемы восстановления России и всего мира. Советская нота подчеркивала, что необходимое взаимное доверие между государствами может быть создано лишь в том случае, когда Советскую Россию не будут исключать из числа участников международных совещаний по затрагиваемым вопросам: «Только тогда, когда Российская республика убедится в том, что ее интересы не служат предметом торга между другими державами, только тогда может быть создана атмосфера доверия, без которой успешное обсуждение вопроса о ее задолженности и ее экономическом восстановлении всегда будет оставаться под сомнением» [2].

В декабре 1921 г. Бриан возвратился с Вашингтонской конференции и перед рождеством приехал в Лондон для встречи с Ллойд Джорджем. Как сообщалось в коммюнике, переданном прессе 22 декабря, премьеры в предварительном порядке, накануне очередного заседания Верховного совета, предполагавшегося в Каннах, обсуждали возможность экономического восстановления Европы.

Никакого решения принято не было, но было условлено, что в число предложений, подготовляемых для заседания в Каннах, будет включено и предложение созвать европейскую экономическую конференцию, которая «позволит европейским государствам восстановить их экономическую систему».

Не прошло и недели после совещания премьеров, как в Париж уже отправилась британская миссия во главе с военным министром и одновременно деловым человеком Сити — сэром Лемингом Вортингтон-Эвансом, промышленником, управляющим Английским банком и «специалистом» по рабочему вопросу. Вместе с французами английские эксперты должны были продолжить обсуждение экономических вопросов. Итак, для широкой публики и после Вашингтонской конференции дело представляли таким образом, будто Англия и Франция не расходятся между собой ни в чем существенном. В действительности как раз ко времени конференции в Каннах разногласия между Англией и Францией достигли большой остроты.

В результате мировой войны и разгрома Германии Франция стала

[1] «L'Europe Nouvelle» № I, 1922, p. 22.
[2] «Правда» от 15 ноября 1921 года.

самым могущественным государством на континенте Европы. Она присоединила к себе такие важные области, как Эльзас-Лотарингия, и временно оккупировала Саар и Рейнскую зону. В 1922 г. Франция располагала огромной армией, почти в 700 тыс. солдат, не считая колониальных войск, и полновластно распоряжалась армиями своих вассалов — государств, созданных в результате договоров в Версале, Сен-Жермене, Трианоне, Нейи. Существование этих государств, получивших германские, австро-венгерские, болгарские территории, зависело от версальской системы послевоенных договоров, т. е. главным образом от Франции, которая предоставляла этим государствам займы. На французское золото содержались армия Польши, насчитывавшая около 300 тыс. человек, более чем 170-тысячная армия Румынии, 150-тысячная армия Югославии и такая же армия Чехословакии[1].

Франция получала от Германии львиную долю всех репараций: на эти средства не только восстанавливались разрушенные во время войны северные департаменты, но и богатели французские промышленники. Французская промышленность получила сравнительно емкий внутренний рынок и развивала свое производство, страхуясь от конкуренции со стороны Германии политикой репараций и условиями версальского договора, а со стороны Англии — запретительными тарифами. Франция угрожала Англии и в самой чувствительной для Британской империи сфере — в вопросе о морских вооружениях. Недаром на Вашингтонской конференции между представителями Англии и Франции разгорелась острая полемика.

«Хочет Франция этого или не хочет,— писал во французском журнале «L'Europe Nouvelle» автор, излагавший английскую точку зрения,— подводный флот — это пистолет, направленный в грудь Великобритании. Не к чему уверять Великобританию, что Франция не имеет намерения выстрелить. Тогда к чему держать пистолет? На каждую подводную лодку, построенную Францией, Великобритания будет строить две... И мы будем уверять Францию — со всем добродушием, на которое мы способны,— что мы строим их не против Франции»[2].

Англия, только недавно в мировой войне разбившая своего наиболее опасного противника — Германию, на другой день после победы сталкивалась с новым соперником — Францией, ставшей гегемоном на континенте Европы. Европейское равновесие, которое в течение двух столетий поддерживала Англия, было нарушено. Английская политика противостояла французской во всех направлениях. Франция добивалась усиленного выкачивания репараций из Германии. Англия была заинтересована в ослаблении репарационного пресса как с целью поддержать Германию впротивовес Франции, так и с тем, чтобы создать для себя более благоприятное положение на европейских рынках. Франция проводила политику вооружений для того, чтобы военной силой гарантировать поступления репараций и сохранность границ, установленных версальской системой. Англия выступала против вооружений Франции и ее вассальных государств, стремясь ослабить гегемонию Франции на континенте, а также нормализовать европейские рынки, страдавшие от огромных расходов государств на содержание армий.

Англия сталкивалась с Францией на Ближнем Востоке, где французы впротивовес англичанам занимали примирительную позицию по отношению к кемалистскому движению, не желая помогать Англии закрепиться в Малой Азии. Острые столкновения между Англией и Францией происходили в Сирии. Наконец, серьезные расхождения между Англией и Францией обнаружились в вопросе об отношении к Советской России. Установление нормальных отношений с Советской Россией, развитие

[1] Нитти Ф. «Европа над бездной», стр. 311—317. Петроград. 1923.
[2] «L'Europe Nouvelle» № 1. 7 janvier 1922, p. 7.

англо-советской торговли представляли настоятельную необходимость для Англии. Иначе обстояло дело во Франции. Некоторые круги французской буржуазии, представленные Брианом, опасались, правда, что непримиримая позиция в вопросе о Советской России может привести к изоляции Франции и, во всяком случае, к потере русского рынка. «Весьма важно озаботиться,—заявлял Бриан,—чтобы Советская Россия не попала под экономическое господство какой-либо иной страны»[1].

Однако наиболее влиятельные круги французской буржуазии не были заинтересованы в торговых отношениях с Советской Россией в такой мере, как английские капиталисты. Поэтому они выдвигали на первый план требование уплаты долгов по довоенным займам, заключенным царской Россией, и возврата капиталов, вложенных в русскую промышленность и национализированных советским правительством. Кроме того Франция еще не оставила планов вооруженной интервенции: на французские деньги содержались остатки белогвардейских армий, которые вооружались и обучались для участия в новых антисоветских походах.

Разногласия в вопросах международной политики между Англией и Францией усилились к началу 1922 г., в особенности после переговоров в Вашингтоне, и нашли свое отражение на конференции в Каннах.

*

Заседание Верховного совета союзников открылось в Каннах 6 января 1922 года. На нем присутствовали в качестве глав делегаций Ллойд Джордж, Бриан, итальянский премьер Бономи, бельгийский — Тенис и японский представитель Исии. Соединенные штаты были представлены официозно полковником Гарвеем. Позиция Англии была изложена в пространном меморандуме, а также в проекте англо-французского пакта, который был передан Ллойд Джорджем Бриану еще до открытия конференции.

Меморандум обосновывал предложение британского правительства Франции совместно сотрудничать в деле восстановления Европы. Англия выражала готовность предоставить значительные преимущества Франции в вопросе о получении репарационных платежей и предлагала гарантийный пакт. По этому пакту, который предлагалось заключить на десятилетний срок, Англия брала на себя обязательство немедленной военной помощи Франции в случае прямого и невызванного нападения Германии на территорию Франции. Однако непременным условием такого пакта Англия считала отказ французского правительства от программы строительства подводных лодок.

Далее в меморандуме развивалась программа, на основе которой должны быть установлены отношения с Советской Россией.

Выступивший на открытии конференции Ллойд Джордж, отклонив обвинение в посягательстве на версальский договор, призывал к умеренности в требованиях, адресуемых Германии. «Надо избежать того,— говорил британский премьер,— чтобы повергнуть Германию в хаос, в котором бьется в настоящее время Россия. Доведенная до состояния социального распада, она (т. е. Германия.—*Н. Р.)* оказалась бы... гораздо более опасной для своих непосредственных соседей, чем Россия»[2]. Ллойд Джордж убеждал участников конференции не бояться вести переговоры с большевиками: «Вполне возможно иметь отношения с людьми, методы которых не одобряются»[3]. В заключение Ллойд Джордж предложил созвать конференцию по экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы с участием всех европейских стран.

---

[1] «Известия ВЦИК» от 1 января 1922 года.
[2] «L'Europe Nouvelle» № 3, 21 janvier 1922, pp. 78, 79.
[3] Ibidem.

Россия, если ее пригласят, должна дать обязательства уплатить долги, возместить иностранцам убытки от конфискации их имуществ, установить легальную систему контрактов, а также воздержаться от пропаганды и не нападать на соседей, которые в свою очередь должны обязаться не нападать на Россию.

Вслед за Ллойд Джорджем выступили итальянский министр Бономи, поддержавший британского премьера, и бельгийский премьер Тенис, высказавшийся в общих словах за восстановление Европы. Японский представитель Исии воздержался от выражения своего мнения по поводу созыва европейской конференции, но обещал представить замечания о признании советского правительства.

Бриан, следуя примеру Ллойд Джорджа, выступал также в примирительных тонах. Он высказался в принципе за созыв конференции и не возражал против предложения Ллойд Джорджа жертвовать предубеждениями ради серьезных интересов сегодняшнего дня.

«Когда Ллойд Джордж развивал соображения по этому вопросу,— говорил Бриан,— мне казалось, что большой камень упал в мой огород, но он не разрушил ни одной грядки» [1]. Бриан подчеркивал, что союзники должны получить от России гарантии, чтобы «не остаться в дураках».

В первый же день совещания в Каннах было принято решение о созыве европейской экономической конференции. «Союзные державы, собравшиеся на конференцию, — гласила резолюция, — единодушно считают, что в первых числах марта должна быть созвана конференция, на которую все европейские державы, включая Германию, Австрию, Венгрию, Болгарию и Россию, должны быть приглашены послать представителей. Они полагают, что подобная конференция составляет неотложный и существенный этап на пути экономического восстановления Центральной и Восточной Европы» [2].

Резолюция не ограничивалась провозглашением необходимости конференции, но и указывала условия, «необходимые для плодотворной работы». «Нации,—говорилось в первом пункте условий,—не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых те должны организовать строй собственности, свою внутреннюю экономическую жизнь и свой образ правления; каждая страна в этом отношении имеет право избрать для себя ту систему, которую она предпочитает».

Нет нужды, что этот пункт был сформулирован в общей и безличной форме: ясно было, что речь идет о взаимоотношениях капиталистического мира с Советской Россией.

Понадобились три года «критики оружием» и год размышления для того, чтобы капиталистические державы признали неудачу военной интервенции против Советской России. Первый пункт каннских условий и был публичным признанием, распиской в этой поистине исторической неудаче.

Крупнейшие капиталистические державы вынуждены были во всеуслышание заявить, что новая, социалистическая общественная система имеет право на существование рядом с капиталистической системой.

Резолюция, принятая Верховным советом союзников в Каннах, подробно указывала условия, на которых Советской России могут быть предоставлены иностранные капиталы.

«Прежде чем, однако, предоставить иностранный капитал для оказания помощи какой-либо стране,— говорилось в резолюции,— иностранцы, доставляющие для того денежные средства, должны получить уверенность, что их имущества и права будут пользоваться неприкосновенностью и что за ними будет обеспечена прибыль от их предприятий.

---

[1] «L'Europe Nouvelle» № 3, 21 janvier 1922, p. 79.

[2] Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Conférence économique internationale de Gênes. 9 avril — 19 mai 1922, p. 15. Paris. 1922.

Это чувство безопасности может быть восстановлено лишь в том случае, если правительства наций, которые желают получить иностранные кредиты, добровольно обяжутся:

а) признать все публичные долги и обязательства, которые были или будут заключены или гарантированы государством, муниципалитетами или другими общественными учреждениями, а также признать за собою обязательства вернуть, восстановить или, в случае невозможности этого, возместить все потери или убытки, причиненные иностранным интересам конфискацией или секвестром имущества;

б) восстановить систему законов и судопроизводства, охраняющую и обеспечивающую беспристрастное выполнение коммерческих и других сделок.

Нации должны располагать необходимыми средствами обмена, и вообще должны быть установлены финансовые и денежные условия, обеспечивающие достаточные гарантии для торговли.

Все нации должны принять на себя обязательство воздерживаться от всякой пропаганды, направленной к ниспровержению порядка и политической системы, установленных в других странах.

Все государства должны сообща принять обязательство воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий против своих соседей.

Если российское правительство, в целях обеспечения необходимых для развития русской торговли условий, потребует официального признания, союзные державы могли бы согласиться на это признание лишь в том случае, если бы российское правительство приняло вышеуказанные условия».

Эта резолюция была главным документом, принятым в Каннах. Далее участники конференции перешли к обсуждению репарационной проблемы. Англичане предложили предоставить Германии отсрочку денежных платежей и высказались за то, чтобы немедленно пригласить немцев в Канны. Бриан с помощью бельгийского премьера Тениса настоял на том, чтобы немцы были вызваны в Канны лишь после того, как Верховный военный совет союзников договорится о характере условий, предъявляемых Германии. Верховный совет принял предложения Бриана и поручил ему пригласить германское правительство послать своих делегатов в Париж, где они должны были ожидать вызова в Канны.

9 января 1922 г. было решено, что созывом Генуэзской конференции займется узкий комитет, а материально-организационную часть дела возьмет на себя Италия. Верховный совет в Каннах решил также создать международный консорциум с участием Англии, Франции, Италии, Бельгии, Японии и Германии «для экономического восстановления Европы». На деле консорциум должен был практически осуществлять экономическое закабаление Советской России. Решено было создать организационный комитет консорциума из представителей участвующих в нем стран: по два — от Англии и Франции и по одному — от Италии, Бельгии и Японии.

11 января Верховный совет утвердил порядок дня Генуэзской конференции. Он включал шесть групп вопросов. Первым в порядке дня — на чем и настаивали французы — стояло обсуждение практического применения принципов, содержавшихся в каннской резолюции от 6 января. Вторым пунктом было: «Установление европейского мира на прочной основе». Третий пункт — в нем также отчетливо чувствовалось французское влияние — гласил: «Необходимые условия для восстановления доверия без ущерба для существующих договоров» [1]. Далее следовали

[1] Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Conférence économique, internationale de Gênes. 9 avril — 19 mai 1922, p. 16. Paris. 1922.

финансовые, экономические и торговые вопросы, а также вопросы транспорта.

Если каннская резолюция от 6 января являлась признанием того факта, что капитализму не удалась попытка военной силой покончить с новой общественной системой, то самый факт созыва Генуэзской конференции и порядок дня ее свидетельствовали о том, что капитализм не в состоянии разрешить свои внутренние противоречия. В самом деле, всего через два с половиной года после подписания версальского мира правящие круги капиталистических стран вынуждены были поставить на повестку дня специальной конференции вопрос об установлении европейского мира... на прочной основе. Открыто признавалось, таким образом, что версальская основа не может обеспечить прочный мир и что такой мир невозможен без участия Советской России. Через два с половиной года после Версаля потребовалось обсуждать на европейской конференции вопрос о том, как восстанавливать разваленную войной и версальским миром европейскую экономику.

Работы конференции в Каннах продолжались. 11 января комиссия по репарациям заслушала сообщение германского представителя — министра восстановления Вальтера Ратенау — о возможностях уплаты репарационных платежей, а на следующий день, 12 января, Верховный совет заслушал доклад репарационной комиссии о ее переговорах с германскими представителями. Лишь после этого, как и было условлено ранее, в зал заседаний была приглашена германская делегация: Ратенау, Гренер, Хирсон, Бергман и Фишнер.

На заседании Верховного совета председательствовал Ллойд Джордж. Бриан отсутствовал: он срочно выехал в Париж. В длинной речи — она продолжалась и на послеобеденном заседании — Ратенау доказывал, что Германия при всем желании не в состоянии выполнить возлагаемые на нее репарационной комиссией обязательства, если союзники не согласятся на послабления и на отсрочку платежей. В заключительной части своей речи Ратенау заявил, что Германия готова принять участие в работе по экономическому восстановлению Европы, в особенности России. В речи Ратенау было отчетливо выражено притязание Германии на русский рынок [1].

Ратенау аргументировал это притязание Германии не только ее географическим положением и экономическими условиями России, но и ссылкой на политический «опыт» Германии по ликвидации революционных потрясений. «В тот момент,— говорил он,— когда Германия была уже крайне истощена — после войны, поражения, революции,— она все же оказала противодействие государственной и социальной дезорганизации. Если бы дезорганизация победила в Германии, это было бы грозной опасностью для всего мира. Поэтому Германия полагает, что она должна посвятить себя не только посильному восстановлению разрушенных областей на Западе, но, ввиду географического положения и знания условий в соседних странах, также и восстановлению Восточной и Центральной Европы и тем самым принять участие в разрешении задачи, которую великие державы поставили себе в согласии с этими странами» [2].

Ратенау заявил, что для этой цели Германия предоставит и свои капиталы и своих специалистов. Обсуждение вопроса о репарациях в Верховном совете началось 12 января, но в этот же день оно было прервано в связи с полученной новостью: из Парижа сообщили об отставке Бриана.

Уход французского премьера со своего поста в разгар конференции в Каннах в действительности не был неожиданным и еще менее случайным. Французская буржуазия давно уже с тревогой смотрела на дипло-

---

[1] Ратенау В. «Генуя и Канны», стр. 19—20. М. 1923.
[2] Там же.

матическую игру Бриана — Ллойд Джорджа на совещаниях в Лондоне и на конференции в Каннах. Бриан явно шел на уступки Ллойд Джорджу в вопросах, угрожавших интересам французской буржуазии. Бриан согласился на созыв конференции в Генуе и на приглашение Советской России. Бриан дал согласие на приезд в Геную представителей Германии, которая, пользуясь поддержкой Ллойд Джорджа, не хотела вносить в срок репарационные платежи. Все это представляло в глазах владельцев французской тяжелой индустрии непомерно дорогую цену за англо-французский пакт. Разве французская армия и армии вассальных государств Франции не были более реальной гарантией ее восточных границ нежели сомнительные обязательства Англии или, в лучшем случае, ее экспедиционный корпус? Не лучше ли было отказаться от услуг левого блока и перейти к политике «твердой руки», тем более что положение внутри страны было относительно спокойным и необходимости в радикальной фразеологии людей типа Бриана пока не чувствовалось?

Во время заседаний конференции в Каннах Бриан получил несколько резолюций из Парижа, в которых отражались тревога правых кругов и их недовольство поведением премьера. Группа «левой республиканской» сената заявляла, что в переговорах об англо-французском пакте правительство должно поставить на первый план заботу о сохранении крепкой армии и о защите французской территории и договоров.

Финансовая комиссия палаты депутатов беспокоилась по поводу того, что конференция в Каннах нанесет ущерб правам Франции, касающимся репараций.

11 января Бриан получил телеграмму, на этот раз от президента республики. Мильеран также высказывал опасения, которые, по его словам, должен чувствовать каждый, видя, что Франция собирается заседать на международной конференции вместе с Лениным... Вместе с тем Мильеран сообщал, что он боится того, чтобы § 6 каннской резолюции — об обязательстве держав воздержаться от какой бы то ни было агрессии по отношению к своим соседям — не был использован против Франции, в случае если она будет вынуждена принять некоторые меры принуждения к Германии по ту сторону Рейна.

Получив телеграмму Мильерана, Бриан в тот же день выехал в Париж и 12 января выступил в палате с объяснениями по поводу своей позиции в Каннах. Тщетно Бриан пытался рассеять опасения в связи с Каннами и Генуей, вновь заверяя, что вопросы о репарациях, о версальском договоре не включены в «чисто экономический и финансовый порядок дня» Генуэзской конференции и не будут там обсуждаться. Тщетно он предостерегал от изоляции, которой подверглась бы Франция в случае неучастия в Генуэзской конференции. Напрасно подтверждал Бриан, что Франция получит полностью свою долю в репарациях, даже если платежи будут отсрочены. Палата — в особенности правые — была резко настроена против премьера. Стоило Бриану коснуться вопроса об отсрочке репарационных платежей, как в зале поднялся шум. «Вы предали нас! Вы предаете Францию!» — кричал Леон Додэ [1].

Не закончив своей речи, Бриан заявил об отставке и уступил свое место испытанному представителю агрессивной буржуазии Франции — Раймонду Пуанкаре. Отставка Бриана ускорила закрытие конференции в Каннах. Было постановлено, что решения, по которым на конференции достигнуто полное согласие, остаются в силе; другие же решения могут быть пересмотрены. Верховный совет уполномочил Бономи разослать приглашения на Генуэзскую конференцию. Затем был заслушан доклад репарационной комиссии о ее решениях, принятых 13 января. Германии предоставлялась временная отсрочка платежей, предстоявших 15 января

[1] «Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires» № 2, 1922, pp. 18—20.

и 15 февраля. Во время моратория Германия должна была начиная с 18 января ежедекадно уплачивать 31 млн. золотых марок в иностранных девизах. Германское правительство обязывалось в 15-дневный срок представить репарационной комиссии проект реформ бюджета и денежного обращения в стране, проект гарантий выполнения этих реформ, а также полную программу денежных платежей и поставок натурой в счет репараций на 1922 год. Эти материалы комиссия должна была немедленно передать правительствам.

Решение репарационной комиссии было сообщено германской делегации. На этом конференция в Каннах и кончилась.

По дороге в Лондон Ллойд Джордж встретился в Париже с Пуанкаре. Последний изложил ему возражения против проекта гарантийного пакта, о котором шла речь в Каннах. Эти возражения сводились к трем пунктам. Французское правительство настаивало на том, чтобы Англия и Франция взяли на себя взаимное обязательство о помощи в случае нападения Германии. «Этот пункт,— заявил Пуанкаре Ллойд Джорджу,— необходим; обе страны должны быть поставлены на равную ногу. Кроме того... Англия может оказаться точь в точь так же, как и Франция и Бельгия, перед лицом германского нападения, особенно с воздуха...»[1]. Кроме того Франция предлагала дополнить проект военной конвенцией. Наконец, Пуанкаре считал необходимым, чтобы срок действия пакта значительно превышал срок французской оккупации левого берега Рейна. Возражения Пуанкаре сводились к тому, чтобы показать Ллойд Джорджу, что пакт на деле не представляет никакого «подарка» со стороны англичан.

Недаром спустя почти полгода Пуанкаре говорил английскому послу лорду Гардингу, что договор в том виде, как он был предложен Ллойд Джорджем, не представлял капитального интереса для Франции. Франция, говорил Пуанкаре, «отлично знает, что Англия оказалась бы на ее стороне, если бы Бельгия или она сама вновь подверглись нападению со стороны Германии, потому что завтра, еще больше чем в 1914 году, всякое нападение на французскую границу составляло бы прямую опасность для мирового равновесия и для безопасности Англии»[2].

★

Вечером 7 января, на следующий день после того, как в Каннах была принята резолюция о созыве международной конференции, итальянское правительство передало через российскую торговую делегацию в Риме меморандум, приглашавший советское правительство принять участие в конференции.

«Итальянское правительство,— говорилось в меморандуме,— в согласии с великобританским правительством, считает, что личное участие в этой конференции Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом равновесии Европы. Кор. министерство иностранных дел просит российскую торговую делегацию самым срочным образом сообщить в Москву о желании кор. правительства, чтобы Ленин не преминул принять участие в конференции»[3]. 8 января советское правительство сообщило Верховному совету союзников, что оно с удовлетворением принимает приглашение на конференцию и что советская делегация будет располагать самыми широкими полномочиями. Относительно поездки на конференцию Ленина в ноте НКИД указывалось, что даже в том случае, если Ленин вследствие перегруженности работой не сможет присутствовать на конференции, то состав делегации и ее полномочия «придадут ей такой же авторитет, какой она имела бы, если бы в ней участвовал гр. Ленин»[4].

[1] «Международная политика новейшего времени». Ч. 3-я. Вып. 2-й, стр. 130. М. 1929.

[2] Там же.

[3] Там же. Вып. 1-й, стр. 160.

[4] Там же.

Международное положение Советской России к началу 1922 г. было чрезвычайно сложным. С одной стороны, Советская страна медленно, но неуклонно развивала торговые отношения с капиталистическими государствами. В течение 1921 г. советским правительством были заключены торговые соглашения с Англией, мирный договор с Польшей, временное соглашение с Германией, Норвегией и Австрией, предварительное соглашение с Италией. Эти договоры и соглашения оказали прямое влияние на внешнюю торговлю Советской России. Импорт из-за границы в 1921 г. возрос до 50 млн. пудов, т. е. втрое по сравнению с 1918, 1919 и 1920 годами. Экспорт за эти три года был равен всего 2 млн. пудов, а за один 1921 г.— 11½ млн. пудов. В первом квартале 1921 г. импорт был равен около 3 млн. пудов, во втором — 8 млн. и в третьем — 24 млн. пудов. В докладе на IX всероссийском съезде советов Ленин сообщал о том, что в 1921 г. получены из-за границы первые 13 шведских и 37 немецких паровозов.

Однако капиталистический мир не прекратил военных нападений на границы Советской страны. «С нашей стороны нужна величайшая осторожность, — говорил Ленин на IX всероссийском съезде советов 23 декабря 1921 года.— И первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске»[1]. Ленин указывал, что Советская страна идет на весьма значительные уступки и жертвы, лишь бы сохранить мир, купленный дорогой ценой, но уступки эти небесконечны. «Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу»[2], — говорил Ленин. Касаясь переговоров об иностранных кредитах для борьбы с голодом, Ленин напомнил о пышных и торжественных словах Ллойд Джорджа, который заявил, что пользоваться голодом для возобновления вопроса о старых долгах было бы вещью дьявольской.

«Я не знаю,— говорил Ленин,— страшнее ли дьявол, чем современный империализм. Знаю, что на самом деле вышло именно так, что с нас, несмотря на голод, старые долги взыскать на особенно тяжелых условиях попробовали. Мы не отказываемся платить и заявляем торжественно, что готовы об этом говорить деловым образом. Но, чтобы дать себя закабалить по этому поводу без всякого учета, без всякого расчета взаимных претензий, без всякого делового обсуждения вопроса... этого мы никогда ни в коем случае не допустим»[3].

Руководясь ленинскими указаниями, IX съезд советов одобрил действия советского правительства в вопросе об уплате долгов — ноты от 28 октября и от 12 ноября,— поручив ВЦИК, СНК и НКИД продолжать на тех же основаниях переговоры с другими правительствами.

Приглашение, полученное советским правительством, на конференцию в Геную было оценено в стране как новая победа советской власти. Приглашение на Генуэзскую конференцию, говорилось в передовой статье «Правды» от 12 января 1922 г., является «не только нашей дипломатической победой, но прежде всего и больше всего оно есть резюме славных побед нашей Красной Армии в трехлетней борьбе и результат нашей внутренней крепости, результат прочности того союза рабочих и крестьян, на котором держится советская республика». Но «Правда» подчеркивала, что штык еще стоит в порядке дня, что хозяйственная разруха и голод в стране ухудшают наши позиции в переговорах.

[1] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 117.
[2] Там же, стр. 118.
[3] Там же, стр. 128, 129.

Чрезвычайно взволновала народные массы страны весть о том, что на конференцию в Геную приглашен Ленин. Собрания рабочих, крестьян, служащих, красноармейцев выносили резолюции с требованием не пускать Владимира Ильича на конференцию; редакции газет были заполнены решениями собраний, письмами, в которых ярко сказалась горячая народная любовь к Ленину, тревога за его жизнь.

«Мы,— заявляли рабочие и служащие Сокольнического трамвайного парка в Москве,— не можем молчать по поводу приглашения нашего верного проводника великих пролетарских завоеваний Владимира Ильича на Генуэзскую конференцию министрами и королями международного капитала. Мы горячо просим ВЦИК заявить этим «друзьям»: если у вас так велико стремление видеть его и выслушать от него отцовские наставления, пожалуйте к нам в Москву — дорога открыта, а к вам мы его не пустим, потому что мы вам не верим — плохо себя зарекомендовали» [1].

Собрание рабочих и служащих фабрики «Марс» постановило: «Просить сессию ВЦИК не включать в состав делегации нашего дорогого вождя, тов. Ленина, так как рабочие и крестьяне не могут доверить жизнь Ленина буржуазной охране».

«Просим ВЦИК нашего дорогого Ильича из России в Геную и Лондон не посылать. Берегите Ильича!» — писали в Москву со станции Лихая Донецкой железной дороги курсанты профессионально-технических курсов.

Тем временем борьба между Англией и Францией вокруг вопроса о созыве Генуэзской конференции продолжала обостряться. Первым выступлением Франции после отставки Бриана явилась правительственная декларация Пуанкаре в палате депутатов 19 января. Декларация была выдержана в резко империалистических тонах. Пуанкаре заявлял, что правительство будет добиваться выполнения версальских постановлений, что оно потребует уплаты причитающихся Франции платежей без каких-либо уступок и будет сохранять санкции, не эвакуируя левый берег Рейна. Пуанкаре очень сдержанно приветствовал перспективу заключения англо-французского пакта, но зато обещал парламенту, что правительство займет твердую позицию в отношении Генуэзской конференции. «Мы будем настаивать,— говорил Пуанкаре,— чтобы условия, определенные протоколом в Каннах, были приняты или отвергнуты делегатами до всякой дискуссии и чтобы никакие постановления договоров не дебатировались — пусть косвенно — на конференции. При отсутствии точных гарантий в этом отношении мы были бы принуждены вернуть себе свободу действий» [2].

Правые приветствовали воинственные заявления Пуанкаре. Радикалы же убеждали палату в том, что с Советской Россией можно и, пожалуй, должно вести переговоры; можно потому, что в Советской России возрождаются капиталистические отношения; должно,— так как советское правительство уже подписывает контракты с Германией на получение локомотивов, рельсов, сельскохозяйственных машин. «Этот режим,— говорил Эррио о Советской России,— будет эволюционировать, он уже эволюционирует... Вот уже там восстанавливается частное хозяйство, свобода торговли, капитализм, деньги» [3].

Правдивый, революционный голос о Советской России и Генуэзской конференции прозвучал во французском парламенте только со скамей коммунистов. Марсель Кашен в своей речи раскрыл подлинное значение Генуи как результата поражения политики антисоветской интервенции. «В продолжение более чем трех лет, — говорил Кашен, — различные французские правительства вели против революционной России политику

[1] «Известия ВЦИК» от 19 января 1922 года.

[2] «Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires» № 4, 1922, p. 38.

[3] Ibidem, p. 53.

разрушения. Эта политика опровергается сегодня самым радикальным образом».

Вслед за правительственной декларацией последовали реальные шаги Пуанкаре, стремившегося во что бы то ни стало сорвать Генуэзскую конференцию. 9 февраля Пуанкаре направил Ллойд Джорджу пространную ноту, в которой излагалась позиция Франции в вопросе о Генуэзской конференции. Пуанкаре заявлял, что хотя французское правительство и принимало участие в посылке приглашения на конференцию, но оно может отказаться от участия в ней, если права и интересы Франции будут ущемлены. Далее Пуанкаре указывал на то, что советское правительство не заявило официально, что оно полностью принимает каннские условия. Пуанкаре вновь требовал гарантий против возможных попыток дополнить порядок дня конференции.

Французское правительство подробно перечисляло в ноте все принципы каннской резолюции, подлежащие уточнению до созыва Генуэзской конференции. К числу таких принципов Пуанкаре относил уважение к внутренней организации и системе правления каждого государства. Как быть, если в какой-либо стране (подразумевалась, конечно, Советская Россия) вообще не существует права собственности? Очевидно, говорилось во французской ноте, интересы иностранцев должны регулироваться особыми правами, другими словами — так и сказано было в ноте, — надо выработать «подлинный режим капитуляций». В ноте выражалось требование, чтобы были точно определены обязательства Советской России уплатить долги и возместить убытки иностранцам, имущество которых было национализировано. Французское правительство требовало, чтобы Советская Россия до конференции провела «утверждение нового экономического порядка или скорее восстановление старого экономического порядка». «Посмотрим,— заявлялось в ноте,— расположены ли Советы согласиться на облегчение торговли, на правовые и юридические гарантии, на защиту промышленной собственности... на консульский статут» [1]. Французское правительство настаивало также на том. чтобы проектируемый на конференции пакт о ненападении не лишал союзников возможности принять меры против Германии, если она не будет выполнять свои обязательства по версальскому договору. Наконец, в заключение нота настаивала на отсрочке созыва конференции, по крайней мере, на три месяца, чтобы можно было подготовить более обширную и детальную программу. Французская нота представляла собой плохо замаскированный отказ от решений Каннской конференции, отказ от переговоров с Советской Россией. Было совершенно очевидно, что Пуанкаре под разными предлогами стремится сначала оттянуть конференцию, а затем сорвать ее.

Это угрожало планам Ллойд Джорджа, и английский кабинет поспешил с ответом на французскую ноту. Соглашаясь с предложением французов о необходимости согласования взглядов союзных стран по ряду вопросов до Генуи, английское правительство предлагало поручить выработку такого соглашения совещанию экспертов. Англия возражала против предложения французов включить в состав комиссии экспертов представителей Польши, Чехословакии, Румынии и Югославии. Английское правительство возражало также против того, чтобы в предварительном обсуждении вопросов, связанных с Генуей, участвовали представители государств, не представленных в Верховном совете. Так, Англия настойчиво отодвигала в сторону французские вассальные государства.

Компромисс между Англией и Францией в вопросе о Генуе был достигнут при посредничестве чехословацкого премьера Бенеша. Бенеш предложил: отсрочить конференцию до начала апреля, исключить из обсуждения на конференции мирные договоры и репарации и установить,

---

[1] «Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires» № 4, 1922, p. 280.

что участие в конференции представителей Советской России не будет означать политического признания Советов. Бенеш предлагал учредить в самом начале работ конференции комитет, который должен будет изучить условия немедленного возобновления торговых сношений с Советской Россией. Решения этого комитета позволят государствам заключить торговые соглашения или торговые договоры с Советской Россией. Только после этого, в зависимости от результата работ конференции, будут установлены политические условия признания Советской России.

25 февраля Ллойд Джордж встретился с Пуанкаре в Булони. Свидание это было устроено благодаря посредничеству Бенеша, и оба премьера приняли основные положения его меморандума. Отношения между Ллойд Джорджем и Пуанкаре были чрезвычайно натянутыми. Передавали, что Пуанкаре не пригласил даже Ллойд Джорджа пообедать, и английскому премьеру пришлось удовольствоваться станционным буфетом.

В Булони было решено созвать в ближайшее время в Лондоне экспертов для изучения экономических и технических вопросов конференции. Срок конференции был отнесен на 10 апреля. Поводом для отсрочки послужила отставка итальянского кабинета Бономи, последовавшая вскоре после отставки Бриана. В Булони было условлено, что еще до конференции в Генуе представители Англии и Франции подпишут новый союзный договор и обсудят вместе с Италией ближневосточный вопрос.

Франции удалось, таким образом, настоять на сужении рамок конференции в Генуе и на ее отсрочке. Ллойд Джордж пошел на уступки в связи с тем, что Англия как раз в этот момент испытывала серьезные затруднения в колониях. 28 февраля британское правительство вынуждено было признать независимость Египта и заявить об отказе от протектората над ним. Английская и англо-индийская печать была полна самых тревожных сообщений о волне национально-освободительного движения. Проявить в такой момент неуступчивость по отношению к Франции означало бы для Ллойд Джорджа рисковать возможностью срыва Генуэзской конференции, т. е. рисковать всей европейской политикой Англии, а следовательно, и судьбой своего коалиционного кабинета.

После свидания в Булони правительство Пуанкаре, учитывая, что созыва Генуэзской конференции трудно будет избежать, попыталось использовать все средства для того, чтобы обеспечить свои позиции в Генуе. Внутри страны велась работа по сплочению реакционных сил; правая печать, поддерживая Пуанкаре, настаивала на том, чтобы Франция не соглашалась ни на какие уступки. Пертинакс в «Эко де Пари» заявлял, например, что если Советская Россия уклонится от переговоров в Генуе, то «все предприятие по этой причине не должно быть оставлено. Напротив, успех в таком случае еще более обеспечен. Надо будет приняться за Россию по частям, например, начать с восстановления Кавказа, который связан с Москвой весьма ненадежной нитью» [1]. В конце февраля в Париже была образована комиссия по защите прав французских кредиторов, на требования которых могло бы опираться правительство Пуанкаре. В начале марта в Белграде состоялась конференция представителей Польши, Румынии, Югославии и Чехословакии, созванная для выработки единой программы действий Малой Антанты в Генуе. Конференция пришла к соглашению о совместных выступлениях в Генуе и высказалась за то, чтобы программа Генуи не выходила из рамок каннских резолюций, «совершенно не затрагивая тех вопросов, которые были исключены из этой программы» [2]. Таким образом Малая Антанта поддерживала Францию, поскольку дело касалось сохранения версальской системы. Но, судя по сообщениям газет, в главном вопросе Генуэзской

---

[1] «L'Echo de Paris», 2 mars 1922.

[2] «Международная жизнь» № 4 от 12 апреля 1922 г., стр. 22—23.

конференции государства Малой Антанты заняли иную позицию нежели Франция: они решили держаться нейтральной линии в отношении Советской страны.

17 марта в Варшаве в результате встречи министров иностранных дел Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии было заключено политическое соглашение между этими государствами. Но, как вскоре выяснилось, эта попытка Франции создать накануне Генуи блок прибалтийских стран во главе с Польшей оказалась несостоятельной.

Особую позицию в вопросе о Генуэзской конференции заняли Соединенные штаты Америки. После Канн правительство США в течение двух месяцев хранило упорное молчание по поводу приглашения в Геную. Правда, весьма выразительным ответом был принятый 3 февраля сенатом США билль Мак-Кормика о погашении союзниками 10-миллиардной задолженности с процентами в течение 25 лет. Но все же формально правительство США изложило свою позицию в вопросе о Генуе только 9 марта, когда итальянскому послу в Вашингтоне был вручен за подписью Юза ответ правительства США. США наотрез отказывались участвовать в конференции. Причины были довольно недвусмысленно изложены Юзом. Так как конференция носит скорее политический характер, заявлял Юз, то правительство США не может не считаться с нежеланием народа вовлекаться в европейские дела [1]. Ларчик открывался просто: поскольку из порядка дня Генуи был исключен вопрос о репарациях и о межсоюзнических долгах, т. е. вопрос об европейских рынках для американских капиталистов и их вложениях в Европе, — США нечего было делать на конференции. Что же касается вопроса об отношениях с Советской Россией, то США, как наиболее мощная капиталистическая страна, дольше европейских держав могли оставаться на позиции непризнания социалистического государства. Поэтому нота Юза отводила вопрос о признании Советской России.

Однако вместе с тем правящие круги США очень опасались, что русский рынок в результате Генуэзской конференции может быть монополизирован той или иной европейской державой. Нота Юза весьма откровенно выражала эти опасения. «...Американское правительство считает... — говорилось в ноте,— что в ожидании восстановления основ производительной деятельности России, которые были указаны в декларации, обнародованной американским правительством 25 марта 1921 года, и без которых американское правительство считает все попытки экономически восстановить Россию напрасными, не следует ничего предпринимать в смысле получения от России экономических преимуществ, которые нанесли бы ущерб справедливым интересам других наций» [2].

Упоминание об «интересах русского народа» плохо скрывало известный тезис политики «открытых дверей». Недаром «L'Europe Nouvelle» в статье «Отказ Америки» поясняла, что США опасаются ущерба для того самого принципа «равных возможностей», о котором так много говорилось по поводу Китая в Вашингтоне» [3].

Среди шума, поднятого западноевропейской прессой вокруг Генуи, среди дипломатической чехарды «великих» и малых государств только одна страна, из-за которой, в сущности, и созывалась конференция, только Советская Россия сохраняла полное спокойствие и выдержку. До открытия конференции Ленин говорил о ней лишь один раз: в докладе на XI съезде партии. Ленин не только сам мало говорил о Генуе, но считал даже, что наша печать, подражая буржуазной, уделила Генуэзской конференции непомерно много места, «в ущерб действительным, практи-

[1] См. «Правда» от 14 марта 1922 года.
[2] Там же.
[3] L'Europe Nouvelle» № 11, 18 mars 1922, p. 326.

ческим и насущным нуждам нашего строительства вообще, хозяйственного в особенности»[1]. С присущей ему зоркостью Ленин прекрасно видел, что различные проекты и переговоры государственных деятелей капиталистической Европы в связи с Генуей, точно так же как и оглушительная трескотня буржуазной прессы, являются лишь искусственной «надстроечкой».

Начисто отметая всю «генуэзскую» шелуху, Ленин вскрывал подлинное значение игры западноевропейских политиков в связи с Генуэзской конференцией. «Мы прекрасно понимаем, — говорил он, — что лежит в основе этой игры: мы знаем, что суть ее составляет торговля. Буржуазным странам надо торговать с Россией: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет итти дальше, как он шел до сих пор»[2].

«...Мы с самого начала заявляли, что Геную приветствуем и на нее идем; мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только»[3].

В своем докладе на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов Ленин показал беспочвенность проектов Пуанкаре и других представителей реакции, рассчитывавших на капитуляцию Советской России в Генуе. Нелепость этих расчетов становилась особенно ясной в свете ленинских напоминаний о недавнем поражении империалистов Антанты в их борьбе против Советской России.

«Угроз мы видали достаточно,— предупреждал Ленин,— и притом более серьезных, чем угрозы торговца, который собирается хлопнуть дверью, предлагая свою, самую что ни на есть последнюю, цену. Мы видели угрозы пушками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. Угроз этих мы не испугались. Об этом, господа европейские дипломаты, пожалуйста, не забывайте... Мы уже испытывались и испытывались не словами, не торговлей, не рублем, а дубьем. И мы уже заслужили тяжелыми, кровавыми и мучительными ранами то, что про нас не мы сами, а противники должны сказать: «За битого двух небитых дают»[4].

Ленин отметил попытки навязать Советской России условия как побежденной стране, называя такие попытки «пустым вздором, на который не стоит отвечать»[5].

Со всей силой и решительностью Ленин в докладе 6 марта заявил, что изменения в советском законодательстве, проведенные на основе новой экономической политики до весны 1922 г., являются пределом уступок, на которые идет Советская Россия по отношению к капиталистам[6].

На XI съезде РКП(б), излагая позицию партии и советского правительства в вопросе о Генуе, Ленин предупреждал от чрезмерных надежд на Геную, указывая, что нельзя ручаться за успех Генуэзской конференции; «...весьма даже правдоподобно, что доведется разойтись»[7],— говорил он. Вместе с тем Ленин подчеркивал, что Советская Россия так или

[1] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 225.
[2] Там же, стр. 169.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 171.
[5] Там же, стр. 173.
[6] Там же, стр. 179.
[7] Там же, стр. 226.

иначе добьется расширения торговли с капиталистическими странами, если даже кому-либо и удастся на время насильственно прервать ее. «Через Геную, — говорил Ленин, — если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи — если им вздумается упрямиться. Но цели своей мы достигнем!» [1].

Ленин отчетливо видел всю расстановку классовых сил и группировок в капиталистических странах в связи с Генуей. Он отмечал, что в буржуазном лагере имеется чрезвычайно сильное течение, клонящееся к тому, чтобы сорвать Генуэзскую конференцию. Ленин указывал, что это течение является гораздо более могущественным чем другие течения, которые добиваются созыва конференции.

«Понятно,— говорил Ленин,— что, когда мы идем в Геную как купцы, нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики» [2].

Ленин подчеркивал, что дальнейшая отсрочка конференции будет означать убыток для государств Антанты, так как она, во-первых, подорвет их престиж, а во-вторых, ухудшит условия, на которых они в данный момент могут заключить соглашение с Советской Россией. Наряду с этим Ленин в своем докладе дал понять правящим кругам Антанты, что кампания реакционных групп вроде Пуанкаре ни к чему не приведет и что с Советской Россией надо договариваться. Ленинская оценка перспектив Генуи и его напоминание о бдительности по отношению к капиталистическому окружению нашли горячий отклик в стране. Ленинские указания звучали в многочисленных резолюциях собраний рабочих, красноармейцев, служащих, в наказах советской делегации на Генуэзскую конференцию. Во всех этих наказах и решениях красной нитью проходила одна мысль: ни о какой капитуляции в Генуе не может быть и речи, и советский народ должен держать порох сухим.

Среди откликов на предстоящую Генуэзскую конференцию советская печать опубликовала заявление бывшего главнокомандующего русской армией А. А. Брусилова, который подчеркивал, что союзники не имеют права считать Россию своим должником, так как «русской кровью, пролитой в наступлениях, предпринятых по настоянию «союзников», сторицей оплачена вся незначительная помощь, оказанная ими нам» [3].

На страницах газет печатались «счета» Украины, Сибири, отдельных губерний и городов, предъявляемые союзникам за материальные разрушения и жертвы, причиненные союзнической интервенцией. В числе первомайских лозунгов Центрального Комитета партии, опубликованных в печати за подписью товарища Сталина, был лозунг: «Делегации советов в Геную наш наказ: мы победили, мы—хозяева в стране, наши завоевания — нерушимы, наша власть — незыблема, права и границы советских республик — неприкосновенны!» [4].

Чувства трудящихся Советской страны были ярко выражены в стихотворении Маяковского «Моя речь на Генуэзской конференции»:

«...Болтают язычишки газетных строк:
«Испытать их сначала...»
Хватили лишку!
Не вы на испытание даете срок —
а мы на время даем передышку».

[1] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 226.
[2] Там же.
[3] «Известия ВЦИК» от 9 апреля 1922 года.
[4] «Правда» № 84 от 14 апреля 1922 года.

Гневом и возмущением звучало напоминание Маяковского о неоплатных долгах международного империализма—организатора антисоветской интервенции:

«О вздернутых Врангелем,
о расстрелянном,
о заколотом
память на каждой крымской горе.
Какими пудами
какого золота
оплатите это, господин Пуанкаре?
О вашем Колчаке — Урал спросите!
Зверством — аж горы вгонялись в дрожь.
Каким золотом —
хватит ли в Сити?! —
оплатите это, господин Ллойд-Джордж?
Вонзите в Волгу ваше зрение:
разве этот
голодный ад,
разве это
мужицкое разорение —
не хвост от ваших войн и блокад?»[1].

Советское правительство парировало попытки срыва Генуи острыми дипломатическими выступлениями, которые разоблачали закулисные маневры реакционной буржуазии. Еще 25 февраля Наркоминдел обратился к итальянскому министру иностранных дел делла Торретта и английскому — Керзону с резким протестом против отсрочки конференции без назначения нового срока. Наркоминдел указывал, что Советская Россия назначила полномочную делегацию на конференцию, оторвав работников от важнейших государственных обязанностей и затратив огромнейший труд на подготовку необходимого материала. Созыв же Генуэзской конференции ставится в зависимость от таких случайных причин, как изменение состава того или другого правительства. Советское правительство напоминало, что приход к власти Пуанкаре на второй день после Канн поставил под сомнение осуществимость каннских решений. Теперь же министерский кризис в Италии снова ставит на карту судьбу Генуэзской конференции почти накануне выезда советской делегации. Советская нота предостерегала также от попыток изменить по существу принятые в Каннах условия участия Советской России на конференции в Генуе и в заключении настаивала на определении окончательного срока созыва конференции — 23 марта.

«Российское правительство,— так заканчивалась нота,— позволяет себе выразить надежду, что союзные страны, при назначении нового срока конференции, оставаясь верными своей обычной осторожности, уделят должное внимание соображениям об обязательности для них решений, принимаемых их представителями, а тем более премьер-министрами, и что им удастся выбрать для конференции место даже вне Советской России с максимальными гарантиями прочности правительства страны, во избежание дальнейших отсрочек по случайным причинам»[2].

15 марта Наркоминдел вновь обратился с нотой к правительствам Антанты по вопросу о конференции в Генуе.

Если в ноте от 25 февраля советское правительство раскрывало попытки Франции сорвать конференцию путем отсрочки ее на неопределенное время, то в ноте от 15 марта оно разоблачало маневры реакции, направленные к тому, чтобы принудить Советскую Россию капитулировать в Генуе перед требованиями Антанты.

---

[1] Владимир Маяковский. Том II, стр. 221. Госиздат. М. и Л. 1928.
[2] «Известия ВЦИК» от 28 февраля 1922 года.

В ноте от 15 марта разоблачалась кампания антисоветской лжи и клеветы, которая велась частью западной прессы, очевидно, инспирированной официальными кругами. Указывалось также, что на территориях соседних с Советской Россией государств создаются враждебные ей банды. Требуя положить конец антисоветской кампании, советское правительство излагало в ноте содержание законов, принятых им после поражения внешних врагов и внутренней контрреволюции,— законов, которые гарантировали хозяйственную деятельность иностранцев в России.

Советское правительство добивалось того, чтобы на Генуэзскую конференцию было приглашено правительство кемалистской Турции. Еще в январе Наркоминдел обратил внимание советских представителей в Лондоне, Риме и Берлине на то, что, по словам английских газет, Турция не приглашена в Геную. «Это известие,— говорилось в телеграмме Наркоминдела,— кажется совершенно невероятным», но его, тем не менее, необходимо тщательно расследовать, и если слух оправдается, «предпринять все необходимые и возможные шаги для обеспечения приглашения Великого Национального Собрания» [1].

24 февраля на советский запрос последовал раздраженный ответ британского правительства, переданный нашему торговому представителю в Лондоне: «Созываемая в Генуе конференция отнюдь не будет рассматривать турецкого вопроса, и, во всяком случае, вопрос о посылке приглашения на эту конференцию турецкому правительству вряд ли является таким вопросом, который касался бы российской торговой делегации в Лондоне или советского правительства в Москве» [2].

Таким образом, британское правительство, а вместе с ним и вся Антанта во всеуслышание заявляли о своей вражде к национально-освободительному движению в Турции. Впротивовес Антанте советское правительство еще раз продемонстрировало свое стремление к освобождению зависимых стран из-под гнета империализма. Недаром комиссар по иностранным делам турецкого Великого национального собрания — Джелал-бей — от имени Национального собрания и своего выразил благодарность советскому правительству за его заботу об участии Турции в Генуэзской конференции [3].

Советское правительство стремилось также разрушить планы Антанты, главным образом Франции, рассчитанные на сколачивание антисоветского блока прибалтийских государств. Первая конференция прибалтийских государств должна была, по замыслу Франции, оформить такой блок. Позиция прибалтийских государств и Польши являлась в этот момент противоречивой. С одной стороны, эти государства, будучи вассалами одни — Франции, другие — Англии, выступали против Советской России. С другой стороны, правящие круги этих государств опасались, что их интересы будут ущемлены, когда дело пойдет о соглашении Антанты с Советской Россией. Эта тревога усилилась после того, как в феврале в газете «Рижский курьер», органе польского представительства в Латвии, появилась никем не опровергнутая заметка, весьма обеспокоившая прибалтийские государства. В заметке сообщалось, что Франция якобы вручила правительствам окраинных государств ноту, в которой требует их участия в уплате царских долгов. Печать Латвии, Литвы, Эстонии стала подсчитывать, что́ это требование означает. Проф. Баллод высчитал, что Латвии пришлось бы уплатить 250 млн. руб. золотом — одни только проценты с этой суммы могли пробить серьезную брешь в государственном бюджете Латвии.

Кроме того прибалтийские государства беспокоились, как бы соглашение Антанты с Советской Россией не повлекло за собой пересмотра

---

[1] «Правда» от 22 января 1922 года.

[2] «Известия ВЦИК» от 28 февраля 1922 года.

[3] «Известия ВЦИК» от 4 марта 1922 года.

договоров, заключенных ими с советским правительством. В этой обстановке 29—30 марта в Риге собралась конференция, в которой участвовали представители Латвии, Эстонии, Финляндии, Польши и (в конце конференции) представитель советского правительства. Литва отказалась от участия на конференции, ссылаясь на то, что она не может обсуждать какие-либо вопросы совместно с Польшей. Участие в конференции представителя Польши было, по существу, формальным, так как он, ссылаясь на «недостаточность полномочий», уклонился от голосования основных резолюций. На конференции было принято общее решение, по которому договаривающиеся государства признавали желательным согласование своих действий в Генуе и полезность взаимной гарантии договоров, заключенных каждым из представленных на конференции государств с Советской Россией.

Подтвердив мирные стремления представленных на ней государств и желание их сохранять между собой добрососедские отношения, конференция высказалась за признание Советской России де-юре. Советское правительство, со своей стороны, согласилось освободить прибалтийские государства от падающей на них доли «русского долга». Конференция также решила поддерживать в полной мере принцип ограничения вооружений Решения Рижской конференции отнюдь не могли удовлетворить советское правительство: во-первых, они были слишком общи, половинчаты, а во-вторых, они не были решениями в с е х прибалтийских государств.

«Ориентируясь на Варшаву, или, точнее сказать, на Париж,— писали «Известия» по поводу конференции,— эти малые государства не защищают, а нарушают свои собственные интересы. Горький опыт рано или поздно научит их или, по крайней мере, часть из них, что в их интересах лежит ориентация на Москву» [1].

Тем не менее даже половинчатые решения некоторых прибалтийских государств имели положительное значение для Советской России, поскольку эти решения оттягивали Латвию, Эстонию, отчасти Финляндию от блока, который Франция подготовляла против советского государства.

★

Чем ближе подходил день открытия Генуэзской конференции, тем больше волновали ее перспективы общественное мнение Западной Европы. Накануне конференции вопрос о ней и в особенности вопрос об отношении к Советской России широко дебатировался в западноевропейских парламентах. В английском парламенте обсуждение вопроса о Генуэзской конференции открылось 3 апреля речью Ллойд Джорджа. Как и в прежних выступлениях, Ллойд Джордж не жалел красок для того, чтобы описать тяжелое положение Европы. «Если бы европейские страны,— говорил английский премьер о последствиях мировой войны,— сложили вместе в одну пирамиду все их мобильное богатство, накопленное столетиями промышленного производства и экономики, и подожгли бы ее,— результат вряд ли мог быть более законченным» [2].

Сущность речи Ллойд Джорджа сводилась к тому, что Генуэзская конференция исследует лучшие способы экономического восстановления Европы. Ллойд Джордж заявил, что в Булони не было принято никакого ограничения работ предстоящей конференции в Генуе, помимо тех, которые были установлены в Каннах.

Английский премьер подробно остановился на центральном вопросе — о Советской России. Он указывал на исключительное значение в мировой экономике страны, которая до мировой войны давала ¼ всего

[1] «Известия ВЦИК» от 1 апреля 1922 года.

[2] «Parliamentary Debates House of Commons» Vol. 152, № 40. 3 april 1922. Col. 1884.

экспортируемого в мире зерна, ⅔ потребляемого в Европе льна, ½ мирового производства пеньки и 50% ввозимого в Англию леса. Ллойд Джордж перечислял условия, на которых возможно признание Советской России: признание долгов, восстановление конфискованной собственности иностранцев или компенсации за нее, прекращение пропаганды. Премьер убеждал палату в том, что с Советской Россией можно вести переговоры. Он приводил пример Питта, который неоднократно пытался установить отношения с революционной Францией конца XVIII века. Цитируя речи Питта, Ллойд Джордж доказывал, что Англия 1922 г. может попытаться установить мир с правительством, принципы которого «так же ненавистны... как и принципы террористов в 1792, 1793, 1794 и в позднейшие годы во Франции»[1].

Ллойд Джордж убеждал палату в том, что Советская Россия окажется податливой и согласится принять предлагаемые ей условия. С нескрываемым цинизмом Ллойд Джордж среди всех аргументов выдвигал на первое место голод: «...Голод явился великим средством, которое открыло России глаза... как на ее зависимость от соседей, так и на бесплодность плана, который она предложила в качестве метода разрешения жизненных проблем»[2]. Другим важным, с точки зрения Ллойд Джорджа, аргументом был его тезис о том, что Советская Россия сама эволюционирует к капитализму. Чтобы подтвердить этот тезис, Ллойд Джордж ссылался на... Ленина. Он заявил, что только наднях прочел речь Ленина, в которой якобы содержится «признание полного краха коммунистической системы» и «осуждение доктрины Маркса» не только «величайшим живущим ее представителем», но и «единственным человеком, который когда-либо попытался провести эту доктрину в жизнь». «Он,— говорил Ллойд Джордж о Ленине,— признает, что они были неправы, он признает, что они побиты»[3].

Какую же речь Ленина извращал так беззастенчиво Ллойд Джордж? Нетрудно установить, что английский премьер использовал доклад Ленина «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» на II всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 года.

Цитируя только те места доклада, где говорилось о военном коммунизме, Ллойд Джордж умалчивал о главном содержании речи, о ленинском плане перехода к социализму на путях новой экономической политики. Впрочем, передержки всегда были неотъемлемой принадлежностью политических выступлений английского премьера.

Если, заявлял Ллойд Джордж, Советская Россия, которая нуждается в машинах, транспорте, действительно готова уважать частную собственность и признать свои обязательства, то в таком случае есть почва для разговоров.

Английский премьер высмеивал людей, предсказывавших и в 1919, и в 1920, и в 1921, и в 1922 гг., что советское правительство идет к концу. Он предлагал добиваться в сотрудничестве с Францией сближения с Советской Россией, учитывая в то же время «резонное» предубеждение против большевиков и не идя на дипломатическое признание Советской России до тех пор, пока державы не убедятся в ее «искренности».

Речь Ллойд Джорджа вызвала оживленную дискуссию в палате. Лидер лейбористов Клайнс внес резолюцию недоверия правительству. В этой резолюции высказывалось недовольство ограничением порядка дня Генуэзской конференции. Клайнс предсказывал крах конференции в том случае, если она не займется ревизией версальского договора. Боясь, очевидно, чтобы его не обвинили в сочувствии большевикам, Клайнс заверял палату, что он не симпатизирует «большевистским ме-

---

[1] «Parliamentary Debates House of Commons». Vol. 152, № 40. 3 april 1922. Col. 1896.
[2] Ibidem. Col 1897, 1898.
[3] Ibidem. Col. 1898.

тодам» и является противником диктатуры пролетариата. Все же он вынужден был заявить, что разрушения в Советской России произведены военной интервенцией: «За то состояние задолженности и бедности, которое переживает Россия, русские представители могут потребовать от нас некоторой платы»[1]. Клайнс настаивал на прямом и полном признании Советской России и равных условиях в переговорах с ней.

Выступавшие в прениях консерваторы возражали против признания Советской России, пытаясь принизить значение Советской страны в мировой торговле. Полковник Греттон утверждал, например, что Советская Россия долгие годы не будет в состоянии вывозить хлеб. Иные, чисто политические мотивы звучали в речи такого видного консерватора, как Бонар-Лоу. Он решительно отвергал признание Советской России, так как, по его словам, оно усилило бы советское правительство «против возможных изменений изнутри». Бонар-Лоу подобно Ллойд Джорджу также ссылался на ленинские речи, но отнюдь не считал, что советская власть эволюционирует к капитализму. «Я читал другую речь Ленина, произнесенную в марте,—говорил Бонар-Лоу, полемизируя с Ллойд Джорджем.— Там Ленин в действительности говорит: «Мы провели эксперимент, он зашел слишком далеко и мы остановим его»[2]. Говоря о мартовской речи Ленина, Бонар-Лоу имел в виду доклад Владимира Ильича «О международном и внутреннем положении Советской республики» на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 года. Как известно, в этом докладе Ленин сказал, что «...отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено»[3]. Консерватор Бонар-Лоу лучше прочел и понял Ленина нежели либеральный вождь коалиции Ллойд Джордж. Весьма любопытны были рассуждения Бонар-Лоу и о характере Октябрьской революции. Если Ллойд Джордж взывал к тени Питта, вспоминая о французских якобинцах, то Бонар-Лоу указывал на пропасть, которая отделяет Октябрьскую революцию от французской революции XVIII века. «Французская революция,— говорил он,— как бы плоха она ни была, никогда не создавала таких крайних законов, которые не допускают права частной собственности»[4]. Бонар-Лоу заявлял, что поэтому с Советской Россией нельзя торговать и ее не следует признавать де-юре ни при каких условиях.

Все же несмотря на оппозицию лейбористов и крайних консерваторов Ллойд Джордж собрал подавляющее большинство в палате: за утверждение каннской резолюции как базы для Генуэзской конференции голосовало 372 человека, против — всего 74.

Во французском парламенте также со всей остротой был поставлен вопрос об экономическом значении торговли с Советской Россией для народного хозяйства Франции. Так например депутат Делессаль, настаивая на возобновлении экономических отношений с Советской Россией, говорил о том, что Англия и Германия опережают Францию. «Тяжелая констатация! — говорил Делессаль.— В то время как Англия (в 1921 г.— *Н. Р.)* вывезла в Россию 134 тыс. тонн товаров, Франция — только 2700 тонн». Из 224 кораблей, пришедших в 1921 г. в Петроград, нет ни одного французского. А в это время морская торговля во Франции умирает. Советская Россия заказала в Германии локомотивы, говорил Делессаль, в то время как большие французские фирмы не имеют заказов и отпускают рабочих. «Надо интервенировать в России,— говорил Делессаль,— но интервенировать средствами экономиче-

---

[1] «Parliamentary Debates House of Commons». Vol. 152, № 40. 3 april 1922. Col. 1914.

[2] Jbidem, Col. 1938.

[3] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 175.

[4] «Parliamentary Debates». Vol. 152, № 40. 3 april 1922. Col. 1939.

ского восстановления, чему никто в России, и прежде всего большевики, никогда не смогут противостоять»[1].

Представители республиканского блока доказывали, что условия торговли с Советской Россией якобы не представляют выгоды и никакая торговля с ней вообще невозможна, пока во главе правительства стоят большевики. Депутат Эрлих подобно Бонар-Лоу протестовал против мысли об эволюции Советской России к капитализму. «Нет, ничто не изменилось в большевистской России»,— утверждал Эрлих. Ему вторили другие правые депутаты, например Бодри д'Ассон, заявивший, что он рассматривает Генуэзскую конференцию как «результат капитуляций Бриана перед произвольными директивами Ллойд Джорджа»[2].

Только коммунисты подняли во французском парламенте голос в защиту Советской России. Марсель Кашен вновь подчеркивал, что приглашение Советской России в Геную означает разрыв французского и других западноевропейских правительств с прежней политикой. Кашен говорил о прочности советской власти, о действительном значении Красной Армии. Советское правительство, говорил Кашен, «хорошо знает, что в условиях капиталистического мира... недостаточно быть пацифистом; чтобы не подчиняться насилию, надо противопоставить ему сильнейшим образом организованное сопротивление и оборону». Прерываемый озлобленными репликами крайних правых: Леона Додэ, Тардье и других,—Кашен заявил, что поддержка, которую Франция оказывала Колчаку и другим белогвардейским генералам, даст возможность советскому правительству выставить свои контрпретензии и эти контрпретензии сбалансируют русские долги. Кашен требовал, чтобы французское правительство, которое продолжает поддерживать банды Врангеля на Балканах, банды Петлюры и Савинкова, открыто заявило об отказе от политики военной агрессии против Советской России, приняло все условия Канн и признало Советскую Россию.

В германском рейхстаге обсуждение вопросов, связанных с Генуэзской конференцией, началось 28 марта правительственной декларацией о ноте репарационной комиссии от 21 марта. Репарационная комиссия известила этой нотой германское правительство, что временно, до 31 мая, сумма денежных платежей снижается. Но репарационная комиссия не удовлетворилась программой финансовых реформ, представленной германским правительством, и потребовала, чтобы германское правительство, во-первых, повысило налоги по меньшей мере на 60 млрд. бумажных марок, из которых минимум 40 млрд. должно было быть собрано до конца 1922 года. Комиссия настаивала на том, чтобы был установлен союзнический контроль над германским налоговым управлением.

Возражая против требований репарационной комиссии, рейхсканцлер Вирт выражал надежду на то, что проблема репараций будет разрешена в Генуе: «Либо конференция уже сегодня осуждена на полную неудачу, либо союзные правительства признают необходимость привести намерения репарационной комиссии в соответствие с великой целью Генуэзской конференции»[3].

Против правительственной декларации выступали националисты, требуя решительного отклонения ноты репарационной комиссии, ревизии Версаля и новых выборов в рейхстаг.

Представители партии центра, германской «народной партии» и социал-демократы отстаивали «политику выполнения» и поддерживали правительство. Маркс (лидер партии центра) заявлял, что эта политика

[1] «Journal Officiel» № 39, 25 mars 1922, pp. 1084, 1086, 1087.
[2] «Journal Officiel» № 45, 1 april 1922, p. 1378.
[3] «Verhandlungen des Reichstags». Band 353. Stenographische Berichte, S. 6622. Berlin. 1922.

предотвратила санкции со стороны Франции и спасла Германию от распада. Социал-демократ Штампфер также расценивал решения в Каннах как передышку для всего мира, которая избавила Германию от вторжения французов в Рур и от новой блокады. Но лейтмотивом выступлений депутатов всех буржуазных и социал-демократической партий было обращение к Англии против Франции, апелляция к Ллойд Джорджу против Пуанкаре. Представители буржуазных партий, взывая к Ллойд Джорджу, пугали союзников перспективой победы большевизма в Германии. Не случайно почти все они, так же как социал-демократы, напоминали об известном меморандуме Ллойд Джорджа и Клемансо на Парижской мирной конференции 25 марта 1919 года. «То, что тогда говорил Ллойд Джордж в своем меморандуме,— заявлял Штреземан,— что эти дела могут привести к тому, чтобы подготовить в Германии место для большевизма,— это и сегодня не потеряло своей правоты»[1]. Штреземан говорил, что если Франция будет и дальше усиливать свой нажим на Германию, неизбежны волнения и политические беспорядки. В том же духе говорил и Вальтер Ратенау: «Восток Европы пал... Германия всеми своими силами борется за свое существование... Гибель Германии—это гибель Европы»[2]. Наконец, лидер партии центра Маркс выражал надежду на то, что «если в Генуе победит мудрость, если возобладает не ненависть Франции, а разум Англии и по-купечески спокойный трезвый рассудок Америки,— тогда Генуя будет звездой, которая выведет Европу из ее бедственного хозяйственного положения»[3].

Так апеллируя к Англии и застращивая Антанту перспективой социалистической революции в Германии, германская буржуазия и социал-демократы выпрашивали себе снисхождение у победителей.

Представители буржуазных партий в рейхстаге затрагивали в своих речах вопрос о Советской России. В этих речах сквозила боязнь, что Франция, Англия, Италия и другие участники международного концерна по восстановлению Европы попытаются оттереть Германию от русского рынка. Однако, в особенности перед Генуей, такие германские политики, как Ратенау, Штреземан, понимали необходимость сближения с Советской Россией. Недаром оба они в своих речах предостерегали от того, чтобы позиция Германии в русском вопросе не была истолкована как позиция колонизатора.

Зато социал-демократы не скрывали своей злобы по отношению к Советской России; социал-демократ Штампфер закончил свою речь в рейхстаге выпадами против советской звезды и против Красной Армии.

Маневры буржуазных партий и социал-демократов были разоблачены коммунистической партией Германии в ее декларации, зачитанной в рейхстаге 30 марта. В резких, бичующих словах коммунисты клеймили внешнюю политику правящих классов страны. «Германская буржуазия,— говорилось в декларации,— постоянно дрожит перед опасностью, что каждый конфликт с победоносным капиталом Антанты может подтолкнуть германский рабочий класс к самостоятельному действию»[4].

Декларация заявляла, что именно поэтому буржуазия превращает Германию в колонию Антанты. «Политика выполнения», проводимая правительством Вирта, заявляла коммунистическая партия, возлагает все тяготы версальского мира на рабочих и привела германский пролетариат к нищете и рабству.

Декларация предупреждала, что Англия, на которую германская буржуазия возлагает все свои надежды, оставит Германию на произвол судьбы, чтобы столковаться с Францией. «Германия играет роль раз-

[1] «Verhandlungen des Reichstags». Band 353, S. 6647.
[2] Ратенау В. «Генуя и Канны», стр. 51
[3] «Verhandlungen des Reichstags». Band 354, S. 6643.
[4] Ibidem, S. 6701.

менной монеты в борьбе Англии и Франции за гегемонию в Европе, так как она отказалась вести самостоятельную политику на Востоке, которая одна могла превратить Германию из объекта мировой политики в действующий субъект. Такая политика на основе безусловного признания советского правительства принудила бы Антанту считаться с Германией и умерить возложенные на нее тяготы...

Но политика Германии — политика презираемого раба Антанты. Весь 1919 год германская буржуазия помогала Антанте бороться против России. После краха интервенции она вместе с Англией свернула в сторону, но никогда не решалась шагнуть хотя бы чуть-чуть дальше Англии. И это несмотря на то, что широчайшие круги германского народа, не только пролетариата, но также буржуазии, все яснее видят, что спасение Германии — в сотрудничестве с русским народом» [1].

Декларация коммунистической партии резко осуждала политику Вирта и Ратенау — их отказ от соглашения с Россией накануне Генуэзской конференции и присоединение к бесстыдной антисоветской программе экспертов. «Так,— заключала декларация,— Германия идет в Геную, прикованная к западным державам-победительницам цепью нового ультиматума, без какой бы то ни было политической и моральной поддержки Советской России — единственной силы, которая может оказать сопротивление Антанте» [2].

Дебаты в европейских парламентах полностью подтверждали ленинский прогноз о значении борьбы двух групп буржуазии: агрессивной и пацифистской. Учитывая противоречия между этими группами, внешняя политика Советской страны твердо держалась последовательного ленинского курса.

★

...Срок Генуэзской конференции приближался. Пока буржуазная печать оглушала общественное мнение широковещательными статьями и очередными сенсациями по поводу Генуи, в тиши министерских кабинетов шла настоящая, «деловая» подготовка к конференции.

28 марта в Лондоне в результате восьмидневной работы эксперты Антанты закончили составление объемистого документа — секретного меморандума «о восстановлении России и Европы».

Собирались на конференцию и в Москве. Центральный Комитет партии выработал детальные директивы для советской делегации. Директивы эти тщательно обсуждались несколько раз.

«Мы готовы»,— записал Владимир Ильич 25—26 марта, набрасывая план доклада на XI съезде партии.

---

[1] «Verhandlungen des Reichstags». Band 354, S. 6702.
[2] Ibidem, Ss. 6702—6703.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В 1917—1920 ГОДАХ

И. Разгон

Товарищ Сталин весной 1918 г. писал: «...Власть в центре уже стала действительно народной, выросшей из недр трудовых масс. В этом сила и могущество советской власти... Но на окраинах, населенных отсталыми в культурном отношении элементами, советская власть еще не успела стать в такой же степени народной. Революция, начатая в центре, распространилась на окраины, особенно на восточные, с некоторым опозданием... Для того, чтобы власть там стала народной, а трудовые массы социалистическими, необходимы, между прочим, специальные способы вовлечения трудящихся и эксплоатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития. Необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей — слить с последней» [1].

Деятельность замечательных большевиков Орджоникидзе и Кирова, руководителей борьбы горских трудовых масс за победу социалистической революции на Северном Кавказе, и заключалась в претворении в жизнь этих сталинских указаний. Именно здесь, в национальных районах Северного Кавказа, требовались «специальные способы вовлечения трудящихся и эксплоатируемых масс... в процесс революционного развития».

Борьба за победу социалистической революции на Северном Кавказе проходила в особо сложных условиях. Много десятилетий Северный Кавказ был колонией русского царизма. На лучших землях горцев расположились казачьи станицы, опоясавшие по Тереку и Сунже горы, куда были царизмом загнаны народы Северного Кавказа. Линии казачьих станиц закрывали горцам — ингушам, чеченцам, осетинам и кабардинцам — свободный проход с гор на равнину. Они служили, после завоевания Кавказа укрепленными пунктами для русского царизма в его борьбе против свободолюбивых горских народов, пытавшихся вернуть некогда принадлежавшие им земли, освободиться от национального и экономического гнета, принесенного царизмом, освободиться от эксплоатации и гнета своих помещиков и нарождающейся буржуазии.

Лишенные земли, загнанные в горы, народы Северного Кавказа влачили жалкое существование. Они были обречены на медленное вымирание. Не случайно поэтому борьба горцев Северного Кавказа за свержение власти царизма и капитализма была столь острой и вылилась в форму общенародной борьбы за такую власть, которая способна была бы разрешить главный, интересовавший горцев вопрос — вопрос о земле. Ход внутренней борьбы на Северном Кавказе в 1917 г. показал трудящимся массам, что такой властью могла быть только власть победившего пролетариата, власть советов. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа против русских помещиков и их союзников — местных буржуазно-националистических и феодальных элементов — вспыхнула с новой силой после свержения самодержавия.

Большевики возглавили борьбу безземельных горцев, крестьянской и казачьей бедноты против русских и местных помещиков и буржуазии. Горская контрреволюционная верхушка под флагом так называемого «самоопределения» быстро объединилась и выступила на борьбу с народными массами.

1 мая 1917 г. во Владикавказе собрался съезд горцев Северного Кавказа. Горские кулаки, князья и помещики, офицеры, муллы всех народностей Северного Кавказа и Дагестана решили объединить свои силы и договориться с казачьей контрреволюционной верхушкой о совместной борьбе против народного движения. Вместе с чеченским миллионером Тапо Чермоевым, крупным помещиком, кумыкским князем Каплановым, кабардинским коннозаводчиком Пшемахо Коцевым и известным осетинским спекулянтом Асланбеком Бутаевым восседали на этом съезде атаман терского казачьего войска Караулов, его помощник есаул Медяник и др.

Горское мусульманское духовенство, ранее воспитывавшее горские массы в духе преданности корану и зеленому знамени газавата — священной войны против русских,— теперь торжественно одобрило со-

[1] «Правда» № 67 от 9 апреля 1918 года.

юз горской и казачьей контрреволюции. Избранный на этом съезде сперва муфтием, а затем и имамом Северного Кавказа и Дагестана известный дагестанский помещик-овцевод Нажмуддин Гоцинский благословил съезд русской и горской контрреволюции на борьбу против большевиков, против трудовых горских масс.

«Союз горцев Северного Кавказа» и его центральный комитет, созданный в результате этого съезда, были центром организации контрреволюционных сил среди горцев Северного Кавказа. Официальная платформа «союза горцев Северного Кавказа» и его ЦК заключалась в отторжении горских народов Северного Кавказа и Дагестана от России и создании «независимого» горского государства.

Накануне победы Октябрьской социалистической революции ЦК «союза горцев» активно участвовал в создании так называемого «юговосточного союза казачества и горских народов». «Юговосточный союз» должен был послужить плотиной, преграждающей путь на Северный Кавказ бушующим волнам социалистической революции. Когда все же в своем победном шествии Октябрьская социалистическая революция смела и эту плотину, то в декабре 1917 г. на Северном Кавказе и в Дагестане было создано так называемое терско-дагестанское правительство, куда вошли представители контрреволюционной казачьей и горской верхушки с целью объединения всех своих сил для борьбы против победившей пролетарской революции.

Опорой ЦК «союза горцев» были «национальные советы», организованные в Чечне, Ингушетии, Осетии. Во главе их стояли буржуазно-националистическая интеллигенция, национальная буржуазия и помещики.

Чеченский национальный совет обосновался в нескольких километрах от Грозного, в богатом чеченском селении Алды. Чеченская контрреволюционная верхушка во главе с грозненским домовладельцем Ибрагимом Чуликовым пыталась организовать вооруженные отряды, собирала съезды духовенства, кулачества.

Один из руководителей осетинского национального совета, Гаппо Баев, владикавказский городской голова, прекрасно уживался с атаманом Терского казачьего войска, был первым его помощником в борьбе против большевистской «крамолы». Осетинский национальный совет пытался повернуть осетинский народ на борьбу с большевиками. Такие же цели преследовал и ингушский национальный совет, во главе которого стоял крупный царский чиновник Вассан Гирей Джабагиев.

Ингушский народ по сравнению с другими народами Северного Кавказа был наиболее обездоленным: он сильнее других пострадал от колонизаторской политики царизма. Землю он мог получить, только свергнув власть помещиков и буржуазии. Несмотря на это ингушский национальный совет поддерживал Временное правительство.

Чтобы отвлечь бедноту от поддержки большевиков, казачья и горская контрреволюция летом 1917 г. усиленно раздувала пламя национальной вражды. Темные, реакционные силы плели паутину клеветы. По казачьим станицам ползли слухи, будто большевики призывают горцев грабить и уничтожать станицы. Муллы и горское кулачье, выполняя задание горской контрреволюционной верхушки, усиленно распространяли среди горцев слухи, что «шайтаны»-большевики уничтожают мечети, отнимают жен и детей.

Спровоцированные контрреволюционными элементами, то и дело возникали стычки как между горцами и казаками, так и между отдельными горскими народами. Пламя национальной войны грозило захлестнуть города, станицы и аулы Северного Кавказа.

Но горские народные массы выступали против своих контрреволюционных верхов. Лучшие их представители группировались в 1917—1920 гг. вокруг большевиков, вокруг С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе.

Движение в народных горских массах Северного Кавказа выдвинуло новых, замечательных людей, жизнью своей и героической смертью доказавших преданность родине и своему народу. Имена Георгия Цаголова, Дебола Гибизова, Николая Кесаева и других из Осетии, Асланбека Шерипова и Гапур Ахриева из Чечено-Ингушетии, Калабекова из Кабардино-Балкарии известны всем горским народностям Северного Кавказа.

Большевики придавали огромное значение работе среди осетинской бедноты. В качестве приводного ремня от большевистской организации к осетинской бедноте большевики использовали организовавшуюся в сентябре 1917 г. в Осетии революционно-демократическую партию осетинской бедноты — «Кермен». Названная по имени легендарного героя-раба, восставшего на защиту своих прав и предательски убитого поработителями, эта организация, фактически руководимая большевиками-осетинами, Гибизовым, Цаголовым и другими, пользовалась большой популярностью среди осетинской бедноты. Киров и Орджоникидзе относились особенно внимательно к «Кермен», сыгравшей в дальнейшем большую роль в борьбе за социалистическую революцию в осетинской деревне.

Осетинская революционно-демократическая партия «Кермен» была создана впротивовес контрреволюционному, националистическому «союзу горцев». Организаторы ее — передовые представители осетинской интеллигенции — понимали, что горскому бедняцко-середняцкому крестьянству не выбраться из пут нужды и национального угнетения без помощи рабочих и крестьян России, без свержения власти капиталистов и помещиков, русских и горских.

Организаторами «Кермен» были студенты Тимофей Гибизов (Дебола), Николай Кесаев (Колка) и Тарас Созаев (Тазе) из селения Христиановского, ныне Дигора.

Особенно большую роль в организации «Кермен» сыграл Гибизов. Центром деятельности «Кермен» была Дигория. Здесь сильнее чем где-либо сохранялись остатки крепостничества. Земля находилась в руках осетинских дворян-помещиков — «бадиллят» — и нарождающегося кулачества.

Впервые программа партии «Кермен» была опубликована 1 октября 1917 года во владикавказской большевистской газете «Красное знамя», которою руководил С. М. Киров.

Программа партии «Кермен» не отличалась особой стройностью и выдержанностью. Среди организаторов «Кермен» были в этот период расхождения по ряду вопросов. Так, Гибизову, предложившему назвать «Кермен» революционно-демократической партией, возражали тов. Колка Кесаев и другие, которые требовали отказа от названия партии «революционно-демократической» и принятия «Кермен» названия партии социалистической. Гибизов мотивировал необходимость назвать «Кермен» революционно-демократической партией особенностями обстановки в Осетии, недостаточностью политического опыта масс, необходимостью предварительного проведения ряда революционно-демократических преобразований и постепенного подведения масс к пониманию задач пролетарской революции.

Были разногласия и по вопросу об отношении к автономии Осетии. Но эти разногласия не шли дальше постановки вопроса об автономии Осетии в пределах единой Российской Федеративной Республики, что не противоречило программным требованиям в области национального вопроса и большевистской партии, выдвинувшей лозунг подлинного самоопределения наций. Одним из главных пунктов программы «Кермен» была борьба за захват помещичьих и кулацких земель и за передел их между осетинским трудовым крестьянством. Конечно, если подойти формально, в опубликованной программе керменистов было много нечетких формулировок, отражавших революционно-демократические, а отнюдь не коммунистические взгляды керменистов. Но дело не в этой декларации керменистов, а в их действиях, в их действительной борьбе на стороне большевиков.

Глубокую диференциацию осетинской деревни и рост классовой борьбы в ней неоднократно отмечал С. М. Киров в своих статьях и выступлениях. В статье «На берегах Терека», напечатанной в «Правде» летом 1918 г., Киров уделяет много внимания классовой борьбе, развернувшейся среди горцев, и роли в ней партии «Кермен». «Программа этой партии в общем ни в чем не расходится с программой большевиков. Влияние партии «Кермен» огромно. Едва ли можно найти селение, где бы не было членов ее» [1],— писал он в этой статье.

Появление в Осетии революционно-демократической партии «Кермен» было встречено осетинской буржуазно-националистической и феодальной верхушкой со злобой и ненавистью. В ответ на развернувшуюся деятельность «Кермен» в селении Христиановском и в Дигории местное кулачество создало свою организацию — «Готон» («Плуг»),— во главе которой стояли С. Тобоев, Магомет Акоев и др. Готонисты старались срывать собрания, организуемые керменистами, создавали свою вооруженную силу. Но осетинская беднота за ними не шла. «Готон» так и остался небольшой кулацкой организацией, не имевшей поддержки в Дигории.

Другой организацией, созданной в Осетии впротивовес «Кермен», была контрреволюционная партия осетинских помещиков, офицеров и попов — «Коста». Назвав свою организацию именем популярного и любимого народом осетинского поэта Коста Хетагурова, контрреволюционеры надеялись обмануть осетинский народ, отвлечь народные массы от «Кермен». Но это им не удалось. Партия «Коста» не нашла поддержки со стороны трудового осетинского крестьянства; осетинский народ с возмущением отнесся к попытке контрреволюционных осетинских верхов спекулировать именем Коста Хетагурова.

★

4(17) ноября 1917 г. приехал во Владикавказ со II всероссийского съезда советов С. М. Киров. Он был полон впечатлений от штурмовых октябрьских ночей, от встречи с Лениным и Сталиным, которых он видел и слышал в Петрограде. В день своего приезда Сергей Миронович выступил с отчетным докладом на заседании Владикавказского совета рабочих и солдатских депутатов. Городской театр был переполнен. Тысячи людей, затаив дыхание, слушали его вдохновенную речь.

Ярко обрисовав картину измены и подлости Временного правительства, эсеров и меньшевиков, предавших революцию, Киров рассказывал о беспримерном мужестве питерского пролетариата, ринувшегося на штурм капиталистической твердыни. Он говорил о большевиках — руководителях борьбы за социалистическую революцию: «третья Великая русская революция имеет своим основным отрядом те элементы, которые задачи социализма ставят в порядок сегодняшнего дня. Итак, да здравствует Всероссийский съезд советов! Да здравствует третья Великая русская революция!» [2] — закончил Киров свою речь под восторженные овации собравшихся.

В порядок дня большевиками Терека поставлена была задача захвата власти. Сложность обстановки усиливалась тем, что Терек был отрезан донской контрреволюцией—калединщиной—от Советской России. Против советской власти на Тереке выступил объединенный казачьегорский контрреволюционный блок.

6(19) ноября объединенное заседание войскового правительства и центрального

---

[1] Киров С. Статьи и речи. Т. I, стр. 48. Партиздат. 1935.

[2] Там же, стр. 12.

комитета «союза горцев Кавказа» приняло следующее постановление: «Вся полнота государственной власти на территории «союза горцев Северного Кавказа» переходит в руки центрального комитета «союза горцев». На территории Терского казачьего войска — Войсковому кругу и войсковому правительству».

Значение партии «Кермен» в эти дни еще более усилилось. Предстояла упорная борьба за привлечение трудящихся горцев на сторону пролетарской революции, победившей в центре страны. Большевики, опираясь в Осетии на «Кермен», успешно справлялись со своей задачей. Ярким свидетельством успехов большевиков явились выборы в Учредительное собрание и во Владикавказскую городскую думу, происходившие в конце ноября 1917 года.

На выборах в Осетии большевики и керменисты выступали объединенно. Во Владикавказе во время выборов в Учредительное собрание всего было подано 18 610 голосов. Список № 7 — большевистско-керменистский — получил 8218 голосов. Список № 5—партии народной свободы (кадетов)—собрал 4408 голосов. Все остальные списки собрали еще меньше голосов. Список № 1 — терского казачьего войска — собрал 3062 голоса, № 8 — эсеров — 1768 голосов, а № 4 — социал-демократической рабочей партии (объединенной), как называла себя небольшая группа меньшевиков после раскола Владикавказской объединенной организации РСДРП и выхода из нее большевиков,— собрал смехотворное количество голосов — 458 [1].

В Дигории, в особенности в Христиановском, развернулась жестокая избирательная борьба. Впротивовес большевистско-керменистскому списку № 7 в Христиановском меньшевики выставили кандидатуру местного уроженца, видного меньшевика Симона Такоева. Эту кандидатуру поддерживали и буржуазно-националистические организации Осетии. Несмотря на это большевистско-керменистский список № 7 собрал 95% голосов избирателей. Кандидатура меньшевика Симона Такоева провалилась.

Еще разительней был успех большевиков на выборах в городскую думу Владикавказа. Выборы происходили в начале декабря 1917 года. В них принимали участие 7792 человека. Предстояло выбрать 86 гласных. Большевики и здесь выступали вместе с «Кермен» и получили 38 мест в думе. «Союз домовладельцев и торговопромышленников» получил 17 мест, партия народных социалистов — 16 мест. Эсеры и меньшевики потерпели еще большее поражение чем на выборах в Учредительное собрание: первые получили 6 мест, вторые — 1.

Большевистско-керменистский блок шел на выборы под лозунгами борьбы за установление и на Тереке власти советов.

В дни выборов в Учредительное собрание ЦК «Кермен» обратился к В. И. Ленину со следующей приветственной телеграммой:

[1] См. «Горскую жизнь» № 40 от 9 декабря 1917 года.

«Осетинская революционная демократическая партия «Кермен» приветствует в Вашем лице рабочее и крестьянское правительство, осененное красным знаменем, знаменующим победу труда над капиталом. Знайте, что мы, сыны трудовой Осетии, жаждем осуществления лозунгов третьей революции» [2].

Вместе с большевиками керменисты Осетии выступали на Моздокском и Пятигорском съездах народов Терека, борясь за установление советской власти на Тереке. Борьба завершилась 17 марта 1918 г. на Пятигорском съезде, когда волею трудящихся на Северном Кавказе была установлена советская власть и создана Терская советская народная республика.

★

С первого дня существования советской республики на Тереке объединенный контрреволюционный блок казачьего офицерства и верхов горских народов повел борьбу против нее. Во Владикавказе находились контрреволюционные офицерские отряды. Продолжали существовать национальные советы, во главе которых оставались буржуазно-националистические верхи горских народов. В казачьих станицах осели многочисленное казачье офицерство и сбежавшие из Центральной России контрреволюционные элементы. Верхи казачества и горских народов всемерно раздували национальную рознь между народами, доводя ее до вооруженных столкновений. Разгорелась война между ингушами и осетинами; последних поддерживали казаки. Эти столкновения раскалывали единый фронт горского трудового крестьянства, ослабляли революционные силы Терека.

Межнациональные распри и казачье-горская война не давали укрепиться советской власти на Тереке, особенно в станицах и аулах, и разгромить контрреволюционный блок. Разрешить главнейший вопрос — земельный — без предварительной ликвидации национальной войны было также невозможно. Вот почему советская власть устремляет все свои силы на борьбу за прекращение национальной розни и за создание мирной обстановки на Тереке.

Киров предложил отправить на осетино-ингушский фронт в районе Базоркина — Ольгина делегацию, которой было поручено мирить враждующие стороны. Сергей Миронович сам стал во главе этой делегации. Вместе с делегатом съезда балкарцем Калабековым он прибыл в район боев. Во время переговоров с осетинами и ингушами Киров и Калабеков были обстреляны контрреволюционными элементами. Калабеков был убит. Киров добился прекращения войны. Обе стороны избрали мирные делегации. Во Владикавказе на съезде они заключили между собой мир. В ликвидации ингушско-осетинской войны большую роль сыграли керменисты. Когда контрреволюционные верхи осетинского народа собирали по всей Осетии молодежь

[2] «Правда» № 193 от 1 декабря 1917 года.

для отправки на ингушско-осетинский фронт, керменисты, разъехавшись по селениям, вели большую разъяснительную работу. Они выступали против осетинских контрреволюционеров, раздувавших пламя межнациональной войны, и не допустили участия осетинской молодежи в борьбе против ингушей.

С. М. Киров отмечал потом высокий уровень дисциплины среди керменистов, выполнивших приказ своего ЦК о борьбе против поджигателей межнациональной войны.

В тех же целях установления мира между горскими народами были проведены съезды отдельных народов Терека. 31 марта в Нальчике собрался съезд народов Кабардино-Балкарии. Руководил съездом народный комиссар по национальным делам Терской республики ингуш-большевик Гапур Ахриев. Кабардинские князья и помещики формировали особые сотни для борьбы с революционным движением и с целью разгрома съезда. Народные массы были крайне возбуждены. В Нальчик для охраны съезда ко дню его открытия потянулись тысячи вооруженных всадников со всех аулов и селений Кабарды и Балкарии.

Семействам князей-контрреволюционеров, оставшимся в аулах и селениях, от имени народа было сообщено: «Мы приняли священную клятву, что если от ваших рук погибнет хотя бы один из видных народных политических работников, все вы будете уничтожены до последнего» [1]. Контрреволюционные отряды не посмели напасть на народный съезд.

10 апреля в селении Христиановском состоялся съезд осетинского народа. На съезде присутствовал представитель Совнаркома Терской республики Пашковский. Вооруженные отряды керменистов бурно приветствовали съезд. Из их рядов выступил убеленный сединами старик-осетин. Обратившись к съезду и к многочисленной толпе, пришедшей приветствовать съезд, он сказал: «Мы те, которые будут до последней возможности защищать интересы трудового народа, безразлично, к какой бы национальности он ни принадлежал» [2].

В селении Назрань 15 апреля состоялся съезд ингушского народа. В огромном дворе крепости, представлявшем собой естественный амфитеатр, собралось около трех с половиной тысяч ингушей. Президиум съезда находился в середине. Участники съезда разместились вокруг него. В центре делегаты сидели на земле, за ними стояли новые ряды, за стоящими—всадники. На съезде присутствовал С. М. Киров, он выступил первым. Его речь о задачах народной власти на Тереке съезд слушал с огромным вниманием, прерывая ее аплодисментами.

Наряду со съездами горских народов был созван казачий съезд.

---

[1] «Народная власть» № 3 от 2 апреля 1918 года. Владикавказ.

[2] «Народная власть» № 14 от 17 апреля 1918 года.

★

Прошло два с половиной месяца после установления советской власти на Тереке. Советская власть укреплялась. Народные массы все больше проникались доверием и любовью к ней.

Объединенная казачья и горская контрреволюция, вынужденная отдать власть советам, считала свое поражение временным. Попрятавшись по станицам и аулам, уйдя в глубокое подполье, контрреволюционеры плели сеть заговоров, восстаний, новой межнациональной войны.

Совнаркому Терской республики было ясно, что необходима своя вооруженная сила, необходимы решительные меры для окончательного разгрома контрреволюции. Но у советского правительства Терека не было ни средств, ни вооружения. Связь с центральным правительством также была чрезвычайно слаба.

Партийная организация Терека и Совет народных комиссаров решили командировать в Москву делегацию для установления непосредственной связи с советским правительством и Центральным Комитетом партии, а также для организации помощи Терской республике. Решение об этом было вынесено в конце апреля. Делегатами были избраны С. М. Киров и Асланбек Шерипов (последний вследствие обострения положения в Чечне поехать не мог). С. М. Киров в начале мая выехал в Москву [3].

К этому времени закончилась кратковременная мирная передышка. Создалась чрезвычайно опасная обстановка. К Поволжью двигались чехословацкие эшелоны; начиналась интервенция. Внутри страны вспыхивали кулацкие мятежи, организуемые эсерами. Юг Советской России—Кубань, Терек, Ставрополь — был отрезан от революционных центров страны. Украина была захвачена немцами. Огненное кольцо контрреволюционных казачьих мятежей сомкнулось вокруг трудящихся Терека, отчаянно боровшихся во главе с небольшой группой большевиков за сохранение власти советов на юге России. Этой борьбой теперь руководил ленинский посланец Серго Орджоникидзе, «чрезвычайный комиссар юга России». Серго приехал на Северный Кавказ в апреле 1918 года. Гражданская война не утихала. Вопрос о земле практически еще не был разрешен до конца. Большие массивы земли все еще продолжали оставаться в руках казацкой верхушки, горских феодалов и кулачья. Несмотря на все усилия советской власти потушить национальную

---

[3] С. М. Киров, организовав экспедицию помощи из Москвы, пытался сам осенью 1918 г. пробраться во Владикавказ, но это ему не удалось. Возвратившись в Москву в январе 1919 г., он организовал вторую экспедицию, но и она не сумела дойти до Терека, так как Терек в это время был занят деникинцами. Кирову было предложено остаться в Астрахани и возглавить ее оборону.

вражду, вспышки ее, раздуваемые казачьими и горскими верхами, не прекращались.

Единственной боевой силой, на которую опирались большевики Терека, были красногвардейские рабочие отряды Владикавказа и Грозного и немногочисленные отряды советски настроенной горской молодежи, во главе которых стояли горцы-большевики.

В этот период (май 1918 г.) большинство керменистов организованно вошло в большевистскую партию. Небольшая националистически настроенная группа частью сама ушла из партии, частью была выброшена из ее рядов. Керменисты, влившись в большевистскую партию в мае 1918 г., вплоть до окончания гражданской войны, до 1921 г., составляли «осетинскую окружную организацию РКП(б) («Кермен»)». В эту организацию входили большевики, работавшие в селениях Осетии. Окружная осетинская организация большевиков продолжала некоторое время носить имя «Кермен».

После вхождения в большевистскую партию «Кермен» оказалась на положении родственной организации «Гуммет», входившей в Бакинскую большевистскую организацию в 1917—1918 годах. «Гуммет», была первой социал-демократической организацией, объединившей в период первой русской революции 1905 г. рабочих-мусульман, она довольно долгое время вела на правах филиала Бакинской большевистской организации партийную работу среди мусульманских рабочих. «Гуммет» и в 1917—1918 гг. принимала активное участие в общебольшевистской работе Бакинской организации.

Существование «Гуммет» было вызвано необходимостью противопоставить азербайджанским буржуазно-националистическим организациям особую организацию, объединившую большевиков из мусульман для того, чтобы вести партийную большевистскую работу среди мусульманского населения. Придавая большое значение большевистской партийной работе в среде рабочих-мусульман с целью привлечения их на сторону партии, признавая необходимость особых форм партийной работы среди них, VI съезд РСДРП(б) выразил пожелание, чтобы ЦК партии оказал материальную и всякую другую поддержку «Гуммет» в ее работе.

Существование большевистской организации «Кермен» обусловливалось такими же причинами. Это был вполне правильный шаг, облегчавший большевистскую работу в осетинской деревне.

20 июня 1918 г. во Владикавказе был предательски убит на митинге председатель Совнаркома Терской республики старый большевик Ной Буачидзе. Это убийство было звеном в общей цепи мероприятий, разработанных казачьими верхами для свержения советской власти.

В конце июня на Тереке начались мятежи. Моздокский совет был разгромлен. Съехавшаяся в Моздок казачья верхушка вынесла постановление о борьбе с советской властью. Был создан «терский казачье-крестьянский совет» под председательством меньшевика Георгия Бичерахова. Казаки захватили железнодорожный путь, отрезав Терек от Советской России.

Во время работы IV съезда народов Терека банды мятежников налетели на Владикавказ. Первый удар белых приняли рабочие Курской и Молоканской слободок. Они задержали контрреволюционные банды. Борьба в городе приняла затяжной характер. Малочисленные красноармейские отряды, рабочие дружины, отряд керменистов упорно защищались. Но белые получили подкрепление. Силы врагов росли. Прятавшееся в городе контрреволюционное офицерство и буржуазия присоединились к мятежникам.

Орджоникидзе добился помощи ингушей для борьбы с мятежниками. Из Грозного на помощь Владикавказу спешил рабочий батальон. Казачьи станицы были окружены. Ингушские отряды и отряд грозненских рабочих начали наступление на Владикавказ. Не имея поддержки в городе, отрезанные от своего тыла, белые начали отступать. 18 августа красные части вошли в город. Под руководством Серго был закончен IV съезд трудовых народов Терека.

В борьбе с бичераховским мятежом большую роль сыграли керменисты, отряды которых Серго направлял на ответственные участки боев. В дни августовских боев осетины-керменисты героически сражались с мятежниками, среди которых была большая прослойка осетинских контрреволюционеров во главе с осетинами ген. Мистуловым, полковниками Беликовым, Кибировым, Агоевым и др.

Белые, временно захватив Владикавказ, расстреляли попавших в плен керменистов, в том числе и Николая Кесаева.

Бичераховский мятеж отрезал селение Христиановское и всю революционную Дигорию больше чем на два месяца от Владикавказа.

Оставшиеся в Христиановском большевики-керменисты создали революционный совет Дигории во главе с Георгием Цаголовым. Все члены партии были переведены на казарменное положение. Не хватало оружия и боеприпасов. Достать их через Владикавказ было невозможно. Военно-революционный совет Дигории решил связаться непосредственно с Пятигорском и Георгиевском. Через Кабарду, Пятигорск в Георгиевск, где находился арсенал, был послан отряд большевиков-керменистов. Он привез оружие, патроны, две пушки и снаряды. Вплоть до октября 1918 г., когда удалось установить связь с Владикавказом, отряды керменистов дрались с белыми бандами полковника Кибирова в районе Змейской, с отрядом Серебрякова — в Кабарде.

Осенью 1918 г. бичераховский мятеж был ликвидирован. Кончилась героическая стодневная борьба грозненских рабочих против мятежников. Бичераховцы были разбиты и бежали в Дагестан, а частью, отступив к северу, присоединились к «добровольческой» армии ген. Деникина.

★

Наступление Деникина и контрреволю-

ционный казачий мятеж окрылили и буржуазно-националистическую контрреволюцию. Так называемый ЦК «союза горцев», выгнанный своими народами с Терека и перекочевавший в Тифлис, повел там переговоры с грузинскими меньшевиками и немцами, в то время подлинными хозяевами Закавказья, приглашая их на Северный Кавказ для борьбы с советской властью. ЦК «союза горцев» наводнил национальные районы своими агентами. Однако успеха они не имели. Трудовой народ прекрасно знал, что ему сулит «горское государство» под главенством Чермоевых, Каплановых, Коцевых.

Состоявшийся во Владикавказе в конце ноября общегорский съезд народов Терека обсуждал вопрос о «горском правительстве» (т. е. ЦК «союза горцев»). Чеченская фракция съезда, обсудив вопрос о действиях «горского правительства», постановила «всемерно поддерживать советскую власть, дающую землю и волю трудовому народу. Чеченский трудовой народ и его Красная армия,—говорилось в резолюции,— присягнули на верность советской власти и этой присяге останутся верны до конца» [1]. Ингушская фракция единогласно присоединилась к резолюции, принятой чеченской фракцией.

Спустя три дня, 28 ноября, во Владикавказе открылся V съезд народов Терской республики. V съезд резко отличался от предыдущих съездов. Опыт прошедшей жестокой борьбы многому научил трудовые массы Терека. На V съезде большевики стали не только ведущей, но фактически единственной партией. Съезд, который насчитывал свыше 750 делегатов, единогласно принял резолюции, предложенные большевиками.

К этому времени ориентация буржуазно-националистических верхов горских народов меняется. Революционные потрясения в Германии, а затем и в Турции ослабили влияние этих стран в Закавказье. На смену им шли англичане; они укрепились сначала в Азербайджане, а затем проникли в Дагестан.

Не случайно «горское правительство» перекочевало из Тифлиса в Темир-хан-Шуру. К тому времени равнины Дагестана были захвачены буржуазно-националистическими отрядами. Советская власть сохранилась лишь в горной части Дагестана. «Горское правительство» резко активизировало свою контрреволюционную деятельность.

Усилилось классовое размежевание в среде горских народов советского Терека. Национальные народные советы, пришедшие на смену национальным советам, раскалывались. Организованные в разгар борьбы с открытой контрреволюцией, в борьбе против контрреволюционных буржуазно-националистических верхов, они объединили вокруг себя не только горскую бедноту, но и мелкую буржуазию горских народов, демократические круги горской интеллигенции. В зависимости от успехов и поражений советской власти эти колеблющиеся элементы, зараженные национализмом, цепляющиеся за свою собственность, метались от советской власти к националистической контрреволюции.

Революционная горская молодежь, выросшая в огне классовых битв под руководством большевиков, не могла мириться с колеблющейся политикой национальных народных советов. Она все теснее смыкалась вокруг большевиков, шла в их ряды.

Благодаря Орджоникидзе Ингушетия превратилась в подлинную опору советской власти на Тереке. Разоблачение предательской политики буржуазно-националистических ингушских верхов усилило расслоение. Подавляющая масса ингушей безоговорочно переходила на сторону советской власти. Под руководством Серго в Ингушетии оформилась коммунистическая организация.

В Ингушетии, где до этого знали только одного ингуша-большевика, выросла значительная большевистская группа. В Осетии партия «Кермен», вошедшая в состав Терской большевистской организации, завоевала всеобщую любовь и доверие. В Чечне революционные силы собрались вокруг Асланбека Шерипова; под его руководством была создана чеченская Красная Армия.

V съезд народов Терека показал новые сдвиги, происшедшие в среде горских народов. Вместо ставших традиционными на съездах горских фракций (ингушской, осетинской и т. д.) на V съезде была создана и выступила во главе горских народов горская коммунистическая фракция.

Декларация об образовании горской фракции коммунистов вызвала взрыв восторга одних и бешеную злобу и ненависть других. Самый факт образования единой горской коммунистической организации, куда входили ингуши, осетины, чеченцы и кабардинцы, до пролетарской революции почти не участвовавшие в политической жизни, свидетельствовал об огромной работе, проведенной большевиками за последний год.

Первое слово собравшихся на съезде было обращено к Ленину. Он был избран почетным председателем съезда.

Съезд наметил большую программу работ по разрешению аграрного вопроса в области, предложил немедленно наделить безземельных и малоземельных горцев, крестьян и казаков землей из областного земельного фонда. Было также решено приступить к организации ряда мелиоративно-агрикультурных мероприятий, к созданию опытных полей, племенных рассадников, научных агрономических учреждений.

Но реализовать эти решения Терская советская республика не успела. К ее границам подкатывались белые полчища Деникина. На Тереке началась кровавая борьба с деникинщиной. В этой борьбе трудовые массы горцев поддерживали большевиков.

В конце января 1919 г. деникинские части подошли к Владикавказу. Гарнизон го-

[1] «Революционный горец» от 28 ноября 1918 года. Владикавказ.

рода насчитывал всего несколько тысяч штыков. На Владикавказ были двинуты отборные части под командованием ген. Шкуро. Левое крыло деникинской армии под командованием ген. Геймана подошло к ингушским селениям Кантышево и Далаково и потребовало пропуска войск через Ингушетию. Ингуши отказали. Начались кровопролитные бои вокруг этих селений и Владикавказа. Четыре дня бешено дрались ингуши, оборонявшие Кантышево и Далаково. Семь дней рабочие батальоны и отряды Красной Армии стойко защищали Владикавказ от наседавших банд. Молодая военная школа красных командиров, созданная Орджоникидзе из горской молодежи, показала на фронте чудеса храбрости. Курсанты героически дрались, умирали; из 180 курсантов в бою под Далаковым погиб 131, но приказ о задержке белых под Далаковым был выполнен.

Серго перебрался со своим штабом к ингушам в Базоркино, чтобы непосредственно руководить боями. Фронт проходил в 150 шагах от места, где Серго расположил свой штаб. Лучшие красноармейские части, в том числе полк грозненских рабочих, сражались здесь. В дни боев, 4 февраля, в Базоркине собрались представители ингушского народа, чтобы обсудить вопрос об организации отпора деникинским бандам. Серго обратился к собравшимся с горячей речью. Победа Деникина, говорил он, принесет ингушскому народу прежнюю кабалу, угнетение, издевательства. Вернется царский офицер. Все, чего горец добился за год советской власти, будет уничтожено. Серго призывал ингушский народ объявить священную войну белогвардейским бандам. Он призывал к объединению всех горских народов, всех трудящихся для этой священной войны. Речь Серго вызвала необычайный подъем. Ингушский народ поклялся бороться против Деникина. В Чечню были посланы делегаты от ингушского съезда с просьбой о помощи. Чеченский народный съезд, собравшийся в селении Гойты, постановил немедленно послать на помощь ингушам отряд.

Но сила была на стороне белых. Владикавказ пришлось оставить. Надо было уходить и из плоскостной Ингушетии. Владикавказская группа коммунистов во главе с Орджоникидзе решила направиться в глубь горной Ингушетии. Грозненская группа после тяжелых боев отступила в горы Чечни.

Селение Христиановское в Осетии, известное своими революционными традициями, после долгих, тяжелых боев Красной Армии и керменистских отрядов с белыми было занято деникинским генералом Шкуро 31 января 1919 года. Большинство керменистов ушло в леса, где они начали создавать партизанские отряды. Многие из них погибли [1]. Часть осталась в Христиановском и других селениях Дигории для организации подпольной работы.

Белым генералам было нелегко захватить Дигорию. Каждое селение приходилось брать с бою. Каждый дом превращался в крепость. В уличных боях белые потеряли много солдат.

В Христиановском ген. Шкуро применил такой метод захвата улиц: впереди белых солдат гнали захваченных в селении по домам ни в чем не повинных стариков, женщин и детей. Белые надеялись, что обороняющиеся не будут стрелять в своих.

Один из керменистов, Кудзи Колаев, находившийся вместе с другими в засаде во дворе одного из домов Христиановского, видя, какой опасности подвергаются старики, женщины и дети, решил помочь им бежать. Выйдя навстречу толпе с винтовкой в руках, Кудзи Колаев, подойдя вплотную к офицеру, командовавшему белой конницей, крикнул в толпу: «Спасайтесь!»,— в упор выстрелил в офицера и убил его. Белые бросились на Кудзи Колаева. Храбрец был изрублен на куски. Пока белые расправлялись с Колаевым, толпа разбежалась. Таким образом многие были спасены от верной гибели. Старики-родители Колаева также погибли в борьбе против белых.

Шкуро, заняв Христиановское, жестоко расправился с семьями керменистов, с ранеными и больными красноармейцами. 200 красноармейцев и около 100 местных жителей были зверски расстреляны. Красные партизанские отряды, состоявшие из керменистов и красноармейцев, сосредоточившись в Дигорском ущелье, совершали налеты на гарнизоны белых.

Известные по Тереку своей жестокостью деникинские полковники Дорофеев, Икаев, Гутиев по приказу «правителя Осетии» полковника Хабаева неоднократно пытались проникнуть в горы для расправы с красными партизанами. Но успеха они не имели и с большим уроном возвращались назад.

Сопротивление большевиков-керменистов вызывало радость трудящихся Осетии и замешательство врагов. Участились случаи перехода отдельных солдат, насильственно мобилизованных белыми, на сторону красных партизан.

Серго, переправившийся в Ингушетию, развернул работу по организации борьбы с деникинщиной. Через Хизир Орцханова, ингуша-большевика, Орджоникидзе обратился с письмом к ингушскому народу. В этом письме, зачитанном на съезде ингушского народа в селении Хамхи, Орджоникидзе призывал горские народы к борьбе против белых.

Съезд единогласно постановил: «Крепко верить дорогому Серго Орджоникидзе и все его указания принять к неуклонному руководству и проведению в жизнь» [2].

В мае 1919 г. в селении Экажево собрались вторично представители ингушских аулов. На совещании обсуждались требования «добровольческой» армии о полном

[1] См. журнал «Пролетарская революция» № 2 за 1940 год, стр. 200, статью Арцу Тохова (С. М. Кирова) «Памяти дорогих товарищей керменистов».

[2] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР». Т. VIII, 124-б, л. 18. Протокол съезда.

подчинении и сформировании бригады ингушей для белой армии. Собрание из тактических соображений решило просить о продлении срока формирования бригады еще на месяц, а на самом деле воспользоваться временем для того, чтобы вооружить ингушский народ для отпора белым. В Тифлис за оружием был послан Хизир Орцханов.

На этом совещании был и Серго.

Через некоторое время после этого съезда Орджоникидзе с опасностью для жизни пробрался через Хевсуретию в Тифлис.

★

В феврале 1919 г., после того как Деникин вытеснил большевиков из опорных баз Северного Кавказа — Владикавказа и Грозного,— он немедленно начал вводить старые, царские порядки.

Национальная буржуазия и местные феодальные элементы всячески помогали ему в этом. Бывшие генералы и офицеры царской армии, вышедшие из местных дворянских кругов и с нетерпением ожидавшие прихода «добровольческой» армии, становились ее агентами и услужливо выполняли директивы Деникина.

Если верхушка горских народов была заинтересована в приходе деникинской армии и в ее помощи для расправы с народным движением, то горские трудящиеся с первого же момента встретили белых восстаниями.

Для усмирения горцев высылались целые дивизии и корпуса. В операции против чеченских аулов 22 февраля 1919 г. (Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан, Гойты и др.) участвовали конная дивизия в составе четырех полков и артиллерия с мощными резервами. Чеченцы оказывали упорное сопротивление белым. Деникинцам пришлось оставить занятый с боем аул Гойты и возвратиться в Грозный[1]. Усилив воинские части, действовавшие против чеченцев, конницей и артиллерией, командование «добровольческой» армии вновь начало наступление на чеченские аулы. Генерал Шатилов, руководивший операцией, обратился к чеченцам аулов Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан и др. с приказом о немедленной выдаче большевиков и полном подчинении Чечни Деникину.

Всем другим народностям Северного Кавказа (Ингушетия, Кабарда, Осетия, Дагестан) были предъявлены аналогичные требования. От Ингушетии потребовали подчинения лицам, назначенным деникинским командованием, свободного пропуска белых войск через ее территорию, уплаты казакам всех убытков, причиненных им ингушами с начала революции, выдачи всех ингушей, служивших в Красной Армии, и согласия на мобилизацию в ряды «добровольческой» армии всех способных носить оружие в возрасте от 18 до 40 лет для отправки их в Центральную Россию против советов.

Кроме того каждый двор должен был дать винтовку, 200 патронов к ней, револьвер-наган с 50 патронами, 25 пудов кукурузы и 2 тыс. руб. николаевских денег. Каждые два двора сверх этого должны были дать лошадь с седлом, голову крупного рогатого скота и 4 барана[2].

Ингушетия отказалась удовлетворить эти требования и ответила восстанием, вспыхнувшим в июне 1919 года. Командование «добровольческой» армии пошло по испытанному пути: были посланы карательные отряды, огнем и мечом расправлявшиеся с непокорным народом. Ингушские аулы Сурхохи и Экажево были разгромлены и сожжены дотла. Каждая мобилизация сопровождалась сожжением десятков аулов и убийством сотен жителей.

Пополнения из горцев были неустойчивы, многие из них перебегали в ряды Красной Армии и партизанских отрядов. Настроение горских народов, как передавали перебежчики, было таково, что «как только в Кизляре услышат первый выстрел из советского орудия, горцы все восстанут»[3].

Судьба чеченцев и ингушей постигла и другие горские народности. В союзе с местной знатью деникинцы расправились с Осетией. Особенно жестока была расправа с керменистами.

Для расправы с керменистами в Осетию были направлены особые карательные отряды. Селение Христиановское было разгромлено и сожжено. Все, что не успел уничтожить огонь, уничтожили и разграбили деникинцы: сносились дома, разбирались стены, снимались крыши, полы и т. д. Стада домашнего скота, лошади, повозки, домашние вещи, миллионы пудов пшеницы и кукурузы — все было расхищено. В окрестных селах и станицах были мобилизованы тысячи арб и бричек для вывоза имущества с 2 тыс. дворов селения Христиановского. 20 дней тянулись обозы с награбленным хлебом и имуществом.

Найденных керменистов жестоко убивали. Кроме повешенных в Христиановском 6 керменистов был зверски убит председатель ЦК партии «Кермен» Георгий Цаголов[4]. Больной, он даже не мог сопротивляться. Озверелые бандиты нанесли ему 18 штыковых ран и размозжили голову ударами прикладов. Ему было всего 23 года. В большевистскую партию он вступил весной 1917 г. в Москве, будучи студентом Московского университета; большевистской организацией Терека он был послан для руководства «Кермен». Он отдал свою жизнь своему народу. Замечательный оратор, талантливый организатор, Георгий Цаголов, большевик-керменист, был особенно ненавистен буржуазно-националистиче-

---

[1] ЦАОР, ф. 1486, д. № 34, лл. 46—49.

[2] «Правда» № 255 от 14 ноября 1919 года. Статья тов. Микояна.

[3] Газета «Красный воин» № 160 от 19 июня 1919 г. (орган политотдела Астраханского района).

[4] После вхождения партии «Кермен» в большевистскую организацию Терека Осетинский окружной комитет РКП(б) («Кермен») назывался также Центральным комитетом партии «Кермен».

ской, контрреволюционной осетинской верхушке.

Вслед за Христиановским наступила очередь остальной Дигории. Опьяненные ненавистью к своим жертвам, каратели не жалели ни стариков, ни детей. Дигорская беднота под руководством кермениcтов оказывала отчаянное сопротивление озверелым деникинским бандам и их союзникам из осетинского кулачья и офицерства. Но противник был сильнее. Виселицы покрыли всю Дигорию. За малейшее подозрение в сочувствии керменистам вешали.

В Кабарде и Балкарии хозяйничали банды белых кабардинских князей, мстивших за сопротивление, оказанное трудовой Кабардой Деникину во время его похода к Северному Кавказу. Кабардинская и балкарская беднота сформировала для борьбы с Деникиным конный отряд (270 сабель). Кабардино-балкарский отряд, вытесненный бандами Шкуро в Ингушетию, принимал участие вместе с красноармейцами в защите Владикавказа и позже отступил в горы Чечни и Ингушетии.

К осени 1919 г. весь горный Кавказ был охвачен пламенем восстаний. Восстанием в горах Кавказа против Деникина руководили Кавказский краевой комитет РКП(б) в Тифлисе и находившийся в Астрахани политотдел XI армии, во главе которого стоял тов. Киров. На Терек, на Черноморье, в Дагестан отправлялись люди, деньги, оружие. Руководители отрядов держали связь с Астраханью. По директивам Кирова все красные повстанческие части на Тереке были объединены.

21 января 1920 г. была создана Терская областная группа красных повстанческих войск. Был сформирован штаб группы, начальником которого был назначен прибывший представитель XI армии большевик-ингуш тов. Дудаев. По постановлению Кавказского краевого комитета, все ревкомы и повстанческие части на территории Терской области подчинялись вновь организованному штабу группы.

Партизанские отряды были сведены в ротные и батальонные соединения, к ним были прикреплены политруки и политкомиссары. Вместо старых наименований отрядов появляются новые, например «1-й отдельный сводный красноармейский батальон», подчеркивающие непосредственную связь отрядов с Красной Армией.

Красная повстанческая армия Терской области становится частью Красной Армии Советской России. Приказом от 26 января 1920 г. за № 4 в ней вводится общеармейский дисциплинарный устав, утвержденный ВЦИК. Командование группы завязывает непосредственные связи с Красной Армией Астраханского района. 25 января 1920 г. из слободы Воздвиженской в распоряжение командира красного Кавказского корпуса был отправлен красный партизанский отряд, состоявший из бывших чеченцев-абреков, для участия в борьбе за освобождение Терской области. Командиру отряда Абдул-Рашиду Исаеву дается задание — связаться с главным штабом войск Астраханского района [1].

В конце января 1920 г. командование деникинской армии, стремясь ликвидировать большевистский центр повстанчества, находившийся в слободе Воздвиженской, послало туда отряд с большим количеством пулеметов, с артиллерией и конницей. Небольшой отряд красных партизан, в 400 человек, стоявший в слободе Воздвиженской, был окружен со всех сторон.

31 января 1920 г. отряд белых, несмотря на свое огромное численное превосходство, потерпел полное поражение. Этот бой сыграл большую роль в дальнейшем развертывании восстания против белых в горах Кавказа. Партизанские отряды быстро росли.

После боя под слободой Воздвиженской штаб группы, перейдя в селение Шатой, наладил регулярную связь с командованием XI армии. Связь эта поддерживалась через ставропольских партизан-камышанцев, среди которых находился уполномоченный XI армии. Через них Терская группа получала денежные средства и инструкции. Реввоенсовет XI армии регулярно получал донесения о ходе восстания. С. М. Киров непосредственно руководил военно-политической работой штаба терских повстанческих войск. Развертыванию партийно-политической работы несколько мешали отсталость горцев, низкий культурный уровень, религиозный фанатизм. Коммунистическая программа, теория классовой борьбы, интернационализм усваивались горцами в процессе практической борьбы с деникинщиной. Требовались особые формы партийной работы среди горцев. С этой целью по предложению Кирова были созданы своеобразные массовые политические организации, которые объединили горскую бедноту и трудящихся горцев под руководством коммунистической партии. Ими руководил политотдел штаба группы. Организации эти назывались ячейками революционных горцев. Они охватили Чечню, Кабарду, Ингушетию, Осетию. Членами ячейки могли быть все горцы: «...а) активно боровшиеся и борющиеся за дело советской власти; б) сознательно относящиеся к современным событиям; в) не запятнавшие себя грабежами красноармейцев; г) не состоявшие ранее и в настоящее время на службе у казаков» [2].

На обязанности ячейки лежали: «...а) усиленная агитация и пропаганда за утверждение советской власти среди горских народов; б) организация и подготовка активного выступления широких чеченских трудовых масс против Добрармии; в) энергичная борьба с провокацией реакционных агентов; г) привлечение всех активных и

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», копия д. № 1 штаба терских повстанческих войск, л. 20.

[2] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР». Документы V тома «ИГВ».

сознательных чеченцев в ряды революционной чеченской организации»[1].

В районах, откуда деникинцы будут изгнаны, ячейки революционных горцев должны были революционным порядком немедленно утвердить власть трудового народа, создать революционные комитеты, которым и должна была передаваться вся полнота власти.

Ячейки объединялись в районные делегатские собрания, которые выбирали районные комитеты ячеек революционных горцев. Каждая ячейка выделяла президиум, который и руководил работой.

Значение революционных ячеек было огромно. Через них на всей территории горских народов велась интенсивная партийная работа. Идея создания ячеек революционных горцев, безусловно, была навеяна опытом работы массовой революционной организации осетинской бедноты «Кермен» в 1917—1918 гг., до вхождения последней в РКП(б). Ячейки революционных горцев дали возможность распространить полностью оправдавший себя опыт «Кермен» не только на Осетию, но и на все горские народы.

В Ингушетии, Осетии, Кабарде и Балкарии по решению Кавказского краевого комитета партии были образованы революционные комитеты, которые в военном отношении подчинялись штабу Терской группы повстанческих войск. Для непосредственного руководства готовящимся восстанием в Ингушетии было организовано отделение штаба красных повстанческих войск, которое объединяло действия Ингушетии, Осетии и Кабарды. Руководителем отделения был назначен помощник командующего Терской областной группы красных повстанческих войск тов. Мордовцев.

Штаб вел также работу и среди казачества Сунженской линии. В результате этой работы фронтовики-казаки отказывались воевать на стороне Деникина и начали создавать отряды по охране станиц и хуторов Сунженской линии от деникинцев. Штаб организовал на Сунженской линии ударную группу, которая должна была явиться ядром восстания терского казачества против деникинщины.

В селениях Чечни, Ингушетии, Осетии и Кабарды были организованы подпольные комитеты из сторонников советской власти. Они занимались пропагандой, боролись с грабежами и разбоями, с межнациональной травлей, которая провоцировалась контрреволюционной верхушкой Ингушетии и Осетии. Комитеты агитировали за идею объединения всего трудящегося народа Терека под руководством большевиков. В Ингушетии велась подготовка к захвату власти на местах по сигналу окружного ингушского ревкома.

В начале марта 1920 г. были созданы организующие и руководящие центры общего выступления горцев против деникинщины. Кавказский краевой комитет партии послал из Тифлиса людей. В Кабарду двигался отряд, организованный из бывших бойцов XI армии — кабардинцев.

Поход из Тифлиса в Кабарду по горным тропкам зимой, в стужу, был очень труден. По дороге к отряду присоединились кабардинцы, прятавшиеся в горах. Подходя к границам Чечни, отряд насчитывал уже свыше 100 человек. Штаб оказывал кабардинцам большую поддержку средствами и передал в распоряжение отряда кабардино-балкарскую роту, насчитывавшую около 200 человек. Трудящиеся Кавказа оказывали братскую помощь кабардинцам, идущим на родину для борьбы с помещичье-офицерским гнетом.

Беднота Ингушетии радостно встретила кабардинский отряд. 15 марта 1920 г. отряд занял первое кабардинское селение — Исланово. Штабом терских повстанческих войск перед кабардинским отрядом была поставлена основная задача: «Пробираться в Малую Кабарду, поднять массовое восстание Кабарды»[2].

В Осетии к этому времени был также организован революционный центр готовящегося восстания. Еще к концу августа 1919 г. по решению Кавказского краевого комитета партии отдельные коммунисты начали переходить из Грузии обратно в Дигорию. К началу 1920 г. большое количество коммунистов собралось в Черном лесу горной Дигории.

Много керменистов вернулось в аулы и селения, где была развернута подпольная работа. Как и раньше, особенно значительной была подпольная работа в Дигории. Руководил партийной подпольной работой в Осетии окружной комитет РКП(б) (бывший ЦК «Кермен»), организовавший ревком. Приказ о всеобщем выступлении был дан 17 марта 1920 года. К этому времени XI армия, громя деникинцев, заняла Ставропольщину и двинулась к Кизляру. Ночью 17 марта конные части штаба красных партизан заняли Грозный. Реввоенсовет XI армии за подписью командарма и члена РВС тов. Кирова отдал приказ красным партизанам о преследовании белых. Белые из Грозного отошли на Петровск. 22 марта они были изгнаны из Владикавказа, на этот раз окончательно.

Так, в совместной борьбе трудящихся горцев, организованных коммунистической партией в повстанческие отряды, и Красной Армии Терек был освобожден. По постановлению Центрального Комитета партии было создано бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе. Председателем бюро был назначен тов. Орджоникидзе, его заместителем — С. М. Киров.

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР». Документы V тома «ИГВ».

[2] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», копия д. № 3 штаба терских повстанческих войск, л. 32.

М. В. ФРУНЗЕ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

С. Сиротинский

Апрель 1914 г. застал М. В. Фрунзе в красноярской пересыльной тюрьме: он шел в ссылку после отбытия каторги в николаевской тюрьме... Большой барак был переполнен: каждый вновь прибывающий поезд выбрасывал все новые и новые жертвы кровавого царизма, новые партии ссыльных. На нарах, под нарами, на грязном, сыром, заплеванном полу — всюду полно... Знакомятся, беседуют... Настроение несмотря на жуткую обстановку бодрое: ведь каторга уже позади!

Партия ссыльных, в которую был включен тов. Фрунзе, направлялась в Иркутск, где должна была получить назначение в места ссылки.

Чтобы дать некоторое представление о личных переживаниях и состоянии Михаила Васильевича в этот период, приведем маленькую выдержку из его письма от 7 марта 1914 г., написанного им в николаевской каторжной тюрьме после получения неожиданного сообщения, что он 7 апреля, несколько ранее ожидаемого срока, будет отправлен вместе с другими в ссылку в Сибирь. «Знаете,— писал он,— я до сих пор как-то не верю, что скоро буду на свободе. Ведь больше 7 лет провел в неволе и как-то совсем разучился представлять себя на воле. Это мне кажется чем-то невозможным. Я страшно рад, что к моменту освобождения не превратился в развалину. Правда, временами хвораю и даже сильно, но теперь в общем и целом чувствую себя совершенно здоровым. Одно меня удручает — это глаза. Болят уже более 4-х лет. Неужели же не вылечу их на воле? Сейчас все время ощущаю в себе прилив энергии. Тороплюсь использовать это время в самых разнообразных отношениях».

Дальше тов. Фрунзе сообщает в письме об усиленной работе над собой, в частности об изучении им английского и французского языков, и продолжает: «Я ведь чем-чем только не был на каторге. Начал свою рабочую карьеру в качестве столяра, был затем садовником, огородником, а в настоящее время занимаюсь починкой водопроводов, сигнализации и, кроме того, делаю ведра, кастрюли, чиню самовары и пр. Как видите, обладаю целым ворохом ремесленных знаний. Не могу сказать, что знаю их в совершенстве, но все же кое-что знаю».

Тюремное начальство не торопится с отправкой ссыльных, и партия больше месяца сидит в иркутских бараках. Наконец, получено назначение: Киренский уезд, Иркутской губернии. 70 верст пешком до александровской пересыльной тюрьмы. Трудный путь никого не пугает.

Уже июнь месяц... На пересылке скопилось до 800 человек, отбывших каторжные сроки, но незаконно задержанных теперь здесь, в тюрьме. После долгих лет каторжной тюрьмы нервы у всех вконец истрепаны, а тут еще это новое подлое издевательство. Атмосфера накаляется, настроение заключенных до крайности напряжено. Тов. Фрунзе узнает, что он с группой товарищей попадает лишь в третью партию, отправляющуюся по Лене не раньше августа. Вырисовывается мрачная перспектива — сидеть под замком еще несколько месяцев. Начинается жестокая борьба с тюремной администрацией за немедленную отправку. Для переговоров с администрацией выбирается депутатом М. В. Фрунзе.

Вокруг Фрунзе объединяются политические заключенные. Особенно симпатизировали ему кавказцы, с которыми он как-то очень легко сходился. Они любили собираться вокруг него, и задушевная беседа текла... Он рисовал им заманчивые планы побега на родной Кавказ, где среди гор будет легко найти приют. Фрунзе так увлекался сам этими планами, что быстро заражал других и тотчас находил ярых приверженцев, готовых следовать за ним. Далее он строил не менее заманчивый план побега в далекую Персию. Там можно создать революционное гнездо и оттуда наводнять юг России революционной литературой, организовав для этой цели нелегальную типографию. Там же можно будет наладить школу для обучения боевиков... Уже образовалась группа, которая по выходе в ссылку должна была бежать с ним в Персию для осуществления этого плана. Принимались меры к заготовке паспортов.

В письме от 7 марта тов. Фрунзе пишет: «Итак, скоро буду в Сибири. Там, по всей вероятности, ждать долго не буду... Не можете ли... позондировать почву, не могу ли я рассчитывать на поддержку с их стороны на случай отъезда из Сибири. Нужен будет паспорт и некоторая сумма денег... Ох, боже мой! Знаете, у меня есть старуха

мать, которая ждет не дождется меня, есть брат и 3 сестры, которые мое предстоящее освобождение тоже связывают с целым рядом проектов, а я... А я, кажется, всех их обману...»

Между тем выясняется, что третья партия, в которую включен был тов. Фрунзе, и в августе по Лене не пойдет ввиду нехватки конвойных, в большинстве отправленных на фронт. Возникли слухи, что партия останется зимовать в тюрьме до весны, т. е. придется вопреки всяким законам сидеть еще сверх срока 8—9 месяцев.

Это было каплей, переполнившей чашу терпения ссыльных. Встал вопрос о последнем средстве борьбы — голодовке. Вопрос этот был поднят Михаилом Васильевичем. Тов. Фрунзе хорошо понимал, что, предлагая «голодовку до конца», он заведомо ставил на карту свою жизнь и жизни товарищей, так как организмы всех были истощены тюрьмой до крайности. Но другого выхода не было, и предложение было принято. Голодовка объявлена.

Администрация не ожидала этого. Тов. Фрунзе вызвали в контору и всячески убеждали прекратить голодовку, обещая быстро урегулировать с иркутскими властями вопрос об отправке. Однако, хорошо зная подлую лживость тюремщиков, Фрунзе наотрез отказался даже вести разговоры об этом, требуя официального и самого срочного распоряжения об отправке. Тогда администрация пустила в ход свое излюбленное средство — провокацию. Надзиратели дружно взялись за «индивидуальную обработку» наиболее слабых и малодушных, соблазняя их всяческими льготами. На эту удочку позорно пошла группа в 12 человек, которая покинула барак голодающих и перешла в другой. Этим был нанесен тяжелый удар участникам голодовки, создалась угроза ее срыва. Но Фрунзе при поддержке наиболее активных и твердых товарищей удалось не только удержать «фронт», но и приобрести новых союзников: к голодающим присоединилась даже группа уголовных в количестве 80 человек.

Тюремщики, поднявшие было голову, растерялись. В Иркутск к губернским властям полетели панические телеграммы. Настроение борющихся поднялось. Родилась уверенность в скорой победе.

Действительно, на четвертые сутки голодовки администрация капитулировала. Начальник тюрьмы объявил, что требования ссыльных удовлетворены, получено распоряжение срочно разместить партию в ближайших волостях Верхоленского уезда. Одержана победа! Победили главным образом благодаря мужеству, энергии и настойчивости М. В. Фрунзе.

Тов. Фрунзе единогласно был избран старостой партии ссыльных, с которой он шел. Он немедленно связался с коллективом ссыльных села Александровского, получил продукты, деньги, платье, повел переговоры с администрацией, и партия выступила в путь. Сам Фрунзе получил назначение в село Манзурку, Верхоленского уезда.

★

После всех неизбежных мытарств Михаил Васильевич с партией прибыл к месту назначения. Положение тяжелое: средств к существованию почти нет.

Еще в пересыльной тюрьме, особенно во время голодовки и на этапе, вокруг Михаила Васильевича образовался дружный кружок. По прибытии в Манзурку, по предложению тов. Фрунзе, этот кружок оформился в маленькую коммуну под наименованием «шестерка» (по числу вошедших в нее лиц). Коммуна заняла небольшой домик местной крестьянки Агриппины Ивановны Рогалевой. И здесь, в глухом углу, кипучая натура Фрунзе, казалось, не знала усталости. Прежде всего у него родилась идея организовать столярную мастерскую. Необходимых инструментов, однако, в Манзурке достать было нельзя, и вот тов. Фрунзе, только что вышедший из стен тюрьмы, тайно поехал в Иркутск за инструментами.

Начало декабря. Жестокие сибирские морозы. Фрунзе, легко одетый, проехал на крестьянской подводе четверо суток (до Иркутска 180 верст). Если он не замерз, то только потому, что большую часть пути бежал за санями. Поездка эта была очень рискованна и в другом отношении: при обнаружении его отлучки ее сочли бы за побег, а это грозило новой каторгой. К счастью, дело обошлось благополучно: Михаил Васильевич привез хороший набор нужных инструментов, а главное, возвратился сам целым и невредимым.

Организация мастерской быстро закончилась, и скоро в ней закипела работа. Руководитель мастерской тов. Фрунзе принимает заказы на изготовление ульев для агрономического поля и другие заказы. Дело идет успешно. Коммуна имеет неплохой заработок.

По инициативе тов. Фрунзе организована была из ссыльных также артель по заготовке дров.

Но эта хозяйственная деятельность не могла, конечно, удовлетворить тов. Фрунзе. Его мысль работала в ином направлении. Здесь, в ссылке, в тиши сибирской тайги, зародился у Михаила Васильевича план большой революционной работы в армии. На эту тему им велись бесконечные беседы. Вначале товарищи не понимали его стремления бежать на фронт. Они поняли его после того, как Фрунзе подробнее развил свой план проникновения на фронт для революционной работы, для изучения на практике военного дела и создания боевых, революционных кадров, чтобы в случае революции быть во всеоружии.

К концу лета 1915 г. по его инициативе был создан кружок по изучению военного дела из 12 человек. Товарищи начали регулярно проходить теорию военного дела и готовиться к побегу на фронт. Однако это удалось осуществить только одному Михаилу Васильевичу.

Домик в с. Манзурке, в котором жил тов. Фрунзе, стал центром политической ссылки. Сюда сходились товарищи и для серьезной беседы и просто поразвлечься.

Здесь с захватывающим интересом читались газеты, велись горячие споры, обсуждался ход империалистической войны. Трудно было товарищам разобраться в сложности военных действий. Но тут, как и раньше в тюрьме, приходил на помощь тов. Фрунзе. Он брал карту и давал подробный, обстоятельный анализ фронтовой обстановки. К большому удивлению товарищей, он совершенно свободно объяснял, почему наступление идет на том, а не на другом участке, в чем преимущество той или иной позиции и где можно ожидать дальнейших передвижений. Он ориентировался по карте, как полководец на поле битвы.

И когда предсказания Фрунзе о ходе военных событий подтверждались, товарищи в величайшем смущении спрашивали: «Откуда у тебя такие военные знания?—и шутили: — Тебе бы генералом, Миша, быть». Михаил Васильевич улыбался на шутку. Конечно, ни самому ему, ни товарищам не приходило в голову, что пройдет всего несколько лет и он, Фрунзе, станет во главе победоносных советских армий на фронтах гражданской войны.

Сохранилось письмо тов. Фрунзе, относящееся к этому периоду. Письмо это написано в Манзурке 25 января 1915 г. и адресовано в город Владимир, Ивану Михайловичу Петрову: «Здравствуйте, дорогой Ваня! Вы совершенно напрасно решили, что я Вас мало помню. Вообще-то я помню довольно хорошо всю нашу владимирскую братию, а некоторых, в том числе и Вас, особенно. Помните ли, например, Вы тот момент, когда меня отделили после приговора[1] от Вас и отправили в польский корпус. Ведь это Вы, а не кто другой крикнули мне громче всех: «Прощайте, Арсений!» Этот крик до сих пор отдается у меня в ушах и будет впредь отдаваться до тех пор, пока я жив. А стало быть, и помнить я Вас буду до тех пор. Вашему письму я был очень рад. От Коли я уже раньше узнал, что Вы во Владимире. О смерти Яши узнал только от Вас. Какая жалость, я очень полюбил Яшу и страшно хотел бы увидеться с ним. Но этому желанию теперь, увы, уже не исполниться. Грустно и больно... Много, много товарищей-друзей сошли в могилу, и мы сами приближаемся к ней. Я впал, как видите, в меланхолию. Но успокойтесь: это только момент. Просто при упоминании о Яше мне сразу же сделалось грустно. Вообще же я не пессимист. Жизнь в моем «теле» еще есть, и я еще намерен «повоевать». Немножко, конечно, поразвинтился, так страдаю желудком, слегка оглох на одно ухо, но в общем и целом ничего, и думаю избавиться от этих болезней... Вы пишете об идейном распаде социализма и кручинитесь по этому поводу. Дело действительно не веселое, и картина не из отрадных, но я как-то не задеваюсь этим больно. Все перемелется и мука будет.

Вы спрашиваете, каков мой личный взгляд на войну и отношение к ней социалистов? Что касается современной войны, то, помоему, русским социалистам ни с каких точек зрения невозможно высказываться за активное участие в войне с нашей стороны. Это и принципиально недопустимо и практически бессмысленно. Вот Вам мой взгляд. В общем я смотрю на положение дел довольно оптимистически. Воинственный задор скоро схлынет, выплывут на сцену все старые больные вопросы нашей жизни, ибо война их только обострит, и снова закипит работа... Подождем — увидим.

О себе напишу больше как-нибудь в другой раз. Работаю целый день (столярничаю и затем даю уроки, вожусь с разными библиотечными делами), между прочим, не устроите ли присылку, так как в нашу библиотеку требуются классики и вообще беллетристика и наша публицистика.

Занят все время, читать некогда, и это удручает. Но пока ничего не поделаешь. Живу компанией и представьте себе все с с.-р.-ми, нас 7 и лишь я один с.-д. Ну, до свидания Арсений».

Сохранилось еще одно письмо тов. Фрунзе из Манзурки, написанное тоже 25 января 1915 г., адресованное одной девушке. Вот как рисует он в нем свою жизнь: «Вы спрашиваете, как я здесь живу? Право, затрудняюсь Вам сказать, хорошо или плохо. Временами чувствую себя прекрасно, весел, болтаю всякий вздор, начинаю организовывать всякие предприятия, увеселения, примиряюсь с манзурской обстановкой... А порой мне все это до того делается противно, что готов бежать куда угодно от всех здешних прелестей. И тогда я делаюсь угрюмым и готов молчать целые дни. Но мне не дают молчать, ибо на руках масса дела. Я столярничаю (купно с двумя товарищами завели свою мастерскую), занимаюсь с ученицей (готовлю одну девицу в гимназию) и, наконец, вожусь с разными общественными делами. Хлопот, как говорится, полон рот. В доме у нас вечная толчея, люди приходят и уходят; никогда не остаешься с собой наедине, а в этом порой чувствуется сильная потребность.

Есть ли у меня здесь настоящие товарищи?.. Нет, нет. У меня много друзей, в общем меня любят, всюду зовут, но товарища-друга, с которым можно бы делиться всем, у меня нет... Ну, что еще сообщить Вам о себе... Иногда бываю на охоте, недавно ездил на облаву на коз. Но был такой ужаснейший мороз, что мы только пообморозились и вернулись с пустыми руками.

Сейчас готовился к вечеринке, на маслянице хотим поставить чеховскую «Свадьбу», организуем хор. На маслянице поеду на Лену, в Качуг; зовет в гости бывший член Государственной думы от Владимира — Жинделев».

Михаил Васильевич всячески старался разнообразить жизнь ссыльных, поддержать бодрость. Он любил музыку и пение, и при его самом активном содействии был организован небольшой оркестр и хор. Играли

---

[1] Тов. Фрунзе был дважды приговорен к смертной казни через повешение.

и пели народные и революционные песни. Кроме того Фрунзе сам писал в этот период стихи. Вот одно из его стихотворений:

Северный ветер в окно завывает,
Зданье тюрьмы все дрожит,
В муках на койке узник рыдает,
Сон от больного страдальца бежит.

Вот ему чудится образ родимый,
Вся в серебре голова.
Тихо склонилась с улыбкой печальной,
Мягко коснулась рукою чела.

«Спи, моя детка, спи, мой любимый,
Скоро конец всем страданьям, родимый,
Скоро уж, скоро ты будешь со мной!»

Северный ветер все свирепеет,
Грозится крышу сорвать.
Мертвого лик на подушке белеет,—
Больше не будет страдать.

Стихотворение это было положено на музыку и являлось одной из любимых хоровых песен манзурской колонии.

В заботах о пропитании колонии тов. Фрунзе занимался также охотой. Прекрасный стрелок, он набивал много зайцев и птиц, чем очень помогал коммуне.

Манзурская колония вела энергичную работу по организации разбросанных по глухим углам Иркутии политических ссыльных. Центром был опять-таки маленький домик, в котором жил Фрунзе. Эта работа, сопряженная с поездками по губернии членов оргкома и с усиленной перепиской, не могла остаться не замеченной полицией. Пошли слухи о том, что ссылка сплачивается и даже готовит вооруженное восстание. Было доложено губернским властям. На Манзурку нагрянули жандармы, учинили обыск, но вначале безрезультатно. Однако доклад жандармского ротмистра, производившего обыск, не удовлетворил губернское жандармское управление. Было дано распоряжение установить главарей организации и изолировать их. В Манзурке был получен приказ об аресте четырех человек, состоявших членами «колониального комитета». Этот арест и был началом разгрома военной группы и мечтаний о побеге на фронт. Фрунзе уехал в с. Качуг и, предупрежденный товарищами, некоторое время скрывался там от жандармов. Но 31 июля в Манзурку снова явились жандармы. Был организован поголовный обыск и арестовано 15 человек, в том числе и Михаил Васильевич. В Иркутском архиве, среди дел тюремной инспекции, сохранилось «Дело о ссыльно-каторжном Михаиле Васильеве Фрунзе» [1].

В деле имеется отношение прокурора московского военно-окружного суда от 6 июля 1913 г. за № 9081 о ссыльно-каторжном Михаиле Васильеве Фрунзе, который «22 сентября 1910 г. московским военно-окружным судом был признан виновным в участии, как сообщник в вооруженном нападении на чина полиции вследствие исполнения сим последним обязанностей службы, причем нападение это сопровождалось покушением на убийство означенного чина полиции, и был приговорен за это деяние на основании п. I ст. 18 прилож. к I ст. XIV т. Св. зак. и 279 ст. XXII кн. Св. П. П. 1869 г. изд. 4, к смертной казни через повешение, каковое наказание было заменено в отношении названного Фрунзе командующим войсками московского военного округа ссылкой в каторжные работы на 6 лет, причем сим последним приговором был поглощен приговор временного военного суда в г. Владимире от 5 февраля 1910 года, коим этот же Фрунзе был признан виновным в преступном деянии, предусмотренном I ч. 102 ст. уголовного уложения 1903 г.».

Дальше следует «статейный список» на содержащегося во владимирской каторжной тюрьме ссыльно-каторжного арестанта Михаила Васильева Фрунзе, направленного «ввиду перечисления в ссыльно-поселенцы» в распоряжение иркутской тюремной инспекции.

Как мы уже выше сказали, тов. Фрунзе попал в ссылку в с. Манзурку, Верхоленского уезда, Иркутской губернии. До этого было, оказывается, намерение отправить его в Ичеру, Киренского уезда. Хлопоты об изменении этого первоначального назначения и определения тов. Фрунзе в Балаганский уезд не увенчались успехом.

Из документов этого дела видна и обстановка нового ареста тов. Фрунзе в Манзурке, 31 июля. При входе жандармов он, как значится в имеющемся в деле протоколе, «изорвал в клочки листок бумаги с записями». Этот «листок бумаги», оказывается, был уставом «тайной организации ссыльных, имеющей целью обслуживание материальных и духовных нужд ссыльных».

После ареста тов. Фрунзе был направлен при открытом листе манзурского волостного правления в иркутскую тюрьму (лист № 4960 от 4 августа), но дорогой бежал, что обнаружилось при отправлении 10 августа из Оёкской тюрьмы пересыльных арестованных и поверке их при посадке на подводы.

В иркутскую тюрьму прибыл под фамилией Фрунзе другой арестант, назвавшийся в тюрьме Кирилловым, «причем приметы этого последнего,— пишет 30 октября (№ 18178) иркутский губернатор начальнику губернского жандармского управления,— не сходились с приметами открытого листа Фрунзе».

Интересно отметить, что когда конвой хватился тов. Фрунзе и поднялся переполох, были посланы телеграммы по линии железной дороги по пути в Европейскую Россию, куда обычно стремились бежавшие ссыльные,— а Михаил Васильевич в это время ехал не на запад, а на восток, чего не учла полиция. Благодаря этому Фрунзе благополучно прибыл в Читу. Здесь он устроился на работу в Статистическое управление, где встретился с Софьей Алексеевной Поповой, впоследствии

[1] Журнал «Прожектор» № 22 (68) за 1925 год, стр. 27.

его женой, которая тоже работала в этом управлении.

Приютила его первое время у себя ссыльная большевичка В. П. Любимова. Михаил Васильевич в качестве инструктора-статистика разъезжал по области, чтобы не попасть случайно в Чите на глаза жандармов.

Во время этих поездок он знакомился с настроениями забайкальского населения и умело вел революционную большевистскую агитацию. В одну из таких командировок он познакомился в Верхнеудинске с семейством народовольца Колтановского Алексея Поликарповича, который по отбытии наказания вместе со своей женой Екатериной Николаевной остался в Сибири и работал на железной дороге. Алексей Поликарпович рассказывает, как к нему в контору явился молодой человек, интересуясь якобы статистикой... Старый народоволец быстро понял, какая требуется «статистика»... В тот же день его догадки подтвердились: станционный жандарм доложил «по начальству» о том, что приезжий «смущает» рабочих в депо. Только имевшееся у Михаила Васильевича предписание за подписью губернатора о содействии дало ему возможность «выкрутиться». Колтановские Алексей Поликарпович и Екатерина Николаевна — родители Софьи Алексеевны[1] Фрунзе, жены Михаила Васильевича.

Через некоторое время, когда можно было надеяться, что жандармы после безуспешных поисков несколько успокоились, Михаил Васильевич обосновался в Чите и начал вести вместе с другими товарищами журнал «Восточное обозрение». Он, как и раньше, группировал вокруг себя местных ссыльных и революционно настроенную учащуюся молодежь, выступал с докладами и т. д.

Жил он тогда под именем Владимира Григорьевича Василенко в каморке под лестницей, где едва мог поместиться человек, и только позже нашел себе более удобную комнату. По воспоминаниям сестры жены, Наталии Алексеевны Поповой, он очень удачно в нужных случаях играл роль «легкомысленного человека».

Сотрудники Статистического управления очень хорошо относились к Михаилу Васильевичу. Обаяние его личности привлекало к нему всех, кто с ним сталкивался, хотя никто из них и не подозревал, что этот белокурый с голубыми глазами, скромный и простой молодой человек — уже старый, закаленный в борьбе революционер, профессионал-подпольщик, любимый всеми рабочими Шуи и Иваново-Вознесенска товарищ «Арсений». Его жизнерадостность сохранилась несмотря на пережитые два смертных приговора и перенесенные ужасы каторги.

Товарищи никогда не чувствовали в нем ни малейшего намека на его действительное превосходство, на его заслуги в революционной борьбе. Он кровно, органически, всем своим существом был связан с революционной борьбой и не представлял себе жизни вне ее. Никакой раздвоенности, никакого интеллигентского нытья, сомнений и колебаний не было в его гармонически цельной, волевой натуре.

Михаил Васильевич, живя в Чите, связался с центром и ждал только возможности уехать туда. Его кипучая революционная натура не находила в Чите достаточной деятельности. Он рвался в центр, мечтал о военной работе. Обстоятельства ускорили его отъезд.

Летом 1916 г. он вынужден был отправиться в Иркутск, чтобы добыть освобождение от явки на призыв, так как возраст, указанный в его фальшивом паспорте, подлежал мобилизации. Находясь в Иркутске, он получил из Читы телеграмму: «Был в гостях Охранкин, жди письма». Содержание ясно. Очевидно, что читинская охранка все же расшифровала, кто такой Василенко. Письмо подтвердило, что на квартире Фрунзе в Чите был обыск. Вследствие невозможности вернуться в Читу Михаил Васильевич решает немедленно бежать в Европейскую Россию. Побег был сопряжен с серьезным риском: в случае поимки—4 года каторги за переход границы Сибири. Но другого выхода уже не было.

Ехал он в качестве больного на лечение, сопровождаемый тов. Сосиной. Особенно плохо «больному» становилось на больших остановках, где было много шпиков и жандармов, которые обычно осматривали окна вагонов, а часто и обходили вагоны, особенно третьего класса. Михаил Васильевич на таких остановках обычно «спал» лицом к стене, а Л. С. Сосиной приходилось сидеть около него, загораживая от подозрительных взоров.

Окончательно он «заболел» после Челябинска: здесь особенно зорко следила полиция.

«Болезнь» помогла Михаилу Васильевичу благополучно достигнуть Москвы, где ему легко было затеряться среди массы приезжающих. Здесь его встретили старый товарищ Павел Батурин, впоследствии комиссар Чапаевской дивизии (после Фурманова), героически погибший на восточном фронте, сестры Додоновы и другие. Но Михаил Васильевич не задержался в Москве: его неудержимо влекло на фронт, в армию. Получив при содействии друзей паспорт на имя Михайлова, он выехал в действующую армию.

Там он вскоре устроился на работу в X армии западного фронта (Управление Земского союза) в местечке Ивенце, около Минска. Около года тов. Фрунзе вел там революционную работу, главным образом среди солдат, так как фронт находился верстах в 40 от Ивенца и через местечко постоянно проходили воинские части.

Результаты этой работы, вспоминает тов. Сосина, сказались в первые же дни революции, когда Минск был наводнен солдатами-делегатами, приносившими к Фрунзе в совет буквально горы медалей и крестов

[1] Фамилию Поповой Софья Алексеевна, как и другие дети, носила из-за неоформленного развода матери с первым мужем.

в фонд революции и получавшими инструкции для работы и литературу. Здесь, на фронте, выявилась та черта Михаила Васильевича, которая впоследствии, во время гражданской войны, так привлекала к нему всех боевых товарищей,— его поразительное бесстрашие, храбрость. Казалось, он не испытывал никогда чувства страха перед опасностью.

Летом 1916 г. Михаил Васильевич перенес в Ивенце острый приступ аппендицита и осенью направился в Минск на операцию. Приближалась революция, и такие крупные организаторы, как тов. Фрунзе, были необходимы в центре западного фронта — в Минске,— и Михаил Васильевич по выздоровлении остался там.

— При последней встрече в ссылке, рассказывал тов. Назаренко, с Михаилом мы уговорились, что если с ним что-нибудь случится, то он даст мне знать.

Спустя несколько месяцев после побега Михаила Васильевича я получил с фронта открытку, в которой было коротко сказано, что Миша убит на фронте. Это сообщение для нас, его друзей, было очень тяжелым. Никак не хотелось верить, что наш Миша, всегда такой жизнерадостный, энергичный, общий наш любимец и признанный руководитель, умер. Но не верить было нельзя. Это было осенью 1916 года.

Год спустя тов. Назаренко встретил тов. Фрунзе в Смольном живым, здоровым и, как всегда, бодрым. Тут только объяснилось, что он сам поручил кому-то написать открытку, чтобы усыпить внимание жандармов.

То же примерно рассказывал тов. Гамбург [1]:

— Февральская революция... Я приезжаю на несколько дней в Минск... Иду по улице и вижу... навстречу Михаил Васильевич. Не верю своим глазам: ведь Фрунзе убит на фронте. Но нет, это он! Он весь— огонь, весь энтузиазм. Он уже разоружал полицию в Минске и арестовал полицмейстера Скалона, а теперь он—начальник милиции.

Волею революции тов. Фрунзе вступил на широкий путь самой активной партийной и военно-политической работы, и скоро Республика советов увидела его во главе своих победоносных армий.

---

[1] Тт. Назаренко и Гамбург рассказали об этих фактах автору данной статьи.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

(От Полтавской битвы до Семилетней войны)

Я. Зутис

Объем и содержание балтийского вопроса в XVIII веке

В XVIII в. к так называемым балтийским, или северным, державам обычно относили пять весьма различных по своему политическому удельному весу государств: Россию, Польшу, Данию, Швецию и Пруссию. В результате Северной войны (1700—1721) Россия в военном и политическом отношениях заняла первое место на Балтийском море. Остальные балтийские государства оказались настолько слабыми, что были лишены возможности вести свою самостоятельную внешнюю политику и обычно выступали сателлитами какой-нибудь великой державы.

В продолжение XVIII в. часто менялся круг держав, активно участвовавших в «решении» балтийского вопроса на отдельных стадиях его развития, но Россия никогда не оставалась и не могла оставаться в стороне от дипломатической или военной борьбы, происходившей в том или ином районе Балтийского моря. Можно сказать, что в первой половине XVIII в. международное положение России в качестве великой европейской державы определялось военно-стратегическими позициями, занимаемыми ею на Балтийском море. Вот почему для России балтийский вопрос в течение XVIII в. был неотъемлемой составной частью ее внешней политики.

Остальные три великие державы XVIII в.: Англия, Франция и Австрия — придавали району Балтийского моря лишь второстепенное значение. Вопрос об исходе англо-французского торгового и военного соперничества (в которое часто вовлекалась также и Австрия) решался не на севере Европы, а на Атлантическом океане, на Рейне, в Италии или в других местах Западной Европы. Все же отдаленная Северная Европа привлекала внимание названных трех великих держав. Как правило, в своей балтийской политике Англия прежде всего стремилась к защите своих торговых интересов, а Франция и Австрия пользовались балтийским вопросом как средством приобрести себе политических и военных союзников. По этой причине балтийский вопрос в XVIII в. нередко становился проблемой общеевропейского значения.

Особое место в истории балтийского вопроса в XVIII в. занимает так называемый голштинский вопрос, уступивший потом в смысле актуальности свое место вопросу о шведской конституции. Непосредственно к ним примыкает польский вопрос, поскольку он был связан с политической судьбой Данцига, Польского коридора, Курляндии и других территорий, расположенных на южном побережье Балтийского моря. Но, взятая в целом, польская политика России, Пруссии, Австрии и других держав выходила за пределы балтийского вопроса, и поэтому мы вынуждены отказаться от ее рассмотрения в данной связи. С точки зрения внешней политики России, польский вопрос был более непосредственно связан с ее борьбой за северные берега Черного моря. Только в аспекте русско-прусских отношений польские дела приобретали специфически балтийскую окраску, поскольку речь шла о притязаниях Пруссии на польское Поморье.

Все перечисленные международные вопросы, составлявшие в целом балтийскую проблему, затрагивали самые существенные, жизненные интересы России. XVIII век в русской истории является временем некоторого подведения итогов многовековой борьбы русского народа за выход к Балтийскому морю. Только в историческом аспекте, с учетом предшествующих этапов этой борьбы, можно по-настоящему оценить значение балтийской проблемы как для России, так и для остальных европейских стран в XVIII веке.

Исторические предпосылки и значение борьбы русского народа за выход к Балтийскому морю

Борьба русского народа за выход к Балтийскому морю имеет свою тысячелетнюю историю. В отдаленный исторический период (до XIII в.) отдельные русские го-

рода и княжества (Новгород, Псков, Полоцк и др.) имели свободный выход к морю не только по Неве и Финскому заливу, но также по Западной Двине и Рижскому заливу. В следующий период (XIII—XV вв.) положение резко ухудшилось. К середине XIV в. все побережье Балтийского моря, от нижнего течения р. Вислы до р. Наровы, оказалось под властью Немецкого ордена и его филиала — Ливонского ордена. Новгород и Псков, лишенные поддержки остальных русских земель (тогда зависимых от татар или Литвы), вынуждены были придерживаться оборонительной политики и сохранили за собою только южное побережье Финского залива, к востоку от Нарвы. Шведы, завладевшие Финляндией, а также Орден, действуя из Ревеля и Нарвы, в любое время могли закупорить узкий выход из Финского залива и отрезать русских от прямых сношений с Западной Европой. Для Польши и Литовско-русского государства в XIV в. положение еще более ухудшилось: владения Ордена после взятия Данцига в 1308 г. совершенно преградили им доступ к Балтийскому морю.

В XV в. наступил перелом. К этому времени Немецкий орден, как и все остальные средневековые духовно-рыцарские ордена, клонился к упадку. Объединенные силы литовцев, поляков и русских в 1410 г. при Грюнвальде нанесли тяжелое поражение рыцарям. В результате тринадцатилетней войны (1454—1466) Польша получила Данциг и вернула себе Поморье. В дальнейшем Польша и союзная с нею Литва выступают с претензией на роль единственных наследников Немецкого и Ливонского орденов. По торнскому миру 1466 г., вся Восточная Пруссия была вынуждена признать свою ленную зависимость от польских королей. Из года в год усиливался нажим со стороны Литвы и Польши на Ливонский орден, который в 1466 г. стал независимым от Немецкого ордена, но вместе с тем лишился его военной поддержки. Польско-литовская оккупация Ливонии угрожала росту и жизненным интересам Московского государства и шла вразрез с политическим устремлением Дании и Швеции, которые также имели свои виды на «ливонское наследство». В 1478 г. Москва присоединила к своим владениям Новгород; в 1492 г. против Нарвы, на восточном берегу реки, была сооружена крепость Ивангород. Отсюда военные силы московского царя стали угрожать господству Ордена на подступах к Балтийскому морю.

На этом этапе борьбы за доступ к Балтийскому морю Москва встречала сопротивление не столько со стороны уже ослабленной Ливонии, сколько со стороны Литвы и Польши, а в дальнейшем и со стороны Швеции. Московское правительство понимало сложность международной обстановки и готовилось к борьбе. С конца XV в. оно приступило к дипломатической подготовке, стремясь приобрести политических и военных союзников в предстоящей войне. Первый договор Москвы с германским императором Максимилианом был подписан в 1490 году. Договор предусматривал совместные действия Москвы и Германской империи против польского короля Казимира. В 1517 г. Москва заключила договор с Альбрехтом Бранденбургским, последним гроссмейстером Немецкого ордена; на этот раз договор был направлен против польского короля Сигизмунда I Старого.

Естественной союзницей Московского государства против Ганзы и Швеции была Дания, с которой был подписан договор еще в 1493 году.

При Петре I главной целью внешней политики России стало достижение господства на Балтийском море. Говорят [1], что польский король Сигизмунд II Август (1548—1572) первый указал на действительный смысл борьбы между державами Северовосточной Европы и пустил в оборот ставшее ходовым выражение «господство на Балтийском море» («dominium maris Baltici»). Его секретарь Соликовский оставил нам интересные разъяснения насчет того, как он сам и его современники понимали господство на Балтийском море. По словам Соликовского, тот, кто обладал господством на море, но не умел его удержать и уступил другому, сразу терял все выгоды и терпел только убыток: он становится «из богатого бедняком, из свободного невольником, из повелителя слугою». Государству, потерявшему доступ к морю, угрожают порабощение, иноземное господство и экономическое разорение.

В Москве так же хорошо, как и в Польше, понимали значение моря и водных торговых путей. Иван Грозный говорил про Западную Двину, имея, конечно, в виду торговое значение этой реки, что берега ее серебряные, а дно золотое. В «Хронологических выписках» Маркс говорит, что Иван IV «был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой» [2].

Однако не следует преувеличивать значение торговых интересов в борьбе Москвы за выход к Балтийскому морю. Наряду с торговыми здесь следует отметить также и военные интересы Московского государства.

Товарищ Сталин указывает, что образование централизованных монархий на востоке Европы, в том числе и в России, произошло еще в условиях господства натурального, докапиталистического хозяйства: «В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» [3].

Маркс в «Хронологических выписках по истории России» также отмечает военный

---

[1] Sobieski W. «Der Kampf um die Ostsee», S. 120. Leipzig. 1933.

[2] «Правда» № 9 от 9 января 1941 года.

[3] И. Сталин «Марксизм и национальный вопрос», стр. 73.

характер Московского государства и успехи его оружия к концу XV в.: «Изумленная Европа, в начале княжества Ивана, едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал надменные речи московитов»[1].

Именно военная политика наряду с торговыми интересами толкала Москву на сближение с Западной Европой и пробуждала у московского правительства интерес к Балтийскому морю. Москва во многом отстала от более культурных западных стран и поэтому нуждалась в постоянных сношениях с Западом для того, чтобы ликвидировать свою отсталость, в частности в области военной техники. Россию не могли не интересовать достигнутые в это время в Европе значительные усовершенствования огнестрельного оружия. Необходимо учесть также и другое обстоятельство. В эпоху зарождения так называемых постоянных армий военный успех зависел от возможности набора наемников, ибо в то время наемники-профессионалы являлись самыми лучшими, подготовленными солдатами.

В военных столкновениях с Польшей, Литвой и Ливонией московское правительство рано познакомилось с западноевропейскими наемниками, или, как Энгельс их называет, «классом людей, который жил войной и для войны»[2]. Но при отсутствии свободного выхода к морю Москва в случае военной необходимости была бы лишена возможности получать из Западной Европы достаточное количество квалифицированных наемников.

Субъективно правители Москвы не были заинтересованы в распространении в России передовых идей прогрессивной тогда западноевропейской буржуазии, но объективно борьба за выход к морю и сближение с торговыми державами (Англия, Голландия) способствовали расширению кругозора господствующего класса и этим подготовили ту политику «европеизации», которую позже проводил Петр I. «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»[3].

В продолжение XVI в. и в первой половине XVII в. соперником Москвы оставалось Польско-литовское государство. В ливонской войне (1558—1582) первоначальный успех русских войск был сведен на-нет выступлением польской армии под командой Стефана Батория. В начале же XVII в. обострение классовой борьбы в Московском государстве облегчило польскую интервенцию, которая способствовала окончательному оттеснению России от берегов Балтийского моря. Русско-польские войны 1632—1634 и 1656—1658 гг. велись из-за обладания Смоленском и Украиной и только лишь косвенным образом влияли на общий ход борьбы в районе Балтийского моря.

До середины XVII в. в русско-польской борьбе был свой tertius gaudens (третий радующийся) — Швеция. В 1561 г. шведы заняли Ревель (Таллин), а в 1581 г.—Нарву, которую они удержали за собою и после русско-шведской войны 1590—1593 гг. (по миру в Тявзине 1595 г.). В начале XVII в. Швеция воспользовалась польской интервенцией и оккупировала Новгород и другие русские города. По столбовскому миру 1617 г., шведы были вынуждены возвратить Новгород, но удержали за собой русские города: Орешек, Копорье, Ям и Ивангород. Москва потеряла доступ к Финскому заливу. Шведский король Густав-Адольф мог гордо заявить, что отныне ни одна русская лодка без ведома и разрешения шведского правительства не покажется на Балтийском море. Во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. царь Алексей Михайлович пытался завладеть Ливонией, но все его усилия разбились о стойкое сопротивление Риги, которую так и не удалось взять. По кардисскому миру 1661 г., Москва была вынуждена отказаться от всех своих завоеваний в Прибалтике. В Северной войне 1700—1721 гг. потребовались героические усилия со стороны русских, чтобы завоевать побережье Балтийского моря от Риги до Выборга и приобрести свободный доступ к морю.

В «Секретной дипломатии» Маркс говорит, что «Петр, по крайней мере, в этой части захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны».

Последствия завоевания Прибалтики Россией не поддаются полному учету в кратком очерке. Добившись выхода к Балтийскому морю, русский народ мог приобщиться к передовой, европейской культуре. Без этой «европеизации» Россия не могла бы играть ту прогрессивную роль по отношению к восточным народам, на которую указывает Энгельс в своем письме к Марксу от 23 мая 1851 года. Энгельс говорит, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» и что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[4].

Выход России к Балтийскому морю оказался не менее выгодным и для западноевропейских капиталистических стран, в первую очередь для Голландии и Англии. В XVIII в. торговый и военный флот обеих морских держав мог развиваться и вырасти до огромных размеров лишь благодаря вывозу из России корабластроительного леса, пеньки и холста. Восточная Европа служила для западноевропейских стран не только рынком сбыта, но также источником важнейших видов сырья. В XVIII в. торговля с Россией занимала самое видное место в хозяйственной жизни Англии и Голландии.

---

[1] «Правда» № 9 от 9 января 1941 года.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 481.

[3] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 517.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.

Дипломатия Петра I в борьбе с антирусской политикой западноевропейских держав после полтавской победы

Война за испанское наследство (1701—1714), в которой участвовали почти все европейские страны, совпала по времени с первым периодом Северной войны (1700—1721). Западный и восточный театры военных действий в Европе оставались все время изолированными один от другого. Тем не менее Северная война непосредственно затрагивала интересы всех держав, участвовавших в войне за испанское наследство. Англия и Франция с недоверием относились к усилению России. Англия, Голландия и их союзники, не имея возможности помешать началу военных действий между северными державами после Полтавы (1709), прилагали все усилия к тому, чтобы локализовать войну на северовостоке и не допустить русскую армию в пределы Восточной Германии. Результатом их усилий явилась Гаагская конвенция 31 марта 1710 г. о нейтралитете шведских владений в Германии[1]. Морские державы — Англия и Голландия — опасались за свою торговлю на Балтийском море и уже поэтому считали для своих интересов нежелательным чрезвычайное усиление России за счет Швеции. Кроме того появление русских войск в Северной Германии сковывало свободу действий прусской армии, в которой морские державы сильно нуждались для успешной борьбы с Францией.

Антирусская политика Франции[2] вызывалась иными соображениями и была связана с так называемой политикой восточного барьера (barrière de l'Est). Французская супрематия в XVII в. поддерживалась военными союзами, заключенными с восточными соседями австрийских Габсбургов. Союзниками Франции на востоке обычно являлись Швеция, Польша и Турция. Они и составляли «восточный барьер», который был направлен против традиционных врагов Франции — австрийских Габсбургов. Но в то же время политика «восточного барьера» изолировала Россию от Западной Европы. Швеция, Польша и Турция закрывали ей доступ к Балтийскому и Черному морям. Петр I своими победами над шведами опрокинул «восточный барьер» Франции не только в районе Балтийского моря, но также и в пределах Польши. Естественно, что известие о разгроме армии Карла XII под Полтавой было воспринято при версальском дворе как самое тяжелое поражение Франции. Начиная с 1709 года первоклассный дипломатический аппарат Людовика XIV был пущен в ход, чтобы спасти Швецию, принудив Пруссию и Турцию начать военные действия против России.

Пока продолжалась война за испанское наследство, исключалась всякая возможность совместного выступления Франции, Австрии и морских держав (Англии, Голландии) против России. Поэтому после полтавской победы западноевропейские дипломаты заискивали перед Петром I. С июня по октябрь 1709 г. был восстановлен датско-саксонский и русско-саксонский военные союзы 1699 года. Благоприятная международная обстановка была использована Петром I для окончательного покорения Эстляндии и Лифляндии (1710), а также для посылки русских войск в Северную Германию. Вскоре Мекленбург и Померания стали ареной военных действий между русскими и шведами. Воспользовавшись разгромом шведской армии, Дания, Ганновер и Пруссия занялись с 1711 г. захватом шведских владений в Германии. Дания оккупировала герцогство Бремен и Штаде, Ганновер занял Верден, а Пруссия добивалась передачи ей Штеттина и других городов, отнятых у шведов русскими.

Утрехтский мир 1713 г. и мирные договоры 1714 г. в Раштадте и Бадене, которыми окончилась война за испанское наследство, значительно изменили международную обстановку. С 1714 г. Северная война стала центральным вопросом международных отношений. В первый момент Англия была озабочена больше всего тем, чтобы поживиться за счет Швеции в Северной Германии. На Балтийском море появлялись английские военные корабли для борьбы со шведским каперством[3], вредившим морской торговле Англии. Обычно английские корабли действовали под ганноверским флагом. После вступления на английский престол Георга Ганноверского (1714) установилась личная уния между Англией и Ганновером. Таким образом, в начале XVIII в. английская буржуазия добилась осуществления пожеланий, выраженных еще Кромвелем, о приобретении опорного базиса на континенте Европы[4]. В качестве одного из участников дележа шведского наследства Ганновер пользовался теперь поддержкой могущественной Англии и все больше усиливал свои притязания.

Русские дипломаты на данном этапе войны больше всего были озабочены тем, чтобы удерживать Пруссию от выступления на стороне Швеции. Ценою некоторых уступок Россия достигла этой цели. Еще в октябре 1713 г. Меншиков согласился передать Пруссии г. Штеттин, взятый русскими войсками незадолго до этого (в сентябре)[5]. В следующем году (июнь 1714 г.) Россия взяла на себя обязательство не за-

---

[1] Полиевктов М. «Балтийский вопрос в русской политике после ништадтского мира (1721—1725)», стр. 20, 22. СПБ. 1907.

[2] О русско-французских отношениях до полтавской победы см. М. К. Крылов «Франко-русские отношения в первую половину Северной войны». «Исторические записки» № 7, стр. 115—148. 1940.

[3] Gerhard D. «England und der Aufstieg Russlands», S. 7. München u. Berlin. 1933.

[4] Windelband W. «Die auswärtige Politik der Grossmähte in der Neuzeit (1494—1919)», S. 188. 2-te Aufl. 1925.

[5] Мартенс «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами». Т. V, стр. 88—104; Соловьев С. «История России». Кн. IV, стб. 311—318; Полиевктов М. «Балтийский вопрос», стр. 32—33.

ключать мира до тех пор, пока Швеция не признает право Пруссии на Штеттин и часть Померании, до р. Пены. Со своей стороны Пруссия признала право России на присоединение Эстляндии, Карелии и Ингерманландии [1].

Георг английский в качестве курфюрста ганноверского в ноябре 1714 г. присоединился к русско-прусскому договору [2], а в мае 1715 г. подписал соглашение с Данией. На основании этих договоров к Ганноверу были присоединены Бремен и Верден, открывавшие для английской торговли свободный доступ к Эльбе и Гамбургу, крупнейшему торговому центру Германии.

Маркс в «Секретной дипломатии» называет этот раздел шведских владений «первым великим актом в истории современной дипломатии... именно с раздела шведской империи начинается современная эра международной политики». В целях захвата намеченной добычи Пруссия и Ганновер в 1715 г. начали военные действия против шведских гарнизонов, при этом Англия официально оставалась нейтральной. «В качестве курфюрста ганноверского он объявил Швеции войну, которую вел в качестве короля английского»,— говорит Маркс в «Секретной дипломатии» по поводу политики Георга I (1714—1727).

Военное сотрудничество между союзниками, никогда не бывшее прочным, вскоре сменилось открытой враждой между ними. Непосредственным поводом для антирусских выступлений послужило взятие города Висмара (16 апреля 1716 г.), последнего опорного пункта шведов в Германии. С этого времени Ганновер был уверен, что никакая опасность со стороны Швеции ему больше не угрожает. Зато выросла новая опасность—со стороны Пруссии и России. В целях защиты Ганновера английское правительство согласилось на англо-австрийский союз, своим острием направленный против Пруссии. На Балтийском море политика Англии также изменилась. С этого момента она начала считать своим главным соперником на севере не Швецию, а Россию.

Особенное беспокойство в Западной Европе вызывала политика Петра I в Мекленбурге. Карл Леопольд, герцог Мекленбург-Шверина, обратился к русским за помощью против своего мятежного дворянства. Этим решил воспользоваться Петр I для закрепления русского влияния в Северной Германии. 22 января 1716 г. в Петербурге был оформлен брачный договор мекленбургского герцога с Екатериной Ивановной, племянницей Петра I. Петербургский договор был дополнен договором, подписанным Петром I в Данциге 8 апреля 1716 г., о военном союзе с герцогом мекленбургским и присоединении Висмара к Мекленбург-Шверину [3]. В действительности же Петр I имел в виду превратить Висмар в базу для русского флота. В случае осуществления подобного плана Россия обеспечила бы себе господство над западной частью Балтийского моря, а также над выходом в Северное море.

«Если бы ему удалось,— говорит Маркс в «Секретной дипломатии» о политике Петра I в Мекленбурге,— неожиданно вырвать Висмар из рук своих соперников, он бы имел хороший морской порт, через который он мог бы в любое время перебрасывать свои войска в Германию, не спрашивая разрешения у прусского короля для прохода через его территорию».

В немецкой историографии, как в старой литературе [4], так и в работах последнего времени [5], не существует сомнений насчет территориальных притязаний Петра I в западной части Балтийского моря. В русской исторической литературе этот вопрос или совсем не затрагивается или же решается отрицательно.

М. Полиевктов считает, что, «стремясь к Балтийскому морю по соображениям не только политического, но и торгового характера, Петр Великий не мог не задумываться над мыслью о свободном для России выходе в океан. В силу торговых интересов его государства для него представляло существенное значение заручиться правом голоса на случай каких-либо территориальных переделов Северной Германии, и это заставляло его не только заботиться о привлечении к войне новых союзников, но и об активном участии России в военных действиях в германских владениях Швеции» [6]. Но в то же время М. Полиевктов нигде не говорит,— очевидно, не находя достаточных оснований для этого,— что Петр I имел в виду территориальные приобретения в Мекленбург-Шверине или в других немецких княжествах. Но трудно допустить, что Петр I, добиваясь для России свободного выхода в Атлантический океан, не стремился бы подчинить отдельные княжества Северной Германии русскому влиянию, по возможности ограничивая, а иногда сводя к нулю их политическую самостоятельность. О действительных намерениях Петра I по отношению к Мекленбургу можно судить на основании русской политики в Голштинии и Курляндии.

«Германия занимала Петра больше, чем какая бы то ни было другая страна, за

---

[1] Мартенс. Т. V, стр. 142; Полное собрание законов, № 2816.

[2] Мартенс. Т. V, стр. 129.

[3] Соловьев С. «История России». Т. IV, стб. 342—345; Полиевктов М., стр. 38—41; Мартенс. Т. V, стр. 136.

[4] Erdmannsdörffer B. «Deutsche Geschichte vom westfälischen Frieden bis zum Regierungsantritt Friedrichs des Grossen 1648—1740». Bd. II, S. 309—322; Droysen J. «Geschichte der preussischen Politik». Bd. IV, 2; S. 146, 193.

[5] Immich M. «Geschichte des europäischen Staatensystems von 1660 bis 1789», S. 244. München u. Berlin. 1905.

[6] Полиевктов М. «Балтийский вопрос», стр. 26—27.

исключением Швеции. Швецию он должен был сломить; Польшу он мог захватить, стоило ему только протянуть руку; до Турции было еще слишком далеко; но стать твердой ногой в Германии, занять там то положение, которое так хорошо использовала Франция и для использования которого Швеция была слишком слаба,— это было для него главной задачей. Он делал все, чтобы приобрести какую-либо немецкую область и таким путем войти в число немецких имперских князей, но безуспешно; ему удалось лишь ввести систему бракосочетаний с членами немецких владетельных домов и дипломатического использования внутригерманских распрей»[1].

В Северной Германии Петр I встретился с сильным противодействием со стороны Англии, Дании и германского императора. Это противодействие было также поддержано отдельными немецкими князьями. По этой причине ему пришлось отказаться от намеченного плана высадки русских войск в Южной Швеции. Одна только Пруссия попрежнему оставалась на стороне России, при помощи которой надеялась увеличить свои владения.

Россия и Пруссия боролись за одинаковые цели, совместно добиваясь признания своих естественных прав на свободный доступ к Балтийскому морю и на выход к Атлантическому океану. Правда, Пруссия имела основания — не менее остальных немецких княжеств — опасаться, что Россия займет в Северной Германии место Швеции и, следовательно, оттеснит своих союзников от морских путей сообщения. Но Пруссия не могла выступить против России. Русские войска находились в Польше и Данциге, угрожая Восточной Пруссии, которая в продолжение всего XVIII в. являлась своеобразной ахиллесовой пятой прусской политики. В русско-прусской конвенции 7 августа 1718 г. были подтверждены прежние соглашения между обоими государствами и намечена совместная борьба против политики Австрии и других государств, враждебных России и Пруссии[2].

Русская опасность являлась одной из причин, заставивших Англию примириться с Францией, с которой в ноябре 1716 г. ею был оформлен союз. В январе 1717 г. к ним присоединилась Голландия. Чтобы расстроить антирусский фронт, Петр I в мае — июне 1717 г. предпринял поездку во Францию[3]. Но французское правительство отклонило предложенный Петром I военный союз между Россией и Францией[4].

После этой дипломатической неудачи Петр I был вынужден в июле 1717 г. отозвать свои войска из Мекленбурга. В личном распоряжении герцога остался только небольшой отряд русских войск в количестве 3 тыс. солдат.

Петр I пытался отыскать выход из создавшегося тупика в другом направлении, и впротивовес Тройственному союзу западноевропейских держав началось русско-шведское сближение. В мае 1718 г. на Аландских островах начались мирные переговоры. Гёрц, министр Карла XII, выдвинул план создания коалиции из России, Пруссии и Швеции. Выдвигался даже проект шведско-русского десанта в Шотландию. Одновременно с этим предполагалось нападение прусской армии на Ганновер[5]. Хотя все эти проекты оказались нереальными, однако их появление показывает, что балтийская политика Англии, одинаково враждебная России, Швеции и Пруссии, толкала северные государства на мысль о совместном выступлении в целях защиты своих интересов против вмешательства западноевропейских великих держав. Смерть Карла XII оказалась наруку Англии, добивавшейся заключения сепаратного мира между Ганновером и Швецией. Новое дворянское правительство в Швеции возобновило военные действия против России, а с Ганновером заключило мир (ноябрь 1719 г.), уступив ему Бремен и Верден. Таким образом, английская дипломатия восторжествовала над русской. Вскоре последовал мир, заключенный Швецией с Августом II (январь 1720 г.), с Пруссией (февраль 1720 г.) и с Данией (июль 1720 г.).

Прусско-шведский мирный договор фактически упразднил все союзные договоры, существовавшие между Россией и Пруссией. Однако Пруссия не была намерена в угоду Англии ссориться с Россией, и 6 февраля 1720 г. был подписан новый русско-прусский договор[6], вторая статья которого предусматривала совместные действия, направляемые к сохранению польской конституции. 15 июня прусский король в

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 12.

[2] Мартенс. Т. V, стр. 136.

[3] De Haussonville «La visite du tsar Pierre le Grand en 1717» (Revue des deux mondes, octobre 1896); Wiesener «Pierre le Grand et ses propositions d'alliance au régent en 1717» (Revue de la société des études historiques. T. 59. 1893).

[4] А. Вандаль считает, что французское правительство отклонило предложение Петра I только из-за желания угодить Англии (см. Вандаль А. «Императрица Елизавета и Людовик XV», стр. 32. 1911). В действительности же сильная Россия никогда не могла стать послушным орудием в руках французских дипломатов, чтобы в угоду Франции воевать против Австрии. Напротив, австрийских Габсбургов и Россию сближала тогда совместная борьба с Турцией. По этой причине Россия в начале XVIII в. не могла заменить собою «восточный барьер» (об этом см. Соловьев «История России», кн. IV, стб. 361—362). Договор 4(15) августа 1717 г., подписанный в Амстердаме между представителями России, Франции и Пруссии (ПСЗ, № 3098), не внес никаких изменений в политику великих держав. Французское правительство ограничилось малозначащими предложениями о посредничестве между Швецией и Россией.

[5] Immich M. Op. cit., S. 249.

[6] Мартенс. Т. V, стр. 199.

особой декларации[1] подтвердил, что своими новыми договорными обязательствами по отношению к Швеции он не нарушил интересы России, в частности не гарантировал сохранение шведских владений вне пределов Германии. По существу, Пруссия этим заявляла о своем нейтралитете в дальнейшей русско-шведской борьбе за Прибалтику и Финляндию. В условиях 1720 г. нейтралитет Пруссии следует считать значительным успехом для русской дипломатии, которая договором с Пруссией пробила брешь в стене, созданной враждебными России западноевропейскими державами. Но Россия оставалась единственным военным противником Швеции: блестящие успехи в 1720—1721 гг., достигнутые русскими на море и на суше, компенсировали ее дипломатические неудачи. Несмотря на демонстрации английского флота на Балтийском море и на внешнеполитическую изолированность Россия в 1721 г. добилась выгодных условий мира со Швецией[2]. Восточная часть побережья Балтийского моря, от Выборга до Риги, отошла к России, Польша и Курляндия оказались в сфере ее политического влияния.

Однако ништадтский мир не разрешил вопроса о положении в западной части Балтийского моря, так же как не дал он удовлетворительного для России ответа о проливах, соединяющих Балтийское море с Северным. Поэтому казалось, что прекращение военных действий между Россией и Швецией будет лишь кратковременным затишьем перед началом новой войны между Россией и Англией с ее союзниками. Новый этап борьбы на Балтийском море был связан с обострением так называемого голштинского вопроса.

Голштинский кризис в 20-х годах XVIII века

Международный статут Балтийского моря обычно определяется той державой, которая господствует над проливами, служащими выходом из него в открытое Немецкое море и в Атлантический океан. Из балтийских государств в наиболее выгодном географическом положении находится Дания, самой природой, так сказать, предназначенная владеть ключами от Балтийского моря. Однако маленькая Дания не была в состоянии подолгу обеспечивать свою торговлю и политическую гегемонию, против которой в средние века успешно боролись ганзейские города, в XVI—XVII вв.—Нидерланды и Швеция, а позже—Англия и Россия. Но те же державы, которые сопротивлялись усилению Дании, охотно поддерживали ее политическую независимость. Западноевропейские государства, заинтересованные в балтийской торговле, не могли допустить, чтобы Швеция, Россия или другая великая держава подчинили себе Данию, получив таким образом возможность закрыть проливы для своих торговых и политических соперников.

Своеобразная «балканизация» Балтийского моря стала традиционной политикой, которая вплоть до наших дней охотно поддерживается Англией. При этом политика Дании, находящейся под постоянной угрозой нападения со стороны моря, определяется наиболее сильной морской державой, флот которой осуществляет контроль над выходом из Балтийского моря в Атлантический океан. Маркс в «Секретной дипломатии» говорит, что в XVIII в. такой державой являлась «Англия, величайшая морская держава того времени, расположенная к тому же у самого входа в Балтийское море, на котором, начиная с середины XVII в., она все время оставалась верховным арбитром». Петр I, открывший для России широкий доступ к восточной части Балтийского моря, не мог примириться с ролью Англии в качестве верховного арбитра в балтийском вопросе и после заключения ништадтского мира продолжал против нее борьбу, начавшуюся еще в 1717 году. Новый этап борьбы в 20-х годах XVIII в. был связан с голштинским вопросом.

Голштинский вопрос своими корнями уходит в глубь средних веков. Возникновение его, а также его обострение на отдельных этапах борьбы за Балтийское море было связано с географическим положением Голштинии, задолго до прорытия Кильского канала служившей мостом между двумя морями — Балтийским и Северным. В средние века через Голштинию провозились товары из Балтийского моря к Немецкому и в обратном направлении, чтобы избежать продолжительного пути вокруг Ютландского полуострова. С XV в. пользовались сухопутной дорогой через Голштинию, чтобы уклониться от уплаты зундской пошлины в пользу Дании. Словом, действуя через Голштинию, враги Дании могли подорвать ее торговую монополию и источники государственных доходов. Соперники Дании, завладев Голштинией, имели возможность нанести удар военно-политической гегемонии датчан в западной части Балтийского моря. Поэтому датские короли всегда стремились присоединить Голштинию к своим владениям, чтобы таким образом предотвратить опасность перехода ее в руки врага Дании.

В 1424 г. Дидерик Счастливый, граф Ольденбургский, женился на дочери герцога Гергарда VI Шауенбургского, владевшего также Голштинией и Шлезвигом. Его сын Христиан I в 1449 г. занял датский престол и таким образом стал родоначальником Ольденбургской династии в Дании, а после того как в 1459 г. прекратилась Шауенбургская герцогская династия, он в 1460 г. был избран герцогом Шлезвига и графом Голштинии, которая с 1474 г. также стала называться герцогством. Однако личная уния, объединявшая Данию с Шлезвигом и Голштинией, продолжалась недолго. При внуках Христиана I Ольденбургский дом окончательно распался на две линии. Представители старшей линии

[1] Мартенс. Т. V, стр. 203.
[2] Текст ништадтского мирного договора в Полном собрании законов. Т. VI, № 3819.

занимали датский престол вплоть до 1863 года. Младшая линия, известная под названием Голштейн-Готторпской династии, родоначальником которой считается внук Христиана I герцог Адольф (1544—1586), обосновалась в Голштинии, но в последующих столетиях неоднократно испытывала самые неожиданные повороты судьбы. К середине XVIII в. представители Голштейн-Готторпской династии заняли шведский, потом и русский престолы. Представители старшей (Дания) и младшей (Голштиния) линии Ольденбургского дома никогда не прекращали борьбу между собой из-за обладания Шлезвигом. В эту борьбу постоянно вмешивались соседние государства, добивавшиеся ослабления Дании.

В XVII в. Голштиния обычно находила поддержку у Швеции, причем политическое сотрудничество оформлялось брачными союзами между представителями Голштейн-Готторпского герцогского и шведского королевского домов. Герцог Фридрих III (1616—1659) выдал свою дочь Гедвигу-Элеонору за шведского короля Карла X и при его помощи в 1658 г. закрепил свои права над Шлезвигом. В конце XVII в. герцог Фридрих IV (1694—1702) был женат на Гедвиге-Софии, старшей сестре шведского короля Карла XII. Тесные политические связи привели к тому, что во время Северной войны Голштиния стала ареной военных действий и герцог Фридрих IV был вынужден сражаться на стороне шведов. Он погиб в 1702 г., а его сын Карл-Фридрих (1702—1739) из-за военного поражения Швеции в 1713—1720 гг. лишился своих владений, оккупированных Данией. Только после смерти бездетного Карла XII герцог воспрянул духом. Будучи сыном старшей сестры Карла XII, он не терял надежды занять шведский престол. Однако сторонники Карла-Фридриха, получившие в Швеции название голштинской партии, оказались в меньшинстве, и шведский престол занял Фридрих Гессенский, муж младшей сестры Карла XII.

Таким образом, к концу Северной войны голштинский вопрос связывался со спором о правах на шведский престол и с территориальными претензиями, предъявляемыми Карлом-Фридрихом к Дании, которая завладела Шлезвиг-Голштинией и только в 1720 г. возвратила герцогу г. Киль и его окрестности. По выражению одного из новейших исследователей[1], с исчезновением Голштинии, казалось, голштинский вопрос должен был навсегда исчезнуть со страниц истории, но Петр I решил им воспользоваться для достижения своих внешнеполитических целей.

С 1721 г. Петр I приблизил к своему двору вечного неудачника герцога Карла-Фридриха. Русский царь, недовольный сепаратным миром, заключенным Данией со Швецией, а также настаивая на освобождении русских кораблей от уплаты зундской пошлины, начал открыто поддерживать территориальные притязания голштинского герцога. Англия и Франция еще в 1720 г. гарантировали Дании обладание Шлезвигом и в дальнейшем также продолжали оказывать ей помощь. Петр I поддерживал также притязания герцога Карла-Фридриха на шведский престол и этим оказывал сильное давление на шведское правительство, заставляя его пойти навстречу отдельным русским требованиям. Таким образом, в руках Петра I голштинский вопрос приобрел общеевропейское значение.

Конечно, Петр I часто забывал обещания, данные им своему союзнику Карлу-Фридриху, и жертвовал его интересами в угоду своим политическим планам. Например во время мирных переговоров со Швецией русские дипломаты неоднократно использовали голштинский вопрос, чтобы добиться уступок со стороны Швеции, однако в ништадтском мирном договоре оказались совершенно обойденными интересы герцога Карла-Фридриха[2].

Но вскоре Карл-Фридрих дождался лучших дней: под прямым нажимом со стороны России в 1723 г. шведский риксдаг принял постановление о выплате ежегодной пенсии голштинскому герцогу, за которым признали также право на титул «королевского высочества».

В 1724 г. Швеция согласилась поддерживать антидатскую политику России, и в русско-шведском договоре от 11 (22) февраля 1724 г.[3] предусматривались совместные действия обеих держав с целью удовлетворения требований герцога голштинского или предоставления ему соответствующих компенсаций. За русско-шведским договором 1724 г. последовало бракосочетание Карла-Фридриха и Анны Петровны, дочери Петра I. В брачном договоре от 24 ноября (4 декабря) 1724 г. царь обещал, что «руки прежде опускать не изволит, пока государыю герцогу, дружелюбно любезному его зятю за свое от короля дацкого через толь многие годы у него предудержанное герцогство Шлезвигское совершенное удовольствие с совокуплением короны шведской исходатайствовано будет»[4].

Но Петр I не ограничился тем, что заручился шведской поддержкой в голштинском вопросе, а добивался еще от Пруссии, по крайней мере, заявления о благожелательном нейтралитете. В связи с этим обнаруживались и подлинные цели, преследовав-

[1] Brandt O. «Caspar von Saldern und die nordeuropäische Politik im Zietalter Katharina II», S. 5. Kiel. 1932.

[2] Лаппо-Данилевский А. «Россия и Голштиния». «Исторический архив». Т. I, стр. 264. 1919.

[3] Полное собрание законов. Т. VII, № 4465.

[4] Текст договора опубликован в Полном собрании законов, т. VII, № 4605 (без секретных статей), и в Sveriges traktater med främmande makter jemte andra dithörande handliger. VIII utg. av. B. Boëthius, стр. 22—32. Stokholm. 1922. Секретные статьи договора опубликованы в приложении к книге П. К. Щебальского «Политическая система Петра I». М. 1870.

шиеся Петром I в его голштинской политике. Он предполагал устроить в Киле портофранко для вывозимых из России товаров[1]. Русский царь был особенно раздражен сопротивлением англичан, которые «противодействовали его намерению приобрести себе по ту сторону Балтийского моря порт, откуда можно было бы проходить в океан»[2].

Наиболее энергичное выступление России в голштинском вопросе относится ко времени царствования Екатерины I. Она уступила герцогу Карлу-Фридриху все государственные доходы с о. Эзеля (Сааремаа). Этим дан был повод к усилению тех иллюзий, которые распространялись в Швеции приверженцами голштинской партии. Они распространяли слухи, будто бы Россия согласна уступить Карлу-Фридриху всю Лифляндию и Эстляндию, которые вместе составят отдельное герцогство[3]. Эти слухи нашли свое отражение в новейшей историографии, например в работе Ставенова[4], который высказал убеждение, будто при Екатерине I вся внешняя политика России была поставлена на службу голштинского герцога Карла-Фридриха. Последний действительно являлся членом императорской семьи и оказывал большое влияние на Екатерину I, но все же необходимо подчеркнуть, что голштинский вопрос приобрел особенно существенное значение к концу царствования Петра I. Екатерина I унаследовала его от Петра I, и поэтому можно лишь говорить о том, что личное влияние герцога на императрицу сказывалось в принятии Россией более решительных мер против Дании. Шведские дипломаты в Петербурге совместно с русским правительством вырабатывали план военного нападения на Данию. Одну из шведских гаваней в Сконии предполагалось отвести под зимнюю стоянку русских кораблей, а также сделать ее оперативной базой для военно-морских сил России на тот случай, если им придется выступить против объединенного англо-датского флота.

Англо-испанские и франко-австрийские противоречия на Средиземном море привели к тому, что Англия и Франция, позабыв на время противоречивость своих интересов, 3 сентября 1725 г. заключили так называемый ганноверский союз. Впротивовес ему существовал венский союз, основанный Австрией и Испанией 30 апреля 1725 года. Соперничавшие между собой группировки западных держав были заинтересованы в том, чтобы привлечь на свою сторону молодую великую державу—Россию. Между тем как голштинский вопрос исключал всякую возможность присоединения России к ганноверскому союзу, Австрия нашла вполне возможным присоединиться 16 апреля 1726 г. к существовавшему с 1724 г. русско-шведскому союзу, а вслед за этим, 6(17) августа 1726 г., Россия заявила о своем присоединении к венскому союзу[5]. Голландия, а потом Дания (1727) открыто поддерживали ганноверский союз. Только Пруссия порвала с ганноверским союзом и заключила договор с Россией 10(21) августа 1726 года. Обе стороны обязывались оказывать поддержку голштинскому герцогу, до применения вооруженных сил включительно[6].

Блокада Гибралтара, объявленная испанцами в феврале 1727 г., казалась началом общеевропейской войны, которая при обострении голштинского вопроса неизбежно должна была распространиться на район Балтийского моря. Но в самый разгар голштинского кризиса английская и французская дипломатия сумела добиться расторжения русско-шведского военного союза. На шведском риксдаге 1727 г. Арвид Горн при поддержке английских и французских дипломатов разгромил руссофильскую голштинскую партию. Английский флот в 1726 г. не ограничивался демонстрациями на Балтийском море, а занял угрожающие позиции у входа в Финский залив, под Ревелем[7], чтобы отрезать для русского флота выход в открытое море. Демонстрация английского флота у входа в Финский залив заставила Россию ускорить свое присоединение к венскому союзу. Весною 1727 г. английский флот снова появился в Балтийском море. Между тем военные силы Австрии оказались прикованными к Италии и Средиземному морю; на присоединение Пруссии к России в случае войны на Балтийском море нельзя было особенно рассчитывать. Поэтому Меншиков после смерти Екатерины I резко изменил общее направление внешней политики России: вместо прежней политики союза со Швецией он в 1727 г. вступил на путь русско-датского сближения; герцог голштинский был удален из пределов России, и военная опасность была устранена.

В 1728 г. в Суассоне собрался конгресс, примиривший Англию с Испанией; на этом конгрессе рассматривался также голштинский вопрос. Дания, поддерживаемая Англией, категорически отклонила все проекты о выдаче компенсации Карлу-Фридриху. Хотя голштинский вопрос не был окончательно урегулирован, но в 30-х годах он утерял свою прежнюю остроту. 15 (26) мая 1732 г. Россия заключила договор с Данией, за которой признавалось право на владение Шлезвигом при условии, что Карл-Фридрих получит вознаграждение в размере 1 миллиона ефимков[8]. Договор 1732 г. с Данией был лишь первым шагом в сторону англо-русского сближения.

---

[1] Мартенс, Т. V, стр. 233.

[2] Лаппо-Данилевский А. Цит. соч., стр. 262—263.

[3] Amburger E. «Russland und Schweden 1762—1772». S. 27. Berlin. 1934.

[4] Stavenow «Geschichte Schwedens», S. 179.

[5] Полное собрание законов. Т. VII, № 4946.

[6] Полное собрание законов. Т. VII, № 4947; Мартенс. Т. I, № 5.

[7] Соловьев С. «История России». Т. IV, стб. 962.

[8] Мартенс. Т. I, № 7.

Балтийская торговля и англо-русские отношения в 30 и 40-х годах XVIII века

Во второй половине XVII в. началась напряженная борьба между Англией и Францией, которая не ослабевала вплоть до Венского конгресса 1815 года. Обе державы оспаривали друг у друга господство над морскими и океанскими торговыми путями. В зависимости от складывавшегося соотношения сил на отдельных этапах борьбы, происходило перераспределение колониальных владений. Континентальная Западная Европа служила одним из главных театров войны, так как Англия стремилась нанести удары своей сопернице не только на море, но также и на суше. Для этой цели Англия должна была иметь союзников среди континентальных держав, без их содействия она оказывалась не в силах бороться с Францией. С 1688 по 1815 г., т. е. за 126 лет, на англо-французские войны (с участием союзных держав) приходится 64 года. В промежутки между отдельными войнами иногда намечалось англо-французское политическое сотрудничество по частным вопросам, как например выше отмеченный ганноверский союз 1725 г., направленный против Австрии и России. Но в XVIII в. все англо-французские соглашения или союзы оказывались лишь более или менее кратковременными эпизодами, за которыми следовали новые вспышки дипломатической и вооруженной борьбы.

В начале 30-х годов XVIII в. Англия и Франция снова оказались в противоположных лагерях. Ганноверский союз распался в 1731 г., и Англия вернулась к союзу с Австрией, хотя во время борьбы за польское наследство (1733—1738) она предпочитала оставаться в стороне от военных конфликтов на континенте. Франция ответила в 1733 г. заключением с Испанией так называемого эскуриальского фамильного договора Бурбонов, направленного против Англии и Австрии. Однако военное поражение Австрии (потеря Лотарингии) и усиление Франции заставили английских государственных деятелей придерживаться более активной политики в континентальных делах. Союз с Австрией заставил их подвергнуть пересмотру свои отношения к России, которая с 1726 г. являлась членом венского союза. В войне за польское наследство Россия вышла победительницей над Станиславом Лещинским и ликвидировала французское влияние в Польше. В Стокгольме, Копенгагене и Берлине русская дипломатия боролась против Франции, добившейся восстановления «восточного барьера». Антифранцузская политика, хотя и по-разному понимаемая, оказалась той основой, на которой наметилось сближение между английскими и русскими дипломатами.

Обе стороны убедились, что существующие между ними политические противоречия на Балтийском море не исключают возможности совместных выступлений против третьей стороны — Франции — и никоим образом не являются помехой для развития англо-русской торговли. Подозрительность англичан уменьшилась, когда стало очевидным, что крепостная дворянская Россия не скоро станет великой морской державой. После смерти Петра I приостановился рост русского военного и торгового флота. Спор о проливах и зундской пошлине при почти полном отсутствии русских кораблей дальнего плавания приобретал чисто теоретический характер. Обширная морская торговля Петербурга, Нарвы, Ревеля и Риги обслуживалась иностранными кораблями.

К началу 30-х годов XVIII в. усилилась конкуренция между морскими державами, заинтересованными в торговле с Россией. Не только Англия, но также Франция и Голландия начали добиваться заключения торгового соглашения с царским правительством. Но французская политика «восточного барьера» исключала возможность русско-французского торгового договора, поэтому серьезными конкурентами для англичан оставались лишь голландцы, которые до 1763 г. сохранили свои позиции на Балтийском море, завоеванные ими еще в XVI—XVII веках. В хлебной торговле Данцига и Риги голландцы оставались монополистами. Но в результате войны за испанское наследство Голландия перестала быть великой державой, а ее морская торговля начала уступать английской, находившейся под защитой сильнейшего военного флота.

С самого основания Петербурга в нем занял прочные позиции английский торговый капитал, который полностью сохранил свое положение в годы голштинского кризиса. В ответ на враждебные действия английского военного флота царское правительство неоднократно заявляло, что предпринимаемые им ответные репрессии не распространяются на английских подданных, участвующих в торговле с Россией.

До промышленной революции второй половины XVIII в. Англия лишь в исключительных случаях нуждалась в привозном хлебе. Зато она в большом количестве ввозила кораблестроительные материалы, спрос на которые всегда превышал предложение. Северные государства, в частности Россия, занимали первое место по вывозу леса. Англия особенно дорожила кораблестроительным лесом, среди которого выделялся по своей ценности дубовый, употребляемый на корабельные корпуса, а также мачтовый лес. Еще бо́льшую ценность для Англии представлял вывоз из России товаров, известных под общим названием «naval stores» (судовые припасы): пеньки и изделий из нее (канаты, парусный холст), а также льна, смолы, дегтя, железа и др. В течение XVIII века удвоилось общее количество военных кораблей и в пять раз увеличился торговый флот, соответственно этому рос спрос на «naval stores» и корабельный лес. В русском экспорте Англия занимала первое место, и в конце столетия на ее долю приходилось 75—80% железа, 90% лесных материалов и две трети пеньки и льна, вывозимых из России [1].

---

[1] Gerhard D. «England und der Aufstieg Russlands», S. 79, München u. Berlin. 1933.

В «Секретной дипломатии» Маркс указывает на особые черты английской торговли на Балтийском море: балтийская торговля Великобритании была в то время невелика по размерам вложенных в нее капиталов, но значительна по своему характеру. Она доставляла Англии необходимое сырье для ее морского снабжения. Тесная экономическая связь, существовавшая в в XVIII в. между обеими странами, как указывает Гергард, дала русским повод полагать, что англичане не могут существовать без вывоза из России. С другой стороны, в Англии были убеждены, что прекращение англо-русской торговли вызовет катастрофические потрясения всей хозяйственной жизни России.

Англия в 30-х годах XVIII в. упорно отказывалась от политического союза с Россией и предпочитала ограничиваться торговым договором, заключенным в Петербурге 2 декабря 1734 года[1]. Война за австрийское наследство заставила английское правительство изменить свою позицию. 3 апреля 1741 г. был заключен первый русско-английский военный союз, сроком на 20 лет, но после дворцового переворота он был объявлен русским правительством недействительным (1742). В 1747 г. между обоими государствами были заключены три конвенции[2]: 1(12) июня, 8(19) ноября и 27 декабря (9 января) 1748 года. Вторая из них предусматривала посылку корпуса русских войск в Западную Германию на помощь Англии и Голландии. Но когда в 1747—1748 гг. русские войска направились к Рейну, они были возвращены с пути, так как, по аахенскому миру, были прекращены военные действия против Франции. Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693—1766), с 1742 по 1758 г. канцлер Елизаветы Петровны, придерживался политики сближения с Австрией (союзный договор от 1746 г.) и Англией.

«Спокойствие на Севере» и французская политика «восточного барьера» в 30 и 40-х годах XVIII века

В XVI—XVIII вв. большой популярностью пользовалась теория «политического равновесия» (équilibre du pouvoir, balance of power)[3]. Впоследствии большими поклонниками этой теории оказались английские государственные деятели, так как «равновесие» сил враждовавших между собою континентальных государств означало для Англии свободу действий на морях и в колониях и кроме того обеспечивало положение «третьего радующегося» в Европе.

Во время Северной войны теорию «политического равновесия» стали распространять и на район Балтийского моря. При этом говорили о «равновесии на Севере», «спокойствии на Севере», «северной тишине» («tranquillité du Nord, repos du Nord, calm du Nord») или «об умиротворении Севера» (pacification du Nord). Историк О. Брандт»[4] в своем докладе на международном конгрессе историков в Осло (1928) заявил, что с 1721 по 1762 г. Дания выступала хранителем «спокойствия на Севере», или status quo на Балтийском море. Государственные деятели Дании, обеспокоенные все возрастающим могуществом России, думали главным образом о защите Шлезвига против притязаний со стороны герцогов голштинских и Норвегии. С 1735 г. внешней политикой Дании руководил И. С. Шулин, после смерти которого в 1750 г. к власти пришел И.-Г.-Э. Бернсторф Старший. Оба они были приверженцами «спокойствия на Севере», которому, по их мнению, угрожала «русская тирания» на Балтийском море[5].

Ограниченные финансовые и военные возможности заставляли Шулина и его преемника искать помощи у великих держав. Надо отдать справедливость государственным деятелям Дании: они хорошо понимали действительную ценность обещаниям и обязательствам, взятым на себя великими державами по отношению к слабому союзнику. Поэтому Шулин и Бернсторф старались уберечь Данию от вовлечения в военные конфликты, безразлично, возникали ли они на Балтийском море или в Западной Европе. Но «спокойствие на Севере» не зависело от Дании и ее государственных деятелей.

В 30 и 40-х годах за теорию «политического равновесия» на Севере ухватились также государственные деятели Англии, Франции и других великих держав. При этом каждое государство преследовало свои, особые цели, и поэтому в популярные политические термины «равновесие», «успокоение» и т. п. вкладывалось весьма различное содержание. Не случайно в Петербурге с особой настороженностью относились ко всем подобного рода политическим теориям о «северной тишине».

Улучшение англо-русских отношений и заключение торгового договора 1734 г. имели исключительно важные политические последствия для дальнейшего развития международных отношений на Балтийском море. Англия теперь не собиралась из-за голштинского вопроса и Дании портить свои хорошие отношения с Россией. Но в то же время английские государственные деятели старались поддерживать дружественные отношения также и с Данией и не особенно воз-

[1] Бантыш-Каменский «Обзор внешних сношений России». Ч. 1-я, стр. 139—141.

[2] Там же, стр. 143. Полное собрание законов. Т. XII, № 9414.

[3] Kaeper E. «Die Idee des europäischen Glückgewichts in der publizistischen Literatur vom 16. bis zur Mitte des 18 Jahrhunderts». 1907. Dupuis, Le principe de l'équilibre. 1909. Из русских работ можно указать: Даневский «Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности». 1882; Штиглиц «Исследование о началах политического равновесия, легитимизма и национальности». Ч. 1—3-я. 1889—1890.

[4] Brandt O. «Das Problem der «Ruhe des Nordens» im 18 Jahrhundert» («Historische Zeitschrift». Bd. 140, S. 550—564).

[5] Ibidem, S. 556.

ражали против заключения датско-французского договора, острие которого было явно направлено против России. Англия хотела вести только выгодную торговлю с Россией, и поэтому она была против политического или военного союза с царским правительством, но в то же время не собиралась мешать другим вооружаться против России.

В 1734 г. Дания и Швеция заключили на 15 лет союз с целью сохранения территориального status quo, т. е. Швеция гарантировала Дании владение Шлезвигом. Формально Россия не имела основания возражать, так как за два года до этого (1732) она сама дала Дании подобную гарантию. Но шведско-датский договор имел совсем другое значение: он должен был обеспечить Швеции тыл на случай войны с Россией[1]. Одновременно с улучшением шведско-датских отношений прекратилась традиционная вражда между Швецией и Польшей, сближение которых в 1732 г. было вызвано деятельностью французских дипломатов, старавшихся нажить политический капитал на русской опасности.

Таким образом, в 30-х годах англо-русское сближение, лишавшее Данию и Швецию надежды на помощь английского флота, было одной из основных причин «умиротворения Севера». В то же время улучшение англорусских торговых и политических отношений было использовано Францией в целях восстановления «восточного барьера», и, следовательно, обострились франко-русские отношения на Балтийском море.

В 1734 г. Англия также подписала союзный договор с Данией, но обязуясь выплачивать субсидии. В ответ на франко-прусское сближение английское правительство постаралось лишь застраховать себя на тот случай, если Франция захотела бы использовать вооруженные силы Дании против Англии или ее союзников на западе. Вообще Англия старалась поддерживать хорошие отношения с государством, господствующим над входом в Балтийское море, говорит Герхард[2], но государственные деятели Англии предпочитали ограничиваться династическими связями. В конце 1743 г. состоялся брак датского престолонаследника с дочерью английского короля, а в 1765 г. датский король Христиан VII женился на племяннице английского короля.

Шведское правительство в 1735 г. согласилось на возобновление шведско-русского договора от 1724 г.[3], но в то же время в июне 1735 г. был подписан шведско-французский союз, который в 1738 г. был открыто направлен против России. Дания и Швеция по отношению к враждовавшим между собой противникам, Франции и Англии, оказались в разных лагерях, но от этого нисколько не менялись их взаимные отношения, а также не изменилась их вражда к России. Особенно усилилось в Швеции стремление к реваншу во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг., и при содействии французских дипломатов был подписан сначала торговый договор между Швецией и Турцией (1737), а потом шведско-турецкий военный союз. Таким образом, в результате французской политики «восточного барьера» к концу 30-х годов появился общий фронт враждебных России держав. Он растянулся на громадное расстояние—от Константинополя через Варшаву до Стокгольма,— охватывая всю западную и часть южной границы России.

Мобилизация враждебных России сил проводилась Францией под прикрытием тех же громких фраз о «северном равновесии» «умиротворении Севера» или о «спокойствии на Севере» и т. д.

Бестужев, русский посол в Стокгольме, в своих донесениях правительству правильно определил цель французской политики «умиротворения Севера», которая «состояла в том, чтобы привести в доброе согласие Швецию с Данией, устроить тройной союз и держать обе скандинавские державы в своем распоряжении»[4]. Кардинал Флери, с 1726 по 1743 г. руководивший политикой Франции, в поисках союзников против Австрии и России стоял за датско-шведское сближение, т. е. продолжал традиционную политику Людовика XIV. Новое в его балтийской политике заключалось лишь в том, что в «восточном барьере» он старался заменить Польшу, окончательно утерянную для Франции после войны за польское наследство, Пруссией, военной державой, которая считалась исконным врагом Австрии.

После смерти Петра I наблюдалась некоторая отчужденность в русско-прусских отношениях. Прежний союз с Россией, находившейся теперь в союзе с Австрией, потерял смысл для Пруссии. Отношения осложнялись еще частичными недоразумениями между Пруссией и Россией по поводу Курляндии и польских дел. Флери, склоняя Пруссию на сторону Франции, должен был позаботиться насчет безопасности тыла для своего нового союзника. Образцовая армия Гогенцоллернов могла быть использована Францией только при условии, если самой Пруссии не угрожала опасность с востока, со стороны России. Для успешной войны против Австрии (союзница Англии) Франция нуждалась в создании балтийского плацдарма войны против России. Французские дипломаты активно участвовали в дворцовом перевороте в пользу Елизаветы Петровны, так как во Франции рассчитывали, что новая русская императрица переменит английскую ориентацию на французскую и откажется от союза с Австрией. Но французская дипломатия, правильно учитывая, что для перемены внешнеполитической ориентации России личные симпатии или антипатии Елизаветы Петровны могут оказаться недостаточным поводом — а в этом очень скоро убедились,— прибегла к своего рода перестраховке. Одновременно с организацией дворцового переворота вы-

[1] Brandt O. «Caspar von Saldern und die nordeuropäische Politik», S. 13.

[2] Gerhard «England und der Aufstieg Russlands», S. 9.

[3] Sveriges traktater, VIII, S. 213—223. Полное собрание законов. Т. IX, № 6782.

[4] Соловьев С. «История России». Т. IV, стб. 1562.

звали шведско-русскую войну (1741—1743), которая казалась более надежным средством помешать России выполнить свои союзные обязательства по отношению к австрийским Габсбургам нежели моральные обязательства, полученные от Елизаветы до дворцового переворота. Оставшаяся без русской помощи Австрия действительно потерпела поражение и потеряла Силезию. Но за победу Франции и Пруссии пришлось дорого поплатиться другому союзнику Франции — Швеции,— которая, по абовскому миру 7(18) августа 1743 г., потеряла часть Финляндии до реки Кюмене[1], уступленную России.

Россия и вопрос о шведской конституции в 40 и 50-х годах XVIII века

Швеция в 1741 г. начала войну под предлогом содействия дворцовому перевороту в пользу Елизаветы Петровны. Таков был формальный повод к войне, а по существу в Швеции рассчитывали воспользоваться внутренними смутами в России для захвата Выборга и Карелии. Между тем события в Петербурге 25 ноября 1741 г. опрокинули все расчеты шведских и французских государственных деятелей. Елизавета Петровна заняла престол, не встретив серьезного сопротивления, а русская армия не только не потеряла боеспособности, но буквально на другой день после переворота оказалась вполне готовой дать отпор шведам.

Война возникла и продолжалась исключительно по вине шведского правительства, которое настаивало на возвращении Швеции части территории, утерянной ею по ништадтскому мирному договору. В ходе военных действий обе стороны старались использовать внутренние противоречия в лагере противника[2]. Россия заявила о своем согласии признать независимость Финляндии, но сепаратистские тенденции в рядах финляндского дворянства, состоящего из шведских помещиков и землевладельцев, оказались слишком слабыми и не оправдали надежды царского правительства. Зато вполне эффективным средством в руках царской дипломатии оказался вопрос о шведском престолонаследии, тесно связанный со старым, голштинским вопросом, а также с вопросом о шведской конституции.

После смерти Карла XII произошли существенные изменения в государственном строе Швеции[3]. Взамен абсолютной монархии установилось политическое господство дворянской олигархии, поддерживаемое высшим духовенством и крупной буржуазией. Носителем высшей власти являлся риксдаг, который состоял из представителей четырех сословий: дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Власть короля сохранилась, но имела чисто номинальное значение. Хотя подпись короля ставилась на всех важнейших государственных документах, но при решении вопросов в государственном совете он имел лишь два голоса. В «эпоху свободы» королевская власть фактически стала выборной (в связи с прекращением Пфальцской династии), поэтому имена претендентов на престол нередко становились знаменем политической борьбы, что, однако, не укрепляло авторитета королевской власти.

В исторической литературе нередко сравнивают шведскую конституцию 2 мая 1720 г. с государственным строем шляхетской Речи Посполитой. В XVIII в. дворянские вольности, или привилегии, настолько расшатывали государственный аппарат управления Швеции, что вмешательство иностранных держав во внутренние дела Швеции стало постоянным явлением.

В ст. 7-й ништадтского мирного договора речь идет о сохранении существующего государственного строя в Швеции, но начиная с 1723 г. русская дипломатия толковала эту статью в том смысле, что Россия является гарантом шведской конституции 1720 года. Со стороны Швеции пытались потом отстаивать диаметрально противоположную точку зрения и злополучную 7-ю статью толковали как принятое на себя русским правительством обязательство не вмешиваться во внутренние дела Швеции. Но, как все международные споры, вопрос о шведской конституции и толкование 7-й статьи ништадтского мирного договора решались не юристами, а реальным соотношением сил. В войне 1741—1743 гг. сила оказалась на стороне России: русские войска оккупировали Финляндию и стали угрожать Стокгольму.

В этих условиях шведские сословия сочли более благоразумным принять требования царского правительства и 26 октября 1742 г. провозгласили герцога голштинского Карла Петра Ульриха (сын умершего в 1739 г. Карла-Фридриха) шведским престолонаследником. 7 ноября 1742 г. был опубликован манифест о том, что герцог принял православие под именем Петра Федоровича и был объявлен русским престолонаследником[4]. Этим обстоятельством воспользовались французские и датские дипломаты, которые выдвинули кандидатуру датского принца. В случае реализации подобного проекта на датском и шведском престолах оказались бы представители старшей линии Ольденбургского дома.

Политическое сближение Дании и Швеции вполне соответствовало планам француз-

---

[1] Sveriges traktater, VIII. 385—401; Tengberg N. «Bidrag tile historien om Sveriges krig med Ryssland oaren 1741—1743». Lund. 1857.

[2] Danielson J. «Die nordische Frage in den Jahren 1746—1751. Mit einer Darstellung der russisch-schwedischfinnischen Beziehungen 1740—1743». Helsingfors. 1888.

[3] История Швеции в «эпоху свободы» (1718—1772) освещена в работах Stawenow L. «Geschichte Schwedens 1718—1772». Gotha. 1908; Malmström «Sveriges politiska historia fran Karl XII: s dod till statshvälfningen 1772». Stockholm. 1893—1901.

[4] Полное собрание законов. Т. XI, № 8658.

ской дипломатии времен Флери. Но возрождение Кальмарской унии угрожало интересам России, которая не могла допустить объединения Скандинавии и заявила свой категорический протест против кандидатуры датского принца. Царское правительство в ультимативной форме потребовало, чтобы шведским наследником был признан Адольф-Фридрих Голштейн-Готторп, занимавший должность епископа в Любеке. Шведское дворянство согласилось на новое предложение царского правительства.

Шведские крестьяне и связанные с ними рудокопы Далекарлии всегда относились враждебно к господству дворянской олигархии. Крестьянское сословие в риксдаге неоднократно протестовало против политики военных авантюр, связанной с увеличением налогового гнета. Позорная война против России и еще более позорная капитуляция перед царским правительством послужили в 1743 г. непосредственным поводом для восстания шведских рудокопов и крестьян. Восстание было направлено против господства дворян: в первую очередь восставшие добивались свержения правительства дворянской олигархии.

В обстановке военного разгрома, связанного с угрозой вторжения царских войск в Швецию, крестьяне выступили со своей программой внешней политики и в целях обеспечения внешней безопасности государства настаивали на политическом сближении скандинавских стран. Восставшие заняли даже часть Стокгольма, но были вытеснены из столицы соединенными усилиями дворян, духовенства и крупной буржуазии, объединившихся перед опасностью революции. Дворянское правительство, не полагаясь на шведскую армию, обратилось за помощью к России. Еще в 1723 г. русский посол в Стокгольме предлагал при помощи царских войск расправиться с непокорными шведскими крестьянами и оппозиционно настроенной буржуазией. Тогда шведское правительство отказалось от этой услуги. В 1743 г. объединенный шведско-русский флот, чтобы прекратить сношения восставших с Данией, блокировал побережье Швеции.

В сентябре 1743 г. корпус русских войск в составе 12 тыс. солдат был размещен в центральных областях Швеции, где оставался вплоть до июля 1744 года. Подавление восстания шведских рудокопов и крестьян в 1743 г. было как бы репетицией той роли жандарма, какую Россия стала играть в Европе со времен Екатерины II. В результате событий 1743 г. влияние царского правительства в Швеции достигло своего кульминационного пункта.

Под давлением царского правительства Швеция была вынуждена подписать договор с Россией о поддержке и защите прав Петра Федоровича (Петра III) на земельные владения Голштейн-Готторпов. В то же время царское правительство контролировало внешнюю политику Швеции и в 1744 г. воспротивилось заключению шведско-прусского договора.

Однако в Швеции, впротивовес России, начало усиливаться прусское влияние. Адольф-Фридрих, наследник шведского престола, женился на Луизе-Ульрихе, сестре прусского короля Фридриха II. Политика прусского короля Фридриха II в Швеции и его отношение к России в первую очередь определялись австрийскими делами — борьбой за Силезию. Россия продолжала оставаться союзницей Австрии, и в случае возобновления австро-прусской войны можно было ожидать, что русская армия выступит против Пруссии. Учитывая опыт недавней русско-шведской войны 1741—1743 гг., Фридрих II имел все основания надеяться, что при помощи Швеции он сможет в дальнейшем удержать Россию от вмешательства в германские дела. Энергичная Луиза-Ульрика пыталась в Швеции противодействовать русскому влиянию и группировала вокруг себя сторонников усиления королевской власти. Русский канцлер Бестужев теперь больше всего опасался воцарения Адольфа-Фридриха, бывшего некогда ставленником России, но оказавшегося потом в лагере ее соперников. Начиная с этого времени царское правительство считало своей главной задачей получить надежные гарантии против каких бы то ни было изменений шведской конституции 1720 г., обрекавшей короля на полное бездействие из-за ограниченности его власти. Восстановление абсолютной монархии понималось всеми как возвращение к великодержавной политике времен Карла XII. Русский посол барон Корф во время риксдага 1746—1747 гг. открыто угрожал интервенцией в случае противодействия царской политике.

Однако методы, оказавшиеся вполне эффективными по отношению к Польше, в Швеции вызвали всеобщее негодование. Грубым промахом царского дипломата сумели воспользоваться Франция и союзная с нею Пруссия. Барон Корф был заменен ловким дипломатом Никитой Паниным, но от этого политика России по отношению к Швеции не изменилась.

В 1749 г. в Европе с тревогой ожидали возникновения новой русско-шведской войны. Декларация русского правительства от 18 января 1749 г., по существу, была ультиматумом, предъявленным Швеции, и только энергичное выступление Франции и Пруссии заставило Бестужева воздержаться от немедленного применения вооруженных сил. Тем не менее в своей ноте от 23 августа 1749 г. царское правительство заявило о том, что в случае смерти шведского короля Фридриха и вступления на престол Адольфа-Фридриха русские войска займут Финляндию и останутся там до тех пор, пока не будет дана надежная гарантия верности нового короля конституции 1720 г., включая признание 7-й статьи ништадтского мирного договора.

В Петербурге больше всего опасались дальнейшего усиления Пруссии, которая до этого завладела Силезией и угрожала свести на-нет русское влияние в Польше и Курляндии, создавая серьезную опасность политическому положению России на Балтийском море. Со стороны Пруссии, как позднее признавался сам Фридрих II, царская империя считалась в военном отноше-

нии почти неуязвимой, в то время как русская армия без особых затруднений могла занять Восточную Пруссию.

«Из всех соседей Пруссии русская империя заслуживает наибольшее внимание, как соседка самая опасная: она сильна, она близка. Будушие правители Пруссии также должны будут искать дружбы этих варваров»,— писал Фридрих II. В свою очередь Бестужев был убежден, что для России Пруссия опаснее Франции «по близости соседства и великой умножаемой силе»[1].

В Петербурге опасались, что Пруссия использует Швецию в качестве военного союзника для нападения на Россию. В этом случае наиболее опасным для России оказался бы финляндский плацдарм, расположенный вблизи Петербурга. В связи с этим становится понятным, почему в 1750 г. царское правительство в ответ на прусско-шведское сближение намеревалось оккупировать Финляндию. Еще в 1743 г. Бестужев предупреждал, что за королем прусским «подлинно надлежит смотреть недреманным оком... Он может подкупить курляндское шляхетство, чтобы выбрали герцогом брата его; а если прусский король в шведскую войну не вмешается, то Дания вместе и с Францией не опасны»[2].

Австрия и Англия выступали в роли посредников между Швецией и Россией и предлагали свои гарантии шведской конституции. Военная опасность миновала лишь после того, как Россия убедилась, что правящая партия шведских дворян (так называемые «шляпы») успешно сопротивляется усилению королевской власти. Подозрения Бестужева окончательно рассеялись, когда риксдаг в 1755—1756 гг. постановил казнить приверженцев Луизы-Ульрихи, организовавших заговор с целью восстановления абсолютной монархии.

К этому же времени (в 50-х годах) произошла новая перегруппировка держав, которая коренным образом изменила всю обстановку на Балтийском море. Вопрос о шведской конституции на время потерял свою актуальность. Зато усиливались противоречия между великими державами, приведшие их к Семилетней войне.

Таким образом, в продолжение первой половины XVIII в. в роли главного соперника России на Балтийском море выступали поочереди все великие державы, за исключением Австрии. С 1717 г. фронт враждебных России государств возглавлялся Англией, которая в 30-х годах уступило свое место Франции. В 40-х годах, за исключением первых месяцев царствования Елизаветы Петровны, продолжалось франко-русское соперничество, но постепенно на первый план выдвигались прусско-русские противоречия, обостренные отношениями обоих государств к Австрии.

Несмотря на отдельные неудачи как во время Северной войны, так и после ништадтского мира, царская дипломатия сумела отстоять завоевания Петра I и укрепить позиции России на Балтийском море. Как известно, Маркс и Энгельс высоко оценивали искусство царской дипломатии. По словам Энгельса, «внешняя политика — это безусловно та область, в которой царизм силен, очень силен»[3].

[1] Соловьев С. «История России». Т. V, стб. 267 и 282.

[2] Там же, стб. 250.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 6.

К ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ ДО XVIII ВЕКА

З. Неедлы

Обновить славяноведение, или славистику, как еще иначе называлась эта научная дисциплина, является одной из актуальных задач, стоящих перед советской исторической наукой. При Институте истории Академии наук СССР создан в 1939 г. особый сектор славяноведения, а на историческом факультете Московского государственного ордена Ленина университета имени М. В. Ломоносова учреждена особая кафедра истории западных и южных славян. Само собой разумеется, что советская историческая наука не преследует цель восстановить ту славистику, которая существовала до Октябрьской социалистической революции.

Уже тот факт, что эта дисциплина после Октябрьской революции в советской науке была оставлена, доказывает, что наблюдались глубокие противоречия между советской действительностью и той славистикой, которая культивировалась в дореволюционное время.

Полный отказ от изучения истории и культуры славянских народов вполне справедливо считается одной из крупных ошибок в числе многих, допущенных Покровским и его «школой». И здесь сказался вред «упрощенства» исторических проблем, приведший Покровского к полному отрицанию целой научной дисциплины. Но, с другой стороны, ошибка не была бы возможной, если бы не было некоторых предпосылок, обусловливавших эту ошибку. Главная из них заключалась в неоспоримой реакционности большинства дореволюционных славистов.

Славянская филология возникла как часть общей системы филологической науки. Славистика, однако, сразу стала играть и политическую роль. Конечно, и другие национальные филологии имели свое политическое значение: германистика содействовала усилению самосознания немецкой пробуждающейся буржуазии, ориенталистика была использована в интересах колониальной политики Францией и Англией. Славистика же не только усиливала национальное сознание буржуазии отдельных славянских народов, но одновременно являлась носительницей идей панславизма, идей политического и культурного объединения всех славянских народов под гегемонией русского самодержавия, являвшегося главным оплотом всей европейской реакции в XIX веке Идеями панславизма проникнуты работы русских славистов. Ту же программу в своей основе, правда с различными вариантами, имело и большинство славистов XIX века. Естественно, что славистика стала опорой, столпом реакции. Славистика с такой ориентацией, понятно, в советской науке была совершенно не мыслима—в этом отношении оппозиция против нее после Октябрьской социалистической революции была вполне основательна.

Однако реакционность старой славистики вытекала не из самого факта изучения славянских народов, но из того, что она была ориентирована на царскую Россию как на самую могущественную, в течение долгого периода единственную самостоятельную политическую славянскую силу. Падение царской России и возникновение СССР должны были знаменовать и в славистике крупный революционный переворот. Но, вместо того чтобы взять на себя труд осуществить этот переворот в славяноведении и повести славистику по новому пути, советские историки на первых порах просто-напросто забросили эту область.

Это было неправильным решением: не бросать, не отступать, не молчать надо было, а, наоборот, с еще большей энергией браться за работу. Преодолевать, превозмогать препятствия — таков всегда и во всем единственный и правильный путь Ленина и Сталина. И это является теперь боевой задачей советского славяноведения. Ни в коем случае не забрасывать этой научной дисциплины, но с еще большей энергией приниматься за работу, повести ее по марксистскому пути.

Но, прежде чем приняться за работу, следует познакомиться с развитием науки о славянских народах в прошлом, чтобы учесть наше наследство в этой области.

До возникновения в XVIII в. буржуазной славянской филологии отсутствовала научная система в изучении прошлого вообще и в изучении культуры славянских народов, как не было ее и в изучении иных народов, кроме классического древнего мира. Все, что появилось под названием славяноведения, было больше предисторией этой науки чем подлинной историей. Но и эта предистория значительна и важна. Многое из того, что потом составляло главную проблематику славяноведения, проявилось здесь

остро и ясно. Я хочу ввиду этого остановиться и на раннем периоде истории славяноведения. Тем более, что буржуазное славяноведение XIX в. совершенно игнорировало этот период, а если обращалось к нему, то только для того, чтобы затушевать то, что ему не подходило.

Первые шаги славяноведения

Первые наши источники по истории славян: Плиний, Тацит, Птолемей — говорят о славянах как об одном народе и называют их одним именем, правда, не всегда одинаковым. Таким же образом о славянах говорят византийские писатели и франкские летописцы в IX веке. Некоторое исключение представляют Иордан и Прокопий, различающие славян и антов. Это можно объяснить сравнительно поздним выступлением славян на исторической арене и в особенности их значительно более поздними сношениями с римским и греческим миром.

Сознание родства между собой и отличия от других, неславянских народов всегда, однако, сохранялось у самих славянских народов. Классическим доказательством этого является «Повесть временных лет» Нестора. В ней, на самой заре историографии славянских народов, мы уже в первых главах находим подробное для того времени рассуждение о славянах как об едином целом. Автор знает славянские народы (моравов и чехов, белых хорватов и сербов, поляков, русских славян, лютичей, поморян, корутан) и заявляет: «По мнозех же времянех сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Оугорьска земля и Болгарьска. От тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седша на котором месте; яко пришедше седоша на реце имянем Марава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошося, а се ти же Словени Хровате Белии, и Серебь и Хорутане Волхом бо нашедшем на Словени на Дунайския, и седшем в них и насилящем им, Словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне, такоже и ти Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне зане седоша в лесе, а друзии седоше межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи (инии седоша на Двине и нарекошася Полочане) речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, (и) прозвашася своим имянем и сделаша град и нарекоша и Новгород, а друзии седоша по Десне и по Сели и по Суле, и нарекоша Север (и) тако разидеся Словеньский язык, темже и грамота прозвася Словеньская»[1].

То же самое мы находим у историков и других славянских народов. И польский автор хроники Мартин Галл знает, что поляки говорят по-славянски, и называет Польшу «северной частью славянской земли»[2]. А ведь Галл был по происхождению иностранец и не был заинтересован в подчеркивании славянского происхождения поляков. Но эти сведения были среди поляков, по всей вероятности, так распространены, что и он считал необходимым привести их в своем труде.

Первый автор чешской хроники Косма об этом ничего не говорит (он придерживался чисто западной ориентации), но о славянстве чехов знает так называемый Кристиан, автор легенды о чешских святых IX и X вв. и автор «Passio s. Adalberti martyris» — памятника начала XI века.

Следы осознания родства мы находим в этот период у славянских народов и другими путями. На это указывает прежде всего и общая топографическая номенклатура, например название «сербохорват». Эту двойню мы находим в области Польши (белые хорваты, а на запад от них — лужицкие сербы), в Чехии (хорваты восточной Чехии и сербы, или шповане,— на запад от них) и до сих пор у южных славян. Чешский автор хроники Далимил, в начале XIV в. вообще выводит славян из области «с сербским языком». Самый первоначальный обобщающий термин «славянин» удержался у славян в качестве обозначения отдельных славянских народов: до сих пор так именуются словаки и южнославянские словенцы, каковые названия являются только вариантами первоначального общего названия «славянин» (славянин в западнославянских языках — slovan). При этом характерно, что это слово как название народа удержалось как раз у тех народов, которые никогда (по крайней мере в прошлом) не создали своего государства, но жили до самого последнего времени только как народ в другом государстве, как например словаки в Венгрии, словенцы в Австрии. Ввиду этого они не приобрели специального названия, но называются и дальше первоначальным общим именем, только диалектически видоизмененным.

На сохранение сознания родства имела влияние также история крещения славянских народов. Кирилл и Мефодий в церквах славянских народов с самого начала считались апостолами не только моравая и чехов, но всего славянства, так как ведь они и сами пришли из славянского юга и воспитали учеников, которые распространяли их учение среди иных славянских народов. При этом не только учение, но и язык и первые славянские сочинения, созданные ими, жили в литургии и в письменности большинства славянских народов и, таким образом, тоже напоминали о прежней их общей истории. По этому вопросу как у русских, так и у поляков, чехов и югославян накопилось огромное количество ценной и малоценной литературы.

В последующие столетия народная фантазия создает миф об общем происхождении славянских народов. Чешский летописец XIV в. Далимил в легенде к праотцу Чеху,

[1] Полное собрание летописей. Т. I. Вып. 1-й, стр. 5—6.

[2] Равным образом и краковский епископ Матеуш в середине XII в. считает Русь, Польшу и Чехию частями «Славонии».

о котором рассказывала древняя чешская повесть, добавил также Леха, праотца поляков, и сделал его братом Чеха. В том же столетии польский летописец Богухвал к этим двум братьям прибавил еще третьего брата — Руса. Эта повесть не только удержалась до наших дней у всех славянских народов как основная часть национальной истории, но получила и дальнейшее развитие: под ее влиянием в начале XVIII в. югославянин Каварин в югославянской повести заставляет трех братьев-далматинцев (сам Каварин происходил из Сплита) отправиться на север и там основать три государства: чешское, русское и польское. Здесь уже все главные славянские народы собраны вместе, причем находятся в близком родстве, представлены как родные братья.

Однако это сознание общего происхождения не было в состоянии воспрепятствовать острым недружелюбным столкновениям между отдельными славянскими народами. Уже в самом начале своей истории славянские племена не только совместно выступают против врагов, но и борются между собою. Известна почти не прерывавшаяся борьба между феодальным польским государством и государством киевским. Еще более яростная борьба, борьба на истребление, происходила между польским и чешским государствами. Сначала возникло чешское государство (при Болеславе I и Болеславе II), а поляки, если и не были полностью ему подчинены, то находились в сильной зависимости от него. Но лишь только чешское государство стало слабеть от возникших после смерти Болеслава II беспорядков, польский король Болеслав Храбрый вторгся в Чехию; и в результате этого вторжения Чехия сильно ослабла. После смерти Болеслава Храброго в Польше опять начались беспорядки и чешский князь Бржетислав I не только захватил у Польши перед тем занятую ею Моравию, но, проникнув далеко в глубь Польши, разорил ее и захватил большую добычу пленными и имуществом.

В таких случаях, конечно, сознание «славянского родства» использовалось как фактор, содействовавший экспансии государств. Это противоречие — с одной стороны, действительное сознание родства у самих народов, ведущее к сближению этих народов, а с другой — использование этого родства господствующими классами для разжигания ненависти между народами — являлось в течение нескольких столетий главной основой всей так называемой славянской политики. И славяноведение, вырастая на основе этой политики, служило не столько сближению славянских народов между собою, сколько подчинению одного народа другим. Это лучше всего нам показывает дальнейшее развитие взаимоотношений между славянскими народами и отвечающее этим взаимоотношениям славяноведение.

Буржуазная оппозиция XIV, XV и XVI веков

Вместе с развитием буржуазной оппозиции в XIV—XVI вв. и ростом буржуазного самосознания идея славянского единства получает определенную классовую, буржуазную основу. В первую очередь буржуазия выставляет свои требования в области языка: феодальной (церковной) латыни буржуазия противопоставляет национальный язык — язык, на котором говорили буржуазия и народ. Ввиду этого всюду вместе с ростом буржуазной оппозиции идет и возрождение национального языка, причем главным средством этого возрождения является перевод библии на народный язык. Национальный язык, таким образом, решительно противопоставляется латыни, как привилегированному языку церкви, и в глазах средневекового общества получает значительно более высокую функцию, нежели до того имел народный язык. Вместе с тем наступает и значительно более быстрое и более интенсивное развитие национальных языков. Так происходило в свое время дело во Франции (Прованс) и в Англии; так происходило, и притом в более сильной и более осознанной форме, в Чехии. Ян Гус стал теоретиком и реформатором народного языка. Он создал новую орфографию и пропагандировал употребление местных чешских слов, противопоставляя их вкравшимся в язык нечешским словам. Гуситство завоевало чешскому языку первенство в государственной и общественной жизни, в церкви и в литературе.

Но вместе с тем старое, удержавшееся в народе осознание славянского единства получает у гуситов противоцерковный и противофеодальный характер. Много чехов, в особенности мелкого дворянства (земанов), воевало в рядах поляков, боровшихся против Ордена немецких рыцарей. Сам Жижка, впоследствии вождь таборитов, был среди этих чехов, а победа у Грюнвальда в 1410 г., где Орден потерпел поражение, была в известной мере и делом чехов.

Известный друг Гуса и главный пропагандист гуситства заграницей Иероним Пражский обращался со своей пропагандой прежде всего к славянам. Он отправился в Краков, а оттуда — дальше, в Литву, к украинцам и белоруссам, дошел до самого Витебска, всюду распространяя гуситские взгляды; он имел большой успех у народа и встречал постоянно отпор со стороны польского духовенства.

Чем радикальнее было гуситское движение, тем более революционна была его славянская тенденция. Пражская буржуазия в своем манифесте 1420 г., призывающем к обороне родины против крестового похода западных феодалов, чисто националистически вспоминает печальную судьбу полабских славян, погибших от гнета немецких феодалов: «Немцы без всяких причин ополчились против нашего языка. И как поступили они с нашим языком на Рейне, в Мишне, в Пруссии, изгнав его оттуда, так они намерены учинить и с нами и занять места изгнанных». Жижка и вообще табориты говорят иначе: «славянский народ» в их заявлениях обозначает всегда народ, восставший против феодализма, а отнюдь не народ, только говорящий на славянском

языке. Говорящий на этом языке, но находящийся на стороне церкви и феодалов чех или славянин является «отщепенцем», человеком, изменившим восставшему народу, и Жижка таких «отщепенцев» уничтожает независимо от того, на каком языке они говорят.

Когда бюргеры Праги в 1422 г. против немецкого императора Сигизмунда вызвали в качестве претендентов на чешский престол польского короля Владислава и литовского князя Витольда, эти последние послали в Прагу своего племянника Сигизмунда Корибута с войском, в которое вошло много «русняков»—бедных украинских крестьян из области Львова, особенно жестоко эксплоатировавшихся панами. Услышав о войнах таборитов против панов, они толпами вступали в войско, которое должно было идти в Чехию. Больше двух тысяч их пришло в 1422 г. в Чехию. Когда же переговоры о престоле окончились неудачей и польский король Владислав хотел использовать «русняков» для интервенции против гуситов, они не послушались его приказаний, и хотя польский король проклинал, просил, клялся, они примкнули к гуситам, причем к их самому радикальному крылу — таборитам — и составили наиболее важную часть таборитского войска. Был у них и свой вождь, князь Фридрих, потомок Романа Галицкого, который в 1426 г. стал таборитским гетманом. То же сталось и с вышеупомянутым Сигизмундом Корибутом: когда его попытались отозвать в Польшу, он вернулся в Чехию и стал таборитским гетманом.

После поражения таборитских войск в Чехии в 1434 г., когда отряды (роты) таборитов овладели Словакией, еще более усилился приток к ним пополнений, состоявших из словаков и «русняков» из Угорской Руси и из Галиции. В конце концов это войско, изгнанное из Венгрии, исчезло в конце XV в., затерявшись где-то на славянском востоке, осевши, повидимому, в появившихся тогда казацких братствах, состав которых был такой же крестьянско-военный, как и таборитских братств.

Даже официальная Польша несмотря на всю свою ненависть к еретическим мятежным гуситам подпадала под их влияние. Ректор Краковского университета Якуб Паркош провел реформу польской орфографии. В литературе чешское влияние было так сильно, что, например, духовные польские песни XV в. были даже не переводами, а простой транскрипцией чешских гуситских песен. Чешский язык был тогда широко растространен в различных кругах общества в Польше и Литве. Распространяется также и проповедуемая гуситами идея родства славян, ее признает даже такой яростный ненавистник гуситов, как Ян Длугош, и его продолжатель — Бернард Ваповский. В своих трудах по истории Польши они вынуждены признать некую национальную общность поляков с еретиками-чехами. Поляки, чехи, русские, болгары, хорваты, сербы и босняки, говорит Ваповский, являются людьми «одного языка и одной крови» — славянами.

Народную славянскую политику таборитов продолжали «чешские братья»—мирные наследники боевых таборитов. «Чешские братья», как и табориты, поддерживают связь с народными слоями поляков, украинцев и белоруссов. Мартин Кабатник, посланный таборитами, чтобы найти и в других местах (кроме Чехии) «правую» церковь, т. е. церковь, не зараженную идеями римской феодальной церкви, отправился прежде всего в Галицию, а оттуда пошел и дальше по славянским землям. Так же и впоследствии, когда «чешским братьям» пришлось бежать из Чехии, они в первую очередь ушли в Польшу. Здесь они образовали общину и организовали собственную типографию, где печатали прекрасные книги.

На юге также растет буржуазно-националистическое славянское самосознание. Среди югославян был создан тогда значительный буржуазный центр—Дубровник. Это была республика, возникшая на основе торговли с чужими странами. В ней решающую роль играли купцы. Они уже с конца XIII в. были в своем большинстве сербами, пришедшими сюда из соседних сербских областей. И здесь поэтому дело доходит до языковой реформы: из различных сербских и хорватских диалектов дубровницкое мещанство создает свой литературный язык. Этим языком пользуются в связи с возрастающим национальным самосознанием и в международных сношениях. Дубровник вел переписку на сербском языке с Венгрией, Турцией и далекой Москвой и завоевал этому языку такое широкое признание, что даже турецкий султан издавал в то время грамоты на сербском языке.

Немецкая реформация содействовала укреплению оппозиционного антифеодального движения буржуазии у славянских народов, ибо эти народы, в особенности чехи, не чувствовали себя больше изолированными. Со стороны немецкой реформации чехи получили признание и одобрение за их прежнюю оппозиционную борьбу. Известны слова Лютера о Гусе. Но особенно часто цитировались слова, написанные Меланхтоном его ученику, «чешскому брату» Мартину Абдону: «Славянский народ в течение многих веков владел и еще владеет большей частью Европы и Азии. И здесь около нас—в Польше, в Чехии и в Моравии—великолепно украшается своим искусством, правом, религией, управлением, судами, бранным искусством, цветами рыцарства». С большой гордостью чешские гуситы повторяли эти, правда, типичные оппортунистические слова (оппортунистом был и сам Меланхтон), но все же слова признания их заслуг, высказанные знаменитым реформатором.

Поэтому большой ошибкой было со стороны русских славистов XIX в., что они не только не поняли и не признали революционного значения всех этих явлений в славянском мире, но, наоборот, старались все эти факты и явления объяснить по возможности как явления самые невинные, лишенные политического значения. Так, К. Я. Грот объясняет славянский тон в гусит-

стве филологически: влиянием церковнославянского языка в пражском, так называемом «Славянском монастыре», где незадолго до того Карл IV ввел славянскую литургию. Это якобы научило гуситов осознать родство чешского языка с церковнославянским, а тем самым и вообще со славянами. Но ведь монахи «Славянского монастыря» не были славянами: это были западные бенедиктинцы, служившие славянскую литургию только как интересный вариант римской литургии (равным образом Карл IV ввел в другом пражском монастыре амброзианскую или миланскую литургию). Да мы и не знаем ни о какой связи гуситов со «Славянским монастырем» или даже об их интересе к нему. Не знаем также и об их интересе к церковно-славянскому языку.

Равным образом неправильным было стремление русского славяноведения свести гуситство к простому оживлению якобы утаенного в Чехии и скрывавшегося в подполье православия (Гильфердинг и др.). Эти стремления дореволюционной русской славистики были фальшивой и реакционной попыткой низвести бунтарское гуситское движение и революционную антифеодальную основу гуситской идеи о братстве славянских народов к простому событию церковно-православной жизни. Ввиду этого задачей советского славяноведения при изучении гуситских движений является вскрыть их революционные стороны, показать крупное классовое противоречие, проявившееся здесь между растущей буржуазией с одной стороны и светской и церковно-феодальной аристократией—с другой.

Славяноведение в XVI веке

В XIV и XV вв. не встречается еще собственной литературы о славянах, а потому нет еще и славяноведения в настоящем смысле этого слова. Но основание для возникновения и развития такой науки уже было положено, как это стало ясным сразу в XVI в., когда вместе с реформацией и тесно с ней связанным гуманизмом появилась новая наука. Эта наука сначала крепнет и растет под влиянием и по образцу античной науки, как единственной антитезы, которую можно было противопоставить феодально-церковной науке. Но потом она овладевает уже и самостоятельно современным ей миром и проникает в этот мир по мере того, как проникала в него и овладевала им сама буржуазия. Тогда и проблема родства между отдельными славянскими народами становится научной проблемой и появляется первая научная литература по вопросам о славянстве.

Прежде всего подверглись изучению, в соответствии с определенным продвижением вперед буржуазной оппозиции, языки славянских народов, в первую очередь в области лексики, в стремлении указать словарное богатство и тем самым равноценность славянских языков с другими языками. В этом отношении первым пионером был чешский гуманист Сигмунд Грубый из Елени (Gelenius)[1], издавший в 1537 г. в Базеле «Lexikon symphonum», в котором впервые параллельно с латинскими, греческими и немецкими словами поместил и славянские (чешские) слова.

Второй выдающийся чешский гуманист, глава «чешских братьев», типичный деятель реформации, Ян Благослав, не только написал первую грамматику чешского языка (Gramatyka ceská. 1571), но в ней приводит параллели из других славянских языков. Кроме прочего он записал и тем сохранил самую старую запись украинской песни — «Дунаю, Дунаю, чему смутен течешь?» — о воеводе Стефане. Благослав записал ее в Пряшевском крае, в Закарпатской Руси.

Третий чешский филолог, также протестант, Матоуш Бенешовский (Philonomus), кроме чешской грамматики (Gramatyka ceská. 1577), издал в 1587 г. «Книжку объясненных чешских слов, откуда берут свое начало, т. е. каков их смысл», которая является первым сравнительным славянским словарем, ибо в ней Бенешовский сравнивает чешские слова с инославянскими, главным образом с русскими.

У других славянских народов, поскольку и к ним проникла реформация, также разрабатывается эта наука. У поляков после Мончинского, который в 1564 г. издал латино-польский словарь, следует прежде всего назвать Петра Статори, по происхождению француза, который, как кальвинист, скрылся от преследования в Польше и здесь в духе новой, реформационной и гуманистической науки написал первую грамматику польского языка (Polonicae grammaticae institutio. 1568). Еще больше сделано в этой области у югославян. Словенские протестанты создали совершенно новый, с того времени утвердившийся словенский язык. Путь к этому проложил своим сочинением «Abecedarium und der klein Katechismus» (1550) воспитанный в протестантском Тюбингине Примус Трубар, но еще большее значение в этом отношении имеет издание одним из главных распространителей реформации среди словенцев, основателем словенской литературы, Адамом Богоричем своей первой грамматики словенского языка (Arcticae horubae successivae de latino-carniolana literatura), вышедшей в центре лютеранского движения—Виттемберге—в 1584 году. Богорич дает в своей книге сравнительную грамматику славянских языков, на что указывает и само, по гуманистической манере, многословное название книги — «Unde moscoviticae, rutenicae (повидимому, украинский.— *З. Н.),* polonicae, boemicae et lusatiae linguae cum dalmatica et croatica cognatio facile deprehenditur»,— с объяснением кирилловского, глаголического, «московского» и «рутенского» письма. Это заслуживает особого внимания: Богорич не только вспомнил о почти забытых лужичанах, но и поставил их язык как равноценный рядом с другими славянскими языками. После него Фаустус Вранчич издал в 1595 г. первый

[1] Елен — gelen — олень.

хорватский сравнительный словарь (было привлечено 5 языков).

История славянских народов тогда также уже разрабатывалась, сначала, правда, только в форме истории отдельных народов, причем об их общении с другими народами упоминалось только в связи с историей своего собственного народа. Так, чех Мартин Кутен, который во время своих поездок познакомился с французским, немецким и итальянским научным миром, написал и в 1539 г. издал «Kronika o založenizemé české» («Хроника об основании чешской земли»), где он первый из чешских историографов приводит данные из античных источников о дославянских обитателях Чехии. У поляков аналогичное явление мы находим у Мартина Бельского, автора первой хроники, написанной по-польски,— «Kronyka wszystkiego swiata» («Хроника всего мира») (1550), а также у Мартина Кромера в его знаменитом произведении (переведенном на польский и немецкий языки) — «De origine et rebus gestis Polonorum», изданном в 1555 г., и, наконец, больше всего у кальвинского проповедника Станислава Сарницкого в его «Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lithuanorum libri octo» («Анналы или о происхождении и действиях поляков и литовцев») (1587), где польская история изложена в связи с историей других славян. Наконец, югославянин Мауро Орбини написал первую историю всего славянства («Il regno degli Slavi») (вышла в Пезаро в 1601 г.), где сначала изложил начальную историю славян (Орбини причисляет к ним иллирийцев, вандалов, готов, аланов и аваров), но также и дальнейшую историю чехов, поляков, полабских славян, русских и, конечно, больше всего югославян. Орбини черпал материал из самых разнообразных источников: византийских, венецианских, немецких,— а также у славянских писателей: у чешского хроникера Гайка, вышеупомянутого Кромера и др. Таким образом, Орбини стал основателем общей славянской историографии.

Так буржуазный гуманизм XVI в. вызвал к жизни новую науку—о славянах,— которая стала развиваться в гуманистическом направлении. Уже тогда славянскую буржуазию больше всего поражало громадное число славян; это сильно укрепляло ее самоуверенность. Хорват Бартоломие Георгиевич в своем популярном сочинении о турках, вышедшем в 1544 г. и переведенном на польский и чешский языки, первый отметил, что на славянском языке говорят в Хорватии, Далмации, Сербии, России, Валахии, Чехии и Польше и что также и турки ввиду этого принуждены пользоваться славянским языком. Далее, год спустя, в 1545 г., Т. А. Андрашевич в своем трактате «Ad optimatos Poloniae admonitio» доказывал, что славянский язык превосходит языки остальных народов, ибо простирается от Ледовитого океана до Адриатического моря, от реки Лабы до Черного моря. Из поляков то же самое провозглашал Лукаш Горницкий в свом знаменитом «Dworzanin polski» («Польский дворянин»), вышедшем в 1566 г.: «Все эти языки — польский, чешский, русский, хорватский, боснийский, сербский, рацкий (в южной Венгрии), болгарский и остальные — были прежде единым языком, как был и един народ славянский».

Польские историки Бельский и Кромер с гордостью отмечали огромное пространство, занимаемое славянами, а чех Бенешовский в «Книжке», изданной в 1587 г., писал: «Чешский язык охватывает не только самую чешскую страну, но существует больше чем сто стран, в которых говорят на нашем славянском языке: чешская, моравская, силезская, лужицкая, первая польская, вторая польская страна, мазурская, подлесская, первая русская, Белая русь, волынская, киевская, северская, кашубская страна и многие в польском королевстве, потом многие края в Московском княжестве, и у сербского народа, находящегося под властью турок, тоже много таких стран, а также в королевстве венгерском и королевстве далматском, хорватском, болгарском, славонском, босненском». Словенец Богорич в предисловии к своей грамматике, изданной в 1584 г., пишет: «Не полагаю словом «славянский» обозначить какой-то незначительный край, укрытый узкими границами ограниченный народ, но именую и понимаю под этим названием все края и людей, где или по-славянски говорят, или где слова имеют одинаковое значение, так что ясно заметно, что эти люди находятся в каком-то братстве и родстве со славянским языком». В следующем столетии это положение практически доказал другой словенец, Вальвасор (1689), в своем сочинении «Die Ehre des Herzogtums Krain». В доказательство большой распространенности и родства славянских языков он привел «Отче наш» на 13 славянских языках: кирилловском, болгарском, далматском, хорватском, славонском, чешском, польском, вандальском (!), лужицком, московском, хорутанском, новоземском и валашском. В XVI в. хорват Вранчич в своем словаре (1595) упоминает, что славянские наречия широко распространены в Европе и Азии — «от Адриатического моря до неизвестных северных окраин». Так что нет большего народа и более распространенного языка на свете чем славянский. Наконец, историк Орбини в предисловии к своему труду говорит, что писал свое произведение с тем, чтобы указать, как обширны славянские государства, в какое время они возникли и развились, а также,— как славяне всегда были знамениты и славны.

В то время возникает и объяснение слова «славянин» от «слава» (Богорич) — этимология, так часто повторяемая и в последующих столетиях. Поэты также начинают увлекаться такими соблазнительными для славянской буржуазии представлениями. В Польше отец польской поэзии XVI в. Микулаш Рей (тоже кальвинист), говоря о поэтических произведениях своего младшего современника, знаменитого Яна Кохановского, считает их достойными посвящению «Богине славянской». Хорватский поэт Иван Гундулич (из Дубровника), воспевая поля-

ков в их борьбе против турок, отмечает все, что он только мог найти в славянах хорошего, чтобы сделать их славными. Его продолжатель, Юнино Палматич, тоже родом из Дубровника, в своей пьесе «Глас» показывает славу славян, по гуманистской манере, в разных олицетворениях. Это продолжалось до самого XVIII в., когда Андрия Качич-Миршич перевел славянскую историю с ученой прозы в популярную у югославян форму исторических песен, добившись в этой работе очень большого успеха. Его «Письматица» стала народным произведением и вышла более чем в 20 изданиях. Также и Н. Джорджич (из Дубровника) воспевал в это время многочисленность славянства, занимающего, по его словам, огромное пространство от Адриатического до Ледовитого моря, а на восток— до границ Китая.

Так продвигающаяся вперед буржуазия славянских народов была воодушевлена сознанием, что существуют ей родственные славные и могущественные народы. Она рассматривала этот факт как рост своей собственной силы.

Контрреформация

Уже в XVI в. в славянских странах, как и во всех других, растет отпор против все возрастающей мощи буржуазии и ее стремления принять участие в политической жизни: в Польше шляхта лишила города их политических прав; в Чехии монархи из рода Габсбургов, стремясь к сохранению старых порядков, конфискуют у городов их богатства и отнимают у них политические права. Главным орудием этой реакции против буржуазии всюду является к а т о л и ц и з м.

Католическая церковь опиралась в первую очередь на францисканцев и иезуитов. Их же услугами пользовался и абсолютизм.

Францисканцы в этой борьбе играли значительную роль, особенно у югославян. Желая положить конец влиянию протестантов в югославянских странах, католическая церковь старалась создать здесь свое славяноведение. С этой целью в Рим был вызван в 1623 г. ученый югославянин-францисканец Рафаэл Левакович, и ему было поручено организовать издание католической «славянской» литературы. Левакович в этой области сделал очень много: он первый начал проповедовать «иллиризм», т. е. принадлежность югославянских племен отнюдь не к славянам, а к «иллирам», чтобы тем самым оторвать славянские племена от православной России. Он с большим рвением начал издавать глаголические книги, которые до него издавали протестанты (Трубар и др.). Он издавал их в духе контрреформации, так, чтобы их можно было использовать и для католической пропаганды среди русских (тогда в Рим как раз приехал холмский епископ Терлецкий для ведения переговоров об унии с Римом). Ввиду этого он допускал в своих книгах и русизмы. Кроме того он в 1629 г. издал учебник глаголического письма («Azbukividnia slovinskij») и написал сочинение о старославянском языке («Dialogus de antiquorum illyriorum lingua»), а также сочинение по истории южных славян в связи с историей иных славянских народов («Historia universalis gentis illyricae»). Это сочинение осталось в рукописи.

На севере, в Польше, с той же целью повели наступление иезуиты. Они не удовлетворились изданием книг, а использовали славянские идеи для политической экспансии католицизма. Именно они первые начали проповедовать политический панславизм, т. е. объединение славян в единую великую славянскую державу. Идея эта возникла раньше. Уже в начале XIV в. Петр Житавский во время объединения чешского и польского государств под властью Вацлава II отмечал славянское родство обоих этих государств. Также некоторые буржуазные слависты XVI в., описывая многочисленность славян, приходили к мысли, какое огромное значение могли бы приобрести славяне, если бы они объединились. Так, чех Матоуш Бенешовский, посвящая свою «Чешскую грамматику» (1577) Рудольфу II, доказывал, что тот, уделяя больше внимания чешскому языку, мог бы достичь господства и над остальными славянскими народами. А поляк Сарницкий в уже упомянутых «Анналах» (1587) говорит о «славянской конфедерации», главными посредниками которой были бы поляки, как народ, якобы занимающий в истории славян самое первое и самое значительное место.

Польский контрреформационный католицизм превратил эти неясные идеи в политический план. Глава польского католицизма гнезненский архиепископ Станислав Карнковский — всемогущий иерарх в Польше и «молот еретиков» — обращал внимание короля Сигизмунда III на то, что власть, которую тот имеет в своих руках (над славянами), знаменует власть над народом, простирающимся по всему миру: в Азии, в Европе и в Африке. И Сигизмунд попытался во время московской интервенции в 1612 г. осуществить этот план: расширить «славянское», т. е. польское, владычество над восточными славянами и вместе с тем обращением в католичество этой огромной области на востоке дать католической церкви компенсацию за потерю германских народов, отпавших от нее во время реформации.

Вот почему польское славяноведение того времени так воинственно. Францисканец В о й ц е х Д е м б о л е ц к и й, который принял деятельное участие в войне против «еретиков», хотя еретики эти были славянами, доказывал в своем сочинении «Wywód jedynowlsnego panstwa swiata» (1633), что славянские языки самые распространенные и самые древние, а из славянских языков самым древним и самым главным является польский язык.

К этой же группе принадлежит украинский славяновед М е л е т и й С м о т р и ц к и й. Будучи сначала православным, он принадлежал к сторонникам князя Константина Острожского, ярого противника Рима и унии с Римом. Но затем Смотрицкий,

получивший воспитание в Вильне, у иезуитов, изменил свои позиции. Правда, по возвращении домой он писал против Рима и против унии, даже стал православным иерархом, но внутренне он склонялся все больше и больше к иезуитам и одновременно к полякам. Впоследствии Смотрицкий стал униатом, а по-польски говорил и писал так, что его прозвали «польским Цицероном». Он автор «Грамматики» (вышла в 1618 г. в Вильне), которая долгое время считалась лучшей книгой в своей области и даже после его смерти (1633) переиздавалась в течение всего XVII и еще в XVIII веке. По грамматике Смотрицкого обучался Ломоносов. Это была книга польско-иезуитская, имевшая назначение с помощью церковно-славянского языка и его авторитета поглощать живые славянские языки. Это лучше всего видно на примере Сербии, где под ее влиянием возник такой уродливый язык, что он надолго задержал в своем развитии сербскую литературу.

Юрий Крижанич (1615—1683) — единственное до сих пор живое имя из всех этих контрреформационных славистов. За ним осталось прозвание «первого слависта», так как он писал действительно научные работы о славянских народах. Называют его также «первым панславистом», хотя панславистами были и вышепоименованные поляки. Но Крижанич был первым панславистом русской ориентации и тем самым панславистом в том смысле, как понимали в XIX столетии. Но и он вышел из той же среды, что и вышеуказанные польские панслависты: из католическо-контрреформационного круга. Хотя он был родом хорват, но воспитание получил в самых центрах римского католицизма: в Вене, Болонье и Риме. Став священником, Крижанич решил посвятить себя католическому миссионерству. Тогда как раз (1657) приехало во Флоренцию русское посольство, и это обратило внимание Крижанича в сторону России. Он был перед тем в Царьграде, стремясь там работать в пользу соединения греческой и римской церквей. Ввиду этого в 1658 г. Крижанич отправился в Россию и ехал через Вену, Венгрию, Львов и Украину, зорко наблюдая за жизнью встречающихся ему по дороге народов. Во Львове он задержался на 3 месяца, занимаясь изучением польской литературы и истории, а на Украине он вмешался в происходившую там борьбу между Выговским и Юрием Хмельницким, стал на сторону Хмельницкого и горячо агитировал за московскую ориентацию казаков. Описание его путешествия — «Putropopisanie od Lewowa do Moskwi» — имеет большую научную ценность.

Главное значение имеют его работы, написанные в России. В Москве, куда прибыл Крижанич в 1661 г., он долго не прожил. За «глупое слово», которое он якобы сказал «некоему господину», он был выслан из Москвы в Сибирь (Тобольск), «быть ему там у государственных дел, у каких пристойно». Он пробыл в изгнании целых 15 лет. Там он написал свои доныне знаменитые и ценные произведения: «Политичные думы», изданные в 1860 г. под заглавием «Русское государство в половине XVII в.», «De providentia dei», изданная в 1860 г. под заглавием «О промысле», а также «Граматично изказание об русском iезыке», изданное в 1848 году[1]. Его грамматика русского языка написана так, что Шафарик говорил о ней с восторгом.

Нас, однако, больше всего занимает панславизм Крижанича. Этот панславизм выступает в его языке: Крижанич пишет значительную часть своих сочинений полатыни и по-хорватски, но наряду с латинскими буквами он одновременно пользуется и русскими: в самую речь его вплетены многие русские слова. Свою грамматику он писал так, чтобы его язык понимали все славяне. Он прежде всего стремится оградить славянские народы от чужих влияний: славянские языки, по его мнению, испорчены иностранщиной, необходимо объединить славянские народы между собой, и главной силой, которая в состоянии это осуществить, он считает Россию. Все другие славяне, говорит Крижанич, живут под чужим владычеством; русские — «единственный независимый организационный элемент славянского мира». Он пишет царевичу Федору Алексеевичу и предостерегает его от иностранцев, взывая к нему, чтобы он заботился о других славянах и стал главою их всех. В этом отношении Крижанич, как видно, стоит на точке зрения, прямо противоположной той, на которой стояли польские иезуитские панслависты.

Но все же и он является католическо-контрреформационным панславистом. Он считает абсолютистскую монархию единственно правильной, «божьим» созданием. Поэтому если Крижанич критикует самодержавие иногда очень остро, то критикует лишь за то, что ему не нравится грубость этой монархии в России. Это, пишет Крижанич, не монархия, а «людодерство».

Будучи освобожден из ссылки, Крижанич уехал в 1677 г. в Вильно и после четырехлетнего пребывания у тамошних доминиканцев отправился в Рим, на свою настоящую родину. Умер он в Вене во время осады ее турками в 1683 году.

Мы видим, как славяноведением XVII в. овладел воинственный католицизм. Поляк-протестант Андрей Венгерский написал в то время «Libri IV Slavoniae reformatae continentes historiam ecclesiae» (вышло в 1650 г.), где выражает радость, что реформация раньше всех возникла у славян. Но это было слабым утешением для автора, который был вынужден издавать свое сочинение в эмиграции (в Амстердаме). Равным образом грустное впечатление производят восторженные воспоминания другого протестанта—чеха Яна Амоса Коменского—о былой славе чешской реформации, когда не только чешская реформат-

---

[1] В задачу моей статьи не входит разбор этих сочинений (см. о них работу В. И. Пичета «Ю. Крижанич». 1914).

ская церковь, но и сама Чехия были уничтожены при содействии воинственного католицизма.

Довольно печальной была судьба словацкого лютеранина Даниила Крмана, который в начале XVIII в. стоял во главе посольства, отправившегося к шведскому королю Карлу XII просить о защите протестантов. Он написал «Rudimenta grammaticae slavicae» и «De Slavorum Origine», прославляющие славян, но не мог найти никого, кто бы напечатал эти сочинения, и умер в тюрьме. Наряду с этим каким же резким контрастом звучит помещенное в предисловии к грамматике ученика Коменского — Матоуша Сеченского — такое «славянское» замечание: «Наш язык особенный, древний, славянский, который является плодовитой матерью других языков в мире: чешский, хорватский, русский, польский и моравский, болгарский, сербский происходят от него, происходят от него и другие».

Голос католических чехов после белогорской катастрофы совершенно замирает среди мощных голосов польских и иных католиков. В Чехии воинствующие иезуиты пытались уничтожить сознание общности славянских народов, как и национальное самосознание чехов. Стремление сохранить национальную самостоятельность народа и уберечь хотя бы чешский язык проявляется ввиде доказательств его близости к другим славянским языкам. Так, Вацлав Роза, автор известной своим испорченным чешским языком чешской грамматики — Cechorecnost seu Gramatica linguae bohemicae»,— вышедшей в 1672 г., рекомендует учиться чешскому языку и замечает, что язык этот не только изящен и выразителен, но и полезен, так как человек может с его помощью договориться со всем миром. Иезуит Богуслав Бальбин, выступая против своих товарищей по ордену в известной «Апологии чешского языка» (1672), называет этот язык славянским. Но это было лишь обороной, а не нападением.

Век просвещения. Накануне революции

Даже в эпоху наибольшего размаха контрреформации наука, выросшая в XIV в. из потребностей и стремлений буржуазии, не исчезла. Невзирая на реакционные тенденции контрреформации особенно сильно развиваются техника и тесно с ней связанные естественные науки. В гуманитарных науках проявляется стремление к большей научной конкретности и точности, в историографии возникает так называемая критическая школа. Теперь история—не только повествование, но и исследование, основанное на источниках; они подвергаются анализу и критическому изучению. Закладываются основы критического славяноведения. В Чехии, задушенной контрреформацией, упомянутый выше иезуит Богуслав Бальбин (1621—1688) издает «Miscellanea historica regni Bohemiae» — собрание свидетельств, выбранных из различных источников, относящихся к отдельным областям чешской истории.

В этом направлении особенно выделились югославяне, у которых контрреформация протекала в более мирной форме. В XVI в. далматинец Ян Лучич (1509—1579) написал свой прекрасный труд — «De regno Dalmatiae et Croatiae», — напечатанный в Амстердаме в 1666 году. Хорват Юра Раткай пишет и издает не менее известный труд — «Memoria regum et baronum regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae» (1652); хорват Павио Витезович (1650—1713) начинает по этим вопросам острую борьбу с загребскими иезуитами. При этом он пошел так далеко, что историю Хорватии написал на своем родном языке — «Kronika al ti spomen svega svieta vikov». Когда в 1696 г. вышла первая часть его труда, иезуиты донесли на него императору как на бунтовщика; автор был подвергнут жестоким преследованиям и лишен всего имущества, а печатание этого труда было закончено лишь много лет спустя после его смерти—в 1744 году. Впоследствии иезуит Микулаш Ловренчич изуродовал этот труд тем, что дал ему новое название, новое введение и клерикальное посвящение и так издал его в 1772 г. под своим именем.

У словенцев появляется не менее известный, прекрасный труд Яна-Вайкарты Вальвазора (1641—1693) — «Die Ehre des Herzogtums Krain» (Любляны. 1689, новое издание 1877—1879), труд, которому автор посвятил всю свою жизнь и на который истратил все свое имущество.

Это новое направление в исследовании истории славянских народов проникает и в мировую науку. Заслуга в этом принадлежит прежде всего югославянам. Уроженец Дубровника Ансельмо Бандури (1671—1743), приехав в Париж, стал работать над вновь открытой там дисциплиной — византологией, начавшей развиваться главным образом благодаря труду Х. Д. Дюканжа— «Historia byzantina» (1680). Став членом Французской академии наук, Бандури сотрудничает в монументальном издании источников по истории Византии — «Corpus scriptorum historiae Byzantinae», начатом в 1645 г., и самостоятельно написал «Imperium Orientale» (1711)—сочинение, являющееся одним из основных произведений всей дальнейшей византологии, а вместе с тем и славяноведения. Итальянец Даниель Фарлати (1690—1773) заинтересовался научной работой в Далмации. Там действовал миссионер-иезуит Филиппо Ричепути, который начал собирать материал по истории «иллирийской церкви» (церковный историк Югославии); Фарлати помогал Ричепути в его работе, а после его смерти (1742) продолжал эту работу, а в 1751 г. начал в Венеции издавать монументальный труд — «Illyricum sacrum». Он издал 4 громадных фолианта этого труда, в котором изложил историю Салоны, Сплита, Дубровника и создал иллирийскую мартирологию (дальнейшие 4 тома издал после его смерти Колети).

Наконец, Иосиф-Симон Ассеманни (1687—1768), сириец по происхождению, прославившийся своей находкой — «Codex glagoliticus Assemanni» (купил он его в

1736 г. у православного монаха в Иерусалиме), — исследователь истории Востока, издал, как первую часть «Kalendarium ecclesiae universae», шесть томов «Slavica ecclesiae sive Graeco — Moscha» (Moсха — Москва) (1755 и дальше), посвященную изображению жизни славянских святых.

Но все это было новой историей лишь по форме, отнюдь не по духу. Все эти исследования, наоборот, отражали влияние контрреформации. Бандури был бенедиктинец, Фарлати — иезуит, Ассемани — библиотекарь ватиканской библиотеки. Но тогда же, на границе XVII и XVIII вв., возникает, по существу, новое славяноведение; зачинателем его был не кто иной, как Г. В. Лейбниц (1646—1716), которого очень интересовал вопрос о взаимном родстве языков (справедливо его называют отцом сравнительного языкознания). Лейбниц обратил внимание и на славянские языки, в частности на язык полабских славян. Узнав, что недалеко от Ганновера, где он жил, удержался еще народ, говорящий на славянском языке, — потомки древлян в Люнебургской области, — он попросил пастора одной из деревень, Г. Ф. Миттофа, составить словарь этого языка с примерами ввиде отдельных выражений (1691). Лейбниц продолжал интересоваться славянскими языками и в дальнейшем (см. его «Collectanea etymologica II». Гл. VI. Ганновер. 1717), можно считать, что он положил основание изучению языка полабских славян. Под его влиянием шведский филолог Спарвенфельд издает тогда «Lexicon slaveno — latinum», а англичанин Г. В. Людольф — русскую грамматику (Оксфорд. 1696).

Однако для дальнейшего развития славяноведения были более важны те сношения, которые по этому вопросу с Лейбницем были у Петра Великого. В России до того времени проявлялся очень небольшой интерес к другим славянским народам, правильнее сказать, его совсем не было. Правда, в Москве охотно повторяли то, что Нестор говорит о начале славян, но это рассматривалось больше как сказка о делах давно минувших дней чем настоящая история, которой следует заниматься. «Славянскими» были единственно церковно-славянский язык и литература, главным образом церковная. Но это, скорее, отвлекало внимание от славянства, чем привлекало к нему. Слово «славянский» стало тождественным слову «православный». Наименование высшей школы, учрежденной в 1687 г. в Москве, — «Славяно-греко-латинское училище» — имело только это церковное значение.

Только на Украине, благодаря постоянной связи с другими славянами на западе и с русскими на востоке, дело обстояло несколько иначе. Отсюда и первый опыт написания на Украине истории России — «Синопсис» Иннокентия Гизела (1674) — имеет более широкие рамки в славянском вопросе. При изображении русских древних времен вставлены главы о славянах, об их происхождении, религии и обычаях, а в обзоре истории обращено внимание на Украину, а тем самым на запад (на Польшу), равно как и на Русь. Но это—все, что можно привести как исключение из того общего правила, что в России слово «славянский» обозначало «православный».

Первой задачей ввиду этого было освободить «славянство» из этого церковного плена. Это и провел Петр Великий, пользуясь советами Лейбница.

В мою задачу не входит проследить развитие славяноведения в самой России: это большая и самостоятельная тема. Однако, принимая во внимание то влияние, которое пробужденная Россия имела на славянские народы, особенно в политическом отношении, нельзя пройти мимо этого вопроса. Как известно, сам Петр I интересовался изучением истории. Он приказал собрать памятные книги и грамоты отовсюду, в первую очередь из монастырей, и тем положил основание первым русским архивам. Кроме того он дал задание Федору Поликарпову написать русскую историю. Тогда же член дипломатического корпуса Илья Алексеевич Манкиев по своей инициативе, но будучи побуждаем тем же царским пожеланием, написал «Ядро российской истории» — сочинение, пользовавшееся успехом еще в конце XVIII в.; оно было издано в 1784 году и переиздано в 1795 и 1799 годах.

Главнейшим фактором в этой области было основание Академии наук, которая должна была заниматься, помимо иного, и русской историей. А изучение русской истории было невозможно без решения общих славянских вопросов. И действительно, мы видим, что один из первых академиков, Г. И. Байер (1694—1738), приглашенный в Академию из Кенигсберга как специалист по истории, языку и древностям восточных народов, пишет «De origine et priscis sedibus Scytharum» (1728), «De Cimmeriis» и другие работы, имеющие значение и для истории славян, а кроме того работы по истории России, выходящие за рамки изучения истории собственно России, «Geographia Russiae ex Constantino Porphyrogenneto», «Geographia Russiae ex scriptoribus septentrionalibus», а также «De Vargis», положившую основание так называемой школе норманистов.

Вскоре после него Г. Ф. Мюллер (1705—1783) пишет ряд работ, имеющих довольно широкое значение. Таков известный его труд «Происхождение народа и имени российского», изданный после долгих споров в 1768 г. под заглавием «Origines Rossiae», в котором подняты вопросы, касающиеся истории славянства вообще. Наконец, третий, знаменитый академик А. Л. Шлецер (1735—1809), приглашенный в Академию Мюллером, своими взглядами на славянские древности оказал влияние на западных историков, в том числе и на самого основателя славистики уже в новом ее значении, приобретенном ею в XIX в., — на Добровского.

Работы русских академиков и историков, хотя были ограничены собственной русской историей, открывали новые и новые области и из славянского прошлого.

Такое значение в развитии славяноведения имеет В. Н. Татищев (1686—1750) своей «Историей Российской», составленной на основе первоисточников, и великий М. В. Ломоносов (1711—1765) своей «Историей России», проницательно освещающей начало русского народа, а после них М. М. Щербатов (1733—1790), который повлиял своей «Историей Российской» и на историков XIX в., и, наконец, А. И. Мусин-Пушкин (1744—1817), открывший и издавший редчайшие памятники русского прошлого: «Русскую Правду» (1792), «Поучение Владимира Мономаха» (1793), «Слово о полку Игореве» (1800) и старейшую рукопись Лаврентьевской летописи. Деятельность русских академиков-историков создала эпоху в области славяноведения и у других славянских народов.

Наконец, в лице И. Н. Болтина (1735—1792) эта историография нашла и своего критика: его «Критические примечания» дают критический разбор русской истории Щербатова и француза Леклерка. По инициативе Екатерины II Академия в конце XVIII в. начала издавать «Сравнительный словарь всех языков и наречий» (1787—1789) — труд фундаментального значения не только для изучения русского языка, но и вообще для славистики.

Не менее важно отметить общее направление науки в России этого времени. Как вся петровская и екатерининская Россия, так и тогдашняя наука была наукой эпохи Просвещения. Первые иностранцы-академики были людьми западного просвещения (Мюллер и после него Шлецер). Такими же были и местные русские академики, воспитанные петровской эпохой, таким был и князь Щербатов, который из своего государства, как он его нарисовал в «Путешествии в землю офирскую», исключает духовенство и допускает там только религию разума, без всяких церковных обрядов.

Но самую большую роль в этом направлении играл распространенный тогда культ Вольтера. Тон задавала Екатерина II, переписывавшаяся с Вольтером до конца его жизни. Переписывались с Вольтером и другие представители русского просвещения. Среди корреспондентов Вольтера мы видим «представителя муз» и руководителя Московского университета И. И. Шувалова, Вольтеру подражает в литературе А. П. Сумароков и др. Его влияние проникает и в русскую историографию, особенно тогда, когда сам Вольтер решил написать сочинение по русской истории «Histoire de l'empire de Russie sous le Pierre le Grand». Это было крупным событием. Самый знаменитый писатель того времени принялся за писание русской истории. Все было предоставлено к услугам Вол[illegible] Мюллер ему готовил материал, п[illegible]али ему и Ломоносов и другие. Из всех вышеупомянутых историков единственно только Болтин не является представителем науки западного просвещения, только он прославляет допетровский период как лучший и подлинно русский период в истории России.

Однако в преобладающем большинстве это просвещение является аристократическим просвещением, которое ничего общего с революционным течением буржуазных энциклопедистов XVIII в. не имеет. Общим для обоих течений является лишь оппозиция церковности, выступление против контрреформационной духовной ограниченности, которая тогда начинает вредить уже и самим аристократам.

Вместе с тем в России распространяются знания и о других славянских народах. В 1772 г. в Петербурге выходит русский перевод сочинения Орбини «Il regno dei Slavi» (оригинал вышел в 1601), а в конце столетия профессором истории и статистики в Петербургской академии становится серб Григорий Тербоич (1766—1811), первый югославянин в русской Академии наук, последователь Лейбница. Он писал на сербском языке.

Подобное движение в историографии наряду с Россией наблюдается и у других славянских народов, правда, несколько позднее второй половины XVIII века. Оно принимает различные формы в соответствии с ситуацией у этих славянских народов, но, по существу, и здесь это—движение просвещения. Для поляков характерным является стремление организовать научные институты вне Польши. Князь Иосиф Александр Яблоновский основал в 1768 г. в Лейпциге «Societas Jablonoviana» — научное общество изучения польской и вообще славянской истории и языка — и издал в 1770 и 1775 гг. свои «Vindicae Lechi et Czehi», а также работу «L'empire des Sarmates», в которой доказывает, что славяне происходят от сармат. Несколько позже Юзеф Максимильян Оссолинский, поселившись в австрийской Галиции, взял на себя заботы о развитии там польской науки. При его содействии учреждаются кафедры во Львовском университете и начинается систематическое собирание рукописей и книг, имеющих отношение к польской, украинской и русской — вообще к славянской истории, в результате чего возникла знаменитая библиотека, а потом и до сих пор существующий научный институт «Оссолинеум» во Львове. Наконец, третий, польский шляхтич Ян Потоцкий объезжал славянские страны и сам стал как бы походным научным исследовательским институтом. Он обследовал славянский Восток и славянский Запад, проник даже к лужичанам, тогда почти совершенно забытым («Voyages dans quelques parties de la Basse Saxe pour les recherches des antiquitées Slaves». 1795) и в результате своих путешествий и исследований написал большие труды о славянах: «Recherches sur la Sarmatie». 1788. 5 томов; «Essai sur l'histoire universelle et recherches sur la Sarmatie». 1789—1792, 2 тома; «Chroniques, mémoires et recherches pour servir à l'histoire de tous les peuples slaves». 1793; «Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves». 1796, 4 тома; «Histoire primitive des peuples de la Rus-

sie». 1802 — наряду с другими сочинениями о Кавказе, Турции, Египте и Марокко.

Однако в это время польскими исследователями не только собирался материал, но началась и критическая разработка польской и вообще славянской истории и тоже по-новому, в духе эпохи Просвещения. Адам Станислав Нарушевич (1733—1796), хотя был воспитан у иезуитов и сам был иезуитом в Вильне, создал в своей «Historya narodu polskiego» (1780—1786) первую критическую историю Польши с использованием источников и их критикой в духе эпохи Просвещения и свойственного ей демократизма, направленного против дворянских привилегий и произвола. Самуил-Богумил Линде (1771—1847), по отцу швед, получивший образование в Лейпциге, потом сотрудник Оссолинского, своим словарем «Slownik jezyka polskiego» (1807—1814. 6 томов) положил основание научному польскому языкознанию, принимающему во внимание в одинаковой мере и языки других славянских народов. Хранитель и исследователь польских коронных метрик Скороход Винцентий Маевский (1764—1835) посвятил свой труд вопросу о происхождении славян («O slowianach i ich pobratymcach». 1816), которое он на основании родства языка, мифологии и права возводил к индусам (см. также другие его сочинения: «Rozklad i tresc dziela o poczatku lieznych slowianskich narodów», 1818, «Gramatyka mowy starozgtnych Skythów», 1828).

Профессор Краковского университета Юрий Самуил Бандтке (1769—1835) обогатил польскую науку XVIII столетия рядом трудов о языке, литературе и истории Польши — «Dzieje narodu polskiego» 1810, и др. Кроме того им написаны специальные работы по истории польского крестьянства: «Über den Bauernstand in Polen» (1802); «Verzeichnis der alten Lastendienste des polnischen Landsmannes» (1805).

Историография югославян в XVIII в. сделала дальнейшие успехи. Далматский монах ордена св. Франциска Себастиано Дольчи («Sladic». 1699—1777) издал «Monumenti storici della provincia di Ragusa» (1744), «De Illyricae linguae vetustate et amplitudine» (1754) и ценную «Fasti literarii Ragusini» (1767). Филолог и археолог Климент Грубишич (1733—1773) написал в том же духе «Trattato delle origini ed analogia della lingua slavonica» (осталось в рукописи) и издал «In originem et historiam alphabeti glagolitici disquisitio» (1766), где объясняет связь всех славянских шрифтов. Наряду с ними появляются и другие исследователи, больше ориентировавшиеся на немецкую науку. Из них назовем археолога и нумизматика профессора Будапештского университета хорвата Матия Петара Катанчича (1758—1825) и словенца Ивана Жига Поповича (1705—1774). Последний, будучи профессором Венского университета, посвятил свои работы словенскому языку, составил грамматику и словарь словенского языка, но вместе с тем внимательно изучал и другие славянские языки.

Ученые эпохи Просвещения появляются также и среди южных славян, главным образом у словенцев. Ученик известного австрийского ученого Зонненфельса словенец Антон Лингардт (1756—1795) написал до сих пор еще не потерявшую своей ценности работу «Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen südlicher Slaven Oesterreichs» (1788) и перевел на словенский язык знаменитую комедию Бомарше «Свадьба Фигаро». Словенцем является и Каспар Ройко (1744—1819) — автор знаменитого сочинения «Geschichte der grossen Kirchenversammlung zu Konstanz», являющегося первым ударом историографии эпохи Просвещения по контрреформационной трактовке чешского реформатора Гуса. Книга Ройко потрясла тогда весь ученый мир своей смелостью. Среди последователей того же направления, что и Ройко, выделялся один из видных словенских национальных борцов — Валентин Водник (1758—1819). Он был поэтом, но составил также учебник «Ceschichte des Herzogstums Krain» (1809).

Православные югославяне стремятся теперь по-новому осветить историю своих народов. Их стремление в этом отношении тем более любопытно, что в главе этого движения стоит болгарин — первый болгарин, выступивший в области славянской историографии. Это был известный монах Афонского монастыря, а потом игумен Хиландарского монастыря Паисий. К нему на Афон в 1758 г. приехал серб Иоанн Раич (1726—1801), который получил богословское образование в Киеве и Москве, а потом снова с Балкан вернулся в Россию, чтобы здесь написать историю сербов. Беседы Раича с Паисием навели последнего на мысль написать историю болгар. Паисий использовал сочинения Орбини и Барония, а также местные болгарские народные рассказы и в 1762 г. закончил сочинение «История славено-болгарска о народах и о царех и о святых болгарских». Этот исторический труд распространялся в многочисленных рукописях (издан он был впервые только в 1883 г.) и оказал у себя на родине такое сильное влияние, что его выход считается началом национального возрождения болгар. В этом сочинении высказывается мысль, до того появлявшаяся очень редко, что болгары также являются славянами, как и русские, как и славяне в Прибалтике и на Адриатическом море.

Не меньший успех имела и «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов» Раича. Эта малокритическая работа долгое время являлась основным сочинением по истории балканских славян (вышла в Вене в 1794—1795 гг. в 4 томах).

Наконец у чехов, из всех славян подвергавшихся наибольшим гонениям со стороны контрреформации, обнаружилось сильное движение к идеям просветительства.

С тем же самым движением встречаемся мы и у словаков. И у них появляется тогда первый настоящий историк словак Матей Бел (1684—1749) — автор многотомного труда «Notitia Hungariae. Novae his-

toricogeographica», изданного в 1735—1742 гг. в Вене в 4 томах. В этом труде собран богатый материал о венгерских и о словацких жупах, и, таким образом, здесь уже была дана основа для написания особой словацкой истории. Бел написал также сочинение о чешском языке — «Ortographia bohemico — slavica» (1742). Кроме того им написано введение к грамматике Павла Долежала, который сначала был суконщиком, а потом учителем в Братиславе и написал лучшую чешскую грамматику того времени —«Grammatica slavico — bohemica» (1746) В этом предисловии Бел восхваляет красоту чешского языка и характеризует славянский язык, как один из самых древних и самых распространенных языков.

В конце XVIII в. Юрий Папанек (1738—1802), тоже словак, издает «De regno regisbusque slavorum» (1780) — сочинение, посвященное истории славян. Это сочинение так понравилось, что в 1793 г. из него были сделаны отдельные выборки, и в таком виде оно получило широкое распространение («Compendiata historia gentis Slavae»).

У чехов тогда же зародилась наука, которая до сих пор является основой как всей чешской историографии, так и всего славяноведения. Во главе этой новой историографии стоит Геласиус Добнер (1719—1790). Его главным трудом является издание самой популярной до того времени контрреформационной чешской хроники Вацлава Гаека (XVI в.). Это издание сопровождалось подробным критическим комментарием, прямо уничтожающим идеи этого ярого фальсификатора чешской истории («Annales Bohemorum 1762—1786». 6 томов). Добнер начал издавать подлинные и надежные источники чешской истории («Monumenta historica Bohemiae 1764—1785». 6 томов) и написал ряд критических работ: опроверг старый миф о Чехе и Лехе, как праотцах чехов и поляков, выяснил вопрос о начале христианства в Чехии (кирилло-мефодиевский вопрос) и т. д.

Другому выдающемуся чешскому историку того времени, Францишку Пубичке (1722—1807), принадлежит бесспорная заслуга издания систематической и подробной истории Чехии до XVII в. «Chronologische Geschichte Böhmens», 1770—1807. 11 томов. Третий из выдающихся чешских историков того времени, Францишек Мартин Пельцел (1734—1801), пишет большие монографии из чешской истории: «Kaiser Karl IV». 1781. 2 тома; «Lebensgeschichte des König Wenzeslaws 1788—1790», 2 тома и, наконец, на чешском языке — «Nová kronika ceská» (1791—1796. 3 тома), в которой чешская история доводится до 1348 года.

Целая группа других исследователей, по более специальным вопросам, примыкает к этим, на первом месте стоящим историкам. М. А. Фойгт (1733—1787) начал научно-исследовательскую работу по истории литературы в Чехии («Acta litteraria Bohemae et Moraviae». 1774—1783. 2 тома; «Beschreibung der böhmischen Münzen». 1771—1787); К. Биненберг (1731—1798) занялся исследованием чешской археологии («Versuch über Altertümer im Königreich Böhmen», 1778—1785); Ярослав Шаллер (1738—1809) создал обширную топографию Чехии («Topographie des Königreichs Böhmen». 1782—1792. 16 томов); И. Б. Длабач (1758—1820) — еще до сих пор не потерявший свою цену словарь чешских деятелей искусства — «Künstlerlexikon für Böhmen» (1815. 3 тома); организатор большой пражской университетской библиотеки К. Р. Унгар (1743—1807) начал научно разрабатывать библиотековедение — «Allgemeine böhmische Bibliothek». 1786), и т. д. и т. п.

Чешские исторические исследования были построены на критической и научной основе. В чешской историографии того времени проявляется большой и широкий интерес к общим вопросам истории. Исследования Добнера, например о христианстве в Чехии, ведут его к вопросам славянской литургии, славянской письменности и т. д. Пубичка принимает участие в научном движении, вызванном знаменитым докладом русского академика Мюллера о происхождении русских. Когда этот доклад в 1768 г. вышел в свет в печатном виде, Пубичка написал статью «De antiquissimus sedibus Slavorum», которую в 1771 г. издало Лейпцигское общество Яблоновского, тоже очень заинтересовавшееся этим вопросом. А в 1772 г. Пубичка издал и дальнейшее свое исследование — «De Venedis, Vinidis, itemque de Enetis, Henetis seu Venetis veteribus».

Тогда же выступает в Чехии с научными работами и Вацлав Фортунат Дурих (1735—1802). Это был первый в научном значении слова «славяновед», впрочем больше филолог чем историк, а потому он занимался в первую очередь славянскими языками. Дурих понимал язык как продукт исторического развития, связанный со всеми другими элементами исторического процесса. Ввиду этого его работы, хотя и филологические, имели большое и историческое значение: «De slavo — bohemica sacri codicis versione». 1777; «Bibliotheca slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis». 1795.

На основах, заложенных Добнером и Дурихом, начинает строить свою научную деятельность известный и всеми признанный «патриарх славяноведения» — Иосиф Добровский (1753—1829). Он был тем ученым, который объединил все истоки славяноведения и, опираясь на современную филологическую науку, создал целую систему славистских наук. Он напечатал критические исследования о древнейшем периоде чешской истории («Kritische Versuche, die ältere böhmische Geschichte von späteren Erdichtungen zu reinigen». 4 исследования. 1803—1823). Но главная его заслуга состоит в том, что он критически начал изучать чешский язык и чешскую литературу («Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache». 1809; «Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur». 1792) и, исходя из этих исследований, приступил вообще к изучению славянских языков

(«Abhandlung über Ursprung und Bildung der slavischen insbesondere der böhmischen Sprache». 1791; «Bildsamkeit der slavischen Sprache». 1799). С этой целью он в 1792 г. отправился в Россию, чтобы обследовать там библиотеки и архивы. Завершением всех его славистских изучений явился труд «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» (1822), ставший основным трудом по церковно-славянскому языку и до настоящего времени расцениваемый как краеугольный камень современной славистики.

Идеологически направление работ Добровского было прогрессивным, смелым и в высшей степени критическим, как и вся проникнутая тенденцией национального возрождения чешская историческая наука (кроме Пубички) была тогда типичной наукой эпохи Просвещения.

Однако не только славяне разрабатывают вопросы славяноведения: новая дисциплина привлекает ученых и других национальностей. Так, Карл Готлиб Антон (1751—1818), немец, родившийся в Лужице (в Любани), а потом адвокат в Згорельце (Герлиц), основал в Згорельце особое общество по изучению лужичан. Он издал, кроме небольших статей о лужицком языке и лужицкой этнографии, работу «Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven. Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse» (1783). О том, каков был его взгляд на лужицкий вопрос, указывает уже такое название одной из его статей: «Der oberlausitzische deutsche Dialekt trägt Spuren von der Unterjochung der Wenden».

Этнограф Бельзацер Гаке (Belsazer Hacquet, 1739—1815), родом бретонец, став профессором во Львове, начал изучать Карпаты («Reisen durch die Karpaten»), но потом перешел вообще к изучению славян и издал «Abbildung und Beschreibung der südwestlichen und östlichen, Wenden, Illyren und Slaven» (1802—1805), 4 тома.

Но больше других немецких историков уделили внимания истории славян ганноверский историк Л. А. Гебгарди (1735—1802) и имперский чиновник в Вене И. Х. Энгель (1770—1814), уроженец Словакии (из города Левочи)[1]. Эти два немецких историка создали целую литературу по истории славянских народов.

Правда, их работы не всегда в научном отношении безукоризненны, так как оба они не знали ни одного славянского языка. Кроме того через их работы проходит идея, что только принятие немецкой культуры спасет славян и сделает их равноценными другим западным народам. Однако уже самый факт, что оба историка посвятили столько работ как раз славянской истории, притом работ, из которых еще и теперь можно многое почерпнуть, свидетельствует о важности, какую придавали изучению славянской истории и в немецкой историографии.

Наконец, из той же среды деятелей эпохи Просвещения, хотя труды его принадлежат XIX в., вышел Фридрих Кристоф Шлоссер (1776—1861), автор «Weltgeschichte» (1815—1824. 9 томов), «Geschichte des XVIII Jahrhunderts» (1823) и «Weltgeschichte für das deutsche Volk» (1844—1856. 18 томов). Лучшим свидетельством ценности этих произведений является то, что Чернышевский два из них перевел на русский язык, а Маркс 8, 9 и 10-й томы «Всемирной истории» Шлоссера положил в основу своих «Chronologische Auszüge». Шлоссер также уделяет большое внимание славянским делам. История славян была уже введена Шлоссером в мировую историю как ее основная часть, наряду с историей других, признанных в историографии народов. Изложено все это в соответствии с самым прогрессивным пониманием истории конца XVIII века.

Итак, первый период славяноведения заканчивается, безусловно, с честью для этой науки. За этот период славяноведение стояло, за исключением эпохи контрреформации, в ряду самых прогрессивных направлений, в особенности же в эпоху буржуазной оппозиции в XV и XVI вв., а также и в период созревания революции в XVIII веке.

Перед советской наукой стоит весьма благодарная задача — раскрыть ныне уже совершенно забытые, но все же и теперь еще имеющие значение попытки познания славянских народов и их истории. Задача эта тем более благодарна, что буржуазное славяноведение в XIX столетии не только содействовало их забвению, но в большинстве случаев само было проникнуто консервативным, а иногда прямо реакционным направлением.

---

[1] Гебгарди издал большой труд — «Geschichte aller wendisch-slavischen Staaten» (1790—1797) — в 7 томах и «Allgemeine Geschichte der Wenden und Slaven» (в «Allgemeine Welthistorie», вышедшей в г. Галле, том 51, 2 выпуска, 1785—1789) и кроме того монографии о славянских государствах: «Geschichte der Königreiche Galizien, Lodomirien und Rotreussen» (1804), «Geschichte der Königreiche Dalmatien, Kroatien, Slavonien, Servien, Raszien, Bosnien, Rama und des Freistaats Ragusa» (1808), а также монографии о других государствах, тесно связанных со славянами: «Geschichte des Reichs Ungarn und der damit verbundenen Staaten» (1778—1781, 3 тома) и «Geschichte von Liefland, Estland, Kurland und Semgallen» («Allgemeine Weltgeschichte», том 50). Энгельс, как венгерский немец, написал «Geschichte des Königreichs Ungarn» (1814—1815, 5 томов) и кроме того ряд монографий: «Geschichte von Halitsch und Wladimir» (1793), «Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kasaken» (1796), «Geschichte von Dalmatien und Kroatien» (1798), «Geschichte von Servien und Bosnien» (1801), «Geschichte von Ragusa» (1807), «Geschichte der Bulgaren in Mösien» (1797).

СООБЩЕНИЯ

ОБ АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ «ПРАВДЫ РУССКОЙ»*

С. Юшков

Одним из важнейших исторических памятников периода возникновения и первоначального развития русского феодализма является «Русская правда». Ввиду того что до нас не дошел актовый материал, «Русская правда» является основным, а по многим частным вопросам — и единственным источником наших сведений об общественно-экономическом строе Киевского государства. Исключительное значение имеет «Русская правда» в истории русского права. Она характеризует период возникновения феодального права, права-привилегии. Все другие дошедшие до нас юридические памятники не дают и сотой доли того, что дает «Русская правда» для изучения правовых институтов. В настоящее время ясно всем, что мнения об иноземных ее источниках (норманских или византийских) решительно ни на чем не основаны, что она является сборником русского права, права русской народности. Без тщательного изучения «Русской правды» нам не будет понятно дальнейшее развитие феодального права в Литовском и Русском государствах XIV—XVI веков.

Несмотря на исключительное значение «Русской правды» как исторического источника и несмотря на то, что это значение стало осознаваться давно (еще со времен Татищева), «Русская правда» не является достаточно изученной: до сих пор нет единства взглядов ни относительно времени и места происхождения отдельных редакций «Русской правды», ни об ее источниках, ни по вопросу об официальном или неофициальном ее происхождении. Если нет единства взглядов по основным вопросам истории памятника, то еще более отличаются разнообразием мнения по частным вопросам этой истории.

Разнообразие мнений о «Русской правде» объясняется тем, что буржуазные исследователи подходили к ней без учета социальной обстановки, при которой она возникла и развивалась: исследователи не понимали социальной природы норм «Русской правды». Далее, исследователи не изучали текст «Русской правды» в его развитии, обусловленном в свою очередь развитием производственных отношений. Словом, исследователи применяли к изучению «Русской правды» типичный для буржуазной историографии, формально-догматический подход.

Но была и объективная причина, препятствовавшая изучению: это — отсутствие такого издания текста «Русской правды», которое удовлетворяло бы современным научным требованиям; единственное научное издание «Русской правды» — Н. В. Калачова «Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской правды» (СПБ. 1846) — является устарелым.

Н. В. Калачов, издавая текст «Русской правды», разбил его на части, посвященные отдельным разделам права: государственного, гражданского, уголовного и т. д. Не говоря уже об искусственности такого выделения статей «Русской правды» и явной модернизации институтов этого памятника (феодальное право ранней эпохи не знает категорий государственного, гражданского и уголовного права), необходимо указать, что для работы над текстом памятника исследователю приходилось соединять эти части воедино, совершать предварительную большую работу. С другой стороны, Н. В. Калачов не мог использовать списки, которые сделались известны лишь в настоящее время. Все другие издания (того же Н. В. Калачова, Сергеевича и др.) носят учебный характер.

Вопрос о новом научном издании «Русской правды» был поставлен сразу после выхода в свет «Предварительных сведений». Известно, что Н. В. Калачов признавал неудовлетворительность своего «систематического» издания и имел в виду издать «Русскую правду» без раздробления ее текста на отделы, но свою работу не довел до конца. После Н. В. Калачова предполагал заняться новым изданием Павлов-Сильванский, но не успел приступить к осуществлению этой задачи. После смерти Павлова-Сильванского вопрос об издании «Русской правды» заглох. Предпринятая

---

* «Правда Русская». Т. I. Тексты. Подготовили к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин, под редакцией акад. Б. Д. Грекова. Издательство Академии наук СССР. М. и Л. 1940. 505 стр. (Институт истории Академии наук СССР).

сравнительно недавно (1930) акад. Карским попытка дать новое издание окончилась неудачей. Акад. Карский положил в основу издания Синодальный список, который им был сочтен ближайшим к протографу по древности языка. Между тем более глубокий анализ, в частности археографический и историко-юридический, приводит к убеждению, что Синодальный список является дефектным и списком-уникумом. Ясно, что когда в основе издания лежит дефектный список, то оно теряет всякое научное значение.

В 1935 г. появилось первое советское научное издание «Русской правды» АН УССР[1]. В этом издании напечатаны тексты по 7 спискам и 5 редакциям, причем к напечатанным спискам подведены варианты 76 списков. Это издание давно разошлось и сделалось библиографической редкостью. Естественно, что научная общественность с нетерпением ждала нового советского издания «Русской правды», над подготовкой которого давно трудился целый коллектив крупных знатоков этого памятника.

★

Несомненно, выход в свет первого тома «Русской правды» является крупнейшим событием в советской исторической науке и большим ее торжеством. Новое издание рассчитано на три тома. В первом томе даются тексты «Русской правды»; во втором будут помещены фототипические воспроизведения 15 главнейших списков; третий же том будет специально посвящен комментарию «Русской правды», истории ее изучения и исследованию вопросов по истории ее текста.

Рецензируемый нами первый том, кроме текстов, содержит предисловие редактора акад. Б. Д. Грекова, статью научного сотрудника Института истории В. П. Любимова «Списки Правды Русской» (использованные и не использованные в этом издании и списки неразысканные), сводные таблицы постатейной нумерации кратких и пространных списков и указатель. Тексты изданы на основе принятой Институтом истории классификации списков «Русской правды». По этой классификации, все списки делятся на два основных разряда: разряд кратких списков и разряд пространных списков. Разряд пространных списков в свою очередь разделяется на три группы: 1) Синодально-Троицкую группу, состоящую из восьми видов: Троицкого, Синодального, Новгородско-Софийского, Рогожского, Мясниковского, Розенкампфовского, Ферапонтовского и Толстовского (сокращенного); 2) Пушкинскую, состоящую из двух видов: Пушкинского и Археографического; 3) Карамзинскую, состоящую из трех видов: Троицкого, Оболенско-Карамзинского и Музейского.

После текста этих разрядов и видов даются сводные тексты кратких списков (по двум спискам: Академическому и Археографическому) и пространных списков по трем группам: Синодально-Троицкой (15 списков), Пушкинской (5 списков), Карамзинской (7 списков) — и Толстовскому (сокращенному) виду (1 список). Сводные тексты пространного разряда даются параллельно.

Всего в издании использовано 88 списков, из которых до сего времени не были изданы 7 списков и не были подведены варианты 10 списков. Среди этих новых списков списки собрания Егорова и Овчинникова, открытие которых в 1935 г. является заслугой В. П. Любимова. Тексты изданы с исключительной тщательностью. При передаче текста употребляются славянские буквы, которые отсутствуют в современном русском алфавите. Передается киноварь (жирным шрифтом) и вязь (прописными буквами). Исправления слов или букв, приписки, подчистки, сделанные писцом рукописи, оговариваются в примечаниях.

Изданию текста каждого вида предшествует обстоятельнейшее археографическое описание. Дополнительные материалы рецензируемого тома: сводные таблицы нумераций и указатель — составлены с такой же исключительной тщательностью и точностью, с какой были подготовлены к печати и напечатаны тексты.

Издание и подведение вариантов такого количества новых списков является крупнейшей заслугой сотрудников, подготовлявших текст к изданию. Благодаря этому изданию дается возможность действительно изучить историю текста «Русской правды», не прибегая в большинстве случаев к самым рукописям. Заслуживает большого признания и то, что редакция, кроме издания текстов по разрядам, группам и видам, дала сводные тексты, что облегчает работу по анализу отдельных статей. Издание прекрасно, можно сказать, художественно оформлено. Удачно выбранный формат, изящный переплет, шрифт, бумага — все это радует глаз ценителя книги. Словом, по тщательности и точности издание текстов «Русской правды» является образцовым.

★

Но, высоко ценя исключительную работу, проделанную коллективом научных работников, подготовлявших к изданию тексты «Русской правды», приходится отметить ряд моментов, которые, на наш взгляд, являются недостатками этого прекрасного издания. Когда научная общественность с таким нетерпением ждала выхода в свет этого издания, то предполагалось, что оно будет окончательным завершением работы над текстом «Русской правды», что оно должно сделаться на определенный, довольно значительный промежуток времени своего рода стереотипным. К сожалению, приходится констатировать, что это не так, что это — не завершение работы над изданием текста, а один из этапов, правда весьма значительный. Дело в том, что к полноценному научному изданию такого памятника, как «Русская правда», памятника недатированного и до-

[1] «Русская правда». Киев. 1935.

шедшего до нас во множестве списков, предъявляется ряд серьезнейших требований. При учете того, что над изданием текста работал долгое время целый коллектив крупнейших знатоков «Русской правды», что к обсуждению результатов работы привлекался ряд крупнейших историков, а во главе редакции стоял акад. Б. Д. Греков, один из крупнейших исследователей Киевской Руси, что редакция не была ограничена техническими средствами (издание рассчитано на 3 тома, а первый том содержит 505 страниц),— эти требования к рецензируемому изданию вполне естественны. Обратимся к рассмотрению, каковы эти требования и как они осуществлены.

*

Прежде всего ценность рецензируемого труда обусловливается тщательным изданием (или подведением вариантов) всех дошедших до нас списков, безотносительно к тому, является ли список простой копией или позднейшим списком. Для истории памятника очень часто важно знать, как понимался текст в более позднее время. Дело исследователя, а не издателя — определить, что является важным и что малозначительным для его исследований. Выполнено ли это основное требование редакцией? Нетрудно установить, что изданы далеко не все списки. В особом перечне указывается, что не были использованы 11 кратких списков и 4 пространных. В предисловии редактора не указывается, почему эти 15 списков не были использованы. Можно только догадываться о причине этого: неиспользованные списки относятся к XVIII и даже к XIX вв., и, следовательно, они были признаны неинтересными для истории текста «Русской правды». В частности большинство неиспользованных кратких списков — это списки Татищева. Но разве лицу, специально занимающемуся «Русской правдой», будет неинтересно установить, как воспринимал ее текст в XVIII в. Татищев? Насколько известно, издание приурочивалось к 200-летию работы Татищева над «Русской правдой», и, конечно, трудно понять, почему в издании не дан текст Татищева.

Как указано выше, кроме издания списков по разделам, группам и видам, редакция решила издать сводный текст. В сводном тексте производится как бы обобщение материала. И здесь обнаруживается, что в сводных текстах даны не все списки, а только некоторые. Так, при издании текста Троицко-Синодальной группы даны только 15 списков, а между тем редакции известны 66 списков. Решившись издать только 15 списков, редакция не объяснила, чем она руководилась при выборе того или иного списка. Если полагать, что в сводном тексте редакция стремилась дать тексты списков, положенных в основу отдельных видов, то не дан список, положенный в основу Ферапонтовского вида. Если считать, что редакция стремилась дать древнейшие списки, то Прилуцкий, Соловецкий III, Егоровский, Рогожский, Тихонравовский списки не могут быть отнесены к таковым, поскольку они относятся к XVI веку.

Вторым требованием, предъявляемым к полноценному изданию таких памятников, как «Русская правда», является правильная классификация списков, дающая возможность изучить текст в его развитии. Чем больше отмечено и издано редакций и изводов, тем, очевидно, издание ценнее. Но издание под видом групп, видов, изводов и т. д. таких списков, которые не имеют существенного значения в истории текста, не только не придает ценности изданию, а, наоборот, его ухудшает, так как наличие изданных малоинтересных изводов отвлекает внимание исследователей от важнейших списков, а при отсутствии полного сводного текста заставляет их проделывать большую работу: сличать эти списки с основными списками, т. е. со списками, лежащими в основе редакции. По мере того как углублялось изучение «Русской правды», исследователи отмечали большее число редакций и изводов.

Первоначально делили списки «Русской правды» на две редакции (Тобин): краткую и пространную. Затем, кроме этих двух редакций, стали выделять третью, «сокращенную из пространственной» (список Оболенского). Но в числе списков пространной редакции были Карамзинские списки, которые и по составу статей и по тексту отличались от большинства списков пространной редакции.

Н. В. Калачов в учебном издании «Русской правды» решил выделить списки этого вида в особую (III) редакцию. Но при дальнейшем изучении текста «Русской правды» обнаружилось, что имеется еще одна редакция «Русской правды», которая представляет собой органическое соединение «Русской правды» с «Судебником царя Константина» («Законом судным людем»), являющимся болгарской обработкой византийских законов. В этой редакции статьи «Судебника царя Константина» непосредственно следуют за статьями «Русской правды», причем заглавие «Судебник царя Константина» опущено, а затем по окончании этих статей идут опять русские статьи, близкие по своему языку и содержанию к «Русской правде». Словом, составитель стремился создать в результате соединения «Русской правды» с «Судебником царя Константина» литературное целое и, несомненно, добился этого. Образовалась особая редакция «Русской правды», которая имеет большое значение не только в истории текста этого памятника, но и вообще в истории русского права XII—XV веков. Наличие этой редакции свидетельствует о начавшейся на Руси рецепции болгаро-византийского права. Благодаря этой редакции можно установить, как технически проводилась рецепция. Оказывается, болгаро-византийские законы иногда выдавались за постановления «Русской правды».

Указанные нами 5 редакций действительно отображают основные моменты истории текста «Русской правды». Но в каждой из этих редакций имеются списки, которые

несколько отличаются друг от друга. Это обусловливает необходимость выделения внутри редакций ряда изводов. Больше всего таких изводов во второй по изданию Калачова и Украинской академии наук (УАН) редакции — Синодальный, Троицкий «Мерила праведного», Пушкинский, Троицкий (сборник № 765) и еще один извод, близкий к Троицкому из «Мерила праведного», находящийся в кормчих без соединения их с «Мерилом праведным». Имеются изводы (два) и в третьей редакции (списки Карамзинского вида).

Мы не ошибемся, если будем утверждать, что деление «Русской правды» на четыре редакции перед выходом в свет рецензируемого издания являлось общепринятым. Против целесообразности выделения еще одной редакции, т. е. «Русской правды» в соединении с «Судебником царя Константина», едва ли можно привести какие-либо разумные доводы. Списков таких обнаружено четыре. Что мы имеем дело не со случайным оформлением текста вследствие путаницы листов, доказывается имеющимся списком, где статьям «Русской правды» и «Судебника царя Константина» дана общая нумерация.

Вместо этой простой и естественной классификации (которая была до известной степени дана в издании УАН) редакция рецензируемого издания остановилась на весьма сложной классификации В. П. Любимова.

В издании даны тексты 15 списков. Конечно, если позволяют технические средства, такое обилие напечатанных списков надо приветствовать: чем больше списков издано, тем ценнее издание. Но здесь должны быть соблюдены два условия: 1) надо, чтобы списки, имеющие особое значение в истории текста «Русской правды», были выделены (чтобы они не были приравнены к изводам — видам, по терминологии нового издания); 2) чтобы были напечатаны списки, действительно отличающиеся от других по составу статей и обилию вариантов. Иначе печатание под видом изводов, или видов, списков, мало чем отличающихся друг от друга, превращает действительно научное издание, предполагающее обобщение списков, в простое собрание материалов. Лицо, пользующееся подобным изданием, не в состоянии будет уловить главное в истории текста или же ему самому придется работать над обобщением материалов.

Нам думается, что принятая редакцией классификация списков «Русской правды» и обусловливает ряд более или менее серьезных недостатков рецензируемого издания. Прежде всего благодаря этой классификации редакция принуждена отнести к виду Синодально-Троицкой группы сокращенную из пространной редакцию списков, которая выделяется даже во всех учебных изданиях (Калачова, Сергеевича и т. д.). Достаточно применить элементарный анализ к спискам этой редакции, чтобы уяснить, что ее составитель не только сокращал список Троицкого извода, но и значительно его перерабатывал.

Другим упущением редакции является отнесение списка библиотеки имени В. И. Ленина № 765 к Карамзинской редакции (группе). В науке вполне установились признаки списков Карамзинской редакции: это — присоединение к статьям, составляющим первую часть пространных списков, ряда статей о приплоде скота, пчел и пр. и присоединение ряда новых статей в конце обычного текста, среди которых надо указать на Устав кн. Ярослава о мостах. Имеется ряд важных особенностей и в тексте отдельных статей. Но редакция без достаточных оснований разрушает это сложившееся представление о Карамзинских списках и относит к их числу указанный нами список, между тем он не содержит статей о приплоде скота, пчел и т. д., т. е. наиболее специфического признака списков этой редакции, разночтения же текста этого списка с текстом других Карамзинских списков весьма значительны, и, наоборот, текст этого списка часто сходен с текстом Троицкого вида и других видов.

Несомненно, текст этого списка вполне заслуживает издания в качестве особого извода. Сомнительность отнесения его к Карамзинским спискам чувствовал и В. П. Любимов. Он принужден был в своей статье указать, что «Правда Софийской летописи» (список Карамзинского типа) отличается от Троицкого IV списка (Троицкого собрания № 765) прежде всего тем, что в нее вошли статьи о приплоде от скота и пчел, о прибытке от хлебных продуктов и о «сиротьем вырядке» и что «в этом списке мы видим в полной сохранности все то, что мы встречаем в Синодально-Троицкой и Пушкинской группах, только в соединении друг с другом и в согласованной форме». И тем не менее этот список был отнесен к группе, с основными списками которой он меньше имеет связи нежели со списками других групп.

Коснемся теперь целесообразности выделения видов (изводов) внутри каждой группы. Как указано, Синодально-Троицкая группа, по принятой редакцией классификации, состоит из следующих видов: Троицкого, Синодального, Новгородско-Софийского, Рогожского, Мясниковского, Розенкампфовского, Ферапонтовского и Толстовского (сокращенного), о котором уже шла речь.

Выделение Синодального вида, отличающегося от Троицкого как составом статей, так и порядком расположения, совершенно необходимо. Но целесообразно ли выделение других видов? Нет, конечно, сомнений в том, что в специальном исследовании текста «Русской правды» нужно будет разделить списки Троицкого типа на подредакции и виды. Но издавать эти виды, которые ничем не отличаются по составу статей от Троицкого списка и очень мало имеют разночтений с ним, целесообразно только в том случае, если в издании будет дан п о л н ы й с в о д н ы й т е к с т. В противном случае пользующийся изданием принужден будет сопоставлять текст семи видов.

Сопоставляя текст этих видов с Троицким списком, нетрудно убедиться в малочисленности в них разночтений. Например, сопоставляя текст Троицкого списка с Розенкампфовским (по сводному тексту рецензируемого издания), можно отметить только следующие варианты на первых четырех страницах текста (приблизительно одной шестой части всего текста). На стр. 402: **о убийстве** нет; **изищуть** вместо **ищють; вирную** вместо **виревную;** на стр. 404: **ляжеть** вместо **лежить; толико** вместо **колико; зане** вместо **зань; прикладывают** вместо **прикладываети; изплатити** вместо **сплати;** добавлено: **а то; а в 40 гривен ему заплатити из дружины** нет; **убил или** нет; **прикладываюль** вместо **прикладываети;** на стр. 406: добавлено **А се покони вирнику; также и в пятницу** вместо **в пятницу тако же; а кур по двою ему на день** вместо **а кур ему по двою на день; голважнь** вместо **голважень; о уроцех** вместо **о вирах; о княжих отроцех и о епископлех** вместо **о княже муже;** на стр. 408: **О ремественнице**х вместо **о ремественнице и о ремественице; а засмердил холоп 5 гривен** нет; добавлено **гривен;** добавлено **не; же** вместо **ти; виры** вместо **верви; о свержении виры** вместо **Аже свержеть виру; исклепал** вместо **клепал; помогного** вместо **помечного; II** добавлено **кун II**. Так же малозначительны разночтения и других видов: Новгородско-Софийского, Рогожского, Мясниковского.

Во всяком случае, если и издавать эти виды (в настоящем издании это заняло свыше 100 страниц, от 135 стр. до 264 стр.), то следовало бы параллельно с Троицким списком и при этом дать полный сводный текст списков Троицкого типа. Полного же сводного текста нет, так как сводный текст дан только по 15 спискам.

Конечно, хорошо, что в новом издании проведена большая диференциация списков, но она должна сочетаться с обобщением текста. Обобщения же в полной мере в рецензируемом издании нет, и это, конечно, является серьезным недостатком издания.

Все эти недостатки поправимы. Пользующиеся данным изданием, вопреки принятой редакцией классификации, учтут, что так называемый Толстовский (сокращенный) вид на самом деле есть особая редакция, что список Троицкого собрания № 765 мало имеет отношения к Карамзинским спискам. В конце концов они сами проделают большую работу по анализу списков Троицкого вида и произведут обобщение материала.

Непоправимым упущением издания надо признать упразднение той редакции «Русской правды», которая представляет соединение статей этого памятника с «Судебником царя Константина».

Выше мы обосновали совершенную необходимость выделения этой редакции и напечатания полного ее текста. В рецензируемом издании списки этого вида даются не в качестве особой редакции, а в качестве особой, Пушкинской группы, состоящей из двух видов: Пушкинского и Археографического. Издавая списки этого вида, редакция произвела над ними настоящую вивисекцию. Она механически отрезала все дополнительные статьи к тексту «Русской правды». Статьи из «Судебника царя Константина» она опустила совсем, а русские статьи дала в качестве дополнения. Словом, редакция напечатала только отрывок сложного литературного целого.

Редакция, повидимому, чувствовала всю неправильность этого шага. Она сделала попытку оправдаться. Акад. Б. Д. Греков в своем предисловии пишет: «В некоторых списках... он (т. е. «Судебник царя Константина», или «Закон судный людем») непосредственно присоединен к «Правде». Последнее обстоятельство оправдывало бы напечатание этих списков непосредственно в таком соединении, дав полный текст «Закона судного людем» по этим рукописям. Однако это не дало бы истории текста «Закона судного людем», что очень важно в целях изучения взаимоотношения этих двух памятников». Конечно, история текста «Закона судного людем» не была бы дана, но зато история текста «Русской правды» отражена была бы полностью, чего как раз теперь мы не наблюдаем.

Третье требование, которое обычно предъявляется к полноценному изданию памятника, дошедшего до нас во множестве списков,— воспроизведение по возможности всех вариантов издаваемых списков и полное отражение истории их текста (киноварь, вязь, пропуски, поправки и т. д.).

Как известно, варианты бывают смысловые и филологические (иногда применяют выражение «орфографические»). Для памятника позднего времени, когда смысл каждой фразы и каждого слова ясен, нет особой необходимости давать филологические варианты. Историк языка все равно будет работать по рукописи, а не по печатному изданию. Но такие памятники, как «Русская правда», надо издавать с подведением и филологических (орфографических) вариантов.

При толковании многих статей «Русской правды», кроме всякого иного анализа, необходим и филологический анализ. В некоторых случаях данные этого анализа являются решающими. Достаточно указать, что долголетний спор о том, какой текст предпочесть при анализе статьи о вознаграждении за убийство смерда: Академического ли списка или Троицкого («А в смерде и в холопе», или «А за смердии холоп»),— может быть решен только в результате филологического анализа. Можно предполагать, что в будущем значение филологического анализа при истолковании статей «Русской правды» еще более увеличится. Обратимся теперь к выяснению, все ли варианты издаваемых списков подведены в рецензируемом издании.

В предисловии редактора акад. Б. Д. Грекова точно указывается, какие варианты отмечены: это «а) замена одного слова другим, б) добавление слов, в) пропуск слов, г) перестановка слов и статей, д) замена одной буквы другой, добавление или пропуск буквы, если такая замена, добавление или пропуск, могут иметь смысловое значение, или если чтение основного текста

предполагается испорченным, или если такое разночтение особенно характерно для взаимоотношения списков; для списков XVI в. и более поздних не отмечаются случайные искажения отдельных слов, не встречающихся в остальных списках данного вида».

Таким образом, в новом издании даются смысловые варианты, а не филологические. Варианты же списков XVI в. и более позднего времени даются в еще более ограниченном количестве.

Такое пренебрежение к филологическим вариантам со стороны редакции ничем не может быть оправдано. В особенности не может быть оправдано отношение редакции к спискам XVI в., когда, как указано, не отмечаются «случайные» искажения слов. Каждое искажение слов может быть признано случайным, и окончательным судьей в этом деле должен являться исследователь, а не тот научный работник, который подготовлял данный текст к изданию.

К каким последствиям привело пренебрежение к вариантам, можно установить при «выборочном» сличении списков Новгородско-Софийского, положенного в основу издания Новгородско-Софийского вида, и «Хворостининского» **(П. Б. II № 298)**, причем мы ограничились сличением первых десяти статей (примерно около одной двенадцатой части текста). Количество неотмеченных вариантов (мною приводятся и филологические, по терминологии редакции, «орфографические», варианты) весьма значительно. Так, не отмечены следующие варианты: **Русская** вместо **Роуская; оубиеть** вместо **оубіеть; мужь** вместо **моужь; мужа** вместо **моужа: брату** вместо **братоу; отцю** вместо **отцоу; браточаду** вместо **браточадоу; будеть** вместо **боудеть; голову** вместо **головоу; будеть** вместо **боудеть; мужь** вместо **моужь; тивуна** вместо **тиоуна; аще** вместо **аче; купець** вместо **коупець; паки** вместо **пакы; рустіи** вместо **роустіи; мужи** вместо **моужи; Костячко** вместо **Коснячько; оубиеніе** вместо **оуб'еніе; голову** вместо **головоу; кунами** вместо **коунами; выкупати** вместо **выкоупати; Ярославль** вместо **Ярослав; судил** вместо **соудил; оубиет** вместо **оубіет; мужа** вместо **моужа; ищуть** вместо **ищоуть;** в слове **вирную и** переправлено позднейшим почерком на **ѣ; чей** вместо **чьей; паки** вместо **пакы; вервъ** вместо **вервь; дикую** вместо **дикоую; виру** вместо **вироу (и** позднейшим почерком выправлено в **ѣ); боудет** вместо **боудеть; головникъ** вместо **головникь;** над строкой позднейшим почерком написано **платити; дикую** вместо **дикоую; виру** вместо **вироу; и** позднейшим почерком переправлено в **ѣ;** в слове **вообчи и позднейшим** почерком переправлено в **ѣ; ему** вместо **емоу; дружины** вместо **дроужины; будеть** вместо **боудеть; пиру** вместо **пироу; тому** вместо **томоу; людіе** вместо **людие; помагають** вместо **помогають;** в слове **вирнии** первое **и** позднейшим почерком переправлено в **ѣ;** в слове **вирнику** первое **и** переправлено в **ѣ; солоду** вместо **солодоу; среду** вместо **середоу; пятницу** вместо **пятницю; куров** вместо **коуров; двое** вместо **двои; со** вместо **съ; сути** вместо **соути;** в слове **вирикку** первое **и** позднейшим почерком переправлено в **ѣ; ссадная** вместо **съсадная;** в слове **вира и** позднейшим почерком переправлено в **ѣ.**

При просмотре текста Новгородско-Софийского вида в примечаниях находим такие указания, которые, на наш взгляд, совершенно недопустимы в научном издании. Например: «Так (т. е. станемь) в большинстве списков Новгородско-Софийского вида» (стр. 149). Надо совершенно точно указывать, в каких именно списках.

В особенности мало вариантов отмечается при издании сводных текстов. Так, сличая текст Троицкого списка, положенного в основу издания, с Мясниковским, нами обнаружено, что в первых десяти статьях не были отмечены следующие варианты (мы не отмечаем здесь чисто орфографические варианты): **«Володимерича** вместо **Володимеричь;** отсутствует **мужа; мьстить** вместо **мьстити; любо** вместо **ли; братью** вместо **братню; оже** вместо **аще; аще** вместо **аче; тивуна** вместо **тиуна; любо** вместо **или; боярьск** вместо **бояреск; ли** вместо **любо; пак** вместо **паки; совокупишася** вместо **совкупившеся; вину** вместо **убиение; ни** вместо **но; Иже** вместо **Аже; аще** вместо **паки; толко** вместо **колико; опче** вместо **вообви;** отсутствует **но; всякія** вместо **всякоя; людье** вместо **люди;** отсутствует **А; ногаты** вместо **ногате; куров** вместо **кур; двое** вместо **по двою; пшон** вместо **пшена;** отсутствует **уборков; съ** вместо **со; векши** вместо **векшии; и** вместо **а; Иже** вместо **аже; въ** вместо **во; 26** вместо **10».**

Как видно, ряд неотмеченных вариантов имеет большое значение при анализе текста, в частности для установления взаимоотношений между редакциями.

Сличение Троицкого списка с другими списками приводит к тем же примерно результатам: много важных вариантов не было отмечено при подведении вариантов и других списков.

Далее. Достоинство каждого издания «Русской правды» в значительной степени зависит от правильной разбивки текста на статьи. Как известно, цитирование этого памятника по статьям давно сделалось обычным. Сделалось обычным вместо приведения статьи целиком указание ее номера по тому или иному изданию. Нумерация статей была в каждом издании различна. У Тобина была дана весьма дробная нумерация. Н. В. Калачов объединил многие статьи Тобина в одну. Сергеевич во многих случаях возвратился к нумерации Тобина и, во всяком случае, разделил текст «Русской правды» на большее количество статей нежели Калачов.

В издании УАН дана тоже особая нумерация статей «Русской правды».

Естественно ожидать, что будет дана особая нумерация и в рецензируемом издании. И действительно, редакция дала свою нумерацию, отличающуюся от ранее предложенных. И здесь, как нам кажется, редакция сделала ряд довольно значительных

упущений. При разделении текста «Русской правды» на статьи издатели обычно давали разное количество статей в зависимости от редакции. Так, у Калачова первая (краткая) редакция содержала 43 статьи; вторая редакция (Троицкого вида) — 115 статей; третья редакция (Карамзинского вида)— 132 статьи; четвертая (сокращенная из пространной)—55 статей; у Сергеевича третья редакция (пространная) — 154—155 статей, а четвертая (сокращенная из пространной)—68. В зависимости от принадлежности списков к той или иной редакции также различное количество статей дается и в издании УАН.

По совершенно другому принципу сделано разделение статей в данном издании.

Верная своему делению всех списков «Русской правды» на два основных раздела; Краткий и Пространный,— редакция дала только две нумерации: краткие списки она делит на 43 статьи, а все пространные — на 121 статью, независимо от фактического количества статей того или иного списка. На 121 статью она делит и Троицкий, и Синодальный, и Карамзинский списки. В тех списках, где статей фактически больше, излишние статьи не нумеруются: они обозначаются звездочкой. Там, где статей фактически меньше, например в Синодальном списке, редакция все равно дает нумерацию Троицкого списка, т. е. приписывает и этому списку сакраментальное число статей «Пространной правды» — 121 статью. В особенности вызывает решительное недоумение тот факт, что редакция и текст сокращенной из пространной редакции делит на 121 статью, причем нумеруются и те статьи, которые в этой редакции отсутствуют. Так что нумерация в этом списке дается, например, следующая: 46, 49, 50, 54, 55, 67, 68 и т. д.

Нам непонятно, зачем нужно было втискивать текст разных редакций в это прокрустово ложе двух нумераций. Достаточно учесть, что пользующийся рецензируемым изданием не сможет дать нумерацию ряду статей, не входящих в состав 121 статьи Троицкого вида, например статьи «О человеке», «О муке», «О копьи» и т. д. Очевидно, придется разыскивать какое-нибудь из старых изданий и использовать нумерацию этого издания. Ряд критических замечаний вызывает и самая разбивка кратких и пространных списков на статьи (43 и 121).

При разбивке текста «Русской правды» на статьи необходимо руководиться некоторыми общими принципами. Нам кажется, что надо держаться, насколько это возможно, той разбивки статей, которая дана в самом тексте, не дробить без необходимости статьи, снабженные заголовками. Далее, уже давно всеми признается правильным положение, что деление «Русской правды» на статьи есть результат толкования содержащихся в ней норм. Оно может иметь значение только тогда, когда это толкование безупречно и не вызывает никаких сомнений. Наконец, еще Сергеевич советовал при разбивке текста «Русской правды» на статьи держаться того правила, что каждая отдельная мысль должна быть выражена в особой статье. Он правильно указывал, что если текст развивает мысль той или иной статьи, то он может войти в эту статью. Во всяком случае нельзя давать статьи, если смысл ее совершенно не может быть понят без учета предыдущей и последующей статей. Эта статья будет содержать обрывок мысли, а не правовую, полностью выраженную норму.

Пример нарушения последнего принципа дал тот же Сергеевич, когда счел особой статьей обрывок фразы: «Тако же и за боярск». Ясно, что этот обрывок не может быть понят без предыдущего текста.

К сожалению, редакция рецензируемого издания тоже небезупречна в этом отношении: часто разбивка ею текста на статьи является необоснованной. (Это замечание относится главным образом к нумерации пространных списков.) Так, трудно согласиться с разделением статьи о дикой вире (по изданию Калачова и УАН, статьи 4-й) на три статьи (4, 5 и 6-я). Последние две статьи не могут быть поняты без статьи 4-й, поскольку все эти статьи являются одной развитой правовой нормой. К такому же разрыву одной нормы приводит разделение редакцией статьи 17-й, по изданию Калачова, или 16-й, по изданию УАН, на две (21, 22-я). Статья 22-я начинается: «Т а к о ж е и во всех тяжах, в татбе и поклепе...» Ясно, чтобы установить смысл этой статьи, надо учесть текст статьи 21-й. Такие же обрывки фраз, а не правовые нормы дает редакция, разбив статью 19-ю УАН и 20-ю Калачова на две статьи: 25 и 26-ю. Нецелесообразным является разбивка статьи об обидах, причиняемых закупу его господином. Чтобы понять содержание этих постановлений, надо проанализировать весь текст. Можно указать на нецелесообразность деления и других статей.

В некоторых случаях редакция неправильно объединяет статьи, которые являются двумя различными правовыми нормами. Так объединены статьи 28 и 29-я УАН в одну (35-ю). Первая (28-я) статья говорит о своде, а вторая (29-я) — о коневом и клетном тате. Объединены в одну статью статьи 38 и 39-я УАН (40 и 41-я Калачова) — о штрафе за увод коня и об уроках за кражу скота. Характерно, что редакция не обратила внимания на наличие особого заголовка статьи об уроках за кражу скота. На такое объединение статей не решался ни один издатель, поскольку статья 38-я устанавливает вообще наказание за увод коня, а статья 39-я говорит об уроках, которые должны платить смерды.

Коснемся теперь археографических описаний, которые предшествуют в рецензируемом издании тексту списков. Нами уже отмечено, что наличие этих археографических описаний является одной из положительных особенностей этого издания. Но в этих археографических описаниях отсутствует перечень статей Кормчих и других сборников, среди которых помещена «Русская правда». А между тем наличие этого перечня дало бы возможность представить историю «Русской правды» в памятниках сложного состава — Кормчих, сборниках и летописях.

Поскольку «Русская правда» содержится только в некоторых редакциях Кормчих и других сборников, то в большинстве случаев можно было бы дать однажды более или менее подробное описание Кормчей, а затем уже ограничиться кратким перечнем статей, предшествующих и последующих за «Русской правдой».

Такое описание состава Кормчих и других сборников мало бы увеличило объем издания, если бы при этом были сокращены некоторые, действительно излишние подробности археографического описания списков.

Наконец, еще одно замечание. Уже целый ряд вышеотмеченных особенностей плана издания: своеобразная классификация списков, по которой одна из редакций превращается в простой сокращенный вид, а другая редакция совершенно не дается в полном виде, нежелание дать сводный текст по всем спискам, а только по некоторым, своеобразный подбор вариантов при издании сводного текста — все это невольно создает впечатление, что редакция давно уже разрешила все спорные вопросы истории текста и теперь как бы опубликовывает результаты своей работы. Однако можно уверить редакцию рецензируемого издания, что даже при опубликовании ею третьего тома, в котором будут содержаться исследования по истории текста, едва ли все исходные ее положения будут приняты. Было бы гораздо лучше, если бы редакция не проявляла подобного систематического навязывания своих взглядов на историю текста «Русской правды», а дала бы более тщательно весь нужный материал, в частности были бы изданы все списки, подведено было бы большее количество вариантов. Исследователи сами бы разобрались во всех интересующих их вопросах.

Большинство отмеченных недостатков рецензируемого издания, несомненно, определяется общими взглядами на историю памятника, которых держится редакция. Эти взгляды нам кажутся необоснованными, и этим объясняется наше разногласие с основными чертами плана издания.

Но отмеченные недостатки издания вовсе не колеблют той высокой общей оценки, которая была дана редактору и сотрудникам рецензируемого издания. Повторяю, издание, несомненно, является большим торжеством советской исторической науки.

ОТ РЕДАКЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «ПРАВДЫ РУССКОЙ»

Редакция академического издания «Правды Русской» с удовлетворением принимает общую положительную оценку издания, сделанную проф. С. В. Юшковым в начальной части его рецензии. В этой части автор рецензии признает, что основная цель издания достигнута. Такой целью и было дать заново проверенный и систематизированный материал для построения истории текста «Правды Русской» и изучения ее содержания в свете истории памятника (см. академическое издание, стр. 6, 29 и др.).

Но с общей положительной оценкой находится в противоречии последующая обширная часть рецензии, где проф. С. В. Юшков старается показать недостатки нашего издания. Приступая к своим критическим замечаниям, С. В. Юшков очень осторожно говорит: «...приходится отметить ряд моментов, которые, на наш взгляд, являются недостатками этого прекрасного издания». Из последующего же видно, что, по его мнению, в издании имеются такие серьезные недочеты, при которых оно едва ли заслуживает только что высказанной рецензентом оценки. Такова одна черта рецензии С. В. Юшкова.

Другая отличительная черта рецензии — методологического порядка. Рецензент идет путем прямого или косвенного сопоставления нашего издания с другим изданием, а именно с изданием Украинской академии наук, вышедшим летом 1935 г. под редакцией самого рецензента. Проф. С. В. Юшков стремится доказать, что, в противоположность изданию «Правды» под его редакцией, в рецензируемом издании АН СССР не соблюдены существенные требования, которые должны быть предъявлены к научному изданию.

Первым недостатком издания рецензент считает то, что в нем использованы не все списки «Правды». Он пишет: «В особом перечне указывается, что не были использованы 11 кратких списков и 4 пространных. В предисловии редактора не указывается, почему эти 15 списков не были использованы. Можно только догадываться о причине этого: неиспользованные списки относятся к XVIII и даже к XIX вв., и, следовательно, они были признаны неинтересными для истории текста Русской Правды. В частности, большинство неиспользованных кратких списков—это списки Татищева. Но разве лицу, специально занимающемуся Русской Правдой, будет неинтересно установить, как воспринимал ее текст в XVIII в. Татищев?»

Напрасно, однако, С. В. Юшков утруждает себя догадками. На стр. 18 издания мы читаем:

«Из числа кратких списков напечатаны два древних: Академический I и Археографический I. Что же касается кратких спи-

сков XVIII—XIX вв., которые все представляют собою в той или иной форме лишь копии, непосредственные или копии с копий, с Академического I списка, то они не приводятся в вариантах к Академическому I списку. Три из этих списков, непосредственно связанные с работой над Правдой Русской первого исследователя ее, открывшего 200 лет назад Правду Русскую,— В. Н. Татищева, печатаются в приложении к 3-му тому.

Из пространных списков тоже исключены три поздних списка: Горюшкинский XVIII века, как копия с Бальзеровского списка, Царского IV—XVIII века и Овчинниковский III—XIX века; хотя относительно последних двух и не установлено, с каких точно списков они списаны, но, являясь однотипными в ряду наличных древних списков, они в вариантах не дают ничего существенного. Кроме того, исключен список так называемый «Музейские отрывки», хотя он и относится к XVI веку. От него до нас дошло всего пять неполных листов (левые части листов обгорели). Список этот также сходится с некоторыми полными однотипными списками. Приведение этих пяти листов не дало бы ничего существенно нового».

Татищевские списки не имеют значения для истории текста «Правды» (см. стр. 32 академического издания). Они имеют значение лишь для истории изучения нашего памятника, поскольку известная переработка текста Татищевым и есть одна из форм, показывающих изучение текста Татищевым. Место им, естественно, не в первом томе, а в третьем томе издания, который и посвящается истории изучения «Правды Русской» (стр. 9 академического издания). При этом и из списков «Правды», которые мы называем Татищевскими, не все служат к изучению работы Татищева, а только списки Татищевские I, II, III, остальные же представляют лишь последующие копии XVIII—XIX вв. со списков Татищевского I и Татищевского II (см. стр. 31—32 академического издания).

С. В. Юшков в разных местах рецензии упрекает редакцию издания в том, что она как бы навязывает свои взгляды. Редакция, наоборот, старалась всячески избегать этого, но в то же время никак нельзя согласиться с той пассивной ролью, какую предоставляет С. В. Юшков издателю. В известной сфере издатель не только может, но и обязан не быть пассивным. Издателю приходится брать многое на себя, поскольку он работает непосредственно над рукописью, а исследователю придется иметь дело уже с печатным изданием. Издатель датирует рукописи, издатель видит, что представляют из себя поправки и приписки в списке, и только издатель может во многих случаях выяснить, что та или иная рукопись представляет лишь позднюю копию с другого списка. До известного хронологического предела имеют, конечно, свое значение и поздние копии. Таким пределом в отношении списков «Правды» редакция приняла XVII век, но она, конечно, использовала бы и те или иные списки и XVIII и XIX вв., если бы в них было что-нибудь действительно существенное, что давало бы новый материал для истории текста. При отсутствии такого материала в списках XVIII—XIX вв. было бы напрасным их использование в сводке вариантов, тем более что списки XVIII—XIX вв. по своему письму трудно ставить в ряд со списками древнего письма.

Далее, С. В. Юшков указывает, что «в сводных текстах даны не все списки, а только некоторые», и при этом опять сетует на то, что «редакция не объяснила, чем она руководилась при выборе того или иного списка».

Цели, какие преследовались при составлении сводных текстов, так очерчены в предисловии к изданию (стр. 7):

«Наряду с печатной транскрипцией 15 списков, для того, чтобы дать возможность исследователю легче сравнить между собою виды списков, а равно и для исследователя, не занимающегося специально изучением истории текста Правды, помещаются сводные тексты кратких и пространных списков. Сводные тексты Пространной Правды даются по важнейшим спискам групп, т. е. в основу берется основной список первого, в порядке классификации, вида каждой из трех групп — Синодально-Троицкой, Пушкинской и Карамзинской,— а из основных списков других видов той же группы приводятся варианты, характеризующие различие между отдельными видами. В случаях, когда чтения основного списка данного вида корректируются другими списками того же вида, в сводном тексте приводятся разночтения и из этих других списков вида. Сводные тексты Пространной Правды располагаются параллельно, причем в 4-й колонке дается текст Толстовского (сокращенного) вида».

Как видим, хотя здесь и не говорится о каждом использованном в сводных текстах списке отдельно, но, кажется, достаточно ясно указаны те критерии, которыми руководилась редакция при выборе списков для сводных текстов.

С. В. Юшков отмечает кроме того, что в сводном тексте не дан список, положенный в основу Ферапонтовского вида. Но Ферапонтовский вид списков представляет собой сводный текст из списка Розенкампфовского вида со вставками и изменениями, заимствованными из списка Новгородско-Софийского вида[1] (более древней ветви этого вида чем та, какую представляют дошедшие до нас списки Новгородско-Софийского вида), а поскольку в сводном тексте уже использованы как список Розенкампфовский, так и список Новгородско-Софийский, не оставалось из Ферапонтовского списка существенных вариантов, которые следовало бы приводить в сводном тексте, имея в виду цели, поставленные при составлении этого текста.

[1] См. академическое издание «Правды Русской», стр. 50—51.

★

Далее С. В. Юшков переходит к вопросу о классификации списков «Правды». Классификация списков является основой такого рода изданий, и поэтому естественно, что и в рецензии на этом вопросе сосредоточено особое внимание. С. В. Юшков сопоставляет классификацию списков «Правды» издания Украинской академии наук, т. е. свою классификацию, с классификацией списков рецензируемого издания, но при этом не обращает внимания на то, что эти классификации построены по разным системам.

Классификация нашего издания построена на основе генезиса списков «Правды», т. е. по системе семей. Все списки «Правды» представляют две большие семьи, названные разрядами: разряд кратких списков и разряд пространных списков. Во второй из этих семей — три меньших семьи: группа Синодально-Троицкая, группа Пушкинская и группа Карамзинская. Из этих трех групп две первые группы являются основными и восходят каждая самостоятельно к общему протографу пространной «Правды», а группа Карамзинская представляет сводный текст из нескольких списков Синодально-Троицкой и Пушкинской групп. В каждой из трех групп выделены, далее, еще меньшие семьи, названные видами. Вопрос о редакциях в этой схеме классификации не ставится, и самая терминология выдержана в соответствии с основным принципом классификации — генетическим. Здесь среди терминов нет и терминов «редакция» и «извод», которые более приложимы при системе классификации по редакциям, так как там приходится прежде всего определять, заключает ли тот или иной текст достаточный комплекс редакционных признаков, т. е. признаков придания тексту в той или иной степени нового содержания, а также новой систематики.

Вопрос о квалификации текста, как редакции, нередко может быть весьма спорным, что особенно видно по литературе о «Правде Русской». Но система классификации по семьям дает полную возможность ни в какой мере не связывать исследователей по такому спорному вопросу, как различение редакций и изводов. Это, однако, не значит, что мы вообще не имеем в виду вопроса о редакциях нашего памятника. Но раз мы стали на путь изучения «Правды Русской» в свете истории текста «Правды», то вопрос о редакциях должен быть разрешен уже в итоге исследования истории текста «Правды» в целом. Вместе с тем только после исследования истории текста «Правды» и возможно будет различить двоякого рода редакции нашего памятника: редакции «Правды», как памятника юридического, и редакции «Правды» чисто литературные, ибо только в итоге исследования текста списков определяется время происхождения тех или иных видов «Правды».

Классификация же списков у С. В. Юшкова построена по иной системе — по системе редакций, и так как подразделений списков у него очень мало, всего пять редакций, то она показывает не все, а лишь некоторые редакции нашего памятника (и притом с некоторыми ошибками в распределении списков по редакциям).

И вот только невниманием к системе классификации списков в рецензируемом издании можно объяснить брошенное С. В. Юшковым обвинение в том, что у нас «одна из редакций превращается в простой сокращенный вид» и что «упущением редакции является отнесение списка Библиотеки им. В. И. Ленина № 765 к Карамзинской редакции (группа)». Как видим, он уже сам заменяет наш термин «группа» термином «редакция».

Что касается сокращенной «Правды», то она помещается в Кормчих книгах, как и большая часть списков «Правды» Синодально-Троицкой группы, и представляет собой сокращение списка Ферапонтовского вида с некоторыми изменениями[1]. Вследствие этого при системе классификации по семьям сокращенный вид должен быть отнесен к означенной Синодально-Троицкой группе, и место его — непосредственно после списков Ферапонтовского вида. Но это не значит, что сокращенные списки представляют собой извод. Сокращенная «Правда» вовсе не характеризуется непреднамеренными изменениями в тексте, а, наоборот, представляет определенную и притом серьезную редакционную работу, и мы имеем перед собой позднюю редакцию нашего памятника, притом не литературную, а опыт отбора из «Правды» того материала, который сохранял еще практическое значение (см. стр. 36 издания).

Среди списков Синодально-Троицкой группы можно было бы отметить и некоторые другие редакции, но если бы даже сокращенная «Правда» среди этих видов и была единственным видом, который следует квалифицировать как редакцию, то все равно вынесение ее из Синодально-Троицкой группы противоречило бы системе классификации по семьям. Указание, что сокращенная «Правда» является редакцией, имеется в самом рецензируемом издании, где в начале статьи о списках «Правды Русской» написано (стр. 11): «... в двух из Кормчих XVII в. мы находим даже новую редакцию Правды Русской — списки, сокращенные из пространных (списки Толстовский IV и Оболенского I)».

Возражение же С. В. Юшкова относительно Троицкого IV списка (который он называет пространно «список Библиотеки им. В. И. Ленина № 765») следует выяснить в связи со всей его классификацией. Мы не будем касаться первой редакции С. В. Юшкова, т. е. кратких списков, и пятой редакции, т. е. списков сокращенных, так как по вопросу о том, что это действительно особые редакции и что тут списки правильно включены в ту и другую редакции, спора у нас нет. Обратимся к другим редакциям С. В. Юшкова.

Во вторую редакцию его входят все

[1] См. академическое издание «Правды Русской», стр. 36, 51.

списки нашей Синодально-Троицкой группы, кроме сокращенных, и два списка других групп: список Пушкинский (Пушкинской группы) и список Троицкий IV (Карамзинской группы). Таким образом здесь соединены списки трех семей. С точки зрения генеалогии списков и системы классификации по семьям, это абсолютно неправильно[1]. Но правильно ли это с точки зрения системы редакций? Остановимся прежде всего на Троицком IV списке. Он отличается от всех других списков второй редакции С. В. Юшкова, во-первых, тем, что текст его представляет соединение чтений нескольких списков Синодально-Троицкой и Пушкинской групп; во-вторых, тем, что в нем имеются лишние статьи: о судных кунах, «О человеце», «О мостех», «О муке» и о битье кнутом; в-третьих, новой, осложненной систематикой ввиде новых заголовков и более дробного разделения на статьи разделительными знаками (не говорим еще о том, что есть некоторые изменения в словарном составе)[2]. Уже одного первого признака достаточно для отнесения этого списка к другой редакции, ибо соединение в одном списке, да еще такое сплошное, как здесь, чтений нескольких списков разных групп есть уже большая редакционная работа. К какой же редакции следует его отнести? Все три указанных признака имеются целиком в Карамзинской, или третьей, редакции, по классификации С. В. Юшкова. Эта его редакция (точнее, протограф этой редакции) отличается от Троицкого IV списка некоторыми изменениями словарного состава и вставкой статей о приплоде от скота и пчел, о прибытке от хлебных продуктов и о сиротьем вырядке. Первый признак — изменения словарного состава — это признак извода, а не редакции. Что же касается статей о приплоде от скота и пчел и пр., то вот как писал С. В. Юшков в своем издании при мотивировке выделения Карамзинской редакции: «Карамзинский список не только имеет ряд дополнительных статей, которые могут быть признаны не имеющими отношения к основному тексту Русской Правды, напр., о приплоде скота и проч., но и такие важные статьи, как статья «А судным кунам росту нѣт» (ст. 54 по нумерации Сергеевича), «О человѣцѣ» (ст. 58), «О муцѣ» (ст. 59) и «Устав кн. Ярослава о мостѣх»; имеется много весьма важных вариантов»[3] (разрядка наша). В нашем издании выражено полное согласие с тем, что признавалось давно в литературе: что действительно указанные статьи — вставка, не подходящая к юридическому памятнику.

Статей этих в Троицком IV списке нет. Но в издании указано, что все остальные дополнительные статьи, которые перечисляет С. В. Юшков, имеются в Троицком IV списке в тех же самых местах, и что в нем есть и ряд «важных вариантов»[4], но С. В. Юшков пропустил эти статьи, и их нет совсем в его издании, за исключением «Устава Ярослава о мостех», который напечатан в издании С. В. Юшкова, но как бы ввиде отдельного памятника, тогда как он имеется в самом тексте Троицкого IV списка, так же как и в других списках Карамзинской группы. В другой, недавней своей работе С. В. Юшков сказал о вставных статьях о приплоде скота и пр. еще решительнее: «...эта приписка не имеет никакого отношения к тексту Русской Правды»[5] (разрядка наша). Что же касается «важных вариантов», о которых говорит С. В. Юшков, то самые важные и действительно многочисленные варианты обусловливаются соединением материала текста «Правды» двух групп: Синодально-Троицкой и Пушкинской[6]. Казалось бы, что при установлении происхождения Карамзинской группы, в том числе и Троицкого IV списка, от группы Синодально-Троицкой и группы Пушкинской и при установлении ошибки С. В. Юшкова относительно дополнительных статей, какие есть не только в списках Софийской летописи, но и в Троицком IV списке, у С. В. Юшкова было полное основание к пересмотру его отношения к Троицкому IV списку. Но вместо этого он отстаивает оставление Троицкого IV списка в его второй редакции, ссылаясь на то, что этот список «не содержит статей о приплоде скота, пчел и т. д., т. е. наиболее специфического признака списков этой редакции» (разрядка наша).

Итак, теперь в основание определения редакции С. В. Юшков кладет то, что, по его же мнению, «не имеет никакого отношения к тексту Русской Правды».

Возвратимся опять ко второй редакции С. В. Юшкова, где среди списков есть список Пушкинский. Он отличается от всех других списков второй редакции, во-первых, как это уже заметил Калачов, «множеством вариантов», в числе которых надо иметь в виду не только изменения слов, но и пропуски, в том числе пропуск фразы о смердьем холопе (ст. 16); во-вторых, включением в состав «Правды» так называемого «Слова Василия Великого» (с опущением заглавия и начальной фразы этого «Слова»); в-третьих, наличием в конце статьи о копьи, которая идет от краткой «Правды», но которая оказалась уже уте-

[1] Напрасно думает С. В. Юшков, что «сомнительность отнесения к Карамзинским спискам чувствовал и В. П. Любимов». Ни у составителя классификации, ни у редакции академического издания во всем ее составе не было никаких сомнений в том, что Троицкий IV список принадлежит к той группе списков, которая названа в издании Карамзинской.

[2] См. академическое издание «Правды Русской», стр. 38—39, 40—41, 53—54.

[3] «Руська Правда», стр. III. Изд. Украинской академии наук. 1935.

[4] См. академическое издание «Правды Русской», стр. 28.

[5] Юшков С. «Русская Правда», как кодекс русского феодального права», в журнале «Проблемы социалистического права» № 4—5, стр. 85. М. 1939.

[6] См. академическое издание «Правды Русской», стр. 40—41.

рянной в Синодально-Троицкой группе; в-четвертых, присоединением к тексту «Правды» «Закона судного людем» (с опущением заглавия). Мы думаем, что этих признаков достаточно для того, чтобы считать Пушкинский список принадлежащим к другой редакции.

Эти признаки мы находим и в Археографическом виде Пушкинской группы. Списки Археографического вида у С. В. Юшкова составляют четвертую редакцию. Что же отличает ее от Пушкинского списка? Разночтения не таковы, чтобы говорить о двух разных редакциях; на разночтения не опирается и С. В. Юшков, выделяя эту редакцию. Отличия же состоят в том, что, во-первых, как в «Слове Василия Великого», так и в «Законе судном людем» здесь в начале опущено по нескольку фраз (а именно в «Законе судном» пропущены в начале две статьи); во-вторых, к тексту «Правды» прибавлена статья о бесчестии; в-третьих, статья о копьи перенесена в конец «Закона судного», и там же приписаны еще четыре статьи русского происхождения, из которых одна, «Устав Ярослава о мостех», имеется и в Пушкинском сборнике, но в качестве отдельной статьи. Для С. В. Юшкова послужило основанием для выделения этих списков в особую редакцию то, что «составитель стремился создать в результате соединения Русской Правды с Судебником царя Константина (т. е. «Законом судным людем») литературное целое и, несомненно, добился этого», прибавляя, что, «оказывается, болгаро-византийские законы иногда выдавались за постановления Русской Правды». Придавая такое значение соединению «Правды» с «Законом судным», С. В. Юшков в своем издании «Правды», однако, совсем не учел, что этот «Закон судный» присоединен и к списку Пушкинскому, и о последнем соединении нигде не упомянул в своем издании. Создается впечатление, что он просто упустил из виду этот факт. Но возможно, что он придавал значение более тесной форме этого соединения в списках его четвертой редакции, из чего и заключил, что здесь «болгаро-византийские законы выдавались за постановления Русской Правды», а в Пушкинском списке еще не «выдавались» за таковые Различие, как мы видим, очень субъективное; оно может быть, конечно, высказано в исследовании, но этим едва ли может руководиться составитель классификации. Однако если даже С. В. Юшков и руководился этим, то все же это не значило, что нужно было оставлять Пушкинский список во второй редакции: его следовало дать в таком случае как особую редакцию [1].

Итак, вот та, по мнению С. В. Юшкова, «правильная классификация списков, дающая возможность изучить текст в его развитии». Теперь до известной степени можно даже понять его формулировку «текст в его развитии» вместо выражения «история текста». Его третья и четвертая редакции представляют действительно большое «развитие»: вставные статьи о приплоде от скота и пр. в списках Софийской летописи занимают около пятой части всего текста «Правды», а в рукописях Археографического вида текст «Закона судного людем» по своим размерам почти равен тексту «Правды Русской».

Конечно, вставки и дополнения—это один из важных моментов и в истории текста «Правды» и при определении редакций памятника, но основное и самое важное в обоих случаях — это текст самой «Правды», на сравнительном анализе которого по разным спискам и необходимо прежде всего основываться. Именно на основе такого анализа и построена классификация списков рецензируемого издания. Анализ текстов в общих чертах показан в издании (в статье «Списки «Правды Русской»), но характерно, что при построении своих возражений С. В. Юшков не входит в обсуждение сказанного в издании. Вследствие этого его критика становится оторванной от рецензируемого издания. Единственным критерием для него служит его собственная классификация (представляющая собою лишь соединение разных частей старых классификаций — Калачова и Сергеевича,—к которым он прибавил от себя одну только редакцию, названную им «четвертой редакцией»). Таким ограничением критерия он и нас заставил здесь входить в оценку его классификации.

С. В. Юшков идет дальше. Он считает, что напрасно в издании напечатано полностью 15 списков. Он, правда, указывает, что «чем больше отмечено и издано редакций и изводов, тем, очевидно, издание ценнее. Но, — продолжает он, — издание под видом групп, видов, изводов и т. д. таких списков, которые не имеют существенного значения в истории текста, не только не придает ценности изданию, а, наоборот, его ухудшает, так как наличие изданных малоинтересных изводов отвлекает внимание исследователей от важнейших списков...» В другом месте рецензии (признавая нужным выделение Синодального вида) он ставит даже вопрос: «Целесообразно ли выделение других видов?» — и решает этот вопрос так: «...в специальном исследовании текста Русской Правды будет нужно разделить списки Троицкого типа (под которым

---

[1] Заметим, что С. В. Юшков придает особое значение в качестве доказательства тесного соединения текста «Правды» и «Закона судного» в списках его четвертой редакции тому обстоятельству, что «имеется список, где статьям Русской Правды и Судебника царя Константина дана общая нумерация статей». Но этот список (Соловецкий V) сам представляет позднюю редакцию, в которой использовано несколько списков для дополнений, а вместе с тем одной из редакционных черт и явилась киноварная нумерация статей (считая статьи по заголовкам), общая для второй части «Правды», начиная с «Устава Владимира», и для «Судебника царя Константина». Очевидно, писец считал текст «Правды Русской» за два памятника и содержание «Судебника царя Константина» относил не ко всей «Правде», а только ко второй ее половине.

С. В. Юшков разумеет все списки Мерил Праведных и Кормчих книг, кроме сокращенных списков.— Ред.) на подредакции и виды. Но издавать эти виды, которые ничем не отличаются по составу статей от Троицкого списка и очень мало имеют разночтений с ним, целесообразно только в том случае, если в издании будет дан полный сводный текст. В противном случае пользующийся изданием принужден сопоставить текст семи видов».

С этими положениями трудно согласиться. Сводный текст, как бы он ни был составлен, не может дать надлежащего представления о том или ином списке в целом, а между тем для уяснения типа списков это очень важно. Работа же по сводному тексту с целью реконструирования того или иного списка или даже части списка, даже той или иной статьи, в целом крайне трудна и вместе с тем малонадежна. Тут невольно можно всегда впасть в ошибку и реконструировать текст неточно и неполно. Уже Сергеевич при своей начальной работе по генеалогии списков правильно сказал, что «для решения этого вопроса (т. е. вопроса о генеалогии списков.— Ред.) необходимо иметь под руками самые списки. К сожалению,— говорит, далее, Сергеевич,— их напечатано очень немного. Только относительно напечатанных списков можно представить некоторые по этому предмету соображения» [1]. И вот теперь, когда мы в своем издании дали значительное количество списков полностью, как они есть, вдруг слышится протест. Напрасно С. В. Юшков заботится в данном случае об облегчении исследователей, предлагая вместо полных текстов сводку вариантов. Это плохая услуга. Исследователи сами должны работать над текстами. Да при таком огромном количестве списков полная сводка вариантов и не облегчает работы, что совершенно ясно из обозрения издания «Правды» УАН, где в сводке вариантов разобраться очень трудно. Редакция рецензируемого издания, давая сводный текст с ограниченным количеством вариантов, сделала это в расчете не на исследователей, занимающихся специально изучением истории текста «Правды», и вообще не для детальных исследований; хотя думаем, что и для такого рода исследователей этот текст может служить для первоначальной ориентировки и как известный подсобный материал, но не больше.

При системе классификации по семьям вопрос о том, какие списки напечатать полностью, решается, конечно, в соответствии с основами этой системы. Раз мы делим все списки на известные семьи, называемые нами видами, то по каждому виду и надо напечатать по списку. Поэтому напрасно указание С. В. Юшкова о «наличии изданных малоинтересных изводов». Что значит «интересный» или «малоинтересный»? С точки зрения истории текста, каждая семья списков интересна, и, исключая ту или иную семью, мы исключаем известное звено в истории текста «Правды» и таким образом затрудняем работу по истории текста. Приходится только ограничиваться известными пределами в истории текста, далее которых уже можно не идти при выборе списков для печатания. Так например в числе списков Ферапонтовского вида есть многие последующие ветви, которые представляют семьи с многочисленными и любопытными в некоторых отношениях вариантами, но эти семьи дают лишь образцы поздней работы над нашим памятником — работы чисто литературного характера. Было бы излишним балластом давать полностью тексты этих последующих семей в нашем издании, которое подходит к «Правде Русской» прежде всего как к памятнику историко-юридическому и сосредоточивает внимание на более древних моментах в истории текста. Но, конечно, в ином рода издании возможно напечатание полностью и списков, представляющих эти поздние семьи.

Разделение списков на семьи или виды есть обязанность издателя текста «Правды». Все списки «Правды» издать слишком трудно, да и едва ли нужно. А между тем при работе по разделению на семьи надо знать все списки. Обязанность разделения на виды лежала уже на С. В. Юшкове при подготовке им издания, которое он называет «первым советским научным изданием Русской Правды»; но эта обязанность им не была выполнена. Вместо возражений против напечатания списков в большем количестве, чем это имеется в издании УАН, С. В. Юшкову следовало бы остановиться конкретно на вопросе о правильности или неправильности выделения тех или иных видов с точки зрения основной цели издания, т. е. с точки зрения истории текста памятника. Но легко понять, почему такой критики мы не видим: разделения дифеѣренцированного не указано не только в издании УАН, но не дано и в означенной выше работе С. В. Юшкова, вышедшей незадолго перед выпуском рецензируемого издания «Правды» [2].

И вместо этого с целью показать, что в рецензируемом издании выделены и напечатаны не заслуживающие того виды, С. В. Юшков останавливается на одном из видов—Розенкампфовском; но он лишь перечисляет по порядку варианты Розенкампфовского списка против списка Троицкого I, указывая на их малочисленность. Без всякого обсуждения значения той семьи, какую представляет Розенкампфовский список, такой подход является чисто механическим. С. В. Юшков не принимает во внимание, что, не давая списка Розенкампфовского, он тем самым исключает очень важную и притом многочисленную ветвь в истории текста «Правды» [3]. Однако даже с

---

[1] Сергеевич В. «Лекции и исследования по древней истории русского права», стр. 80. 4-е изд. СПБ. 1910.

[2] Юшков С. «Русская Правда, как кодекс русского феодального права», стр. 77—78.

[3] См. академическое издание «Правды», стр. 49—50.

той точки зрения, с какой подходит С. В. Юшков, т. е. с точки зрения количества вариантов, он является неправым. Он делает сравнение текста Розенкампфовского с Троицким не по Розенкампфовскому списку, а по сводному тексту, в котором приводится на четырех страницах 31 вариант (из них, однако, С. В. Юшков указал 29, а 2 пропустил). Но если бы С. В. Юшков сравнил эту часть текста не по сводному тексту, а по самому Розенкампфовскому списку, то он нашел бы тут свыше 60 вариантов (выбирая по системе, принятой в нашем издании). Такозо здесь число вариантов на пространстве $^1/_7$ части текста (а не $^1/_6$, как указывает ошибочно С. В. Юшков).

А если бы рецензент пошел дальше и вошел бы в оценку вариантов по содержанию, то ему было бы ясно, что даже такие, казалось бы внешние, признаки, как разделение текста по киновари и заголовки, заменяющие заголовки других видов, а частью и пропуск заголовков, говорят о серьезной работе составителя Розенкампфовского протографа. Покажем это хотя бы на начале списка. В ст. 1 составитель отделил положение о назначении 80-гривенной виры от 40-гривенной, вследствие чего фраза «Аще ли будеть русин...» у него начинается киноварной буквой (что в издании передано красной строкой). Далее составитель упразднил заголовок «О убииствѣ» (ст. 3), что целесообразно, так как не только эта статья, но и все начало фразы посвящено постановлениям об убийстве. Потом прибавлен заголовок «А се покони вирнику» (ст. 9), но вместо следующего заголовка— «О вирахъ»—написано «О уроцѣхъ» (ст. 10), что вполне верно, так как эта статья говорит, собственно, не о вирах, а об урочных сборах с 80-гривенной виры в пользу вирника. Затем внимание составителя обращает статья, которая в других списках озаглавлена «О княжи отроце» (считая статьи по киновари). Эта статья, будучи в основе взятой из краткой «Правды» и касаясь ответственности за убийство княжих слуг, получила еще в протографе пространной «Правды» прибавление: «Тако же и за боярескъ». Составитель же Розенкампфовского протографа расширяет самый заголовок, написав: «О княжих отроцѣх и о епископлѣхъ вины» (ст.ст. 11—14). Таким образом наш составитель как бы продолжает редакционную работу составителя протографа пространной «Правды». В том и в другом случаях на основе юридической аналогии создавались или закреплялись новые юридические нормы: о боярских слугах и о слугах епископских или церковных. Работа по изменению заголовков идет и дальше по всему списку. Как показать творческий характер этой работы в сводке вариантов?

А помимо того есть ряд изменений и в самом тексте. Так, в статье о займах между купцами сказано: «...то купьцу пред послухы кун не имати, послуси ему не надобѣ, и о ином итги ему ротѣ» (ст. 49); тут прибавление слов «о иномъ» указывает на распространение данной юридической нормы на иные случаи и т. п. В статье о поимке беглого холопа сказано «аже ли устрѣлить и гоня» вместо «упустить и гоня» (ст. 114). Наряду с этим здесь же имеются и пропуски (общие с Мясниковским видом), в том числе пропущена статья о смердьем холопе и др. По всей совокупности изменений (в том числе и пропусков) в отношении Розенкампфовского вида, как и некоторых других видов, можно поставить вопрос о квалификации этих видов как редакций. Но эти вопросы надлежит разрешать уже исследователям памятника.

Есть еще одно требование, выставляемое С. В. Юшковым: «...надо, чтобы списки, имеющие особое значение в истории текста Русской Правды, были выделены (чтобы они не были приравнены к изводам — видам, по терминологии нового издания)». Мы не будем опять останавливаться на том, что вследствие невнимания к системе нашей классификации С. В. Юшков отождествляет термины «вид» и «извод», но укажем, что тексты, имеющие особое значение в истории «Правды», в издании выделены. Этих текстов пять: Академический I, Троицкий I, Синодальный I, Пушкинский и Троицкий IV. Списки эти поставлены на первом месте в соответствующих группах; названиями трех из них названы группы Синодально-Троицкая и Пушкинская. В отношении кратких списков название «Академический», конечно, не нужно было применять, так как Академический список является основным списком целого разряда кратких списков. Что же касается Троицкого IV списка, то группа, которую он возглавляет, названа Карамзинской, а не Троицкой потому, что название «Троицкая» повело бы к смешению с Троицким I списком, а также и в целях научной преемственности (о чем и указано в издании, стр. 34), так как этот тип списков известен как у Калачова, так и вообще в литературе главным образом по списку Карамзинскому. Наконец, описания рукописей, содержащих списки Академический, Троицкий, Пушкинский и Троицкий IV, даны подробнее описаний остальных рукописей; в отношении же Новгородской Синодальной Кормчей этого не сделано вследствие того, что описание этой Кормчей имеется у Срезневского и что о языке Синодального списка существуют работы академиков Е. Ф. Карского и С. П. Обнорского, о чем в описании и приведены соответствующие библиографические справки.

Как мы уже указали выше, С. В. Юшков выделение разных видов списков «Правды» относит к «специальному исследованию текстов Русской Правды». В конце же этой части своей рецензии он все же пишет: «Конечно, хорошо, что в новом издании проведена большая диференциация списков, но она должна сочетаться с обобщением текста». Таким образом, между нами, в конце концов, нет спора о том, что подготовка издания есть специальная работа по исследованию текста. Редакция постаралась от нее не уклониться. Одним из важнейших моментов работы и явилась классификация списков «Правды», причем установление классификационных категорий и распределение списков по этим категориям состави-

ли неотъемлемую часть общей работы по классификации списков.

Вместе с тем редакция считала нужным дать и обобщение материала. Это сделано в форме сводных текстов. Обобщение обычно предполагает и известный отбор. В сводных текстах отбор проведен, с одной стороны, в отношении числа использованных в них списков «Правды», о чем мы говорили выше, а с другой стороны, в отношении числа вариантов, из коих отобраны наиболее существенные. Основные списки сводных текстов расположены параллельно; это тоже своего рода форма обобщения уже в пределах всего разряда пространных списков, причем в параллель с важнейшими списками — Троицким I, Пушкинским и Троицким IV—поставлен и текст сокращенной «Правды», как особой и притом своеобразной редакции. Равным образом проведено обобщение и в отношении краткой «Правды» подведением в сводных текстах списка Археографического I к Академическому I.

Проф. же Юшков требует, по существу, повторения в той же книге полного издания, только в иной форме — в форме, принятой в издании УАН. Таким образом, он и тут, как и всюду, неизменно отправляется от своего издания.

Вопрос о параллельном напечатании списков всех видов по каждой группе неоднократно ставился в период подготовки издания «Правды». Но при осуществлении этого текст каждого основного списка в Синодально-Троицкой группе представлял бы узкую полосу, которая растянулась бы более чем на 90 страниц, и не было бы цельности представления о списке; для издания это было бы минусом. Дать текст на меньшем количестве страниц возможно, только прибегнув к более мелкому шрифту, но это также было бы нехорошо. Кроме того один из важнейших списков — Синодальный I — вовсе не поддается параллельному напечатанию вследствие особого порядка статей.

По всем этим причинам редакция остановилась на том, чтобы часть тиража книги выпустить ввиде 17 брошюр в папке, причем текст каждого вида составляет особую брошюру. Таким образом, предоставляется полная возможность пользоваться текстами параллельно, и не только по каждой отдельной группе, но по всем группам и видам в любых сочетаниях.

Особенно серьезным, «непоправимым» недостатком издания С. В. Юшков считает то, что при напечатании текста Археографического вида Пушкинской группы редакция «механически отрезала все дополнительные статьи к тексту «Русской Правды». Статьи из «Судебника царя Константина» она опустила совсем, а русские статьи дала в качестве дополнения. Словом, редакция,—говорит С. В. Юшков,— напечатала только отрывок сложного литературного целого». По таким выражениям С. В. Юшкова можно было бы думать, что в состав этого «литературного целого» входят лишь немногие, некоторые или отдельные статьи из «Закона судного людем» (который С. В. Юшков называет «Судебником царя Константина», что не совсем правильно, так как это — уже более позднее название данного памятника). В действительности же к «Правде Русской» в указанной редакции приписан весь текст «Закона судного людем», только без первых двух статей. Так же приписан «Закон судный», но только полностью, как мы уже сказали, и к Пушкинскому списку. Кроме того «Закон судный» имеется и в других рукописях, содержащих «Правду Русскую» других видов и групп, но он не приписан к «Правде», а помещен отдельно. Вопрос о взаимоотношениях этих памятников может быть разрешен только при сравнительном изучении текстов «Правды» и текстов «Закона судного» по разным видам, и, чтобы дать достаточный материал исследователю, надо бы напечатать текст «Закона судного» по нескольким спискам из разных рукописей. Напечатание же его только в соединении с текстом Археографического вида «Правды» «не дало бы,— как и сказано в предисловии к изданию (стр. 9),— истории текста «Закона судного людем», что очень важно в целях изучения взаимоотношения этих двух памятников». На это С. В. Юшков возражает: «Конечно, история текста Закона судного людем не была бы дана, но зато история текста Русской Правды отражена была бы полностью, чего как раз теперь мы не наблюдаем». Но С. В. Юшков как раз и упускает из виду, что необходимо выяснить в истории текста как начало, так и дальнейшую историю взаимоотношения этих двух памятников, выяснить же это по одному Археографическому виду не представляется возможным. А так как напечатание нескольких списков «Закона судного людем» было бы делом слишком громоздким и отвлекло бы от непосредственной цели издания текста самой «Правды», редакция остановилась на том, чтобы в первом томе издания лишь указать на факт соединения и на форму соединения текста «Закона судного» как по Пушкинской рукописи, так и по рукописям Археографического вида (стр. 9, 37, 280, 292 примечание «б», 295). Более подробные сведения об этих соединениях отнесены к обозрению рукописей, которое предположено дать в третьем томе.

На этом заканчиваем наши замечания на возражения С. В. Юшкова по вопросу о классификации списков «Правды» и по некоторым связанным с нею вопросам.

*

Далее С. В. Юшков обращается к вопросу о **выборке** и **сводке вариантов** и считает недостатком отсутствие в издании филологических вариантов. Однако не совсем ясно, что понимает сам рецензент под термином «филологические варианты», потому что, требуя «воспроизведения, по возможности, всех вариантов издаваемых списков», он говорит в объяснение разных видов вариантов следующее: «Как известно, варианты бывают

смысловые и «филологические» (иногда применяют выражение «орфографические»). Далее же, приведя указание на признаки выборки вариантов в нашем издании, С. В. Юшков заключает следующим образом: «Таким образом в новом издании даются смысловые варианты, а не филологические». Но, оставляя разъяснение этой неясности за самим рецензентом, мы прежде всего отметим, что указание на отсутствие в издании филологических вариантов фактически неверно. Все те варианты, которые указываются в перечне вариантов, отмечаемых в издании, могут иметь и в большинстве случаев имеют и филологическое значение. Так, замена одного слова другим (например «любо» — «или», «донелѣ» — «доколь», замена одной буквы другой, добавление или пропуск буквы («купа» — «копа», «тиунъ» — «тивунъ», «портъ» — «портно», «аже» — «аче» — «аще» — «оже» — «иже» и т. п.) часто являются не смысловыми или не только смысловыми, а и филологическими вариантами; перестановка слов может означать иное согласование, и т. д.

Редакция не может согласиться с проф. С. В. Юшковым, что в издании нужно было «воспроизведение, по возможности, всех вариантов издаваемых списков». При громадном количестве списков, использованных при подготовке издания, при подведении всех вариантов была бы крайне затруднена возможность различения и выделения типов списков, отличающихся как смыслом тех или иных статей, так и общей картиной со стороны филологической и палеографической. Не легче было бы устанавливать и некоторые отдельные, характерные места различных списков.

Редакция сочла возможным пойти на некоторые, небольшие ограничения прежде всего в виду того, что в издании напечатано полностью 15 списков «Правды», принадлежащих к разным видам; из числа списков того или иного вида выбирались по возможности лучшие и древнейшие, и притом напечатаны полностью все списки XIII, XIV и начала XV вв., несколько списков средины и второй половины XV в., а также два списка XVI и один — XVII века. Таким образом, в 15 списках, напечатанных полностью, исследователь-филолог найдет весьма немалый материал, притом основной и важнейший.

Что же касается остальных списков, то проведено некоторое различие между вариантами из списков более ранних и более поздних. Так, случайные искажения отдельных слов в списках XVI—XVII вв., не встречающиеся в остальных списках данного вида, не отмечены, как не имеющие значения для истории текста. С. В. Юшков на это возражает, что «каждое искажение слов может быть признано случайным». Редакция в данном случае исходила из установившегося в литературе и в изданиях понимания, что́ такое искажение. Когда говорят об искажениях отдельных слов, то разумеются искажения непреднамеренные. Искажения преднамеренные если и мыслимы, то представляют факт исключительный. Поскольку же в текстах «Правды» таких случаев не встречено, не было надобности и оговаривать, что искажения, о которых мы говорим, являются искажениями непреднамеренными. Но искажения могут быть случайными и неслучайными. Искажение является случайным сначала, будучи результатом либо описки либо непонимания писцом содержания рукописи; искажение перестает быть случайным потом, когда оно переходит в другой список. Из этого рода искажений для истории текста «Правды» важны только последние искажения, а такого рода искажения, имеющиеся в двух или более списках одного вида, в издании отмечены даже в отношении поздних списков. Конечно, не исключена возможность, что в отдельных, единичных случаях то, что мы сочтем за искажение, есть в действительности новая форма того или иного слова более позднего времени или какой-нибудь отдельной местности; однако такого рода случаи, если и могут быть, то настолько редки, что из-за них заполнять сводку вариантов многочисленными и несомненными искажениями массы поздних списков представляется явно нецелесообразным.

Для иллюстрации наших пропусков вариантов С. В. Юшков приводит перечень пропущенных вариантов из части Хворостининского списка конца XVI века. Им отмечено 63 не указанных в нашем издании вариантов. Это число надо, однако, уменьшить на 2 варианта, так как 2 варианта из числа им указанных в действительности в издании отмечены, а именно «тиуна—тивуна» и «аче—аще». Из остальных 61 варианта 33 касаются мены букв «оу-у» («мужь» вместо «моужь» и т. п.). Но это варианты мнимые. В XVI в. (и несколько ранее) буква «у» не пишется (если и встречается кое-где, то в качестве описки), а пишется всюду «оу» или буква, заменяющая это написание, представляющая слитное написание двух букв, из коих «о» написано внизу, а над ним «у» в виде ижицы. Оба написания передают дифтонг. Но кроме того надо сказать, что для XVI в. (да и не только для XVI в., а и ранее) различие вообще между «у» и «оу» есть чисто графическое, не имевшее фонетического значения. Так же не имело фонетического значения и написание «и» и «і», которые у С. В. Юшкова также отмечены. Притом как написание «і», так и написание «оу» в форме слитной буквы встречаются в рукописях в ряде мест в конце строк, где оставалось мало места писцу. Из других вариантов, указанных С. В. Юшковым, относительно 9 отмечено, что поздним почерком переправлена в словах «вира», «вирныи» и т. п., буква «и» на «ѣ», причем как здесь, так и вообще в своем издании он не указывает, какого времени поправки, а при таком положении самые указания о поправках теряют значение либо могут ввести исследователя в заблуждение или сомнение относительно времени, когда они сделаны. Это один из серьезных недочетов издания С. В. Юш-

кова. В рецензируемом же им издании, на стр. 143, он (в описании Хворостининской Кормчей) может прочесть, что поправки этого списка относятся к XVIII в., а стало быть, не имеют отношения к истории текста «Правды», и вполне правильно было их вообще устранить, что и сделано. Иначе, конечно, приходится относиться к поправкам даже XVIII—XIX вв. в таких важнейших списках «Правды», как например список Академический I или Троицкий I и другие, относительно которых в издании отмечены все поправки с определением времени, к какому их можно отнести, тогда как в предыдущих изданиях (в том числе и в издании УАН) часто такие поправки внесены в текст или не указывается время их написания. Это вводит в заблуждение исследователей, которые могли относить эти поправки ко времени написания подлинника. И среди остальных вариантов, указанных С. В. Юшковым, мы не находим таких, которые имели бы значение для истории текста. Так например «паки» вместо «пакы» или «вервъ» вместо «вервь» указывают лишь на случаи твердости чтения в указанном Хворостининском списке, но даже при совпадении этих написаний с написаниями других списков не могут свидетельствовать об общем происхождении написаний.

Но так сделано в издании лишь в отношении наиболее поздних списков; что же касается ранних списков (даже списков XVI в.), подобные вариаты либо подведены либо на наличие их (так же как и особенности графики) указано обобщенно в описаниях рукописей, и это признавалось достаточным выдающимися специалистами-языковедами, которые совместно с историками принимали участие в совещаниях по вопросам подготовки издания «Правды» и давали консультации в течение всей работы по подготовке издания (см. стр. 10 издания).

Возвращаясь теперь опять к Хворостининскому списку, мы должны заключить, что приведенное С. В. Юшковым перечисление вариантов из этого списка показывает, как не следует выбирать варианты, особенно при таком большом количестве списков.

Мы с удовлетворением можем сослаться тут на другую рецензию, касающуюся нашего издания, в которой по этому вопросу читаем следующее: «Остальные списки даны в вариантах с известной мерой взвешенности, т. е. без ненужной попытки дать все орфографические особенности»[1].

С. В. Юшков говорит еще: «При просмотре текста Новгородско-Софийского вида в примечаниях встречаются такие указания, которые, на наш взгляд, совершенно недопустимы в научном издании», приводя в пример примечание к словам «оже станем(ь)»: «Так в большинстве списков Новгородско-Софийского вида» (стр. 149). «Надо,— заключает С. В. Юшков,— совершенно точно указывать, в каких именно списках». Но С. В. Юшков не принял во внимание, что к спискам в нашем издании даются два ряда примечаний. Первый ряд относится к основным спискам, второй ряд — к вариантам. И тот ряд, в каком имеется указанное примечание, относится только к одному основному, Новгородско-Софийскому списку. В этих примечаниях, однако, в некоторых случаях дается сравнение и с другими списками, имеющее целью только характеристику основного списка, в данном случае в сравнении с другими списками. Во втором же ряду, на той же странице, под сноской «3» к тому же самому слову, мы читаем: «Г II, КС станеть»; отсюда следует, что в остальных списках «станемь».

Сокращения числа вариантов в сводных текстах мы уже касались (при рассмотрении примера, приведенного С. В. Юшковым из Розенкампфовского списка, и при обсуждении вопроса об обобщении материала).

Переходим теперь к вопросу о р а з д е л е н и и т е к с т а н а с т а т ь и.

Прежде всего мы должны сказать, что первое, что считала нужным показать редакция,— это деления текстов на известные части (или статьи), имеющиеся в самых подлинниках основных списков и обозначенные в них киноварными заголовками, киноварными инициалами и разделительными знаками. Все такие разделения переданы в тексте красными строками.

Деление же на статьи, привносимое самой редакцией, является только ее условным приемом для облегчения пользования текстами. Она руководствовалась при этом разделении своим пониманием содержания текста (см. стр. 7 издания). Но это деление текста показано нумерацией, которая вопреки предыдущим изданиям не входит в текст, а проставлена на полях, подчеркивая этим, что такое разделение не принадлежит тексту, а является условным.

Что же касается того, что даны только две нумерации деления на статьи: одна— для кратких списков, другая — единая для всех пространных списков,— это вполне оправдывается не только условным характером деления, но и историей текста «Правды». Если все списки «Правды» представляют две большие семьи: разряд кратких списков и разряд пространных списков,— то является вполне закономерным ограничиться только двумя нумерациями, ибо различия в составе разных списков и сводятся к тому, что в некоторых списках известных статей нет, а в некоторых есть лишние статьи. При общей нумерации эти различия наглядно показываются в первых случаях пропуском номеров известных статей, а во вторых случаях — тем, что лишние статьи оставляются без нумерации (но отмечены особым знаком — звездочкой). К цитированию этих статей не может быть затруднений, так как их очень немного: в Пушкинском списке — две статьи («О коне» — в середине текста и «О копьи»—в конце текста); в Археографическом II спи-

[1] Рецензия М. Д. Приселкова в журнале «Вестник древней истории» № 3(8), стр. 151. М. 1939.

ске — одна статья («О бесчестии») и в Карамзинской группе — четыре статьи («О человеце», «О мостех», «О муке» и «О битье кнутом»). Таким образом, их можно цитировать по этим названиям. (Вставные же статьи о приплоде скота и пр. помечены отдельной нумерацией.)

Но проф. Юшков обвиняет редакцию издания в том, что она «разделила все пространные (списки) на 121 статью, независимо от фактического количества статей того или иного списка», что она к Синодальному списку «приписывает сакраментальное число статей пространной Правды, т. е. 121 статью», что «редакция и текст, сокращенный из пространной редакции, делит на 121 статью». Отсюда читатель рецензии может думать, что на месте пропущенных в Синодальном списке ст. ст. 18 и 19 вставлены какие-то статьи из других списков, а текст сокращенной «Правды» разделен по-своему, вследствие чего там тоже оказалась 121 статья. В действительности же в Синодальном списке просто после № 17 идет № 20, ясно указывая на пропуск в подлиннике, а текст сокращенной «Правды» разделен на 55 статей, но только статьи занумерованы не порядковыми номерами, а соответственными номерами единой нумерации, что дает сразу читателю картину пропусков в тексте, т. е. сразу подводит к исходному моменту происхождения сокращенной «Правды».

Таким образом, с принципиальной стороны такая нумерация не только не должна была бы вызвать возражений, но, наоборот, должна быть определенно предпочтена отдельным нумерациям по каждому виду пространных списков. Что же касается технического удобства, то оно настолько очевидно, что трудно понять, как можно говорить о «прокрустовом ложе двух нумераций», и уж если рецензент употребил это выражение по отношению к нашей нумерации, то по отношению к требованию его разных нумераций для разных видов списков позволительно сказать, что такой разнобой нумераций стал бы проволочным заграждением, через которое приходилось бы нелегко пробиваться читателю.

Переходим к самому делению на статьи. Редакция отдавала себе полный отчет, что ни с точки зрения историко-правовой, ни с точки зрения литературной текст памятника не поддается такому делению, которое когда-либо могло бы быть признано стереотипным, окончательным и не подлежащим спору. Поэтому и в данном случае редакция видит в возражениях С. В. Юшкова по вопросу об отдельных разделениях явление естественное. Возражений С. В. Юшков тут привел не так много. Но их было бы еще меньше, если бы он не предъявлял требования, которое в полной мере является неисполнимым, даже противоречит направлению древнерусской юридической мысли. Он пишет, что «нельзя давать статьи, если смысл ее не может быть совершенно понят без учета предыдущей и последующей статей», и что «эта статья будет содержать обрывок мысли, а не правовую, полностью выраженную норму». Это требование С. В. Юшкова было бы неоспоримо, если бы его знали древнерусские юристы. Но последние не руководились этим правилом современной нам юридической науки. Зачастую, составляя то или иное правило (норму), они сами имели в виду написанное ими раньше, а иногда даже и позже, но на письме этого не выражали, а только подразумевали. Исследователи далеко не всегда учитывали эту особенность древнерусского юридического мышления и потому впадали подчас в ошибку. Так, если в указанных проф. Юшковым двух случаях (ст. ст. 4 и 16 Юшкова) соединение нескольких норм в одной статье не является ошибкой, хотя и нецелесообразно, то объединение наших ст. ст. 25 и 26 в одной статье (19 — Юшкова) прямо ошибочно, потому что в ст. 26 термин «противу тому» имеет в виду не только случай, предусмотренный в ст. 25, но и случаи, указанные в предшествующих ст. ст. 24 и 23, также выделенных С. В. Юшковым в отдельные статьи. Будучи последовательным в применении своего требования, С. В. Юшков должен был бы соединить все сейчас названные статьи (17—18 и 19 его издания) в одну статью.

По поводу постановлений об обидах, причиняемых закупу его господином, надо сказать, что для точного понимания этих постановлений следует проанализировать все статьи о закупах, а не только ст. ст. 59, 60, 61 и 62 (по нашему делению); выделение же каждой из этих статей вполне закономерно, так как каждая из них заключает «полностью выраженную правовую норму».

Что же касается приведенных С. В. Юшковым двух примеров неправильного, по его мнению, объединения статей, то в отношении ст. ст. 28 и 29 по делению Юшкова редакция считает, что это одна статья, а не две (ст. 35 по нашему изданию): наказания коневому татю — поток, а клетному татю — 3 гривны назначаются только в тех случаях, если преступления будут доказаны путем, установленным в данной ст. 35 (ср. ст. 34).

Также и содержание ст. 45 нашего издания (ст. ст. 38, 39 издания Юшкова) представляет одну статью. С. В. Юшков говорит, что здесь мы неправильно соединили две статьи: «о штрафе за увод коня со статьей об уроках за кражу скота». Но в действительности речь идет не о штрафе за увод коня, а об уроке (или об урочной цене за украденного коня), так же как дальше идет речь об урочных ценах за скот. Конечно, в возмещении за украденное имущество во всех и всяких уголовных кодексах можно видеть и известный штрафной элемент, но это одинаково относится и к урокам за коня и к урокам за скот. При этом и там и здесь, как и вообще в пространной «Правде», эти уроки установлены на случай «паки ли лиця не будеть», т. е. на случай, если украденное не может быть возвращено «лицем» (натурой). А если в данном слу-

чае пришлось поступиться заголовком, приходящимся между двумя частями статьи, то мы знаем, что заголовки в «Правде» не всегда попадали на место. (Ср., например, заголовок «О бороде» к ст. 67; в данном случае заголовок был не на месте, это понималось и в древности, что видно в списках Мясниковского вида, где этого заголовка нет.)

Ограничиваясь настоящими замечаниями по вопросу о делении текста на статьи, редакция должна прибавить, что, давая в ряде случаев деление на статьи иное, чем было до сих пор в существующих изданиях, она должна дать известное обоснование своего деления, но это обоснование целесообразно связать с постатейным комментарием, как и сделано. Постатейный же комментарий дается в третьем томе издания.

Наконец, об археографических описаниях. С. В. Юшков, признавая их одной из положительных особенностей нашего издания, высказывает упрек, что в них «отсутствует перечень статей Кормчих и других сборников, среди которых помещена Русская Правда», считая, что «наличие этого перечня дало бы возможность представить историю Русской Правды в памятниках сложного состава — Кормчих, сборниках и летописях». Но для истории текста «Правды» недостаточно голого перечня статей. Надо знать редакцию этих статей в разных рукописях; по крайней мере, это необходимо в отношении хотя бы некоторых статей, находящихся в большей связи с «Правдой Русской» либо по месту расположения в рукописи либо по происхождению. Без этого исследователь всегда рискует впасть в очень серьезные ошибки. Поэтому наиболее целесообразным представляется остановиться на сравнительном историческом обозрении рукописей, в котором следует показать содержание рукописей в целом, и затронуть вопрос о редакции соответствующих статей. Это и имеется в виду осуществить в третьем томе издания, связав это с историей текста списков «Правды Русской».

Вместе с тем в археографических описаниях в издании приведены библиографические справки об имеющихся печатных описаниях рукописей.

Мы постарались внимательно рассмотреть недостатки, найденные проф. Юшковым в академическом издании «Правды». Эти недостатки, как выяснилось, сводятся к тому, что академическое издание не придерживалось тех взглядов и приемов, каких держался в своем издании рецензент, которые были хорошо известны работникам академического издания «Правды», много раз обсуждались на широких собраниях специалистов и не были признаны приемлемыми. Нет ничего удивительного, что С. В. Юшков в качестве рецензента академического издания остается верен приемам своего собственного издания. Принципиальные разногласия при создавшемся положении абсолютно неизбежны.

Акад. Б. Д. Греков,
В. П. Любимов,
Н. Ф. Лавров,
Г. Е. Кочин,
Г. Л. Гейерманс

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ДВА ДОГОВОРА

М. Шангин

Представление о том, что в 907 г. был заключен договор русских с греками, поколебал акад. А. А. Шахматов. В статье «Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря»[1] он доказывал, что Олег только однажды, именно в 911 г., входил в договорные отношения с греками и что статьи договора 907 г., приводимые составителем «Повести временных лет», в действительности извлечены им из договора 911 года. Авторитет Шахматова создал у специалистов убеждение, что вопрос о договоре 907 г. решен окончательно и притом в отрицательном смысле. Между тем построение Шахматова насквозь филологическое, причем историческая сторона дела им не принята во внимание, филологическая же аргументация не вполне удовлетворительна.

Шахматов, опираясь на Лавровского в понимании слов летописи «равно» и «совещание», возвращал летописное выражение «равно другого совещания» на греческий язык. Это возвращенное им на греческий язык выражение в точном переводе на русский язык, по Шахматову, означает: «Копия дружественного договора». В реконструкции Шахматова только одно слово вызывает возражение, но слово это лежит в основе всего построения Шахматова: «дружественный», по Шахматову, соответствует греческому «hetaireios», ошибочно смешанному, по мнению Шахматова, составителем «Повести» с «heteros» — «другой». Но «hetaireios» в Византии означало «наемнический», а не «дружественный» и являлось производным от «hetairia» — «наемнический отряд»[2]. По реконструкции Шахматова, таким образом, получается, что договоры русских с греками назывались н а е м н и ч е с к и м и, тогда как на деле это были торговые договоры, а никак не наемнические.

Ничем не обосновано Шахматовым его утверждение, что статьи договоров сочинены составителем «Повести». Ведь под 945 г., если даже держаться об этой записи мнения Шахматова, составитель почему-то ограничился простым упоминанием по поводу «мира первого», никаких договорных статей не вставил. С другой стороны, совершенно естественно предположение о повторности договорных отношений. В интересах Руси было возможно больше получить прав, а в интересах Византии — как можно меньше предоставить их (примером такой повторности могут служить переговоры с персами у Менандра).

Что же касается конъектуры к словам договора 911 г. «от взимающих куплю Руси», то она целиком построена на предвзятой мысли Шахматова отыскать место, откуда вырваны статьи, записанные под 907 годом. Не будь такой предвзятой мысли у Шахматова, и конъектура его была бы другой. да и конец договора не подходит к такой основной статье в договоре Игоря, как «с взимающих месячину и творящих куплю».

Таким образом, доводы Шахматова не подрывают убеждения в существовании двух договоров: 907 г. и 911 г., — вместе с тем историческая интерпретация летописи ведет к признанию наличия именно двух договоров.

Не случайно, что пункты договора 907 г. не повторяются в договоре 911 г.: это были договоры, возникшие в различных исторических условиях. В 907 г. русские только добились права торговли. О юридических нормах для разрешения отдельных случаев из практики взаимоотношений тогда еще не могло быть и речи, потому что самая эта практика могла начаться только после заключения договора 907 года. К 911 г., при четырехлетнем действии торгового договора, выяснилась возможность столкновения интересов сторон, которые нужно было регламентировать, чтобы торговый договор 907 г. мог оставаться в силе. Этот довод в пользу существования двух договоров Олега был, между прочим, высказан Лавровским в работе о языке договоров.

Первый договор был приобретен русскими силой оружия. Совершенно справедливо отметил в статье о греко-русских отношениях проф. Приселков[3], что константинопольский рынок был открыт не для всех, а только для того народа, который или признавал в известной степени свою зависимость от Византии или добился права торговли силой. Объяснение такого положения дел находим в проводившейся Византией международной политике. Уже в те столетия, когда Восточноримская империя перерастала в Византийскую, устанавливался определенный по-

[1] См. «Записки Неофилологического общества». Вып 8-й за 1914 год.

[2] См. разбор этих терминов в словаре Дюканжа.

[3] См. «Вестник древней истории» № 3 за 1939 год.

dus vivendi для пограничной полосы, соседней с варварским миром. Умелой политике на окраинах Византия в известной степени обязана своим спасением. Опасность для Византии со стороны варваров была очень велика, пограничные византийские области стремились к обособлению, непосредственные сношения пограничных областей с варварами внушали Византии опасения измены и шпионажа,—поэтому еще во второй половине IV в. Валент предоставил право торговли только двум придунайским городам, а Валентиниан в 371 г. основал в Паннонии специальный город для торговли с соседями. В эти пограничные города, как мы видим, например, по херсонесским эпиграфическим памятникам, посылался чиновник с чрезвычайными полномочиями — comes commerciorum,— на обязанности которого лежал контроль над международными сношениями: он должен был разоблачать шпионов, прикрывающихся личиной торговцев, а также предотвращать побеги подданных Византии к пограничным народам. В том же, IV в. принимались и другие меры. На основании постановлений Валентиниана и Валента карали уголовной ответственностью подданных Византии, вступавших в брак с варварами[1] В целом ряде наказов префекту претория предписывается тщательно наблюдать за стоянками судов, портами, береговой линией, отплытием провинциалов[2].

Принципы политики на окраинах, установившиеся в III—IV вв., развиваются и в дальнейшем. Право посещать византийское государство чужеземные народы могли добыть только войной. Договор 907 г. был достигнут силой оружия — это совершенно ясно из тех ограничений, которые были установлены в нем. Боязнь прямого общения русских с населением Константинополя объясняет нам, почему: 1) русские купцы поселяются в предместье Константинополя, у монастыря Мамонта, 2) почему их регистрируют по именам, 3) почему они должны входить в Константинополь только через определенные ворота, 4) под надзором «царева мужа» и 5) без оружия.

В менее выгодном договоре 945 г. содержался и еще ряд других существенных ограничений.

Первый торговый договор (разрешение русским торговать) должен был носить именно ту самую форму, которая дана ему в летописи под 907 годом.

Договор 911 г. исторически был естественным продолжением договора 907 года. Возникновение торговых отношений положило начало международному греко-русскому праву, нормы которого, однако, складывались отнюдь не мирно. Перед заключением второго договора Русь была накануне разрыва торговых отношений и войны с Византией. Причиной такого положения дел послужили столкновения как раз по тем вопросам, которые потом были регламентированы в договоре 911 г., именно: 1) об убийствах и кражах, 2) о взаимной помощи кораблям, пострадавшим в пути, 3) о пленных греках на Руси и пленных русских у греков и об обмене ими, 4) о «работающих» русских у греков и о праве наследования по их смерти, 5) о выдаче «злодеев».

Наличие в договоре пункта о пленных подает мысль, что промежуток между 907 г. и 911 г. не прошел без военных столкновений. Об осложнениях, имевших место после 907 г., красноречиво говорит вступительная часть договора 911 года. Договор составляется «на утверждение и на извещение» и на «удержание и на извещение от многих лет между христианами и русью бывшей любви».

Утверждать и удерживать можно только то, что начинает колебаться и ускользать,— в договоре прямо говорится о бывшей любви, т. е. о прежде налаженном мире. Но особенно показательны слова договора: «Наша светлость, желая еще больше других по божьему удерживать и известить такую любовь, бывшую между христианами и русью, много раз судила по праву и заверяла не только словесно и писанием и твердой клятвой своим оружием такую любовь утвердить и известить по вере и по закону нашему, каких мы и держимся мыслей».

Эти слова отражают, конечно, предшествовавшие заключению договора длительные переговоры, а может быть, и оправдание столкновений, приостановленных договором 911 г.: «...русский князь сам желает мира больше кого бы то ни было (т. е. больше императора)», он «судил по праву»—намек на имевшее место разбирательство наболевших вопросов и в первую очередь, разумеется, вопроса об убийствах купцов, что было, между прочим, причиной войны и в 1043 году.

Невозможно сомневаться в наличии двух договоров Олега. Эти два договора говорят о характере греко-русских отношений за время, протекшее между ними: договоры 907 г. и 911 г. объясняют самое сложение международных отношений Руси и Византии и заполняют историческим содержанием годы от 907 по 911.

[1] «Codex Theodosianus». III, 14, I.
[2] Ibidem. VII, 16, 2; 16, 3, etc.

«ДОГОВОР» ВЛАДИМИРА С ВОЛЖСКИМИ БОЛГАРАМИ 1006 года

М. Мартынов

А. А. Шахматов в статье «К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева», выделяя среди многочисленных рукописных списков «Истории» две редакции, указывал на необходимость осторожного отношения к тексту второй редакции. «Сравнение второй редакции с первой подтверждает,— говорит он,— обвинение в том, что многое в этой второй (печатной) редакции «изобретено» Татищевым»[1].

В первой редакции «Истории», как мне удалось установить, не было записи «договора» киевского князя Владимира с волжскими болгарами 1006 года[2]. Она появляется лишь во второй редакции[3].

Отсутствие записи «договора» 1006 г. в первой редакции и появление ее лишь во второй не могут не вызвать сомнения в том, имел ли В. Н. Татищев в своем распоряжении какой-либо подлинный источник по этому вопросу или же он сам «изобрел» этот «договор». Но наши сомнения на этом не останавливаются. Во второй редакции «Истории» запись «договора» находится не в тексте, а сделана на полях. Вот она: «6514 (1006) прислали болгары волские послов с дары многими и просили, дабы Владимир позволил им во градех торговать без опасения. На что им Владимир охотно соизволил и по всем градом послал[4] печати (195)[5], повелев болгаром все их продавать по градом купцом, а тиуном[6] и смерди (сей) шляхетству и крестьяном и подлости...»

За недостатком места на полях запись не была окончена. Затем на отдельном, приклеенном к рукописи листе бумаги дана новая редакция записи «договора», которая и предназначалась для опубликования:

«6514: 1006. Прислали болгары (волские) послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городех по Волге и Оке торговать без опасения. На что им Владимир охотно соизволил и дал им во все[7] грады печати, дабы они везде и всем волно торговали, и русские купцы с печатми от наместников в Болгоры с торгом ездили без опасения. А болгором все их товары продавать во градех купцом и от них купить что потребно, а по селом не ездить; тиуном, вирником, огневшине и смерди не продавать и от них не купить. 195»[8].

Сравнивая первую редакцию записи «договора» со второй, приходится отметить, что в тексте второй редакции сделан ряд существенных изменений. В первой редакции болгарские послы присылаются к Владимиру «с дары многими и просили». Во второй редакции «с дары многими» остается, а «просили» выбрасывается. В первой редакции послы просят разрешения «во градех торговать», а во второй—«в городех по Волге и Оке торговать». В первой редакции Владимир «по всем градом послал («грамоты» — зачеркнуто) печати», а второй — «дал им во все грады печати», и т. д.

Сравнение первой редакции записи со второй не может не увеличить наших сомнений в подлинности «договора». Во всяком случае, имеется полное основание говорить о том, что Татищев, если допустить, что подобный источник у него действительно был, совершенно свободно обращался с ним. Он то сокращал, то дополнял его. Он изменял смысл отдельных частей источника и заменял одни слова другими. Таким образом, нельзя отрицать элементов «изобретательства» у Татищева. Они, несомненно, были.

Однако можно ли говорить о том, что никакого источника в распоряжении Татищева не было и что Татищев «изобрел» «договор»? Мне кажется, что у Татищева был источник, хотя он использовал его довольно своеобразно.

Историографы Татищева твердо установили, что в его распоряжении были ценные, затем погибшие, исторические источники. Татищев пользовался этими источниками при составлении как первой, так и второй редакции[9]. Поэтому вполне возможно допустить, что запись «договора» 1006 г. им сделана на основании источника, до нас не дошедшего. Татищев сначала дал краткую и не совсем удовлетворившую его запись, а затем, кое-что выбросив, а главное, многое вставив, дал новый, более его удовлетворивший пересказ «договора».

Мы не можем и не должны подходить к Татищеву с нашими требованиями об издании текста источника. В этом отношении запись «договора», сделанная им, нас удовлетворить, конечно, не может.

Нельзя не отметить, что русские историки с большим доверием относились к «договору» 1006 года. На него ссылались Чулков, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. П. Павлов-Сильванский, Н. А. Рожков, Б. Д. Греков и др.

Любопытно и то, что историки обычно пользовались печатным текстом договора 1006 г., в котором есть грубые опечатки

---

[1] Шахматов А. «К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева». «Дела и дни». Кн. 1-я, стр. 94—95. П. 1920.

[2] Рукописное отделение Академии наук, № 17. 17. 11. Описание ее см. в указанной статье Шахматова, стр. 84.

[3] Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук. Воронцовский фонд, д. № 1087, л. 73.

[4] Зачеркнуто «грамоты».

[5] Номер примечания.

[6] Зачеркнуто «судиам».

[7] В рукописи «вес».

[8] Номер примечания.

[9] Попов Н. «В. Н. Татищев и его время», стр. 458; Шахматов А. Указ. соч., стр. 83.

по сравнению со второй рукописной редакцией «Истории Российской». В «Истории Российской» напечатано (сохраняем пунктуацию): «а по селам не ѣздить тиуном вирником, огневтинѣ и смердинѣ продавать, и от них не купить (208)» [1].

Во второй редакции записи «договора» читаем (пунктуация наша): «а по селом не ездить; тиуном, вирником, огневщине и смерди не продавать и от них не купить (195)».

Такое доверие к «договору» с волжскими болгарами 1006 г. объясняется тем, что он совершенно не противоречил обычным представлениям об исторической действительности и вместе с тем давал новые интересные факты о взаимных отношениях между древней Русью и волжскими болгарами.

Содержание «договора» 1006 г., записанного Татищевым, необходимо рассматривать в связи с историей арабского торгового пути по Волге.

В торговле с арабами крупную роль играли сначала два города на Волге: Болгары и Итиль,— а затем, после разгрома Святославом хозар, торговля перешла исключительно в Болгары, в главный город волжских болгар. По «договору» 1006 г. волжские болгары просили Владимира разрешить им торговать на Оке и Волге, и это не случайно: из Болгар шел торговый путь на Оку и Верхнюю Волгу. На это указывают монеты волжских болгар, найденные главным образом в Верхневолжском и Приокском районах: Казанской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Рязанской и Тамбовской губерниях, а также в Псковской и С.-Петербургской губерниях [2]. В других местах монет волжских болгар не обнаружено. Наиболее ранняя монета волжских болгар датируется 948 годом, а наиболее поздняя—80-ми годами X века [3]. Болгары, добиваясь права свободной торговли по Волге и Оке, имели в виду важное торговое значение этих рек.

В то время как торговля древней Руси с греками очень рано стала регулироваться договорами, более или менее выгодными для обеих сторон, торговля по Волге долгое время не знала договоров. Между тем нельзя не отметить, что сказочный и богатый Багдад, один из конечных пунктов арабского торгового пути, притягивал к себе киевские дружины. В течение первой половины X в. киевские дружины совершили два больших похода на Каспий: один — в 913—914 гг., другой — в 943—944 годах.

Во второй половине X в. политика киевских князей по отношению к арабскому пути, насколько возможно судить об этом по кратким и не всегда точным сообщениям нашей летописи, стала направляться к тому, чтобы утвердиться на торговом волжском пути. В 964 г. Святослав идет походом на Волгу и Оку. В 965 г. он разгромил хозар. Владимир начиная с 988 г. еще более прочно осваивает Поволжье. Ростов, а затем и Муром, судя по не совсем достоверным показаниям летописи, наряду с другими областями входят в раздел между сыновьями Владимира.

Вполне возможно, что Владимир, заключая договор с волжскими болгарами, считался с ростом торговли между Верхним Поволжьем и волжскими болгарами и стремился урегулировать эти торговые отношения.

Итак, содержание «договора» 1006 г., записанного В. Н. Татищевым, нисколько не противоречит историческим фактам. «Договор», о котором сообщает Татищев, не вымышлен. Однако при пользовании им необходимо иметь в виду, что он сохранился не в подлиннике, а в довольно вольной передаче Татищева, хотя и дважды им проверенной.

---

[1] Татищев В. «История Российская с самых древнейших времен». Кн. 2-я, стр. 88—89. М. 1773. Цифра 208 указывает на номер примечания.

[2] Марков А. «Топография кладов с восточными монетами». Клады №№ 15, 21, 52, 208, 220, 260, 272, 275, 306, доп. № 28. П. 1910.

[3] Фасмер Р. «О монетах волжских болгар X века». Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXXIII. Вып. 1-й, стр. 29—32. Казань. 1926.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«Воспоминания о Марксе». Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». М. 1940. 206 стр. 30 руб.

Марксизм-ленинизм — гранитный фундамент всей нашей теоретической работы, нашей политики, нашей многогранной практической деятельности.

Оттого-то так велик в нашей стране интерес к марксистско-ленинской теории, к истории ВКП(б), к биографиям великих вождей пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Изучение жизни и борьбы основоположников марксизма-ленинизма имеет также огромное воспитательное значение.

В предисловии к русскому переводу писем К. Маркса Л. Кугельману Ленин подчеркивал воспитательное значение изучения биографий великих вождей пролетариата. «Вполне права редакция «Neue Zeit»,—говорит Ленин,—что «нас возвышает знакомство с обликом людей, мысль и воля которых сложилась в условиях великих переворотов» [1].

Сборник «Воспоминания о Марксе», изданный «Молодой гвардией», несомненно, должен сыграть большую роль в деле коммунистического воспитания нашей молодежи и уничтожения пережитков капитализма в сознании людей.

Прекрасным введением к сборнику служат биография Маркса, написанная В. И. Лениным для энциклопедического словаря «Гранат», и отрывок из беседы товарища Сталина с первой американской делегацией. В этом отрывке товарищ Сталин дает классическую формулировку роли Маркса в формировании теории, стратегии и тактики пролетариата, а также и того нового, что внес в марксизм Ленин. Сборник содержит воспоминания о Марксе П. Лафарга, В. Либкнехта, Ф. Лесснера, Э. Маркс-Эвелинг, Ф.-А. Зорге, А. Бебеля, П. Анненкова, К. Шурца, А. Лоренсо, М. Ковалевского, Н. Морозова. В сборник включены письма и речи Энгельса, связанные со смертью К. Маркса.

Первое, что бросалось в глаза каждому, кто имел счастье видеть и знать Маркса,— это необычайная высота культуры, широчайший кругозор, гигантские, поистине энциклопедические знания этого человека. Маркс впитал в себя все лучшее, что создано предшествующими поколениями человечества. Память Маркса хранила невероятное множество фактов из области различнейших наук. Он великолепно пользовался этим накопленным им в долгом, упорном труде сокровищем, умея обобщать и осмыслить эти знания и факты так, как это было не под силу никому из современников. «Маркса можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно,—пишет Лафарг,—и всегда получался самый обстоятельный ответ, какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления» (стр. 59). По мнению Лафарга, даже «Капитал», обнаруживающий изумительный ум и гигантские познания его автора, не показывает всего величия гения Маркса.

Поразительную эрудицию Маркса подчеркивает и известный русский ученый М. Ковалевский. Говоря о громадной начитанности Маркса, Ковалевский отмечает, что «ее нельзя сравнить с той «Belesenhett», которой «блещут» немецкие профессора... В своих отдаленных предшественниках Маркс умел найти жизненные, допускающие дальнейшее развитие начала» (стр. 173—174). Начитанность и эрудиция Маркса не походили на эрудицию немецких профессоров, нагружавших свою память грудой фактов, щеголявших этим мертвым грузом знаний, теоретически не обобщенных, творчески не осмысленных. Маркс, усваивая достижения буржуазной науки, критики, творчески перерабатывал их, тщательно отбирая и развивая то лучшее и ценное, что накопила человеческая мысль. «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам», говорил он и считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или другую идею или выразил ее наиболее определенно, как бы незначителен или малоизвестен ни был этот писатель» (стр. 61).

Для Маркса-ученого характерна была величайшая научная добросовестность. Он никогда не довольствовался сообщением из вторых рук, тщательно проверял каждый

---
[1] Ленин. Соч. Т. X, стр. 361.

факт, неизменно обращаясь к первоисточнику. Даже для проверки второстепенного факта он торопился в Британский музей. Каждая страница его труда — обобщение гигантского фактического материала, результат кропотливейшего изучения десятков и сотен книг, газет, документов. Так, чтобы написать для «Капитала» около 20 страниц об английском рабочем законодательстве, он изучил целую библиотеку «Синих книг», содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии. Так же строг был к себе Маркс и в подготовке своих трудов для печати. «Его литературная совесть была столь же строга, как и его научная совесть,— пишет Лафарг.— ...Он не опубликовывал ничего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой и неоднократными переделками соответствующей формы. Ему была невыносима мысль появиться перед публикой с вещью, не доработанной до конца. Показывать свои рукописи, пока в них не закончено все до последней запятой, было для него чистым мучением» (стр. 62).

Маркс стремился к предельной сжатости, ясности, отчетливости и образности стиля. Он был в высшей степени требователен в отношении чистоты и правильности языка, учась этому у величайших мастеров слова: Гёте, Лессинга, Шекспира, Данте, Сервантеса. Но зато и произведения Маркса по богатству языка, образности, безупречной чеканности стиля стоят на уровне крупнейших произведений мировой литературы.

Со страстью отдаваясь революционной науке, Маркс всю свою жизнь работал много, упорно, систематически. «Мышление было для него высшим наслаждением» (стр. 58),— пишет Лафарг. Работа поглощала его настолько, что он часто забывал о сне, об отдыхе, о еде, окружающие поражались неистощимой энергии Маркса, его неисчерпаемой работоспособности. Казалось, ему была неведома усталость. Маркс отдыхал в процессе самой работы, переходя от одного занятия к другому. Замечательным средством для умственного отдыха он считал занятия математикой, к которой питал особое пристрастие. «Алгебра служила ему даже нравственным утешением: он прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизни» (стр. 57).

Иногда Маркс делал перерывы в работе, чтобы прогуляться в Хемстед Хис. Но даже на прогулки Маркс брал свою записную книжку и поминутно делал в ней пометки.

Отдыхом служило для Маркса и чтение художественной литературы. Маркс — культурнейший человек своей эпохи — был изумительным знатоком мировой литературы. «Гейне и Гёте, которых он в разговоре часто цитировал, он знал наизусть. Он постоянно читал поэтов, выбирая их из всей европейской литературы. Ежегодно перечитывал он Эсхила в греческом оригинале, его и Шекспира он любил, как двух величайших драматических гениев, которых породило человечество... Данте и Бернс были его любимейшими поэтами» (стр. 56).

Испанский революционер Ансельмо Лоренсо рассказывает в своих воспоминаниях о том, как он был поражен меткими, сжатыми и безошибочными суждениями Маркса об испанской литературе, о старинном испанском театре, о Кальдероне, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, которые были охарактеризованы Марксом как великие мастера не только испанского, но и европейского театра.

У Маркса была изумительная, феноменальная память. Он изощрял ее с молодых лет, заучивая, по совету Гегеля, стихи на незнакомом ему языке.

Обладая огромным лингвистическим даром, Маркс читал на всех европейских языках, а на трех: немецком, французском и английском — писал так, что восхищал людей, в совершенстве знавших эти языки. Его статьи для «Ньюйоркской трибуны» были написаны на классическом английском языке, а «Нищета философии» — на классическом французском. До конца жизни Маркс совершенствовал свои знания иностранных языков. Уже имея за спиной 50 лет жизни, он принялся за изучение русского языка и через полгода овладел им настолько, что мог читать русских поэтов и прозаиков, из которых он особенно ценил Пушкина, Гоголя, Щедрина.

Маркс не только всю жизнь учился сам, но и побуждал к этому своих сторонников, друзей, учеников. Он «пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, а в особенности меня,— пишет Либкнехт.— При его колоссальной начитанности и баснословной памяти многим из нас приходилось солоно... Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля или Эсхила, в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрал меня однажды за то, что я не знаю... испанского языка! Мигом извлек он из груды книг «Дон-Кихота» и тут же дал мне урок... Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему что-нибудь из «Дон-Кихота» или другой испанской книги — до тех пор, пока мои знания не показались ему достаточными» (стр. 83).

В то время как остальные эмигранты изо дня в день изобретали все более изумительные планы мирового переворота и в ожидании того, что он не сегодня, так завтра начнется, заранее распределяли между собой роли, партия Маркса посещала Британский музей, лекции в Лондонском университете, училась сама и учила рабочих, выковывая оружие и подготовляя кадры для будущей борьбы. «Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он часто внушал нам, но который заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной могучей работы великого ума» (стр. 85).

Жить — это значило для Маркса работать, а работать — это значило бороться. «Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой» (стр. 191). В Марксе органически сочетался ученый и борец, мыслитель и пролетарский революционер. «Его стихией была борьба» (стр. 191). Маркс считал, что «ученый,

если он не хочет сам снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников. «Наука совсем не эгоистическое удовольствие,— говорил Маркс,— те счастливцы, что могут отдаться научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству». «Работать для человечества» было одним из его любимых выражений» (стр. 54).

Наука была для Маркса классовой борьбой, а политика — наукой.

Авторы воспоминаний рисуют Маркса не только в его рабочем кабинете, но и на съезде «Союза коммунистов», на собраниях «Лондонского рабочего просветительного общества», в редакции «Новой Рейнской газеты», на судебном процессе и на заседании Генерального совета Интернационала.

«У Маркса был врожденный дар руководить людьми,— пишет Лафарг.— Влиянию его подвергался всякий, кто вступал с ним в какие-либо отношения... Он был истинный вождь, к которому все относились с полным доверием даже в делах, выходивших за пределы его компетенции» (стр. 73—74).

Как подлинный вождь, Маркс стремился расширить свои связи с массами. Он прислушивался к голосу рабочих, высоко ценил их мнение, учился у масс. Рабочий-портной член «Союза коммунистов» Фридрих Лесснер рассказывает в своих воспоминаниях: «Маркс придавал огромное значение встречам и беседам с рабочими. При этом он искал общества тех, кто был с ним искренен и избавлял его от лести. Он считал очень важным для себя слышать мнение рабочих о движении. Он в любое время готов был обсуждать с ними важнейшие политические и экономические вопросы...» (стр. 136).

Стремясь сделать свою революционную теорию достоянием широких рабочих масс, Маркс разъяснял ее и в своих беседах с отдельными рабочими и в своих докладах на рабочих собраниях. В Париже, Брюсселе, Кельне и Лондоне Маркс выступал с лекциями в рабочих союзах. Те, кто слышал лекции Маркса, отмечают их простоту, ясность и несокрушимую логику.

«Маркс был рожден народным вождем,— пишет Лесснер.— Его речь была краткой, связной, неумолимо логичной; он никогда не говорил лишних слов; каждая фраза— мысль; каждая фраза — необходимое звено в цепи доводов» (стр. 128).

Сплачивая кадры для пролетарской партии, Маркс настойчиво и терпеливо разъяснял рабочим ошибочность разного рода мелкобуржуазных взглядов, которые еще не были изжиты в рабочем движении. Иное отношение было у него к тем «пророкам», которые, застряв на определенном этапе развития, не обнаруживали намерения чему бы то ни было учиться, не желали пересматривать свои чудодейственные «теории» и тем самым становились препятствием для самостоятельного выступления рабочего класса на историческую арену. По отношению к таким упорствующим «горе-вождям» Маркс был непримирим. Характерно в этом отношении оставленное нам П. Анненковым описание заседания 30 марта 1846 г., на котором произошел разрыв между Марксом и Вейтлингом. Известно, что Маркс и Энгельс приложили немало усилий, чтобы помочь Вейтлингу пересмотреть его взгляды, стать на позиции научного социализма. На заседании, где случайно присутствовал и Анненков, Маркс и Энгельс еще раз со всей силой поставили вопрос о важности теоретической ясности в рабочем движении, о необходимости единства взглядов среди людей, посвятивших себя борьбе за дело пролетариата. В ответ на вопрос, заданный Марксом Вейтлингу, каковы теоретические основы его деятельности, Вейтлинг стал распространяться о своих прошлых заслугах, о том, что его «скромная подготовительная работа важнее для общего дела, чем критика и кабинетные анализы доктрин, вдали от страдающего света и бедствий народа. При последних словах взбешенный окончательно Маркс ударил кулаком по столу так сильно, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, и вскочил с места, приговаривая: «Никогда еще невежество никому не помогло» (стр. 162).

Огромный революционный темперамент Маркса, его несгибаемая воля пролетарского революционера ярко выступают в описании судебного процесса редакторов «Новой Рейнской газеты», оставленном нам Лесснером. На процессе Маркс не защищался, а обвинял правительство. В переполненном зале суда Маркс произнес часовую речь. Спокойно, положительно, энергично звучали его выводы, которые все яростнее обрушивались на обер-прокурора и в его лице на весь старый порядок, гнусную прусскую бюрократию, старую армию, старый суд, старых, родившихся при самодержавии, воспитанных при нем и поседевших на его службе судей. «Первая обязанность печати, — открыто заявил Маркс,— состоит в том, чтобы подкопаться под все основы существующего политического строя» (стр. 132).

Как ни преследовали Маркса буржуазные правительства, как ни клеветала на него продажная печать, каким бы заговором молчания не окружала буржуазная пресса выходившие из-под пера Маркса гениальные труды, имя Маркса становилось все более известным передовым рабочим не только Европы, но и других частей света. В комнате Маркса на Майтланд-Парк-Род, в этом своеобразном штабе пролетарской партии, можно было встретить не только английского рабочего из Манчестера или Ливерпуля, не только немецкого, итальянского, французского, русского эмигранта, но и рабочих из Америки и из других частей света.

Характерными чертами Маркса были полное отсутствие тщеславия, честолюбия, величайшая простота и правдивость. «Среди известных мне людей — великих, малых и средних, — пишет Либкнехт, — Маркс был один из немногих, совершенно лишенных

всякого тщеславия. Он был для этого слишком велик и слишком силен, да и, пожалуй, слишком горд. Он никогда не становился в позу и был всегда самим собой. Он, как дитя, был неспособен носить маску и притворяться...» (стр. 90). Эта простота, скромность, правдивость коренным образом отличают вождей пролетариата от «героев» буржуазии, ее вождей, от представителей буржуазной науки. Эти люди уже по своему положению защитников интересов небольшого эксплоататорского меньшинства не могут обойтись без лжи, без более или менее тонкого обмана масс. Они не могут выступить пред массами без прикрытия, без маски, без защитного покрова тайны. В устах Наполеона характеристика, данная им Меттерниху: «Он отлично лжет»,— была своеобразной похвалой.

Актерство, любовь к позе, к жесту, к фразе характерны и для мелкобуржуазных вожаков, даже для тех из них, кого судьба забросила на время в пролетарский лагерь. Достаточно вспомнить хотя бы Луи Блана и Лассаля. Как смеялся Маркс над тщеславием Луи Блана, над комичными попытками этого маленького человека корчить из себя «великого вождя», над его манерами провинциального актера! В. Либкнехт так описывает первую встречу Маркса с Луи Бланом: «Это было еще на Дин-Стрит, в маленькой квартирке, состоявшей собственно только из двух комнат, из которых первая, приемная, служила гостиной и рабочим кабинетом, а вторая — для всего остального. Луи Блан представился Ленхен[1], проводившей его в первую комнату, между тем как во второй комнате Маркс спешно переодевался; соединявшая обе комнаты дверь осталась приоткрытой, и через щель Маркс мог наблюдать забавную сцену. «Великий» историк и политик был очень маленького роста, не выше восьмилетнего мальчишки, но при этом оказался невероятным щеголем. Оглядевшись в пролетарской гостиной, он нашел в одном углу крайне примитивное зеркало, перед которым тотчас же расположился, став в позу и, вытянувшись во весь свой карликовый рост,— он носил такие высокие каблуки, каких мне в жизни не приходилось видеть,— с удовольствием рассматривал себя в зеркале, прихорашиваясь, как влюбленный мартовский кот, и стараясь придать себе возможно более внушительный вид. Жена Маркса, также бывшая свидетельницей этой комической сценки, едва удерживалась от смеха. Переодевшись, Маркс громко кашлянул, чтобы предупредить о своем приходе, и фатоватый трибун, отступив от зеркала, приветствовал входящего изящным поклоном. Но, конечно, позами и актерством на Маркса нельзя было подействовать...» (стр. 91).

Актерствующие люди были глубоко противны Марксу. Он питал отвращение ко всему искусственному, ходульному, к позе, к фразе. К хвастунам, лицемерам, морально нечистоплотным людям Маркс испытывал омерзение.

[1] Домашняя работница, преданнейший друг семьи Маркса.

Сам он был исключительно правдивым человеком, человеком великой, кристальной нравственной чистоты. И это понятно: правда — орудие пролетариата в классовой борьбе; правда — разоблачение тайны эксплоатации человека человеком, разъяснение рабочим их угнетенного положения в капиталистическом обществе, освобождение их духовного взора от шор буржуазной лжи; правда — оружие, которое разит капиталистический мир, срывает с него идеологические покровы, обнажает механику капиталистической эксплоатации, вскрывает классовую сущность буржуазного государства, разоблачает волчьи законы буржуазной морали. Сила рабочего класса и его вождей в правде. К Энгельсу, Ленину, Сталину целиком относится то, что говорят авторы воспоминаний о Марксе: «Это была воплощенная правда» (стр. 90).

В «Воспоминаниях» пред нами встает обаятельный образ Маркса-человека. Несмотря на все страдания, лишения, нужду, преследования, которые в изобилии выпали на долю великого пролетарского революционера, жизнерадостность, бодрость, несокрушимая уверенность в правоте и великой исторической значимости того дела, которому он посвятил свою жизнь, не покидали его никогда. Любимой его поговоркой были гордые слова Данте, которыми Маркс закончил свое предисловие к «Капиталу»: «Segui il tuo corso e lascia dir le genti» («Иди своим путем, и пусть люди говорят, что угодно»).

Известно, в каких тяжелых материальных условиях приходилось Марксу писать свой «Капитал». Он сам как-то горько шутил по этому поводу, что вряд ли комунибудь приходилось писать о деньгах при таком отсутствии денег. «Капитал» не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним» (стр. 55),— пошутил как-то Маркс в разговоре с Лафаргом.

Отношение Маркса ко всякого рода лишениям и домашним невзгодам очень метко охарактеризовано биографом Маркса Ф. Мерингом: «В противоположность жалкому жребию филистера, для которого его мелкие делишки заслоняют и мир, и бога, ему было дано забывать самые горькие беды в служении «великим целям человечества». Жизнь давала ему в избытке случаи упражняться в этой способности»[2].

Как ни велик был тот арсенал средств, которыми располагало капиталистическое общество в своей борьбе против гениального вождя пролетариата, ничто не могло ни сломить его, ни согнуть, ни изуродовать. Гордая уверенность в непреоборимой правоте своего дела, несокрушимый оптимизм, покоящийся на глубоком понимании исторического процесса, уменье видеть каждое событие, каждый факт в широчайшей исторической перспективе — все это спасало Маркса от припадков малодушия, от скептицизма, усталости, разочарования, которые были столь свойственны мелкобуржуазной эмиграции.

[2] Меринг Ф. «Карл Маркс. История его жизни», стр. 44. Гиз. 1920.

«Мавр мог приходить в ярость, но ныть — никогда»[1],— писал Энгельс о своем друге.

В самые тяжелые минуты Маркса не покидал спасительный юмор. Он ценил шутку и умел смеяться от всей души. «Всякий раз, когда кто-нибудь вставлял в разговор острое слово или ловко парирующий ответ, его черные глаза под нависшими густыми бровями искрились от веселости и насмешливой иронии» (стр. 63).

Дочь Маркса Элеонора пишет в своих воспоминаниях об отце: «Для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непреклонным и неприступным человеком, чем-то вроде Юпитера-громовержца, вечно мечущего молнии, без единой улыбки на устах, одиноко и неприступно восседающего на Олимпе. Подобное изображение самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с бьющим через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразителен и неотразим. самого приветливого, мягкого и отзывчивого из товарищей, являлось постоянным источником удивления и забавы для всех, знавших его» (стр. 139).

Сколь мало эта буржуазная легенда о «Юпитере-громовержце» соответствовала действительности, видно из отношения к Марксу таких непредубежденных и по-своему строгих ценителей человеческих качеств, какими являются дети. Маркс любил общество детей, был их наилучшим другом, товарищем их игр. Частенько можно было видеть «грозного» вождя Интернационала на Хемстедских холмах или в одном из лондонских парков, окруженного детворой. Незнакомые ребята подходили к коренастому человеку с длинными волосами, большой бородой и добрыми, смеющимися карими глазами, заводили с ним разговор. Маркс — прекрасный отец — был неизменным товарищем забав своих детей. В игре с детьми Маркс сам становился ребенком и с величайшим воодушевлением выполнял роль то коня, то омнибуса, смотря по прихоти требовательного маленького наездника. Обладая бесподобной поэтической фантазией, Маркс сочинял сказки для своих детей, насыщенные поэзией, остроумием, тонким юмором. Маркс читал детям вслух, знакомил их с классиками мировой литературы, учил думать, понимать произведение.

В семье Маркса царили любовь, дружба и огромное уважение ко всем членам семьи — большим и малым. Свою дорогую Женни — спутницу его суровой жизни борца — Маркс любил неувядаемой любовью юноши. «Маркс в большей степени, чем кто-либо из людей, с какими мне приходилось встречаться в моей жизни, не исключая даже Тургенева,— пишет Ковалевский,— имел право говорить о себе, как об однолюбе» (стр. 174).

Вспоминая об отношениях своих родителей, Элеонора Маркс характеризует их словами английского поэта Броунинга:

«Ни случай не может любовь изменить,
Ни время — ослабить ее» (стр. 144).

Столь же верен и постоянен был Маркс в дружбе. Все те, кто знал Маркса, знали и Энгельса. Естественно поэтому, что воспоминания о Марксе являются в то же время в значительной мере и воспоминаниями об Энгельсе, об удивительном союзе двух людей, который, по словам Ленина, превосходит «все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»[2].

«Маркс гордился своим другом,— пишет Лафарг.— Он с особенным удовольствием раскрывал предо мною все нравственные и умственные достоинства Энгельса... Маркс был хорошим другом так же, как был нежным мужем и отцом; с другой стороны, в своих близких — жене, дочерях, Ленхен и Энгельсе — он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он» (стр. 67).

Маркс — «величайший из современных мыслителей» (Энгельс), гениальный вождь пролетариата, титан мысли и исторического действия — был в то же время человеком в самом прекрасном, самом благородном, самом возвышенном смысле этого слова!

*

«Воспоминания о Марксе» дают ценнейший материал для характеристики человека, имя которого и по нынешний день — символ борьбы для сотен миллионов людей.

Однако, как это правильно отмечено в предисловии М. Зоркого к сборнику, сами по себе эти воспоминания, если их взять оторванно от произведений Маркса и Энгельса и их переписки, не воссоздают с достаточной полнотой подлинный образ Маркса. Авторы воспоминаний не достигли того идейного уровня, который позволил бы им понять личность Маркса во всем ее величии и многосторонности. В результате этого в воспоминаниях недостаточно отражена роль Маркса как гениального вождя рабочего класса, пролетарского революционера, политика. Некоторые периоды жизни Маркса (в особенности молодые годы) почти не освещены в воспоминаниях, носящих зачастую характер отрывков, беглых заметок. Это впечатление еще усугубляется той операцией по сокращению текста, которую проделала редакция сборника. Стоило ли так сильно сокращать, например, воспоминания В. Либкнехта, когда каждый штрих, каждая черточка, подмеченная людьми, имевшими счастье близко знать Маркса, представляет для нас такую большую ценность.

Сборник прекрасно оформлен. Большой интерес представляют рисунки художника Жукова.

Издательству «Молодая гвардия» надо поставить в упрек слишком высокую цену сборника (30 руб.) и малый его тираж (8 тыс.). Эта книга должна быть издана массовым тиражом, и она найдет многочисленного и благодарного читателя.

Е. Степанова

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 318.

[2] Ленин. Соч. Т. I, стр. 414.

Ф. ЭНГЕЛЬС. Заметки о войне. Статьи о франко-прусской войне 1870—1871 гг. Огиз. Политиздат. 1940. 248 стр. 5 руб. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)

Статьи основоположника пролетарской военно-революционной науки Фридриха Энгельса о войне 1870—1871 гг. приобретают в настоящее время для пролетариев всех стран особо важное и актуальное значение.

В «Заметках о войне» Энгельс дает глубокий, всесторонний анализ всей франко-прусской войны, характеризует общий ход боевых действий и отдельных сражений, исходя не только из складывающейся военной обстановки, но и из учета экономики и политики воюющих сторон, а также учета происходивших во Франции и Германии сдвигов в общественной жизни. Изучение «Заметок о войне» Энгельса вооружает нас марксистским методом исследования войн, дает ключ к правильному, марксистскому пониманию существа и характера второй империалистической войны, к оценке уже происшедших и предстоящих в будущем изменений и сдвигов в ходе развертывающейся войны.

Исследование Энгельсом войны 1870—1871 гг. важно для нас и потому, что на ее опыте Маркс и Энгельс дали яркое определение характера войн, выработали и сформулировали тактику пролетариата и его отношение к войнам в зависимости от того, какие классы ведут войну и какие цели они преследуют.

Войну 1870—1871 гг. со стороны бонапартистской Франции Маркс и Энгельс считали реакционной, захватнической, несправедливой, ибо внешняя политика господствующего класса бонапартистской Франции была направлена на захват части германской территории и основной своей задачей имела всеми возможными средствами, в том числе вооруженным вторжением, сохранить феодальную раздробленность Германии и не допустить национального воссоединения Германии в единое самостоятельное государство. Войну же со стороны Германии за национальное воссоединение Маркс и Энгельс считали войной прогрессивной, оборонительной — справедливой.

В одном из писем к Марксу Энгельс писал, что если победит Наполеон, тогда о самостоятельном немецком рабочем движении не может быть и речи, а в случае поражения Наполеона погибнет одна из твердынь европейской реакции.

Маркс в первом воззвании Генерального совета Интернационала о франко-прусской войне говорит: «...Немцы ...могут с полным правом рассчитывать на симпатии в своей оборонительной войне...» [1].

Но Маркс и Энгельс, а позже Ленин и Сталин строго разграничивали прогрессивную позицию в войне германского народа, боровшегося за национальное воссоединение, ведшего войну только с бонапартизмом, и реакционную позицию Бисмарка, главы прусской правящей верхушки, который с самого начала войны строил планы захвата территории Франции и угнетения французского народа. Позицию германского народа в этой войне Маркс и Энгельс как прогрессивную поддерживали, но они решительно выступали против позиции Бисмарка, призывая рабочих бороться с нею.

В самом начале войны Маркс и Энгельс, вскрывая тайные причины войны и замыслы Бисмарка и Наполеона, призывали рабочих Франции и Германии бороться против войны и против захватнической политики Бисмарка, главы прусского юнкерства.

«Для Германии,— писал Маркс,— война эта является оборонительной. Но кто привел Германию в положение необходимости обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? П р у с с и я! Не кто иной, как Бисмарк, вступил в заговор с этим самым Луи Бонапартом в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и закрепить Германию за династией Гогенцоллернов» [2].

Вот почему Маркс и Энгельс, сочувствуя прогрессивной войне германского народа и поддерживая ее, так настойчиво призывали германских рабочих бороться с политикой Бисмарка.

Маркс и Энгельс были реальными политиками-диалектиками, прекрасно понимавшими создавшуюся обстановку. Исходя из интересов пролетариата, они умели в очень сложной обстановке направлять действия пролетариата по единственно правильному пути.

15 августа, в разгар войны, Энгельс писал Марксу:

«В том... что война эта ведется под руководством Лемана, Бисмарка и К° и должна будет послужитъ к их временному возвеличению... повинна только негодность германской буржуазии. Это, конечно, очень гнусно, но ничего не поделаешь. Но было бы абсурдом возводить по этой причине антибисмаркизм в единственный руководящий принцип. Во-первых, как и в 1866 г. (образование Северного союза Пруссией в результате австро-прусской войны.— *И. Л.),* Б[исмарк] выполняет теперь все же часть нашей работы, хотя и своими методами и не желая того, но все же выполняет. Он создает для нас более чистую почву, чем было до сих пор... Я думаю, наши могут,— заключает Энгельс,— 1) примкнуть к национальному движению (в Германии—*И. Л.)* ...поскольку и до тех пор, пока оно ограничивается защитой Германии (что при определенных обстоятельствах не исключает наступления до самого мира); 2) подчеркивать при этом различие между национально-германскими и династически-прусскими

---

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч. Т. XIII. Ч. 2-я, стр. 9.

[2] Т а м ж е, стр. 7.

интересами; 3) противодействовать всякой аннексии Эльзаса и Лотарингии — повидимому Б[исмарк] хочет присоединить их к Баварии и Бадену; 4) как только в Париже у кормила окажется республиканское, не-шовинистическое правительство,— добиваться почетного мира с ним; 5) постоянно выдвигать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войну, а также и не воюют друг с другом...» [1].

В этом письме Энгельс, исходя из реальной обстановки и интересов рабочего класса, дает классическое определение тактики пролетариата и его отношений к войне.

Маркс и Энгельс настойчиво призывали рабочий класс не сливаться с буржуазией, а отстаивать в войне свои классовые интересы. Ленин по этому вопросу говорит: «Война 1870—71 года была исторически-прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем (русским.—*И. Л.)*, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев. Да и в начале этой войны Маркс и Энгельс одобряли отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты и советовали с.-д. не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата» [2].

В «Заметках о войне» Энгельса, в этой специальной, на первый взгляд, работе, мы видим присущую всем работам классиков марксизма целеустремленность — историческое обоснование прогрессивности борьбы за переход к новым, прогрессивным общественным формам борьбы, которая в конечном счете должна привести человечество к завоеванию диктатуры пролетариата.

Среди оставленного Энгельсом огромного теоретического наследства по вопросам войны и военного искусства «Заметки о войне» являются наиболее выдающейся работой. В ней особенно ярко выявился военный гений Энгельса и его глубочайшие познания в военном деле. Маркс вполне заслуженно называл Энгельса «генералом», а Ленин — «великим знатоком военного дела».

С чисто военной точки зрения, «Заметки» Энгельса имеют колоссальное значение и потому, что они представляют собой исследование той войны, в которой оформилось современное военное искусство, впервые при массовых армиях, вооруженных нарезным оружием, было успешно проведено стратегическое окружение у Седана целой армии Мак-Магона, перешедшее затем в тактическое окружение; успешно была проведена форма боевых действий, с древнейших времен и по сие время господствующая в военной теории и практике, а также во всех планах войны. Во франко-прусскую войну впервые появился и новый боевой порядок — стрелковая цепь.

Разносторонние высказывания Энгельса по военным вопросам необычайно важны для Красной Армии при изучении развития военного искусства.

Прогнозы Энгельса о войне 1870—1871 гг. поражали военных авторитетов, современников войны, которые считали, что анонимный автор «Заметок о войне» — крупный генерал, большой знаток военного дела и пишет заметки, находясь на фронте. Прогнозы Энгельса о войне 1870—1871 гг. еще более поражают своей правильностью сейчас, когда война 1870—1871 гг. изучена по документам, когда всем стало известно, что Энгельс на фронте не был, а писал свои заметки в Англии, сидя в Манчестере, и пользовался случайными, отрывочными данными с фронта и газетными материалами.

В чем же секрет уменья Энгельса давать правильные прогнозы? Секрет этого удивительного «предвидения» заключается в марксистском методе исследования и оценки событий, во всесторонних знаниях и военного дела, и политики, и экономики воюющих стран.

В первой же заметке от 29 июля 1870 г. Энгельс полностью разгадывает сугубо засекреченный план войны Наполеона III. «Французская кадровая система,— писал Энгельс,— допускает гораздо более быстрое сосредоточение армии в 120—150 тыс. человек, чем прусская система ландвера» (стр. 7). Из этого Энгельс делает вывод, что Наполеон спешит с войной, стремясь использовать выгоды французской системы, чтобы, быстро сосредоточив силы к границе, вторгнуться в Германию, разъединить Северную Германию и Южную, стать на коммуникациях мобилизации германской армии и бить ее по частям. В действительности именно такой план у Наполеона и был, о чем позже засвидетельствовал сам же Наполеон (см. заметку «Апология императора», стр. 137—142).

В заметке от 29 июля Энгельс указывает одну из причин, почему план Наполеона не был выполнен. «Луи-Наполеон,— пишет Энгельс,—очутился лицом к лицу не с королем Вильгельмом... а с немецкой нацией. А в таком случае нечего было и думать о стремительном движении через Рейн даже с армией в 120—150 тыс. человек» (стр. 8).

В заметке от 6 августа Энгельс указывает и вторую основную причину провала плана Наполеона: «Армия Второй империи понесла поражение пока только от самой же Второй империи. При таком режиме... при котором его сторонникам щедро платят всеми средствами издавна установившейся системы взяточничества, нельзя было ожидать, что эта система не коснется интендантства в армии» (стр. 18).

Выше Энгельс говорит о том, что французская армия не имела ни кухонь, ни котелков, ни фляг и т. д., и тут же указывает тому причину — гнилость наполеоновского режима.

2 августа Энгельс, по отрывочным и неполным данным, разгадывает намерение

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 381—382.
[2] Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 200.

немцев развернуть свои армии на левом берегу Рейна и перейти в наступление. Он разгадывает развертывание немцев в трех армейских группах и делает предположение, что немцы будут наносить главный удар своим правым крылом между Мецем и Саарлуи. На самом деле план Мольтке был следующий: обойти правый фланг французов, оттеснить их к бельгийской границе и стремительным движением захватить Париж. Как же Мольтке развертывает для этого свои силы? На левом, обходящем крыле — 3-я армия, численностью в 160 тыс. человек и 376 орудий в районе севернее Вайсенбурга; в центре, в районе Майнц—Мартинштейн — Маннгейм — 2-я армия в 234 тыс. человек, 630 орудий; на правом крыле, в районе Трир — Саарбрюкен — 1-я армия в 50 тыс. человек и 270 орудий. Задачи армиям: 1-я армия двигается в Лотарингию, а 3-я армия — в Эльзас, то есть армии наступают по расходящимся направлениям.

Если начертить на карте развертывание немцев, то получится, что 2-я армия располагалась позади правого фланга 3-й и левого фланга 1-й, но не являлась их резервом и при движении 3-й и 1-й армий в Эльзас и Лотарингию выходила вперед. Расхождение между предполагаемым Энгельсом планом и действительным планом Мольтке, при указанном расположении войск до наступления, говорит в пользу Энгельса, который почти точно разгадал фронт развертывания и группировку немцев. Главное же то, что Энгельс в предполагаемом им плане совершенно верно решал задачу — уничтожение живой силы противника, с предварительным выходом на сообщение французской армии с Парижем,— Мольтке же решал оттеснить французов к Бельгии и захватить Париж, то есть главная цель — не живая сила, а политический центр (столица) противника. Жизнь внесла коррективы в план Мольтке. В ходе войны он убедился, что захват столицы при наличии неразгромленной армии противника не даст победы, и он после первых же сражений меняет свой план именно в том направлении, как это указывал Энгельс. Мольтке, правда, не правым как полагал Энгельс, а левым флангом отрезает армию Базена от Парижа и блокирует ее в Меце, а после окружает армию Мак-Магона в Седане и только после капитуляции Мак-Магона двигается к Парижу.

Очень интересной иллюстрацией понимания Энгельсом тонкостей войны служит следующее обстоятельство: после того как армия Базена была блокирована в Меце, а армия Мак-Магона находилась в Шалоне и готовилась идти на выручку Базена, немецкий генеральный штаб, по указанию Мольтке, выпустил сообщение о том, что германские силы, свободные от блокады Меца, «решительно идут на Париж». В Англии да и всюду этому сообщению поверили и на все лады его комментировали. Париж—слишком заманчивый объект, Один Энгельс разгадал в этом провокацию Мольтке. Зная о том, что Мольтке уже давно изменил свой первоначальный план, и понимая, что пока армия Мак-Магона не разбита (живая сила), захват Парижа не имеет значения, Энгельс, разбирая обстановку, заключает: «И в том и в другом случае один или два корпуса могут продолжать наступление на Париж, но основная масса всех наличных войск будет двигаться к северо-востоку, чтобы полностью использовать те выгоды, которые Мак-Магон почти что сам дает им в руки» (стр. 61).

В действительности так и было. Немецкие сообщения оказались дезинформацией: все силы немцев были направлены против Мак-Магона, а не на Париж.

Значению полевой армии при осаде противником крепостей в «Заметках о войне» Энгельс уделяет очень много внимания и посвящает этому вопросу много статей, из которых наибольший интерес представляет статья «Сарагосса и Париж» (стр. 123—126).

Энгельс не только точно разгадал план немцев против армии Мак-Магона, но и точно предсказал участь последнего. 26 августа, за неделю до седанской катастрофы, Энгельс пишет: «Войскам Мак-Магона придется, быть может, сдаться на той узкой полосе французской территории, которая врезывается в Бельгию между Мезьером и Шарлемон—Живе» (стр. 58). Не доходя 20 км до указанного района, армия Мак-Магона, окруженная немцами, капитулировала вместе со своим императором Наполеоном III.

После того как в первом сражении с немцами, у Вайсенбурга и Верта, армия Мак-Магона отошла к Шалону, оголив левый фланг армии Базена, и вторая германская армия вклинилась между армиями Базена и Мак-Магона, единственно правильным выходом из создавшегося положения было, как говорит Энгельс, спешно отвести назад к Шалону и армию Базена; но Наполеон не делает этого по политическим соображениям (стр. 47), боясь неприятного впечатления от отхода в Париже, и решает дать бой, чтобы взять реванш. «Французская армия,— пишет Энгельс по этому поводу,— лишилась всякой инициативы. Ее действия диктуются не столько военными соображениями, сколько политической необходимостью Если армия в 300 тыс. человек, стоящая почти на виду у противника, должна в своих действиях руководствоваться не тем, что творится в неприятельском лагере, а тем, что происходит или может происходить в Париже, то она уже наполовину разбита... если Наполеон III будет еще... применять подобную стратегию,... то одного этого будет достаточно, чтобы уничтожить самую лучшую и самую большую армию в мире» (стр. 24). Энгельс не ошибся. Он писал это в заметке, которая была напечатана в «Pall Mall Gazette» 8 августа, а 19 августа армия Базена вынуждена была укрыться в Меце, где была блокирована немцами и капитулировала 27 октября

О плане Мак-Магона — двигаться на выручку Базена не по прямому направлению на запад, дав бой 3-й немецкой армии, а

на северозапад, чтобы избежать сражения с 3-й армией,— Энгельс 26 августа писал: «Весь план кажется настолько безумным, что его можно объяснить только политической необходимостью» (стр. 58).

К этому вопросу Энгельс возвратился и при разборе брошюры Наполеона, в которой последний пытался различного рода причинами и обстоятельствами оправдать свои неудачи: «Лучшее, что может быть сказано об этой на редкость жалкой брошюре,— писал Энгельс,— это то, что она признает, как плохо приходится на войне в тех случаях, когда «военные операции все время подчинены политическим соображениям» (стр. 142).

Из всех приведенных высказываний Энгельса может создаться представление, что Энгельс отделяет политику от стратегии во время войны. Но в данном случае Энгельс говорит о политике насквозь прогнившего бонапартизма, о политике, которую сам Энгельс определяет так: «Сохранить видимость, скрыть поражение — вот что требуется больше всего» (стр. 58).

Война в определении классиков марксизма есть продолжение политики насильственными средствами. Это определение не исключает, а, наоборот, предполагает главенствующую роль политики во время войны, но политики трезвой, учитывающей военную обстановку в первую очередь.

Выше уже было указано, что Маркс и Энгельс поддерживали только войну прогрессивную. Они признавали ее таковой со стороны немцев лишь до разгрома армии французов — оплота бонапартизма,— то есть вплоть до капитуляции армии Мак-Магона под Седаном. С того момента как бонапартизм был разгромлен и прусские войска двинулись против французского народа, Маркс и Энгельс считают, что война со стороны немцев стала захватнической.

Энгельс с большим вниманием следит за развитием и нарастанием борьбы французского народа с захватчиками, строго осуждает отношение германской военщины к партизанам, давая ценнейшую историческую справку о народных войнах в статьях «Прусские партизаны» (стр. 175—179), «Французские поражения» (стр. 68—71), «Расцвет и упадок армий» (стр. 79—83), «Как разбить пруссаков» (стр. 87—91), «Принципы прусской военной системы» (стр. 104—108), «Бои во Франции» (стр. 143—147), написанных во второй период войны. Энгельс дает в них огромное количество практических советов французскому народу, как наилучше организовать силы для борьбы с интервентами, как действовать против них, стараясь всеми силами помочь справедливой войне французов за свою национальную независимость В этот период Энгельс особо внимательно следит за развитием военных событий и с огромным удовлетворением отмечает успехи французского народа, призывая его ко всеобщему вооружению (стр. 107). При этом Энгельс отдает предпочтение народным армиям. «Французские армии (Бонапарта.—*И. Л.)*,— пишет Энгельс,— фактически сопротивлялись только один месяц; Париж сопротивляется уже два месяца и все еще сковывает главные силы противника» (стр. 153). Париж, как нам известно, защищался главным образом рабочими. О вооруженных рабочих как части народной армии и их действиях Энгельс во введении к «Гражданской войне во Франции» пишет: «Наконец, измученный голодом Париж 28 января 1871 г. капитулировал. Но капитулировал на небывалых в военной истории почетных условиях. Форты были сданы... линейные полки и мобили сдали оружие, сами они были объявлены военнопленными. Но Национальная гвардия (рабочие Парижа.— *И. Л.)* сохранила свое оружие и пушки и заключила с победителями только перемирие. И последние не решились с триумфом войти в Париж; они заняли только небольшой уголок Парижа, часть которого вдобавок состояла из общественных парков, но и то заняли всего лишь на несколько дней. И в течение этого времени победители, державшие Париж в осаде в течение 131 дня, были сами осаждены вооруженными парижскими рабочими... Прусские юнкера, пришедшие сюда, чтобы отомстить очагу революции, были вынуждены почтительно остановиться перед этой вооруженной революцией и салютовать ей!» [1]

Вооруженных рабочих, вооруженный народ Энгельс считает единственной непобедимой силой. В наше время Франция позорно капитулировала прежде всего потому, что правящая верхушка сама испугалась этой силы. Тов. Молотов в докладе на сессии Верховного Совета 1 августа 1940 г., кратко останавливаясь на причинах быстрого поражения Франции, отметил, что «события последних месяцев наглядно показали нечто большее. Они показали, что правящие круги Франции не были связаны с народом и не только не опирались на него, но боялись своего народа, имеющего заслуженную славу свободолюбивого народа со славными революционными традициями. В этом одна из серьезных причин вскрывшейся слабости Франции».

И разве это непохоже на то, что писал Энгельс в «Заметках о войне» 8 октября 1870 г.: «Мы видим, таким образом, что фраза «вооруженный народ» прикрывает в действительности создание большой армии (в Германии.— *И. Л.)* в целях ведения олигархической внешней и реакционной внутренней политики. «Вооруженный народ» не был бы подходящим орудием для целей Бисмарка» (стр. 107)?

Всякий желающий изучать историю военного искусства, военное дело, марксистскую теорию о войне и армиях должен знать эту книгу Энгельса. Жаль, что в книге нет примечаний. Приложенная карта военных действий не имеет многих названий, встречающихся в тексте, а помещенная в правом верхнем углу схема Меца закрывает собой приграничный район Германии и даже место развертывания 2-й немецкой армии.

Доцент полковник И. Лебедев

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 87.

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

БОГОСЛОВСКИЙ М. М., акад. Петр I. Материалы для биографии под редакцией проф. В. И. Лебедева. Т. I. *Детство. Юность. Азовские походы.* 436 стр. 1940. Т. II. *Первое заграничное путешествие.* Части 1-я и 2-я. 624 стр. Огиз. Государственное социально-экономическое издательство. 1941.

Покойный акад. М. М. Богословский оставил неоконченный обширный труд—«Петр I. Материалы для биографии». Всего им было написано 4 тома, охватывающие жизнь Петра I с младенчества до кануна Северной войны — до 1700 года. В настоящее время вышли I и II томы, остальные будут изданы в течение 1941 года.

В I томе изложение начинается с рождения Петра I (1672), рассказываются обстоятельства его детства и юности, кончая вторым азовским походом и подготовкой к отъезду в первое заграничное путешествие в начале 1697 года. II том, значительно больший по объему, занят изложением всех перипетий этого знаменитого путешествия Петра I в Западную Европу и охватывает, таким образом, полтора года из жизни Петра I — с марта 1697 по август 1698 года.

В предисловии к I тому М. Богословский пишет, что он «старался, насколько позволяли источники, восстанавливать жизнь Петра I день за днем, изображать ее так, как она протекала в действительности». Автор выполняет эту задачу почти буквально, излагая биографию Петра I со всеми мельчайшими подробностями, посещениями гостей и пр. Если порой это приводит к однообразию и длиннотам, то, с другой стороны, в ряде мест книги достигнута исключительная конкретность рассказа, вплотную подводящая читателя к изображаемому лицу. Пластичность изложения создает нередко впечатление, какое способно производить лишь литературно-художественное произведение. Собственные замечания автора весьма кратки, он очень скуп на высказывания, в особенности в I томе, предоставляя читателю самостоятельно делать выводы.

Прежде всего следует ответить на вопрос, что дает эта работа нового для понимания петровской эпохи и личности Петра I. I том труда М. Богословского, охватывающий детство и юность Петра I, содержит некоторые выводы, меняющие привычное или общепринятое в литературе представление об отдельных моментах его биографии. Но важнее этих частных поправок тот общий вывод, который читатель делает при чтении книги М. Богословского о раннем периоде жизни Петра I.

К отдельным замечаниям в I томе следует отнести, например, указание автора на неправильность обычного представления, будто при царе Федоре и в правление Софьи маленький Петр с матерью были выжиты из Кремлевского дворца. В действительности Наталья Кирилловна и Петр жили попрежнему в Кремле, но часть года проводили в подмосковных резиденциях, в Воробьеве, Преображенском, Коломенском (т. I, стр. 49). М. Богословский также несколько по-новому рисует и школьные годы Петра I. Надо расстаться с тем красочным рассказом о начале учения Петра I у немудрящего и смиренного Никиты Зотова, который так ярко передает Ключевский, заимствуя его у писателя XVIII в. Крекшина. Никита Зотов в это время находился в составе русского посольства в Крыму, и он становится учителем Петра I, лишь когда тому уже шел одиннадцатый год и обучение первоначальной грамоте было уже закончено. Кто был его учителем в более ранние годы, остается неизвестным (т. I, стр. 33—35, 55).

Но, кроме этих частных вопросов биографии Петра I, особенно важно то, что в I томе Богословский шаг за шагом проследил, как складывалась оригинальная личность Петра I, как проявлялись в нем уже в эти ранние годы черты будущего реформатора.

При этом следует подчеркнуть, что увлечение военным делом и кораблями и знакомство с иноземцами рано сопровождается изменениями старинного придворного обихода и острыми конфликтами с защитниками старины. Эти черты нарастают с 1689 г., после заточения Софьи и перехода власти номинально к Петру и Ивану Алексеевичам, а в действительности — к Нарышкиным и Б. Голицыну. Петр сблизился с иностранцами Гордоном и Лефортом во время событий 1689 г., когда ему было 17 лет. Но когда он пригласил ген. Гордона на торжественный пир в Грановитой палате по случаю рождения царевича Алексея, то против этого новшества — присутствия иноземца за столом вместе с православным духовенством — восстал патриарх Иоаким, и Петр I вынужден был уступить (стр. 100). После смерти патриарха «Петр I, вероятно, вздохнул с облегчением» и дал полную волю своим симпатиям: он заказывает себе немецкое платье, часто бывает в Немецкой

слободе, запросто обедает и ужинает у иностранцев. Автор приводит все соответствующие указания источников о каждом посещении Петром I иностранцев, о каждой пирушке, нередко происходившей под гром пушечной пальбы, с фейерверками и танцами. Начало этому небывалому поведению московского царя было положено в 1690 г., и чем дальше, тем этих новшеств в дворцовом обиходе становится все больше. К этому следует добавить зарождение в 1691 г. всешутейшего собора, этой злой и веселой пародии на церковников, а также любовную связь Петра I с иноземкой Анной Монс. Вокруг юного Петра складывается его знаменитая «компания», члены которой обращались к нему запросто, без титулов.

Вместе с тем уже в этих чертах М. Богословский видит проявление основных свойств характера Петра I, «его живой и оригинальной природы». Он отмечает, что «его сильная и властная воля» рано сказывается в переменах «в прочно сложившемся вековом придворном ритуале». Останавливаясь на постройке судов на Переяславском озере, строительстве и оборудовании дворца на берегу озера, автор отмечает, что «вся эта суматоха в дворцовом хозяйстве поднята была бурно вспыхнувшей страстью юного царя к мореплаванию, можно сказать, его капризом... Его стремительная воля привела в движение механизм дворцового управления» (т. I, стр. 139).

Так же подробно проследил М. Богословский первые поездки Петра I к морю, в Архангельск, и, наконец, подготовку и проведение двух азовских походов. Снова он подчеркивает первые проявления железной воли и энергии Петра I: «Неудача (первого азовского похода.—*Б. К.* и *Г. Н.*) нисколько не поколебала Петра I. Наоборот, она даже как будто усилила его энергию и увеличила силу его стремления к намеченной цели» (т. I, стр. 271). Во втором азовском походе (1696 г.) главнокомандующий Шеин являлся не более, как подставным лицом, а сам Петр I «был душой всего предприятия и его неутомимой движущей и направляющей силой» (т. I, стр. 278).

Автор подробно передает торжественный въезд Петра I в Москву после взятия Азова, когда была построена триумфальная арка с изображением языческих античных богов, что было также небывалым новшеством, и Петр шел с войсками пешком в черном немецком платье.

I том заканчивается рассказом об отправке дворянской молодежи заграницу, а также боярским заговором Цыклера и казнью его участников. В целом в I томе с исключительной полнотой и конкретностью изображаются ранние годы, детство и юность Петра I.

Капитальный труд М. Богословского, однако, несвободен от ряда серьезных недостатков. Не будучи историком-марксистом, автор не смог избежать субъективности в подборе исторических фактов и известной идеализации в изображении исторической деятельности Петра I. Свои взгляды на задачи историка и свое отношение к историческому исследованию вообще М. Богословский изложил в предисловии.

«Несравненно легче строить широкие обобщения, чем изложить даже простой, но критически проверенный факт так, чтобы за достоверность изложения можно было вполне поручиться»,—пишет М. Богословский в своем предисловии к I тому труда о Петре I. Развивая эти мысли о значении обобщающих выводов в историческом исследовании, М. Богословский даже заявляет, что «чем обобщение шире, тем построить его легче» (т. I, стр. 11). Не приходится доказывать, насколько эти взгляды далеки от основных положений марксистско-ленинской исторической науки. Основоположники марксизма-ленинизма дают нам блестящие образцы теоретической обобщающей мысли, основанной на всем богатстве конкретного исторического материала. Без теории, без обобщений, широких и в то же время глубоко обоснованных, не может развиваться историческая наука.

Замечания М. Богословского об историографии реформы Петра I также очень показательны для характеристики общих теоретических позиций автора. «О Петре Великом написано, конечно, очень много,— пишет М. Богословский в том же предисловии.—Два недостатка в этой огромной литературе всегда мне бросались в глаза: в области фактов — их не всегда критически твердо установленная достоверность, в области общих суждений — их не всегда достаточная обоснованность. Развиваясь под влиянием общих философских систем, наша историография иногда делала слишком поспешные и не опиравшиеся на факты обобщения, опережавшие разыскание и критику фактического материала».

Свою задачу автор определяет следующим образом: «Мне хотелось собрать факты, достоверные факты, которые, будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к надежным общим суждениям... Я старался, насколько позволяли источники, восстанавливать жизнь Петра I день за днем, изображать ее так, как она протекала в действительности, наблюдать совершенные им действия, разгадывать одушевлявшие и волновавшие его чувства, представлять себе воспринятые им ежедневные впечатления и следить за возникавшими у него идеями». Другими словами, автор хочет сказать, что задачей задуманного им труда является дать строго объективную картину жизни и исторической деятельности Петра I. Однако М. Богословскому не удалось избежать субъективного отбора фактов и тем самым тех субъективных «поспешных» обобщений, которые он так осуждает в предисловии к своему труду.

Наиболее уязвимыми для критики являются те части работы М. Богословского, где автор затрагивает вопросы острой классовой борьбы и сложные явления социальных отношений. Так, при изложении восстания стрельцов в 1682 г. автор хотя и указывает, что «большое недовольство в войске вызывали притеснения командиров, полковников, людей прежде всего чуждой стрельцам со-

циальной среды», тем не менее он все же склонен считать одной из главнейших причин бурного выступления 15 мая 1682 г. агитацию Хованского. Широкое и сложное по своему социальному составу движение 1682 г. не находит у М. Богословского достаточно глубокого анализа. Автор ограничивается изложением внешнего хода событий и заканчивает его одной скупой фразой: «Хозяйничанье стрельцов в Москве весной и летом 1682 г. сопровождалось волнением низших слоев московского населения: низшего слоя посадских жителей, московского черного люда и многочисленной челяди холопей из боярских дворовых, получивших волю в майские смутные дни, когда был сожжен холопий приказ и изодраны хранившиеся в нем крепостные книги» (т. I, стр. 47).

В изложении дела Авраамия и заговора Цыклера автор склонен, повидимому, преувеличивать значение личных мотивов. Он подчеркивает не обострявшуюся борьбу классов и борьбу в феодальном лагере вокруг начинавшихся реформ, а личные обиды и неудачу в карьере участников заговора. «И весь этот замысел Цыклера с его собеседниками можно рассматривать как мысль о мести озлобленных неудачников»,— заявляет М. Богословский (т. I, стр. 391—392, также стр. 387). В его изображении этот заговор в значительной мере лишен, несомненно, присущих ему черт одной из фаз борьбы боярства с преобразованиями Петра I.

Собрав в своем труде богатейший материал для характеристики Петра I как исторического деятеля, автор не избежал некоторой субъективности в отборе материала. Так, не раз он упоминает вскользь о всешутейшем соборе, но нигде не останавливается с должной подробностью на характеристике этой организации, в которой, как известно, принимал самое живое и непосредственное участие и сам Петр I. Также почему-то лишь вскользь упоминает М. Богословский о романе Петра I с иноземкой Анной Монс, романе, несомненно, сыгравшем большую роль в жизни молодого Петра I.

II том труда М. Богословского представляет еще больший интерес чем I. Богатство материала, тщательность его обработки и яркость изложения здесь выступают еще сильнее. Впервые в исторической литературе дано столь полное и красочное изложение знаменитого первого заграничного путешествия Петра I. При этом жизнь Петра I и его спутников дана на широком фоне Западной Европы того времени, ее политической и культурной жизни. Автор наряду с Петром I останавливает свое внимание на личности английского короля Вильгельма или маркиза Кармартена, на деятелях голландских штатов, на чопорном австрийском императоре Леопольде. М. Богословский дает описание Голландии, Лондона, Вены и других городов и стран, где жил Петр I. Автор привлек для своей работы вместе со всей русской литературой и русскими архивами также источники и материалы по истории Западной Европы того времени на английском, немецком, голландском и итальянском языках.

II том наглядно показывает, какую огромную задачу взял на себя автор. Том в 624 страницы посвящен весьма важному моменту в жизни Петра I, но хронологически охватывает период только в полтора года—с марта 1697 по август 1698 года. При этом несмотря на скромное название, «Материалы для биографии», труд М. Богословского в действительности дает обширный, подавляющий своим обилием документальный материал в виде писем и документов в соединении с тщательным исследованием, критикой источников и взглядов историков.

В этом томе обращает внимание существенно новый вывод автора относительно роли Петра I и тех целей, которые он ставил себе в этом заграничном путешествии. Петр I поехал в составе «великого посольства», которое вело дипломатические переговоры. Заграницей Петр I работал на корабельных верфях, знакомился с кораблями и т. п. Но при этом М. Богословский говорит: «Петр сам стоит во главе управления *внешней политикой* России, держит все нити ее в своих руках; посольство исполняет только его руководящие указания. Следует оставить легенду о том, что Петр в Голландии интересуется и занимается только кораблями и тем, что к ним ближайшим образом относится,— замечает автор.— Он в курсе всего хода международных отношений в Европе, внимательно следит за ними, живо ими интересуется и высказывает о них свое суждение. Он всецело занят планом организации священного союза против турок, и эта организация — цель его внешней политики» (т. II, стр. 208). Этот вывод автор подчеркивает весьма часто и настойчиво на основании большого материала. Австрийский посол писал о русском «великом посольстве», что у того «совершенно связаны руки, посольство боится и дрожит царского гнева и строгости, царь все направляет по своему разумению» (т. II, стр. 161).

Также весьма интересны указания относительно размещения военных заказов заграницей и подыскания иностранных специалистов для строительства флота и будущих русских заводов. М. Богословский приводит известия западноевропейских журналов того времени, где подробно описывается отъезд из Голландии в Россию свыше 640 ремесленников, моряков и корабельных плотников. На пристани «собрались большие толпы народа, чтобы проститься с отъезжающими и проводить их. Многие из местных голландцев с грустью смотрели на отъезд на чужбину столь значительного числа сведущих и полезных людей, а также на вывоз такого большого числа моделей разных машин: мельничных, ткацких, прядильных и других» (т. II, стр. 403).

Исключительно полно и ярко рисуются также пребывание Петра I в Англии, его занятия изучением кораблестроения, посещение короля, участие в морских маневрах, посещение театра и парламента, осмотр мастерских, университета, монетного двора

и т. п. Английский историк Маколей не случайно писал о заграничном путешествии Петра: «Его путешествие — эпоха в истории не только его страны, но и нашей и всего человечества».

При изложении пребывания Петра I в Вене автор подчеркивает резкий контраст между молодым и энергичным Петром и вялым, нерешительным и чопорным австрийским императором Леопольдом и его двором. Чего стоит строго разработанный австрийским двором церемониал встречи Петра I с Леопольдом! Было установлено, что каждый в сопровождении свиты из 5 человек войдет в галерею дворца одновременно с противоположных концов и встретится точно посередине и непременно у пятого окна. Однако, вероятно, к досаде австрийских придворных, Петр I спутал все расчеты: «Между тем как Леопольд двигался по галерее медленной, рассчитанной походкой, царь нетерпеливо зашагал большими своими шагами, подошел к цесарю, когда тот был всего еще лишь у третьего окна» (т. II, стр. 468).

Интересны наблюдения М. Богословского о некоторых чертах личности Петра I, ярко выразившихся во время путешествия. Получив в Амстердаме известие, что Ост-индская компания постановила заложить новый фрегат, Петр решил тотчас же несмотря на ночное время ехать в Саардам за инструментами и вещами и к утру перебраться на верфь. М. Богословский говорит при этом, что «у Петра вспыхнувшая искрой мысль тотчас же, в тот же момент, зажигала, воспламеняла его волю, а воля также немедленно переходила в действие, не считаясь ни с какими преградами,— все это с быстротой как бы выстрела из орудия, после того как искра пистона воспламенит порох. Его желания поэтому недостаточно характеризовать эпитетом «горячие»: их надо называть не иначе как «огненными» (т. II, стр. 153).

Весьма ценны замечания М. Богословского относительно организаторского таланта Петра I, его способности работать одновременно над различными вопросами: из-за границы наряду с текущими делами он отдает распоряжения в Москву по самым разнообразным вопросам (т. II, стр. 419).

Книга М. Богословского содержит обильные данные по истории быта и нравов конца XVII столетия, в ней немало также материала для характеристики варварства Петра I и его спутников. В Лондоне, например, они привели в негодность дом, где останавливались, так много было там разрушено, испорчено и изломано русскими постояльцами. Петр I любил присутствовать, будучи заграницей, на публичных казнях преступников и даже для подарка Ромодановскому не нашел ничего лучшего, как прислать ему в Москву из-за границы усовершенствованный топор для отрубания голов.

М. Богословский останавливается на любопытном эпизоде, который передает один из иностранцев, где Петр I выступает «с чертами не знающего удержу своему произволу восточного деспота, попавшего в цивилизованную европейскую страну». В Голландии он разгневался на двух русских лиц, его сопровождавших, которые резко осуждали его поведение, как роняющее сан царя. Петр I приказал заковать их в цепи и затем отрубить им головы, и только вмешательство амстердамских бургомистров предотвратило казнь, которая заменена была им ссылкой в голландские колонии. М. Богословский полагает, что речь идет о действительно происшедшем случае — о ссылке в Ост-Индию князей Шаховских, Нестерова и Леонтьева (т. II, стр. 172).

И во II томе автор предоставляет читателю чаще всего самому делать выводы из его «материалов». Отдельные интересные замечания автора, разбросанные на обширном пространстве целого тома, остаются не сведенными в одно целое. Автор воспроизводит жизнь Петра I «день за днем», и читатель чувствует себя несколько подавленным перед воскрешенной историком сложной, полной множества деталей, разнообразия и неизбежных повторений исторической действительностью. Отсутствует в его книге и анализ классовых черт в личности Петра I и его сотрудников.

Полная научная характеристика Петра I как личности и выяснение его роли как исторического деятеля должны явиться делом будущих историков, вооруженных марксистско-ленинским методом. Для понимания личности Петра I необходимо исходить из марксистского учения о роли крупных исторических деятелей в истории. «Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю,— говорит товарищ Сталин.— ...Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить»[1]. Таким крупнейшим историческим деятелем, несомненно, был Петр I.

Следует отметить тщательность издания труда М. Богословского, прекрасный подбор иллюстраций, подробные примечания и указатели; подготовка издания отлично выполнена Н. А. Баклановой под редакцией проф. В. И. Лебедева. Но в вину Соцэкгизу следует поставить серую и непрочную бумагу, на которой иллюстрации напечатаны неотчетливо и шрифт не всегда достаточно четок. Надо надеяться, что в следующих томах этот недостаток будет исправлен.

Труд М. Богословского несмотря на отдельные возражения, которые вызывают методологические приемы и общеисторические взгляды автора, является крупным вкладом в литературу по эпохе Петра I и в историческую литературу в целом. Впервые дается столь обширное, полное и детальное изображение жизни и личности Петра I,

---

[1] И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 4. 1938.

быта и нравов русского общества того времени. Издание этой работы вместе с тем должно привлечь внимание советских историков к сложным проблемам научной разработки биографий выдающихся исторических деятелей нашей истории.

Б. Кафенгауз, Г. Новицкий

ЧАГИН Б. Борьба Ленина за марксистский материализм в девяностых годах. Соцэкгиз. М. и Л. 1940. 239 стр. 6 руб.

Автор рецензируемой книги поставил перед собой очень важную задачу — изложить историю борьбы Ленина за марксистский материализм в 90-х годах, против народничества, «легального марксизма» и «экономизма» (стр. 3).

У нас почти нет специальных работ, излагающих и популяризирующих философское содержание ленинских произведений 1894—1905 годов. Автор книги подошел к изучению произведений Ленина этого периода, так сказать, с их философской стороны и попытался показать, что борьба Ленина с идейными врагами марксизма была одновременно и борьбой за защиту и дальнейшее развитие марксистской философии — диалектического материализма.

В первой главе книги рассматривается борьба Ленина за марксистский материализм, против народничества. Автор показывает, как уже в первых своих работах Ленин проявляет себя мастером материалистической диалектики. Критикуя метафизические и эклектические взгляды народников, Ленин в своих сочинениях дает изложение основных черт марксистского диалектического метода и показывает, как нужно применять его для решения вопросов революционной теории и практики. Особенно важное значение имели критика Лениным субъективно-идеалистической социологии народников и защита основных положений марксистского исторического материализма. Отметив классовую сущность «легального марксизма» как либерально-буржуазной идеологии, автор книги останавливается подробно на критике Лениным неокантианской философии, «экономического материализма» и «объективизма» «легальных марксистов».

Автор указывает, что социологические и философские взгляды «легальных марксистов», извращавших революционный марксизм в объективистском духе, способствовали народнической клевете на марксистов. Поэтому отмежевание Ленина от «легальных марксистов» и беспощадная критика их в 90-х годах имели исключительное значение в деле создания марксистской партии.

Последняя, третья глава книги посвящена изложению борьбы Ленина за марксистский материализм, против бернштейнианства и «экономизма». В книге показывается, что бернштейнианцы и их русская разновидность — «экономисты», — извращая марксистскую теорию вообще, извращали также философские основы марксизма и отрицали материалистическую диалектику. Автор излагает ленинскую критику оппортунистической догмы «экономистов» о первенстве экономики над политикой и теорию стихийности в рабочем движении как теоретическую основу оппортунизма вообще.

Автор привлек для своей работы свежий материал из русской и иностранной печати того времени. Он приводит яркие и интересные места из сочинений народников, «легальных марксистов», бернштейнианцев и «экономистов» и показывает тесную идейную связь русского и международного ревизионизма.

Излагая ленинскую критику реакционных и ревизионистских течений и защиту Лениным марксистской теории, автор приводит по затронутому вопросу важнейшие высказывания Ленина и Сталина, сделанные в позднейшее время, и показывает тем самым идейную преемственность важнейших произведений основоположников марксизма-ленинизма, написанных в различное время и в различных исторических условиях.

В книге Б. Чагина кратко рассказывается о той борьбе, которую вел товарищ Сталин в это же время против «легальных марксистов» и «экономистов» в Закавказье.

Отмечая важное значение работ Г. В. Плеханова в критике народнической идеологии, автор совершенно правильно указывает также и на ошибки Плеханова, послужившие зародышем его меньшевистских взглядов.

Однако рецензируемая книга имеет крупные недостатки. Мы укажем на некоторые из них.

Автор рассматривает теоретическую борьбу 90-х годов без всякой связи с исторической обстановкой, с условиями классовой борьбы в тот период. Поэтому различные теоретические вопросы излагаются в книге самодовлеюще, они как бы висят в воздухе, и для читателя неясно, почему так злободневны были эти проблемы (например вопросы о внутреннем рынке, о капитализме в деревне, об экономике и политике и т. д.) и так страстны споры вокруг них.

Автор не излагает самого хода истории теоретической борьбы, не показывает ее развития. Он не излагает, например, народнической идеологии в целом, не показывает ее эволюции, а берет отдельные вопросы и противопоставляет взглядам народников взгляды Ленина. Ленинская критика народничества дается частями, по кусочкам. В силу этого теряется своеобразие ленинской постановки и разрешения различных теоретических вопросов.

Совершенно недостаточно останавливается автор на критике идеалистической теории народников о «героях» и «толпе» и связанном с этой теорией вреднейшем методе борьбы — индивидуальном терроре. В частности совсем не использованы ленинские указания против заговорщической тактики народников, имеющиеся в «Задачах русских социал-демократов» и в других сочинениях

Ленина. Из работы Ленина «От какого наследства мы отказываемся» автор берет известную характеристику главнейших черт народнической идеологии, но мало использует основные теоретические положения, развернутые Лениным в этой замечательной статье.

Тов. Чагин не сумел глубоко осветить трактуемые им проблемы и сосредоточить внимание читателя на основных вопросах. Книга чрезвычайно распухла, в ней имеется много общих мест и повторений. Трудно указать, каких вопросов революционной теории не коснулся в своей книге тов. Чагин. Он касается многих теоретических вопросов, говорит обо всем, но говорит поверхностно, не углубленно, без надлежащего анализа.

Не везде указаны авторы цитируемых статей, иногда говорится просто: «Писал один из последышей либерального народничества» (стр. 85). Не всегда указаны источники, откуда взята та или другая цитата, многие названия книг, статей и т. д. даются на иностранных языках без перевода на русский и т. д. Язык книги беден, тяжел, изложение растянуто. Никаких примеров и иллюстраций для пояснения изложения не приводится; книга трудно читается.

Все это приводит нас к мысли, что книга тов. Чагина требует серьезной переработки и значительного сокращения.

И. Ганичев

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

«Deutschland— England 1933—1939». Die Dokumente des deutschen Friedenswillens. Herausgegeben von Prof. Dr. Fritz Berber. 1940. Essener Verlagsabstalt.

«Германия—Англия 1933—1939 гг.». Документы о германских мирных намерениях. Изданы проф. доктором Фрицем Бербером.

Вышедшая в 1940 г. в Германии книга «Германия — Англия 1933—1939 гг.» представляет собой сборник документов, характеризующих англо-германские отношения на протяжении последних 7 лет, предшествовавших возникновению новой империалистической войны в Европе. Книга содержит 106 документов. из которых 13 публикуются впервые. Большинство документов приведено в выдержках, и каждому из них предпосланы комментарии, составленные известным германским публицистом, руководителем Института внешней политики д-ром Фрицем Бербером.

В течение этих 7 лет катастрофически обострились все империалистические противоречия, рухнула сложная система послевоенного «мира» с ее Лигой наций и целой паутиной взаимных договоров, гарантий, блоков и соглашений. На глазах у Англии снова вырастал ее смертельно опасный империалистический соперник — Германия. Приход к власти в Германии национал-социалистов знаменовал собой во внешней политике курс на полную ликвидацию версальского диктата. Перед английской дипломатией стал вопрос о выборе пути. По мнению Ф. Бербера, начиная с 1933 г. Англия, не задумываясь, пошла по пути окружения Германии и изоляции ее.

«Эти документы,— пишет Ф. Бербер,— с полной ясностью выявляют военную цель Англии, направленную к тому, чтобы отбросить Германию назад к Версалю, наложить на нее цепи, еще более тяжкие чем цепи Версаля». Исходя из этой оценки, Ф. Бербер старается в своих комментариях наметить единую линию английской политики, линию, неизменно враждебную Германии. Сейчас уже нельзя сомневаться в том, что «генеральной» линией английской внешней политики перед европейской войной была линия на столкновение Германии и СССР, с тем чтобы всемерно ослабить эти два великих государства Европы: Это было мечтой английских империалистов, которую они лелеяли еще задолго до войны 1939 года. Исходя из этих устремлений, Англия вплоть до начала 1939 г. делала ставку на усиление Германии, надеясь использовать ее силы в борьбе против СССР, с тем чтобы в этой же борьбе сокрушить ее мощь. Эта линия английской политики находит достаточно подтверждений в приводимых Бербером документах.

Документы 1933 г., которыми начинается книга, касаются главным образом двух событий: конференции по разоружению и выхода Германии из Лиги наций. Участвуя в работах конференции по разоружению, Германия выдвинула требование признания за ней равноправия. Франция, сопротивляясь этим требованиям, настаивала на гарантии ее безопасности. Английская точка зрения была четко сформулирована министром иностранных дел Джоном Саймоном в речи по радио 7 июня 1933 г. (№ 5). «Речь идет о том,— сказал Саймон в своем выступлении,— чтобы согласовать стремление Германии к равноправию с французскими требованиями безопасности». Признавая, однако, за Германией равноправие в вооружениях, Англия отказалась дать Франции гарантии безопасности. Как известно, эта тактика Англии привела конференцию к краху и выходу Германии из Лиги наций.

Прямым результатом краха конференции по разоружению явилась еще более усиливщаяся гонка вооружений. Как известно, 16 марта 1935 г. германское правительство объявило о введении всеобщей воинской повинности и восстановлении своих вооруженных сил (№ 15). Этот акт Германии коренным образом изменил международную ситуацию. Вместо слабой, разоруженной Германии появилась мощная держава, вновь способная заявить о своих претензиях. Англия заявила протест в ноте от 18 марта 1935 г. (№ 16). Но тайна политики Англии была раскрыта английской прессой. «Следует попытаться понять,— писал реакционный журналист Уорд Прайс в «Daily Mail»,— положение Германии, пойти ей навстречу во всех пунктах, которые не наносят ущерба нашим интересам, и, обменявшись с ней обязательствами

по гарантированию существующих границ, предоставить ей свободу действий на востоке Европы». Не возражая против усиления сухопутных вооруженных сил Германии, Англия в то же время старалась застраховать себя от возможной опасности со стороны Германии в воздухе и на море.

Обеспокоенная угрозой нового морского соперничества с Германией, Англия в июне 1935 г. пошла с последней на морское соглашение, установившее пропорцию между германским и английским флотом, как 35 : 100 (№ 20). Встревоженная одновременно быстрым ростом германской авиации, Англия выдвинула идею заключения так называемого воздушного пакта. Настаивая на скорейшем его подписании, английский министр иностранных дел Самюэль Хор в своем выступлении 11 июля 1935 г. в палате общин всячески пытался рассеять опасения, что подобный пакт может увеличить опасность войны на востоке Европы (№ 21).

Характерно, что, по английскому плану, Советский Союз исключался из числа участников воздушного пакта. Однако идея пакта повисла в воздухе, так как Германия, уже опередившая Англию в строительстве воздушных сил, восприняла с полным равнодушием предложения англичан.

Истинный смысл английской политики описываемого периода нашел чрезвычайно правильную оценку на страницах английского журнала «Time and Tide». Женевский корреспондент газеты «Manchester Gardian» Роберт Делл писал в этом журнале 13 июля 1935 г.: «На континенте создалось почти всеобщее мнение, что цели английской политики заключаются в следующем: укрепить Германию таким образом, чтобы уравновесить влияние Франции и СССР; избежать конкуренции Германии на море и ее притязаний на колонии, предоставив Гитлеру свободу действий в Восточной Европе, и, наконец, поощрять агрессивные планы Германии и Японии против Советской России. Так думают почти все американцы, с которыми я разговаривал на эту тему».

7 марта 1936 г. Германия ввела свои вооруженные силы в рейнскую демилитаризованную зону и одновременно объявила о расторжении локарнских соглашений 1925 года. Англия, будучи гарантом локарнского договора, отказалась от выполнения своих гарантийных обязательств. Выступивший в палате общин 26 марта 1936 г. Иден призвал «создать атмосферу доверия, в которой могли бы иметь место переговоры» (№ 32).

В 1937 г. пост британского премьер-министра занял Невиль Чемберлен, затративший огромные усилия, для того чтобы удалить войну от английских берегов на далекие европейские поля. С приходом Чемберлена к власти указанные тенденции английской внешней политики приняли законченный характер. Они вылились в целую доктрину так называемой политики «невмешательства». Цель этой политики состояла в том, чтобы «...дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия» [1].

В конце 1937 г. английское правительство попыталось установить более тесный контакт с Германией. В ноябре в Берлин отправляется со специальной миссией лорд Галифакс. Передавая по приезде свои впечатления от берлинского визита, Галифакс говорил о двухлетней годовщине англо-германской дружбы.

Большая часть английской печати встретила поездку Галифакса в Берлин весьма отрицательно. Особенно резкие нападки она вызвала со стороны газеты «Manchester Gardian», которая утверждала, что политика, проводимая правительством Чемберлена, приведет к ослаблению связей с союзниками. Дипломатический обозреватель газеты утверждал, что в процессе переговоров Германия якобы в числе других выдвинула следующие главные условия: 1) Германия готова вступить в Лигу наций, если будет осуществлен ряд условий, относящихся к определенным пунктам версальского договора, и признан итальянский суверенитет над Абиссинией; 2) Германия требует от Англии реорганизации чешского государства по образцу швейцарской союзной системы, при которой Судетская область войдет туда в качестве кантона; 3) Германия не будет в течение 6 лет затрагивать колониального вопроса.

Газета «Manchester Gardian» требовала отклонения этих предложений, так как принятие их означало бы, по мнению газеты, «кризис англо-французских отношений» и помешало бы англо-американским отношениям (№ 46).

Хотя утверждения газеты «Manchester Gardian» были официально опровергнуты в Берлине, но по ходу последующих событий их можно считать во многом правдоподобными.

Чемберлен в своем выступлении в палате общин 21 декабря 1937 г., опровергая также постановку Германией каких бы то ни было конкретных условий, все же подчеркнул, что в результате переговоров Галифакса в Берлине для английского правительства стали ясны те вопросы, от разрешения которых зависит возможность «сотрудничества двух наций вместо неприязни и недоверия» (№ 48).

Начатые в конце 1937 г. переговоры с Германией Англия продолжала и в начале 1938 г. через своего посла в Берлине Невиля Гендерсона. В одной из бесед с германским министром иностранных дел Нейратом Гендерсон заверил его в том, что английское правительство «твердо решило пойти навстречу Германии в колониальном вопросе», но для его разрешения требуется, чтобы «германская сторона пошла при этих переговорах на некоторые компенсации». Одновременно Гендерсон сделал предложение Германии вновь возвратиться в Лигу наций, которая будет при этом реорганизована (№ 49).

---

[1] И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 13. Госполитиздат. 1939.

Идея реорганизации Лиги наций, которую несколько позже развил сам Чемберлен в одном из своих выступлений в Бирмингаме (апрель 1938 г.), как известно, сводилась к окончательному срыву фронта коллективной безопасности. План английских консерваторов был рассчитан на вовлечение Германии в Лигу наций, которая в реорганизованном виде явилась бы штабом организации войны против СССР. Как раз в период англо-германских переговоров, 11 марта 1938 г., германские войска вступили в Австрию — и последняя была объявлена частью Германской империи.

Отношение Англии к австрийским событиям нашло выражение в речи Чемберлена 8 апреля 1938 г. в Бирмингаме. «Я не думаю,— заявил он,— что народ нашей страны может быть одержим желанием препятствовать стремлению двух государств объединиться». Дальнейшие планы английского империализма были связаны с чехословацким вопросом. Отсюда рождается план — во что бы то ни стало оторвать Чехо-Словакию от Советского Союза, план так называемой нейтрализации Чехо-Словакии.

В своем выступлении 26 июля 1938 г. Чемберлен выразил твердую уверенность в том, что чехословацкий вопрос будет разрешен мирным путем и тем самым «откроется дорога ко всеобщему умиротворению». Усилия английской дипломатии, как известно, увенчались полным успехом. Состоялось пресловутое соглашение четырех держав (Англия, Германия, Франция и Италия) в Мюнхене. Чемберлен обменялся с Гитлером обязательством — «никогда не вести войны друг с другом, разрешать все спорные вопросы консультативным путем для вечного и полного сохранения мира в Европе» (стр. 157). Комментируя поведение Чемберлена в Мюнхене, Ф. Бербер видит в этом только маневр, рассчитанный на отсрочку военного столкновения ввиду неподготовленности к нему Англии.

С этой оценкой английской политики в период Мюнхена нельзя согласиться. Англия надеялась откупиться от германских претензий и толкнуть Германию на восток, против СССР. Не случайно вслед за Мюнхеном англо-американская и французская печать подняла подозрительный шум о германских планах присоединения Советской Украины к Закарпатской Украине, шум, который, по словам товарища Сталина, «имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований»[1]. Очень скоро, однако, деятели той же самой прессы начали писать о том, что «немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний»[2].

Действительно, Гитлер, выступая в рейхстаге 30 января 1939 г., заявил, что «Германия не имеет к Англии и Франции никаких территориальных притязаний, кроме возвращения наших колоний» (№ 76). Но английскому министру колоний Малькольму Макдональду этот вопрос казался трудно разрешимым, так как он «зависит от других великих держав и самих колониальных народов», которые, мол, сами должны выразить свою волю (№ 71). Выдвинув колониальные требования, Германия одновременно предприняла дальнейшие шаги по укреплению своих позиций в Центральной Европе. Весной 1939 г. рухнул мюнхенский договор, памятник «миротворческих» усилий Чемберлена. Возможность военного столкновения в Европе стала реальной, как никогда. При этом война пошла явно не по тому пути, который уготовили ей празящие круги Англии. Надежды на германо-советские столкновения оказались призрачными.

Все более вероятным становился взрыв войны на западе Европы, а не на востоке. Запоздалое сознание краха всех своих политических расчетов заставило английских империалистов круто сменить вехи своей внешней политики. От политики сотрудничества с Германией Англия поворачивает весной 1939 г. к политике военной и дипломатической подготовки войны с ней. Выступая 17 марта 1939 г. в Бирмингаме, Чемберлен выразил возмущение оккупацией Чехо-Словакии и сделал воинственное заявление о том, что Англия готова защищать демократию и отклонить всякие притязания на мировое господство (№ 80). Через три дня министр иностранных дел Галифакс отрекся в палате лордов от мюнхенской политики, признав ее ошибочной (№ 81). Английское правительство отказалось принять немецкого торгового представителя. Невиль Гендерсон (английский посол в Германии.—*А. Г.*) был вызван в Лондон для доклада. 22 марта Англия обменялась с Францией нотами о взаимной помощи в случае военного нападения Германии. 31 марта Чемберлен информировал палату общин о том, что английское правительство взяло обязательство перед Польшей об оказании ей военной поддержки в случае угрозы ее независимости (№ 82).

Такого же характера гарантии были даны Англией 13 апреля Греции и Румынии с одновременным предоставлением этим странам финансовой помощи ввиде займов. В конце апреля англо-германские отношения обострились еще больше в связи с отказом Германии от морского соглашения с Англией, заключенного в 1935 г. (№ 86). Все свидетельствовало о быстром приближении войны. 22 августа 1939 г., в момент крайнего обострения германо-польских отношений, Чемберлен обратился с личным письмом к Гитлеру, в котором подчеркнул, что Англия намерена выполнить взятые на себя по отношению к Польше обязательства.

Чемберлен предложил начать непосредственные переговоры между Берлином

---

[1] И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 14.

[2] Там же, стр. 15.

и Варшавой, с тем чтобы достигнутое соглашение было гарантировано другими державами. Одновременно 24 августа Чемберлен заявил в палате общин о подготовке мобилизации. В интервью с английским послом Невилем Гендерсоном 25 августа Гитлер заявил, что польские провокации стали нестерпимы и что проблема Данцига и коридора должна быть разрешена. Гитлер предлагал следующие основы установления мира: 1) ограниченные колониальные требования Германии должны быть обсуждены мирным путем и могут быть выполнены в длительные сроки; 2) обязательства Германии по отношению к Италии остаются неприкосновенными; 3) Германия имеет твердую решимость не вступать никогда более в конфликт с Россией.

«Фюрер,— говорилось в интервью,— готов заключить с Англией соглашения, которые, как это уже подчеркивалось, не только гарантируют существование Британской империи при всех обстоятельствах в той мере, в какой это зависит от Германии, но они также будут заключать в случае необходимости заверение Британской империи о германской помощи, независимо от того, где такая помощь окажется необходимой» (№ 94).

28 августа английское правительство ответило на эти заявления Гитлера меморандумом, переданным последнему через английского посла в 10 ч. 30 м. вечера. В этом меморандуме было заявлено желание мирного разрешения германо-польского конфликта и вновь повторено предложение Чемберлена от 22 августа о непосредственных переговорах между Германией и Польшей.

Делая вторично подобное предложение, Чемберлен заранее мог рассчитывать на упорное сопротивление со стороны Польши, опиравшейся на англо-французские гарантии. В английской «Синей книге» мы находим заявление английского посла в Варшаве Кеннарда о том, что польское правительство не примет германских условий, так как «теперь она (Польша. — *А. Г.*) имеет Великобританию в качестве союзника, Франция подтвердила свою готовность оказать ей помощь, а мировая общественность единодушно... поддерживает Польшу в ее сопротивлении навязываемому ей соглашению».

Польское правительство фактически сорвало эти переговоры, объявив 30 августа всеобщую мобилизацию. В ночь на 1 сентября началась германо-польская война. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Так началась европейская война. Это был неизбежный финал английской политики за весь описываемый период. И когда в октябре 1940 г. Гитлер обратился к Англии с мирными предложениями (№ 105), последняя их отвергла, взяв на себя таким образом ответственность за продолжение войны.

А. Георгиев

ВОЛГИН В. Социальные и политические идеи во Франции (1748—1789). Изд-во АН СССР. 1940.

Новая работа акад. В. П. Волгина является первой в нашей литературе попыткой дать связный и детальный анализ социальных и политических идей «века просвещения» под углом зрения марксистско-ленинского учения. Но и в немарксистской исторической литературе при изобилии отдельных монографических исследований, посвященных тем или иным писателям и мыслителям этой эпохи или отдельным частным вопросам, не так уж много серьезных работ сводного характера. Работа Р. Виппера[1] является, скорее, собранием отдельных очерков, или «характеристик», как выражается сам автор. Книга Рокена[2] посвящена не общественным учениям, в собственном смысле этого слова, а росту оппозиционных настроений во Франции на фоне исторических событий начиная с эпохи регентства и до созыва Генеральных штатов. Книга Эспинаса[3] тоже является собранием отдельных очерков о социальных идеях как дореволюционного периода, так и эпохи революции, причем добрая ее половина отведена Бабефу и бабувизму. Новое произведение Морнэ[4] является, безусловно, ценным и наиболее капитальным исследованием о распространении перед революцией «философских» идей. Автор шаг за шагом изучает распространение нового мировоззрения и новой, «гуманитарной» морали, а также новых социально-политических концепций среди различных слоев французского общества как в Париже, так и в провинции и роль и влияние в этом отношении прессы, академий, литературных обществ, преподавания и т. п. Рассмотрение самых этих идей занимает поэтому в его работе подчиненное место, причем большое внимание автор уделяет второстепенным и третьестепенным писателям, которыми интересуется опять-таки с точки зрения популяризации в широких кругах общества тех или иных воззрений. В противоположность Морнэ, Сэ[5] пытался дать подробный и связный анализ различных направлений социально-политической мысли во Франции в XVIII в., но несмотря на удачное обобщение накопленного материала, обнаруживает часто полную методологическую беспомощность.

Работа В. П. Волгина распадается на две части. В первых четырех главах книги рас-

[1] Виппер Р. «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв.». М. 1900.

[2] Рокен Ф. «Движение общественной мысли во Франции в XVIII в.». СПБ. 1902.

[3] Espinas A. «La philosophie sociale du XVIII siècle et la révolution». Paris. 1898.

[4] Mornet D. «Les origines intellectuelles de la révolution française (1715—1787)». 3-éme éd. Paris. 1938.

[5] Sée H. «L'évolution de la pensée politique en France au XVIII siècle». Paris. 1925.

сматриваются социальные идеи второй половины XVIII столетия. Автор начинает с учений, идеализировавших буржуазный порядок. К таковым прежде всего относится учение физиократов. Руководствуясь известными указаниями К. Маркса в «Теориях прибавочной стоимости», В. П. Волгин дает сжатую, но всестороннюю характеристику их воззрений, начиная с теории естественного права и кончая их экономическими взглядами. Он обращает специальное внимание на учение физиократов об общественных классах — на схему трехчленного деления общества Кенэ и дальнейшее развитие этой схемы Тюрго, различавшим уже в классе земледельцев капиталистических фермеров и батраков, а в торгово-промышленном классе — предпринимателей и наемных рабочих.

Особо следует подчеркнуть, что В. П. Волгин вполне обоснованно отделяет группу Гурнэ, которую часто отождествляли с физиократами, от физиократической школы в собственном смысле этого слова, поскольку сторонники Гурнэ, резко критикуя экономическую политику меркантилистов и провозглашая знаменитый лозунг «Laissez faire, laissez passer», отвергли в то же время учение Кенэ о «чистом продукте» и «производительности» земледелия и «непроизводительности» промышленности.

Крупнейшим идеологом мелкой буржуазии «века просвещения» был, несомненно, Руссо. В противоположность физиократам Руссо не признает собственность естественным правом, хотя практически объявляет ее незыблемой основой общественного порядка. Он считает возможным вмешательство государства в хозяйственную жизнь в целях предотвращения накопления слишком больших богатств. Прогрессивный налог на имущество, налог на предметы роскоши и ограничение наследственных прав — таковы средства, которые предлагает Руссо для смягчения существующего общественного неравенства. Более радикальные меры уравнительного характера ввиде запрещения частной торговли и установления максимума земельной собственности рекомендует он для экономически неразвитых обществ вроде Корсики.

Из многочисленных представителей руссоистской школы В. П. Волгин останавливается на Госселене, выдвинувшем в своем произведении «Размышления гражданина», появившемся накануне революции, в 1787 г., проект уравнительного земельного передела в самой Франции. Следует лишь добавить, что Госселен при этом не был одинок. В конце 80-х годов подобные идеи «черного передела», предвещавшие проекты «аграрного закона» эпохи революции, пропагандировались и Бабефом в его «Постоянном кадастре», и Ретифом де ля Бретон в его проекте «Тесмограф», и другими.

Против экономического либерализма физиократов боролась не только школа Руссо: «Против буржуазно-либеральных идеалов современных ему просветителей и против начинающегося господства буржуазии»[1] вел борьбу и такой оригинальный мыслитель, как Ленге, резко критиковавший уже систему наемного труда, хотя он, по словам К. Маркса, и облекал свою критику в «реакционную оболочку», превознося рабство и рассматривая социальную революцию как наихудшую катастрофу. Даже такой человек, как Неккер, всецело стоявший на почве буржуазного строя, обосновывая в полемике с физиократами необходимость государственного регулирования хлебной торговли, критиковал принцип экономической свободы.

Советский исследователь обращает, естественно, особое внимание на идеи и доктрины XVIII в., которые обычно или вовсе игнорируются буржуазными учеными или отодвигаются ими на второй план. Речь идет о коммунистических теориях, свидетельствующих «о смутных чувствах недовольства и возмущения, о смутных чаяниях, которые растут в среде пролетариата и предпролетариата» (стр. 62). Крупнейшим представителем коммунистической теории XVIII в., безусловно, является Морелли, «Кодекс природы» которого оказал самое непосредственное влияние на идейное формирование Бабефа. Свой коммунизм Морелли обосновывает, однако, чисто рационалистически, как соответствующий природе «разумный и естественный порядок», для осуществления которого достаточно лишь просветить людей.

Близок к Морелли в своей социальной теории и аббат Мабли, также признающий коммунизм идеальным общественным строем. Но в своих практических предложениях он выступает лишь с уравнительной программой в руссоистском духе. Коммунистические идеи пропагандировались и целым рядом других второстепенных писателей, из коих В. П. Волгин специально останавливается на Буасселе, в произведении которого — «Катехизис человеческого рода» — делается уже попытка наметить переходные мероприятия для достижения коммунизма.

Несомненный интерес представляют также кооперативные проекты этой эпохи, среди авторов которых В. П. Волгин справедливо выделяет такого интересного и своеобразного писателя, как сын крестьянина и бывший типографский рабочий Ретиф де ля Бретон. Добавим лишь, что характеристика Ретифа как автора кооперативных проектов верна только для предреволюционного периода. В эпоху революции Ретиф, уже и до этого признававший своим теоретическим идеалом коммунизм, окончательно переходит на коммунистические позиции и открыто причисляет себя в эпоху заговора Бабефа к «республиканцам-демократам-коммунистам».

Вторая часть работы В. П. Волгина посвящена рассмотрению политических теорий «века просвещения».

Характеризуя теорию «просвещенного абсолютизма», автор детально останавливается на политическом учении физиократов,

---

[1] К. Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. I, стр. 57. Партиздат. 1936.

давших эту теорию в наиболее разработанной, наиболее последовательной форме. «Легальный деспотизм» физиократов представлял не идеализацию «старых порядков», а, наоборот, должен был, по их мнению, стать орудием буржуазного переустройства общества, что, конечно, являлось политической утопией, как то доказали реформаторские попытки Тюрго.

Наряду с «просвещенным абсолютизмом» большое влияние на буржуазные оппозиционные круги имела и теория ограниченной монархии, родоначальником и авторитетнейшим представителем которой был Монтескье. В. П. Волгин весьма тщательно анализирует «Дух законов» — «громадное собрание афоризмов, иногда очень тонких и остроумных, зачастую противоречивых» (стр. 98). Но при всей противоречивости высказываний Монтескье несомненно, что к деспотизму он относится резко отрицательно, к республике питает симпатии чисто платонического характера и явное предпочтение отдает английским политическим порядкам, своеобразно им интерпретируемым и стилизуемым в торийском духе. Программа Монтескье, этого убежденного представителя теории политического компромисса, была, таким образом, крайне умеренной, но она пользовалась большим влиянием среди буржуазных политиков в первый период революции.

Ограниченная монархия являлась также политическим идеалом энциклопедистов, выдвигавших уже и идею народного суверенитета. Но идея эта получила свое полное развитие в демократической теории, наиболее выдающимся представителем которой был Руссо. Идеи общественного договора и народного суверенитета проведены им с исключительной последовательностью. «Именно в той форме, какую им придал Руссо, эти идеи были усвоены подлинными республиканцами эпохи революции — якобинцами» (стр. 149). Но Руссо — не единственный поборник демократической теории: и для Мабли источником верховной власти являлся народ. В противоположность Руссо, Мабли отвергал систему прямого народного законодательства и защищал идею народного представительства, причем, однако, высказывался как будто за известное ограничение избирательного права. Его политическим идеалом была республика или, в крайнем случае, такая монархия, в которой король был бы лишен всякой реальной власти и сохранял лишь декоративно-символическое значение.

Заключительную главу своей работы В. П. Волгин посвящает буржуазному радикализму накануне революции в лице Кондорсэ, выдвигавшего уже лозунг созыва национального собрания, и Сийеса, обосновывавшего права третьего сословия.

Свою работу В. П. Волгин ограничивает, как видим, определенными рамками.

Прежде всего автор справедливо ограничивается рассмотрением лишь прогрессивных социальных и политических идей XVIII в., не касаясь реакционной идеологии, защищавшей старые устои, хотя, конечно, и идеи этой категории принадлежат к социальным и политическим идеям изучаемой им эпохи в широком смысле этого слова. В XVIII в. наряду с направлением «философским» было направление «антифилософское». Фрерон со своим журналом «Année littéraire», Ривароль еще со своими дореволюционными произведениями, критик Клеман, Сабатье, Лефран, поэты Жильбер, Трэогат, Шассеньон и многие другие составляли целую «антифилософскую» группу, боровшуюся за традиционное мировоззрение и «старых богов». Все они не только защищали традиционное религиозное мировоззрение и основанную на нем мораль против «разрушительной» критики «философов», но одновременно не менее рьяно и подчас искренне превозносили, обосновывали и идеализировали старые политические и социальные порядки: обожествляли королевскую власть, защищали привилегии дворянства, боролись против идей равенства и свободы, клеймили английский парламентаризм, провозглашали социальное неравенство божественным установлением. Для современных тенденций буржуазной науки характерно внимание, уделяемое в последнее время этой реакционной идеологии «века просвещения» [1]. Думается, однако, что, отнюдь не идя по этому пути, не мешало бы все же для полноты картины и лучшего уяснения характера идейной борьбы накануне революции сказать несколько слов и об этом течении французской общественной мысли предреволюционного периода.

В книге В. П. Волгина мы не находим также анализа не только безусловно интересных и значимых общественных воззрений французских материалистов Гельвеция и Гольбаха (хотя последний имеет даже специальные трактаты, посвященные «социальной системе» и «истинным принципам правительства»), но из ее рамок фактически выпадает даже Вольтер.

Вольтеру В. П. Волгин посвящает буквально всего несколько строк. Так, говоря об идеях «просвещенного абсолютизма», он мимоходом замечает: «Идеализация «просвещенного монарха» нашла свое отражение также в многочисленных политических произведениях и исторических трудах Вольтера, несмотря на высказываемые им иногда симпатии к английской конституции. Не без основания А. Сорель называет «Dictionnaire philosophique» программой просвещенного абсолютизма» (стр. 89). Столь же случайно имя Вольтера упоминается и в других местах (стр. 97 и 159).

Можно, конечно, согласиться с В. П. Волгиным, что «Вольтер отнюдь не был политическим теоретиком» (стр. 159) в смысле отсутствия у него систематического изложения политических и социальных доктрин. Ничего подобного «Духу законов» и «Общественному договору» мы у Вольтера, разумеется, найти не можем. Свои политические воззрения Вольтер распыляет по многочисленным «философским» произведе-

[1] См., например, ценное по собранным материалам исследование K. Wais «Das antiphilosophische Weltbild des französischen Sturm und Drang 1760—1789». Berlin. 1934.

ниям, брошюрам, памфлетам. Самая большая систематизация, на какую он способен,— это дать в своем «Философском словаре» пояснение таким общественно-политическим терминам и понятиям, как власть, демократия, правительство, свобода печати, равенство, налоги, собственность и т. п.

Но Вольтер имел, несомненно, свою систему политических воззрений. Как убедительно показал Сэ в своих работах[1], то была именно вполне определенная система взглядов, а отнюдь не хаотическое нагромождение различных, подчас противоречивых идей, как полагали некоторые исследователи. При этом Вольтер вовсе не был банальным поклонником «просвещенной» абсолютной монархии. Отнюдь не будучи демократом, не считая возможным участие в управлении «тех, кто не имеет ни земель, ни домов», считая республику, теоретически им восхваляемую, пригодной лишь для маленьких государств, Вольтер вполне определенно защищал идею ограниченной монархии, обеспечивающей прежде всего гражданские свободы: свободу совести, свободу мысли, свободу и неприкосновенность личности,— «права человека», как выражался подчас он сам. Он готов был примириться с монархом-«философом», гарантирующим своим подданным эти права, но абсолютизм не был его политическим идеалом. Настойчивая пропаганда им английских конституционных порядков отнюдь не носила у него теоретического характера. Вольтер упорно подчеркивал и обосновывал превосходство подобной политической системы, действительно способной обеспечить «естественные права» граждан. Только подобный политический режим он считал незыблемым, предсказывая неизбежное крушение старых порядков в других странах. «Нужно полагать,— писал он в своем «Философском словаре»,— что конституция, определившая права короля, знати и народа и при которой каждому обеспечивается безопасность, будет существовать столько же, сколько будет существовать само человечество (choses humaines). Нужно также полагать, что все государства, не основанные на подобных принципах, испытывают революции».

Столь же определенны и социальные воззрения Вольтера, хотя они также не были им нигде систематизированы. Право собственности—одно из тех «естественных прав», которые он защищает неустанно. Его знаменитая вражда с Руссо не носила характера личной ссоры, а имела, несомненно, гораздо более глубокие корни и была непосредственно связана с различными классовыми настроениями обоих корифеев «века просвещения». Издеваясь над Руссо, Вольтер не случайно называл его не только «необщественным животным» и «шарлатаном», но и «босяком, которому бы хотелось, чтобы все богачи были ограблены бедняками». Вольтер был непоколебимо убежден в необходимости общественного неравенства и защищал эту идею со всей решительностью и последовательностью: «На нашем несчастном земном шаре невозможно, чтобы люди, живущие в обществе, не были разделены на два класса: класс богатых, который повелевает, класс бедняков, который служит».

Отсутствие в книге В. П. Волгина детального анализа социально-политических взглядов Вольтера не может поэтому не вызывать у читателя недоумения, тем более что В. П. Волгин рассматривает ведь политические воззрения энциклопедистов, тоже нигде не систематизированные и разбросанные по различным статьям «Энциклопедии». С другой стороны, В. П. Волгин касается в своей работе и характерного для эпохи рационалистического мировоззрения и вопросов философии истории, разбирая, например, теорию общественного прогресса Тюрго. Но ведь Вольтер—автор «Опыта о нравах и духе народов»— замечательной попытки противопоставить старой, официальной католической философии истории, философии истории Боссюэ новую, рационалистическую концепцию, сводящую исторический процесс не к осуществлению божьей воли, а к торжеству человеческого разума и освобождению человечества от гнета религиозных и иных предрассудков.

В своей работе В. П. Волгин ограничивается рассмотрением исключительно политических и экономических трактатов «века просвещения». В результате из поля зрения автора выпадают все произведения беллетристического и полубеллетристического характера, в частности столь многочисленные и характерные для XVIII столетия социальные утопии. А между тем можно ведь вполне согласиться с мнением Морнэ[2], тщательно изучившего всю литературную продукцию Франции этой эпохи, что как раз такие произведения и, в частности, разного рода «философские» повествования давали наилучшую возможность избегать преследования властей и, переносясь в Китай, Персию или на какой-нибудь неизвестный остров и рассказывая о браминах и мандаринах, излагать свои мнения, не страшась репрессий. Это особенно относится к отражению в литературных произведениях революционных настроений.

Лишь в самом конце своей книги, «подводя итоги», В. П. Волгин, упоминая о революционных настроениях масс, добавляет: «В литературу такие лозунги и такие настроения проникали очень редко. Наиболее яркую и откровенную их формулировку, напоминающую Мелье, мы находим в задержанном властями памфлете «Совершенный монарх». Памфлет призывает народы к восстанию, чтобы «передавить чудовищ, пожирающих их существование». «Несчастные народы! — восклицает автор памфлета.— Вас держат на цепи, умейте же по крайней мере уничтожить своих тиранов. Пусть это будет отныне вашим девизом, и короли будут трепетать перед вами!.. Есть эпоха страшная, кровавая, но она предвестник свободы: я говорю о гражданской войне». В других произведениях предреволюци-

[1] См. Sée H. «Les idées politiques de Voltaire» «Revue historique», 1908, и «L'évolution de la pensée politique en France au XVIII siècle», p. 103—133.

[2] Mornet. Op. cit., p. 119, 251.

онного периода: у Марата, у Карра, у Мерсье — это понятие гражданской войны тоже встречается, но в форме, более неопределенной. «При этом Марат приходит к пессимистическим выводам насчет возможности народного восстания» (стр. 182—183).

Отметим, кстати, вкравшуюся в этот абзац неточность. Слова о страшной и кровавой эпохе, которые В. П. Волгин относит к наиболее ярким и откровенным формулировкам революционных настроений, содержатся не в памфлете «Совершенный монарх», а в утопии «Год 2440-й» Мерсье, у которого, по словам В. П. Волгина, «понятие гражданской войны» встречается «в форме, более неопределенной». Но существенно, конечно, не это.

В 50-х, 60-х и 70-х годах мысль о революции приходила в голову очень немногим. Руссо теоретически оправдывал возникновение революции и даже предвидел наступление века революций. Мабли признавал право народа на восстание. Но, как вполне справедливо указывает В. П. Волгин, тот же Руссо протестовал против беспорядков, производимых «отупевшей чернью», и тот же Мабли боялся смут, связанных с народными восстаниями. В 80-х годах, однако, мы встречаем уже гораздо более безоговорочное признание революции как орудия общественного переустройства и прямые намеки и надежды на грядущий общественный переворот.

То было время, когда Мерсье писал в своем известном примечании в утопии «Год 2440-й»: «При известном состоянии бывает эпоха, становящаяся неизбежной; эпоха страшная, кровавая, но предвестник свободы. Я говорю о гражданской войне. Во время такой эпохи возвышаются все великие люди: одни — нападающие на свободу, другие — ее защищающие. Гражданская война раскрывает даже самые скрытые таланты. Возвышаются необыкновенные люди, кажущиеся достойными повелевать людьми. Это — ужасное лекарство. Но после оцепенения государства, онемения душ оно становится необходимым»[1].

То было время, когда Ретиф предвещал социальный переворот—«она придет, быть может (и я желаю ее, несмотря на бедствия, которые будут ее сопровождать), она придет, быть может, эта страшная революция, когда полезный человек почувствует свое значение...»[2], — предвидел день, когда бедняки поднимут руку на своих тиранов[3], и угрожал общественным верхам войной жаков[4].

То было время, когда Бабеф писал Дюбуа де Фоссе, что для «великой революции» необходимы «великие перемены», что для радикального общественного переустройства «придется королям лишиться их корон, а всем титулованным и привилегированным — чинов, мест и должностей»[5].

Интересно отметить, что подобные революционные настроения характерны в 80-х годах для представителей мелкобуржуазной и плебейской интеллигенции, мечтавших о ликвидации социального неравенства и о коренном переустройстве общества на эгалитарных, а подчас уже и коммунистических основах,— для лиц, впоследствии непосредственно связанных с «Социальным клубом» и заговором Бабефа.

Буржуазный радикализм даже накануне революции носил реформистский характер. Но наряду с буржуазным радикализмом был и мелкобуржуазно-плебейский радикализм, отдельные представители которого доходили уже до крайне резкой социальной критики и отражали революционные настроения народных масс. Эти настроения, однако, находили свое выражение не в политических трактатах, а в различного рода социальных утопиях и вообще в произведениях, носивших (по своей внешней форме) полубеллетристический или даже просто беллетристический характер.

★

Книга В. П. Волгина, являющаяся серьезным научным исследованием, как бы подводит итог многолетней работы автора над изучением истории французской общественной мысли XVIII века. Выводы автора, сделанные на основе тщательного изучения первоисточников, даны в сжатых, четких и ясных формулировках. Автором использованы основные высказывания классиков марксизма-ленинизма как об отдельных представителях «просветительной» философии, так и об эпохе в целом.

Можно выразить лишь пожелание, чтобы при новом издании рамки книги были несколько расширены. Но и в своем теперешнем виде работа В. П. Волгина является лучшим в нашей исторической литературе исследованием о социальных и политических учениях во Франции накануне революции. Это — ценное пособие для всякого, изучающего идеологию столь плодотворного в идейном отношении французского «века просвещения», когда «религия, взгляды на природу, общество, государственный строй — все подвергалось беспощаднейшей критике», когда «все прежние формы общества и государства, все традиционные представления, признанные неразумными, были отброшены, как старый хлам»[6].

А. Иоаннисян

---

[1] «L'an deux mille quatre cent quarante. Rêve s'il en fut jamais». Nouvelle édition exactement corrigée et augmentée d'un volume. T. I. Londres, MDCCLXXXV, p. 284, прим. «а». Это примечание находится в 36-й главе, посвященной «формам правительства», в которой Мерсье высказывает также мысль, что «все на этом свете — революции».

[2] «Les Contemporaines». T. II, p. 391—392. Leipsick. 1781.

[3] «La Decouverte australe». T. III, p. 66. Leipsick. 1781.

[4] «Les Nuits de Paris». T. VII, p. 2908—2909. Londres. 1789.

[5] «Pages choisies de Babeuf», p. 62. Paris. 1935.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 507—508.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Научная работа исторического факультета Ленинградского университета в конце 1939 и в 1940 году

◆ Кафедра истории СССР. В составе кафедры истории СССР Ленинградского университета 19 членов, среди них академик Б. Д. Греков, 4 доктора исторических наук: С. Н. Валк, В. В. Мавродин, Н. А. Корнатовский и С. Б. Окунь—и 11 кандидатов исторических наук; по званиям — 8 профессоров, 8 доцентов и 3 ассистента.

1 октября 1939 г. в переполненном лектории исторического факультета Ленинградского государственного университета открылась научная сессия, проводимая кафедрой истории СССР, посвященная освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии от польского ига.

В первом заседании были сделаны доклады: акад. Б. Д. Грековым на тему «Далекое прошлое Западной Украины и Западной Белоруссии» и проф. В. В. Мавродиным «Народные движения Галицко-волынской Руси XII—XIII вв.».

На следующих заседаниях были заслушаны доклады ныне покойного проф. М. Д. Приселкова «Украинские и белорусские летописи», проф. С. Ф. Иваницкого «Колиивщина» и аспиранта Х. Г. Шуляковского «Борьба белорусского народа с польским панством за свою национальную независимость в середине XVII в.». Доклады, поставленные на этих заседаниях, привлекли большое количество слушателей из профессорско-преподавательского состава, студентов и служащих исторического и других факультетов университета, а также преподавателей, студентов различных учебных заведений, военных организаций и т. д.

В феврале и марте 1940 г. проводились работа и научные заседания кафедры истории СССР, посвященные 60-летию товарища И. В. Сталина. На открытом заседании кафедры были сделаны доклады: проф. Н. С. Чаевым и доцентом И. И. Смирновым на тему «Сталин о крестьянских движениях в эпоху феодализма» и проф. А. В. Предтеченским — «Сталин о Петре I».

В сентябре 1940 г. было проведено еще одно научное заседание кафедры истории СССР, посвященное первой годовщине освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии. Были заслушаны доклады проф. Н. А. Корнатовского на тему «Литовско-белорусская республика» и доцента А. Л. Фраймана на тему «Западная Украина и Западная Белоруссия под игом польского панства».

В порядке обычной работы на заседаниях кафедры и Ученого совета был заслушан ряд научных докладов. Кроме того совместно с ленинградским отделением Института истории АН СССР были подвергнуты обсуждению I и II томы учебника истории СССР для вузов.

В план научно-исследовательской работы кафедры истории СССР на 1940 г. было внесено 35 тем, которые, за исключением нескольких переходных на следующий год, закончены. Среди них работа В. Мавродина «Очерки левобережной Украины до XIV в.» и работа А. Предтеченского «Внутренняя политика Александра I до 1812 г.». Среди тем, являющихся переходными на 1941 год, отметим работу Н. Чаева «Очерки истории раскола в XVII в.», А. Фраймана «Борьба украинского народа против Центральной рады» (докторская диссертация), С. Окуня «Внешняя политика России в конце XVIII—начале XIX в.», Н. Корнатовского «Курс лекций по истории СССР с 1917 по 1920 г.», С. Валка «Источниковедение» и Н. Степанова «Русская историография».

Кроме больших работ закончены и заканчиваются научные статьи на различные темы и аспирантские (кандидатские) диссертации. Среди последних закончена и защищена диссертация Х. Шуляковского «Борьба белорусского народа против польских панов в 1618—1654 гг.»; закончены диссертации: Шепелева «Первое ополчение 1611 г.», Погорельского «Хива накануне Октябрьской революции», Донского «Осада Смоленска 1609—1611 гг.», Березнякова «Крестьянско-казацкие движения на Украине XVII в.» и др.

В 1940 г. членами кафедры были защищены диссертации на степень доктора исторических наук: В. Мавродиным «Очерки левобережной Украины до XIV в.», С. Окунем «Российско-американская

компания» и Н. Корнатовским «Оборона Петрограда».

В 1940 г. вышло из печати 36 работ, написанных членами кафедры истории СССР, и 13 работ на темы истории СССР, написанных студентами под руководством членов кафедры. Среди работ, написанных профессорско-преподавательским советом кафедры и вышедших в свет, необходимо отметить капитальный труд М. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.» (16 п. л.), а также упомянутую работу В. Мавродина «Очерки истории левобережной Украины до XIV в.» (33 п. л.).

Кроме этих и других, небольших работ, вышедших в различных издательствах (Соцэкгиз, Воениздат, Военмориздат), в издании университета вышли три тома «Ученых записок» с 24 статьями членов кафедры истории СССР. Один из этих томов посвящен освобождению Западной Белоруссии и Западной Украины. Другие томы посвящены различным вопросам истории СССР.

Кроме указанных сборников «Ученых записок», вышел еще студенческий сборник «Ученых записок», в котором 7 статей написаны студентами на различные темы истории СССР, например «Борьба Ленина и Сталина в годы мировой войны за создание III, Коммунистического Интернационала» (В. Смирновский), «Роль Твери в создании национального государства» (Я. Лурье) и др.

Среди студенческих работ, вышедших в 1940 г., необходимо отметить следующие: И. Шаскольский «Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой» («Исторический журнал» № 4—5 за 1940 г.), его же «Борьба русского народа за невские берега» (Воениздат. 1940. Научно-популярная брошюра), Н. Зегжда «Южная группа днепровской военной флотилии» (Военмориздат. 1940. Научно-популярная брошюра), С. Хесин «На Юденича» (Воениздат. 1940. Научно-популярная брошюра) и др.

В начале 1941 г. выйдет очередной студенческий сборник «Ученых записок», рукописи статей которого сданы в издательство еще в III квартале 1940 года. Готовится к печати очередной сборник «Ученых записок» членов кафедры истории СССР. Кроме перечисленных выше работ, 14 выполнены вне плана, среди которых можно отметить следующие: С. Окуня «История СССР (1815—1825)». Ч. 2-я; М. Приселкова «История рукописи Лаврентьевской летописи и ее издание».

При кафедре истории СССР работают три научных студенческих кружка: 1. С древнейших времен до XVII века. 2. XVIII—XIX века. 3. XX век. Научными кружками кафедры в 1940 г. разработано 17 научных тем, из которых вышло много зрелых научных работ, напечатанных в сборнике «Ученые записки» и в различных издательствах. При кафедре истории СССР в настоящее время находится 28 аспирантов.

В марте 1941 г. будет проведена научная сессия кафедры истории СССР, посвященная вопросам истории новых прибалтийских советских республик. На этой сессии будут поставлены следующие доклады: аспиранта Н. Казаковой «Русско-ливонские отношения в IX—XIII вв.», проф. В. Мавродина «Закрепощение крестьян в Литве в XVI в.», проф. С. Чернова «Образование великого княжества литовского», ассистента А. Захаренко «Прибалтика во время Северной войны», проф. С. Окуня «Крестьянская реформа в Прибалтике в начале XIX в.», доц. Н. Сладкевича «1905 год в Прибалтике», доц. А. Фраймана «Разгром белогвардейских банд Латвии и Эстонии осенью 1918 г.», доц. Л. Каннера «Прибалтика в 1917—1940 гг.». Подготавливается конференция, посвященная истории Бессарабии и Карело-Финской ССР.

План научно-исследовательской работы на 1941 г. разбит на проблемы, объединяющие несколько тем:

1. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война: Н. Корнатовский «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», А. Фрайман «1917 год на Украине», В. Овсянкин «Октябрь и гражданская война в Сибири», В. Овсянкин «От Карельской трудовой коммуны к Карело-Финской ССР».

2. История народов СССР: В. Мавродин «История левобережной Украины в XIV—XVI вв.», В. Путилов «Монастырское землевладение на Украине в XVII в.», П. Иванов «Школа и просвещение у народов Средней Азии в XVI—XIX вв.».

3. Внутренняя политика Российской империи накануне крушения: М. Ахун «Сенаторские ревизии как исторический источник», Б. Кочаков «Внутренняя политика накануне первой революции» и др.

4. Общественное движение в России в XIX в.: А. Предтеченский «Предшественник декабристов—шлиссельбургский узник Бок», Н. Сладкевич «Дворянство накануне реформы 1861 г.», А. Михайлов «Общественное мнение в России во время Крымской войны».

5. Внешняя политика Российской империи в XVIII — начале XIX в.: А. Захаренко «Александр Данилович Меншиков как военный и дипломатический деятель», С. Окунь «Русско-английские отношения в конце XVIII в. — начале XIX в.».

6. История крестьянства в Московском государстве: И. Смирнов «Крестьянские переходы до Судебника», И. Степанов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина».

7. Общественное движение в Московском государстве во второй половине XVII в.: Н. Чаев «История раскола в XVII—начале XVIII в.».

8. Социальный строй Киевского государства XI—XII в.: Н. Лавров «Опыт комментария к первой статье «Русской Правды».

9. Вспомогательные дисциплины: Н. Степанов «Русская историография 20—40-х гг. XIX в.», С. Валк «Источниковедение». Ч. 2-я.

10. Подготовка тематических сборников для практических занятий со студентами: коллектив под руководством проф. Н. С.

Чаева готовит сборник «Крестьянская война начала XVII в.», коллектив под руководством проф. С. Б. Окуня и проф. А. В. Предтеченского—Сборник «Общественные течения 30—40-х гг.».

В связи с проведением сессии, посвященной Западной Украине и Западной Белоруссии, кабинетом истории СССР была устроена выставка «Из прошлого Западной Украины и Западной Белоруссии». В конце учебного года совместно с кабинетом новой истории организована выставка, посвященная истории карело-финского народа с древнейших времен до наших дней.

За последнее время кабинет пополнился новыми картами: изготовлен комплект карт по эскизам Веселовского; изготовлена серия схем государственного управления с XVII по XX в., составленная Трухансвым при участии доц. Ахуна; вычерчена карта «Закавказье в эпоху Сассанидов» (автор — доц. Еремян) и др.

А. Захаренко

Кафедра новой истории. В 1940 г. научная работа кафедры новой истории Ленинградского университета протекала по нескольким направлениям.

Кафедрой была проделана большая работа по критическому разбору I и II томов вузовского учебника по новой истории. Обсуждению первого тома учебника были посвящены три заседания кафедры, а второго — одно заседание. Активное участие в обсуждении учебника приняли все члены кафедры, в том числе и аспиранты. Результаты обсуждения учебника сообщены его редакции для устранения имеющихся недостатков при подготовке второго издания.

В 1940 г. члены кафедры защитили три диссертации: одну докторскую и две кандидатские. Проф. А. И. Молок защитил диссертацию на степень доктора исторических наук на тему «Июльская революция 1830 года». Работа эта подготовлена к печати и сдана в издательство (Соцэкгиз). Аспирантка Ф. Н. Коган защитила кандидатскую диссертацию на тему «Революционный трибунал в период якобинской диктатуры». Аспирант А. Я. Манусевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Французский империализм в борьбе против Советской России (1917—1918 гг.)».

Проф. Н. П. Полетика подготовил и представил к защите докторскую диссертацию на тему «Методы развязывания первой мировой империалистической войны в июле 1914 г.».

Подготовлены к защите еще три кандидатских диссертации: доц. В. Н. Белановским «Международные отношения в 1918—1939 гг.», доц. М. Б. Рабинович «Набег Джемсона и возникновение англо-бурской войны» и аспирантом И. З. Сморгоном «Государственное устройство Франции в период I империи (1804—1814)».

Члены кафедры—кандидаты исторических наук—работают над докторскими диссертациями: Е. Н. Петров «Крестьянство и аграрный вопрос во Франции в конце XVIII в.» (работа будет закончена в 1941 г.), М. М. Малкин «История русско-американских отношений за 150 лет (1775—1917)», П. Ф. Кухарский «Движение крестьян-виноделов во Франции в начале XX в.», В. Г. Ревуненков «Австро-прусская война 1866 г.», В. Г. Брюнин «Германская революция 1918 г.».

В печати (издательство ЛГУ) сейчас находятся две монографии: доц. Кухарского «Франко-русские отношения накануне Крымской войны» и доц. Ревуненкова «Приход Бисмарка к власти в 1862 г.».

Акад. Е. В. Тарле в течение нескольких лет работает над большим исследованием по истории Крымской войны. Часть членов кафедры втянута в работу над «Всемирной историей», издаваемой Академией наук (Е. Тарле, А. Молок, Шустер, Малкин).

В настоящее время членами кафедры подготовлен к печати очередной том «Ученых записок». В нем будут напечатаны следующие статьи: А. Молок «Сталин и вопросы новой истории Запада», Н. Полетика «Германское предложение Николаю II о Константинополе и проливах в период «боснийского кризиса», П. Кухарский «Франко-русские отношения в 1848—1852 гг.», В. Ревуненков «Военная реформа в Пруссии в 1860 г.», В. Ревуненков «Ленин и Сталин о версальской системе», В. Брюнин «Дискуссия о массовой политической стачке в германской социал-демократии накануне войны 1914 г.», М. Рабинович «Набег Джемсона» (глава из диссертации), А. Манусевич «Французский империализм в борьбе против Советской России» (глава из диссертации), В. Алексеев-Попов «Жилищный вопрос в Германии в 1870—1873 гг.», А. Беленкис «Из истории русско-германских торговых отношений (1896—1897)», Н. Сазонова «Крестьянские движения в Японии в 70-х гг. XIX в.» (глава из подготовленной к защите кандидатской диссертации).

Аспиранты 3-го курса работают над следующими кандидатскими диссертациями: Е. Агеев «США и французская интервенция в Мексике», В. Алексеев-Попов «Рабочий класс Германии в 1870—1871 гг.», А. Беленкис «Русско-германские отношения в период русско-японской войны», Я. Волин «Дрезденский партейтаг и борьба с ревизионизмом в германской социал-демократии», И. Гуткина «Франко-русские отношения в 1807—1809 гг.», И. Смородин «Либерально-конституционное движение в Рейнской Пруссии в 1840—1844 гг.», И. Федоров «Франко-русские отношения в 1802—1805 гг.», К. Раткевич «Вестфальское королевство (1807—1813)».

При кафедре новой истории существует студенческий научный кружок. В 1940 г. на заседании кружка было заслушано 11 студенческих докладов. Большинство из них признано годными к печати. Шесть работ

будут напечатаны в очередном сборнике студенческих работ истфака ЛГУ: Левинтов «Морган и К° и некоторые вопросы финансирования союзников США в мировую войну 1914—1918 гг.», Малышев «Переговоры Италии с австро-германским блоком в 1914—1915 гг.», Саплин «Борьба за приоритет в Сербии накануне мировой войны», Тефтелев «Попытка Чарыкова открыть проливы для русских военных судов в 1914 г.», Хейфец «Проект Вильгельма II о создании германо-китайско-американской Антанты в 1908 г.», Кугель «Черногорско-турецкий конфликт 1911 г. и позиция держав». Работа Цейтлина «Негры в гражданской войне в США» направлена в «Исторический журнал».

Следует также отметить повышение интереса членов кафедры к историографическим проблемам. В 1940 г. впервые на истфаке читались специальные курсы: об американской историографии нового времени — доц. Малкин—и германской историографии нового времени — доц. Ревуненков.

Из работ научно-популярного характера, осуществленных кафедрой в 1940 г., должно быть отмечено ее участие в ознаменовании 120-летия со дня рождения Ф. Энгельса (доклад А. И. Молока) и несколько пропагандистских брошюр, написанных А. И. Молоком, А. Я. Манусевичем, Е. А. Агеевым по заданию политуправления ЛВО в период боев с финской белогвардейщиной.

В. Брюнин

Книжные богатства Ленинградского государственного университета

Научная библиотека Ленинградского государственного университета с ее интересным, более чем двухмиллионным книжным фондом, несомненно, занимает видное место среди научных библиотек Советского Союза. Библиотека эта с гордостью может назвать среди многих десятков тысяч своих читателей такие имена, как А. И. Ульянов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, И. С. Тургенев, Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, К. А. Тимирязев и многие другие. С особой гордостью библиотека может назвать в числе своих читателей и В. И. Ленина, задолго до революции знавшего и ценившего эту библиотеку.

Некоторое понятие о книжных богатствах библиотеки может дать перечень хотя бы самых главных фондов, поступавших в библиотеку за годы ее существования.

В частности исключительно ценным пополнением явилась передача университету в 1845 г. библиотеки Петербургского цензурного комитета, в которой сохранялось по одному экземпляру всех выходивших за период с 1820 по 1849 г. с разрешения цензурного комитета книг.

Из позднейших поступлений заслуживают быть особо отмеченными пожертвования: в 1895 г. библиотеки Н. Н. Страхова в количестве 12 453 томов, в числе которых много исключительно редких и ценных изданий XV, XVI и XVII вв.; в 1898 г.— библиотеки акад. К. Н. Бестужева-Рюмина в количестве 4356 томов и в 1905 г.— библиотеки А. А. Половцева из 30 тыс. книг. Около того же времени поступили библиотеки проф. П. Г. Редкина и П. П. Цитовича, пожертвованные их наследниками.

Еще более крупные пополнения получила библиотека за советский период своего существования. За 1918—1919 гг. в библиотеку влились три больших и ценных библиотеки: Александровской военно-юридической академии, Петербургского археологического института, высших женских Бестужевских курсов. В составе последней библиотеки был ряд пожертвованных в свое время частных библиотек, из которых отдельно следует назвать библиотеку баронессы В. И. Икскуль, ценную библиотеку князя Салтыкова, состоявшую главным образом из исторической и философской литературы Франции и Англии конца XVIII и начала XIX в., библиотеку Н. В. Гербеля, включающую в себя коллекцию старых журналов и хорошо подобранную литературу 30—40-х гг. XIX в., библиотеку композитора А. Н. Серова и библиотеку Н. К. Михайловского, состоявшую из 6 тыс. книг.

Самым последним большим пополнением библиотеки явилась передача ей в 1938 г. насчитывавшей свыше 100 тыс. томов библиотеки ликвидированного Ленинградского восточного института.

Из поступлений последних лет особенную ценность представляют купленные библиотеки проф. А. А. Каминского, проф. К. М. Дерюгина, акад. П. А. Лаврова и ценнейшая библиотека скончавшейся в 1939 г. профессора-медиевиста О. А. Добиаш-Рождественской, завещанная ею университету.

Уже этот, далеко не исчерпывающий перечень главнейших источников, из которых сложилась научная библиотека Ленинградского университета, показывает, какой интерес должны представлять книжные фонды этой библиотеки для советских научных работников всех специальностей и в особенности для историков и литературоведов.

Перечислить все интересные и ценные книги и рукописи библиотеки в небольшой заметке, конечно, не представляется возможным. Назовем лишь некоторые из них, представляющие особый интерес. На первое место надо поставить ценности филиала библиотеки, где собраны книги и рукописи на восточных языках. Здесь имеются не только редкости, но и уникумы мирового значения. Прежде всего следует упомянуть о рукописной китайской энциклопедии XV в. Юнло-да-дян. Энциклопедия эта состояла из нескольких десятков тысяч отдельных тетрадей (дюаней) и была почти полностью сожжена в 1900 г. европейцами при подав-

лении так называемого боксерского восстания, так что до настоящего времени удалось выявить случайно сохранившиеся всего около 150 отдельных разрозненных тетрадей, разбросанных по всему миру; наибольшее число их — 11 — принадлежит библиотеке Ленинградского университета. Кроме того одна тетрадь имеется в библиотеке Института востоковедения АН СССР.

Большой ценностью являются рукописные списки произведений великого азербайджанского поэта XIII в. Низами, 700-летний юбилей которого культурный мир будет отмечать в текущем 1941 году. Из имеющихся в библиотеке нескольких списков один признан четвертым в мире по времени написания.

Большой интерес представляет роскошно оформленная и снабженная большим количеством многокрасочных рисунков рукопись XVI, а может быть, и XV в., являющаяся переводом «Шахнаме» на турецкий язык.

Особый интерес для истории народов СССР представляет собрание писем калмыцких ханов XVIII века. Большой интерес представляет собрание китайских, тибетских и монгольских ксилографов — книг, печатанных с деревянных резных досок. Из них особую ценность и, пожалуй, даже уникум представляет состоящий из 100 больших книг на монгольском языке буддийский канон «Ганджур», напечатанный в XVII в., и комментарий к нему на тибетском языке— «Данжур», состоящий из 250 книг, напечатанных в XIV веке.

Из печатных книг восточного филиала библиотеки по редкости и по научной ценности на первое место должен быть поставлен латино-португало-японский словарь 1595 г., напечатанный в очень малом количестве экземпляров португальскими миссионерами-иезуитами в маленьком японском городке Амакуза. Кроме экземпляра библиотеки Университета известно лишь два сохранившихся экземпляра этого словаря: один принадлежит португальскому правительству и один находится в США. Помимо исключительной редкости этой книги она представляет и огромную научную ценность как для историка, позволяя по ней судить о круге представлений японцев того времени, так и для языковедов, благодаря тому что японские слова даны в ней в латинской транскрипции, что дает возможность выяснить некоторые вопросы фонетики японского языка за 350 лет до настоящего времени.

В двухмиллионном фонде книг и рукописей на европейских языках также можно найти множество экземпляров, имеющих исключительную ценность.

Из латинских рукописей на пергаменте обращает внимание Кодекс Юстиниана — рукопись XIV в.— и в особенности евангелие работы XIII в., с большим количеством миниатюрных цветных рисунков.

Перечень редкостей из числа печатных книг на европейских языках должен быть открыт с упоминания об инкунабулах, т. е. книгах, напечатанных до 1550 г., которых в университетской библиотеке имеется довольно большое количество.

Но еще больший интерес представляет огромная коллекция научных книг XVI, XVII и XVIII веков. Здесь можно найти часто в первоизданиях основные классические работы по разным отраслям знаний, например Визалия, Агриколы, Галилея, Коперника, Тихо да Браге, Кеплера, Торичелли, Ньютона, Парацельса, Мальпигия, Левенгука, Гарвея и многих других.

Отдельного упоминания заслуживает редчайшее издание — 1518 г.— «Утопии» Томаса Мора.

Очень интересна имеющаяся в библиотеке коллекция книг, представляющих собою описание старинных путешествий. В 1590—1592 гг. во Франкфурте на Майне Теодором Бри была издана серия описаний путешествий в недавно тогда открытую Америку— «Удивительные, но достоверные рассказы об обычаях и нравах жителей Америки». В каждой из книг этой серии, кроме текста, имеется от 40 до 50 больших гравюр, изображающих типы жителей Америки, их одежду, жилища, трудовые процессы и т. д.

Далее, интересна книга под названием «Шесть книг всеобщей космографии» Стефана Мунстера, изданная в 1550 г. также во Франкфурте на Майне. Особенно интересны для нас в этой книге страницы, посвященные описанию Московии, с картой, по которой можно судить о степени знакомства европейцев с нашей страной в первой половине XVI века. Эта книга известна также забавными фантастическими сведениями о людях и животных, населяющих некоторые, тогда мало известные страны. Так, в главе «Индия, расположенная по ту сторону Ганга» даны изображения якобы населяющих эту страну людей, у которых нет головы, а глаза, рот и нос расположены на груди.

Знаменитые «Путешествия Адама Олеария в Московию и Персию» представлены в библиотеке в пяти изданиях—1655, 1656, 1662, 1671 и 1696 годов. Имеется также знаменитое первое издание перевода, сделанного тем же Олеарием, поэмы Саади «Сад роз», напечатанного в 1654 году. Рядом с Олеарием нужно назвать «Московскую хронику» Герберштейна 1579 г. и «Московию» Поссевина 1587 года.

Большой интерес представляет полный комплект одного из первых научных периодических журналов «Acta eruditorum» («Труды ученых»), выходившего с 1682 по 1731 год.

Богато, разнообразно и интересно собрание произведений французских писателей середины XVIII в. (Парни, Реньяр и др.). Имеется также и первое издание знаменитой энциклопедии Дидро и Даламбера. Весьма ценно собрание брошюр периода Великой французской революции.

В библиотеке имеется также значительное собрание древнерусских рукописей как на бумаге, так и на пергаменте. Хотя исключительных экземпляров в этом собрании назвать нельзя, но ценно, что собрание это имеет описание, составленное акад. В. Н. Перетцем и проф. М. Д. Приселковым.

Имеется много русских первопечатных книг XVI и XVII веков. Книги работы первопечатника Ивана Федорова представлены

«Острожской библией» 1581 г., «Львовским апостолом» 1574 г., «Заблудовским евангелием» 1568 г., «Острожской псалтырью» 1598 года. Хорошо представлена работа учеников Ивана Федорова: Петра Мстиславца и Андроника Невежы. Весьма богато представлены южнорусские издания XVII в.: Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Голятовский, Максимович и др. Рядом с «Псалтырью в стихах 1680 г.» Симеона Полоцкого имеется «Грамматика» Смотрицкого 1648 г. и «Арифметика» Магницкого 1703 года. Последние три книги, как известно, составляли «библиотеку» М. В. Ломоносова, когда он жил еще у себя на родине. Ломоносов называет эти три книги «вратами моей премудрости».

Довольно хорошо представлены и книги петровского времени. Но еще богаче представлена русская литература второй половины и конца XVIII века. С исключительной полнотой представлены альманахи с конца XVIII до половины XIX века. Блещет раритетами собрание произведений писателей пушкинской эпохи. Здесь есть и такие редкости, как «Ганс Кюхельгартен» В. Алова (Н. В. Гоголь), сохранившийся всего в нескольких экземплярах.

Большой исторический интерес и исключительную редкость представляет «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», изданный Николаем Кирилловым в 1845 году. Как известно, словарь этот был составлен в кружке петрашевцев и после ареста и осуждения их был уничтожен.

Интересны образцы пропагандистской литературы землевольцев периода «хождения в народ»: «Хитрая механика» и «О правде и кривде» (последняя книжка для конспирации на титульном листе носит название «Слово на великий Пяток епископа Тихона Задонского»).

Гордостью своей библиотека считает сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», в котором напечатана, как известно, первая появившаяся в легальной печати статья В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Бережно хранит библиотека и № 1 (и единственный) еженедельной газеты «Молодая Россия», вышедший 4 января 1906 года. Газета эта издавалась большевиками-студентами Петербургского университета, и в нее дал статью В. И. Ленин, а также М. Горький.

Даже этот краткий перечень некоторых книг библиотеки Ленинградского университета дает право сказать, что библиотека действительно имеет интерес для советских научных работников всех специальностей.

И. Корель

Научная работа кафедры истории Кзыл-ордынского педагогического института

Исторический факультет Кзыл-ордынского (Казахстан) педагогического института имеет общую кафедру истории, объединяющую только 4 научных работников, имеющих стаж работы в педагогических институтах от 2 до 7 лет. Несмотря на отсутствие профессоров и доцентов, а также на перегруженность зав. кафедрой тов. Ривкина административной работой, члены кафедры все же ведут научную и научно-исследовательскую работу. Так, старший преподаватель истории древнего мира тов. Илькун участвовал в выпуске первого сборника трудов Института, поместив свою работу «Хронология древнего мира».

Желая приблизить научную работу кафедры истории к практическим запросам средней школы, члены кафедры тт. Илькун и Носков к 20-летию Казахской ССР написали работы для второго сборника трудов Института. Тов. Илькун подготовил несколько статей по методике преподавания истории в неполной средней и низшей школе. Тов. Носков написал статью «Художественная литература на уроках истории средних веков». Кроме того тов. Носков, специализирующийся по истории средних веков, готовит материал для кандидатской диссертации «Англо-португальские отношения в XVI и XVII вв.» и для отдельной статьи «Метуэнский договор 1703 г.». Работник кафедры тов. Сысольцев, специализирующийся по истории народов СССР, готовит материал по колонизации Казахстана и, в частности, по истории города Кзыл-орда (бывших Перовска и Ак-Мечети).

Под руководством преподавателей кафедры в прошлом году студенты — члены исторического кружка — подготовили несколько докладов. В частности нужно отметить доклад студента Журбы «История древних германцев в освещении националистских историков Германии» и доклад студента Л. И. Дясик «Кордовский халифат и его культура». Студент Касенов готовит доклад «Восстание Амангельды и участие в нем присырдарьинских казахов».

Члены кафедры имеют связь со школами города, которая выражается в чтении докладов, руководстве историческими кружками и в организации кружковой работы. Кроме того работники кафедры активно участвуют в общественной жизни своего города, читая лекции и доклады по вопросам внешней политики и антирелигиозной пропаганды. Всего членами кафедры в 1939—1940 учебном году было прочитано в городе свыше 30 лекций.

Члены кафедры сотрудничают и в областной прессе: были написаны статьи об использовании художественной литературы на уроках истории, об организации исторического кабинета в школе, о значении истории народов СССР и др.

В заключение нужно отметить, что основной задачей кафедра считает подготовку

молодых научных работников к сдаче экзаменов по кандидатскому минимуму и работу над диссертациями. Все члены кафедры прикреплены к соответствующим вузам по сдаче кандидатского минимума (большинство прикрепилось к МИФЛИ). Дирекция помогает членам кафедры в их работе по повышению квалификации. Организованы и работают кружки по изучению языков: немецкого, английского, французского, латинского.

Большим препятствием в развертывании научной деятельности молодых членов кафедры является перегруженность их преподавательской работой и разнообразие исторических дисциплин, которые приходится им читать.

М. Носков

Тобольский государственный музей Обь-иртышского севера

Тобольский государственный музей существует более 50 лет. Первые экспонаты в конце 60-х гг. начал собирать секретарь Тобольского статистического комитета И. Н. Юшков. Ему к 1877 г. удалось собрать около 100 экспонатов. 15 января 1886 г. собрание статистического комитета поручило заведывание Музеем директору ветеринарно-фельдшерской школы Лыткину. В первое время экспонаты Музея переносились из одного учреждения в другое, а затем, в 1886—1888 гг., в ознаменование трехсотлетия г. Тобольска по инициативе общественности было построено специальное здание Музея. Сюда были собраны все экспонаты, и 14 октября 1890 г. музей оформился как общественное культурно-просветительное учреждение.

К настоящему времени в Музее насчитывается более 21 тыс. экспонатов. Собранные здесь исторические ценности по своему значению выходят далеко за пределы Тобольского округа; Тобольский музей может и должен стать базисным музеем всего Обь-иртышского севера.

В данное время музей расположен в нагорной части Тобольска, в бывшем архиерейском доме, в ограде кремля, на так называемой Алафеевской горе (татарское название—Алафгалы—Ханская гора). Здание Музея и весь тобольский кремль с его историческими башнями и шведской аркой сооружены в 1714—1716 гг. находившимися здесь пленными шведами. Кремль возвышается над городом и виден на расстоянии до 60 километров.

Ежегодно в Музей направляются многочисленные экскурсии туристов, ученых, исследователей, краеведов, учащихся, рабочих, трудовой интеллигенции и колхозников. Экспозиции Музея привлекают общее внимание посетителей, ибо они отражают историю, культуру, экономику не только Тобольского округа, но и всего Обь-иртышского севера, а также историю и быт северных народов: ханте, манси, ненцев.

В отделе природы собраны богатые материалы флоры и фауны Обь-иртышского бассейна и ископаемые богатства этого края. Большой интерес представляет находящийся здесь редкостный экземпляр давно вымершего животного—скелет празубра, которых имеется всего два экземпляра на весь Советский Союз (второй находится в Тюменьском музее).

В отделе истории показаны орудия труда первобытного человека Обь-иртышского севера: есть охотничий лук с костяными наконечниками стрел, показаны виды и способы охоты северных народов, выставлена художественная картина XVIII в., отображающая междоусобную войну северных народов: ханте, манси и ненцев. Картина выполнена северными художниками в северном стиле и представляет редкую ценность для истории искусства.

Большую историческую ценность представляет раздел, отображающий поход Ермака и завоевание Сибирского царства, в частности экспонаты раскопок Искера—столицы сибирского царя Кучума, захваченной Ермаком и казаками в жесточайшей битве с татарами в октябре 1581 года. В текущем, 1941 г. будет отмечен 360-летний юбилей этого исторического события.

Искер, как показывают наблюдения, подвергался постоянному разрушению бурными волнами Иртыша. По приблизительному определению, площадь Искера составляет в настоящее время не более 120—150 м длины и 15—20 м ширины, а 40 лет назад, по свидетельству краеведа-тоболяка Знаменского, длина сохранившейся площади Искера была 120 саж., ширина—15 саж.; по сведениям же историка Сибири Миллера, 150 лет назад ширина ее была до 50 саженей. Исчезает бесследно один из ценных исторических памятников. Необходимо срочное ассигнование средств на раскопки Искера и сооружение стены для предупреждения дальнейшего разрушения его остатков.

В отделе истории хранится копия угличского ссыльного колокола, сделанная из папьемаше с надписью: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Дмитрия в 1593 г., прислан из города Углича в Сибирь в ссылку во град Тобольск к церкви всемилостивого спаса, что на торгу, а потом на софийской колокольне был часобитный. Весу в нем девятнадцать пудов, двадцать фунтов». Это копия будто бы того самого колокола, в который 15 мая 1591 г. ударил в набат угличский священник Федот Огурцов, увидев убийство малютки царевича [1].

[1] «Триста верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки Павлова за 1878 год», стр. 36.

Обращают на себя внимание вещественные доказательства истории крепостничества: кнуты, применявшиеся для избиения крепостных, и печати, которыми их клеймили.

Здесь же хранятся часы Фонвизина, портреты и документы, характеризующие жизнь и деятельность декабристов в тобольской ссылке. В городе до нашего времени сохранился дом декабриста Фонвизина, оставшегося в Тобольске по отбытии ссылки в 1853 году.

Гордостью Музея являются имена знаменитых тоболяков, которые известны всей стране и заграницей: Д. И. Менделеев, мировой ученый-химик,— уроженец Тобольска и воспитанник тобольской гимназии; П. П. Ершов — автор известной сказки «Конек-горбунок», будучи директором тобольской гимназии, он подписал выпускной аттестат Д. И. Менделееву; В. Г. Перов — знаменитый художник, автор многочисленных картин; М. С. Знаменский — художник-карикатурист — был также уроженцем Тобольска. Своими карикатурами он разоблачал плутни местной администрации, начиная с начальника губернии — губернатора Тройницкого и кончая попами.

Большой интерес представляет оригинальная картина Иванова «В лесу», изображающая процесс христианизации северных народов.

Здесь же экспонируются изображения богов, вывозившиеся церковниками на север в обмен на пушнину.

Развернуто показаны большой чум ненца и многочисленные этнографические предметы, отображающие культуру и быт северных народов.

В отделе социалистического строительства показаны экономика и производственный профиль Тобольского округа. Обращают на себя внимание образцы резьбы тобольских мастеров по мамонтовой кости, которой они прославились на парижской Международной выставке в 1900 и 1937 гг. и на Международной выставке в Нью-Йорке в 1938—1939 годах. Для тобольских резчиков по мамонтовой кости характерны северные мотивы.

Массовая политико-просветительная деятельность Музея выражается в многочисленных выставках. В 1940 г. были организованы выставки к 16-летию со дня смерти В. И. Ленина, к 50-летию В. М. Молотова, к 125-летию со дня рождения П. П. Ершова, поэта-тоболяка. Выставки были организованы в театре, клубах, техникумах. В Музее организован лекторий.

Газетные статьи в «Тобольской правде» и радиопередачи с целью популяризации Музея повысили интерес трудящихся к Музею. Посещаемость его возросла, так например за первое полугодие 1939 г. Музей посетило 10 854 чел., а за первое полугодие 1940 г. — 14 518 человек.

Музей имеет богатую по содержанию библиотеку, насчитывающую около 30 тыс. экземпляров. Такие редкостные произведения, как «Летопись сибирская» тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г., написанная им от руки, и «Повесть краткая об Александре Великом» 1738 г. Кузьмы Леонтьева — сына Черепанова,— написанная в городе Тобольске от руки на славянском языке, являются первоисточниками по истории Сибири и Тобольска.

Не меньшую ценность для истории культуры Севера представляет старинный художественный журнал под названием «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Это первый провинциальный журнал в России, издававшийся в Тобольске в 1789—1791 годах и наложивший известный отпечаток на художественное творчество сибирских писателей.

Памятная книжка Тобольской губернии за 1861—1915 гг., Календарь Тобольской губернии за 1889—1895 гг., Обзор Тобольской губернии за 1891—1913 гг., Сибирский сборник за 1888 г., Ежегодник тобольского губернского музея в 29 выпусках за период с 1893 по 1915 г., газеты: «Тобольские губернские ведомости» за время с 1857 по 1917 г., «Сибирский листок» — с 1890 по 1918 г.— все эти книги и газеты являются ценными документами по истории Сибири и тобольского Обь-иртышского севера.

А. Щерба

Совещание историков Тулы

18 декабря 1940 г. горком ВКП(б) Тулы организовал совещание историков с представителем редакции журнала «Историк-марксист» — зам. отв. редактора тов. Ростовским.

На совещании присутствовали представители горкома ВКП(б), историки из Тульского педагогического института, преподаватели истории в средней школе и ряд других историков этого крупного пролетарского центра.

Тов. Ростовский познакомил собравшихся с намеченным редакцией журнала планом работы на 1941 год. «Историк-марксист» намеревается в 1941 г. особенное внимание уделить разработке и освещению вопросов истории советского периода. Изучению истории советского периода историки все еще не уделяют достаточного внимания. Такое положение совершенно ненормально. История социалистического строительства имеет громаднейшее теоретическое и практическое политическое значение как для советских граждан, так и для трудящихся всего мира.

Тов. Ростовский подробно остановился на вопросах развития местной историографии. Во всех странах мира местная историография является базой для национальной историографии. Правильно отразить местные исторические особенности, показать исключи-

тельное многообразие совершавшихся исторических процессов, разработать богатые местные архивы историческая наука СССР может только в том случае, когда тысячи работников местных архивов, музеев, преподавателей истории и вообще любителей истории примутся каждый на своем месте и в своей области работать над историей, вкладывая свой кирпич в общее здание советской исторической науки.

Ленин несмотря на крайнюю занятость государственными делами в один из напряженнейших периодов советской истории находил возможность читать книгу совсем неизвестного тогда Тодорского о малоизвестном городе Весьегонске[1]. Ленин рекомендовал местным работникам писать книги, в которых рассказывалось бы об опыте социалистического строительства, а всем советским гражданам Ленин рекомендовал читать такие книги и показал, как надо их читать.

К сожалению, этот совет Ленина не выполнен: местная историография у нас еще слабо развита и остается до сих пор вне поля зрения руководящих организаций. В национальных республиках обращают внимание на разработку истории своего народа; там партийные и советские организации интересуются работой местных историков. Не всегда это делают руководящие организации таких больших, важных, очень интересных и поучительных в историческом отношении областей, как например Тула. К стыду туляков, у них нет до сих пор ни одной работы по истории Тулы и Тульской области, в то время как например есть работа по истории Калуги, Суздаля, Владимира, Киева и ряда других городов СССР. Туляки не имеют истории своих оружейного и патронного заводов, истории своего кремля; они не изучают историю своих прославленных кустарных промыслов, нет истории гражданской войны и социалистического строительства в Туле и Тульской области.

Такая литература позволила бы конкретизировать всю пропагандистскую и агитационную работу, помогла бы на местном, понятном и близком опыте развивать советский патриотизм.

И в Туле есть люди, желающие заняться разработкой местной истории (например тов. Ашурков). Есть десятки других товарищей: учителей, музейных и архивных работников, пропагандистов, работников печати и т. д. Но их надо организовать, поставить перед ними конкретные цели, помочь в работе, печатать некоторые лучшие отрывки из их работ на страницах местной газеты «Коммунар» и т. п.

Между тем местная печать большого интереса к истории не проявляет. Газета «Коммунар» даже не поинтересовалась совещанием и не прислала своего представителя, полагая, очевидно, что это дело ниже ее достоинства.

Тов. Ростовский остановился, далее, на других вопросах, которые намерен осветить журнал «Историк-марксист» в 1941 году. Журнал будет освещать вопросы истории общественной мысли и историографии, вопросы международной политики и дипломатии, а также национально-колониальные проблемы. Больше внимания чем прежде в журнале будет уделено недостаточно разработанной советскими историками послевоенной истории мира. Журнал будет также заниматься вопросами славяноведения, будет ставить вопросы, которые волнуют историков, работающих над многотомной «Всемирной историей» и «Историей СССР». Несравненно больше внимания будет уделено также вопросам критики, библиографии и научной хронике.

После сообщения тов. Ростовского состоялся обмен мнений. Выступавший в прениях тов. Ашурков — один из немногих историков, систематически работающих над историей города Тулы,— говорил о том, что местной историографии не уделяется внимания.

Журнал «Тульский край», некогда объединявший историков и краеведов области, ныне не выходит. Организационного центра, который объединил бы работу историков, в Туле нет. В школах местная историография не разрабатывается: учителя стоят в стороне от этого дела, пропагандисты местные материалы не используют потому, что не имеют их. Лично тов. Ашуркову некоторую помощь оказывают лишь газета «Коммунар» и Краеведческий музей. Тов. Ашурков считает, что вопросы, поднятые на совещании, своевременны и заслуживают большого внимания.

Выступивший затем в прениях тов. Адамов, представитель исторического факультета Тульского педагогического института, заявил о том, что план журнала ему кажется слишком обширным, что в первую очередь надо было бы осветить вопросы истории Прибалтики, Бессарабии, а также вопросы истории советского периода. Следует также обратить внимание на вопросы историографии. У нас до сих пор нет сводной работы по историографии. Тов. Адамов согласен с тем, что история местного края должна стать в центре внимания историков Тулы.

Преподаватели исторического факультета уже взялись за это дело. Так, тов. Петров работает над историей Тулы в период феодальной раздробленности. Тов. Адамов работает над историей Болотникова, уделяя особое внимание периоду его пребывания в Туле. Тов. Адамов считает, что разработка вопросов истории Тульского края, тульских заводов и кустарных промыслов должна быть двинута вперед, и обещает, что Педагогический институт примет для этого надлежащие меры.

Выступивший в заключение зав. отделом пропаганды и агитации горкома тов. Гвоздев, подводя итоги обсуждению вопроса, подчеркнул, что данное совещание не должно пройти бесследно. Дело развития местной историографии надо двинуть вперед. В этом отношении тульским историкам, в сущности, придется пахать целину.

[1] См. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 454—457.

Необходимость развития местной историографии осознана, надо это дело организовать, привлечь к работе всех способных историков, особенно кафедру истории СССР Педагогического института, Краеведческий музей и Архив. Горком поможет историкам в организации работы и издании ценных работ, посвященных Тульскому краю. Тов. Гвоздев призвал коммунистов-историков включиться в активную работу по развитию местной историографии и закончил выступление заявлением о том, что в ближайшее время будет созвано деловое совещание историков для разрешения практических вопросов, связанных с развитием местной историографии.

После краткого заключительного слова тов. Ростовского совещание было закрыто.

С. Р.

Научная работа на историческом факультете Московского государственного педагогического института

В области научно-исследовательской работы исторический факультет Московского государственного пединститута достиг значительных результатов. Научно-исследовательская работа на факультете велась по плану, разработанному кафедрами и утвержденному советом факультета. В 1939—1940 учебном году состоялись 2 научных сессии совета факультета. 25 февраля 1940 г. состоялась научная сессия, посвященная 60-летию со дня рождения И. В. Сталина. На сессии с докладом «Сталин и историческая наука» выступил член-корреспондент Академии наук СССР проф. А. В. Шестаков. Докладчик, оперируя богатым фактическим материалом, показал, что исторические работы товарища Сталина составили новый этап в развитии марксистской исторической науки.

Докладчик остановился на роли товарища Сталина в разработке и постановке новых исторических проблем, на идейном и непосредственном руководстве товарища Сталина историческим фронтом в СССР и всей передовой мировой исторической наукой.

С докладом «Сталин и новая история колониальных и зависимых стран» выступил доктор исторических наук, проф. А. З. Иоанисиани.

В своем докладе проф. Иоанисиани подчеркнул, что представители II интернационала занимались историей узкого круга национальностей — так называемых «цивилизованных наций»: чехов, ирландцев, поляков, финнов, сербов и др. Что же касается сотен миллионов азиатских и африканских народностей, которые терпели национальный гнет в самой грубой и жестокой форме, то они оставались вне поля зрения «социалистов».

Великие вожди В. И. Ленин и И. В. Сталин гениально разработали в целом национально-колониальный вопрос и стерли грани, искусственно созданные деятелями II интернационала, между «черными и белыми народами», «некультурными» неграми и «цивилизованными» ирландцами, «отсталыми» индусами и «просвещенными» поляками.

Товарищ Сталин впервые показал, что уничтожение национально-колониального гнета не мыслимо без освобождения угнетенных и порабощенных народов Азии и Африки.

Сталинская периодизация новой истории относится и к новой истории колониальных и зависимых стран.

Товарищ Сталин исследовал и разоблачил всю систему национально-колониального гнета, которую применяют Англия и другие империалистические государства в колониях и зависимых странах для угнетения и порабощения народов.

Указания товарища Сталина имеют огромное значение для изучения истории колониальных и зависимых стран, для определения стратегии и тактики революционных масс в борьбе за освобождение от ига империализма.

23 апреля 1940 г. состоялась научная сессия кафедр исторического и литературного факультетов, посвященная 70-летию со дня рождения В. И. Ленина. В большом докладе проф. К. П Новицкий показал образ В. И. Ленина — величайшего, гениального ученого, который, как и Маркс, обладал обширными энциклопедическими знаниями.

Были сделаны доклады проф. Нусиновым на тему «Ленин о Л. Н. Толстом» и проф. А. З. Иоанисиани — «Ленин о революциях на Востоке». В основу доклада были положены высказывания Ленина и Сталина о революциях на Востоке, а также первоисточники и документы, которые были найдены в архивах и переведены впервые на русский язык с иранского, турецкого и др. языков самим докладчиком.

Тематика научных работ, уже написанных и над которыми еще работают научные работники и аспиранты факультета, охватывает различные области исторической науки.

Доцент С. Б. Кан защитил докторскую диссертацию на тему «Два восстания силезских ткачей». Работа тов. Кана является ценным вкладом в марксистскую историческую науку. Она получила высокую оценку со стороны оппонентов проф. Авербух, проф. Ефимова, проф. Сказкина, проф. Анекштейна и Ученого совета Института.

Представлены к защите докторская диссертация проф. М. Я. Феноменова на тему «Феодальные повинности в Новгородской деревне в XIV—XV вв.» и кандидатская диссертация ассистента Маслоковца на тему «Магдебургское право в Литве и Белоруссии». Закончены работы проф. А. И. Анекштейном «Основы педагогических взглядов Роберта Оуэна» (работа напечатана), проф. А. З. Иоанисиани «Иранские энджумены в иранской революции» и статья проф. Дьякова «Римская провинция Медия в I—III вв.» — глава из его докторской диссертации. Также представлена к печати статья проф. К. П. Новицкого «Чернышевский, как историк».

Кроме того ряд профессоров и доцентов Института работает над диссертациями на ученую степень доктора исторических наук.

Приводим названия ими разрабатываемых тем:

«Феодальная война в удельно-княжеской Руси в XV в» (проф. Бочкарев);

«Железнодорожное строительство в России в XIX в.» (доц. Нифонтов);

«Русские меркантилисты второй половины XVIII в.» (проф. К. П. Новицкий);

«Аграрные отношения в Шотландии в XV и XVIII вв.» (доц. Васютинский);

«Ноябрьская революция в Германии в 1918 г.» (доц. Вайнштейн).

Ассистент Чужайкин работает над кандидатской диссертацией «Освещение роли народа и исторических деятелей в курсе истории СССР».

Член-корреспондент АН СССР проф. А. В. Шестаков с коллективом авторов работает над составлением учебника истории СССР для неисторических факультетов вузов.

На кафедре истории средних веков прочтены доклады: проф. Грацианским — «О разделе земель в государстве бургундов и вестготов» и проф. Неусыхиным — «Церковное землепользование в Германии в XI—XIII веках».

Кафедра истории средних веков сдала в печать 1-й выпуск «Ученых записок» под редакцией доктора исторических наук Н. П. Грацианского. Содержание: 1) доцент Кархов — «Догородское ремесло в средневековой Германии»; 2) Б. Б. Пыхтеев — «Мероприятия Генриха IV по развитию сельского хозяйства Франции».

Кафедрой истории древнего мира также сдан в печать 1-й выпуск «Ученых записок». Его содержание: 1) проф. Дьяков— «Таврика в эпоху римской оккупации»; 2) Е. Г. Суров — «К вопросу виноделия в Херсонесе»; 3) Д. Д. Петерс — «Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове»; 4) доцент Оранский — «Вопросы права и интереса в эпоху Пелопоннесской войны по Фукидиду».

Кафедра истории СССР заканчивает 1-й выпуск «Ученых записок» под ред. проф. Шестакова, Новицкого и Пичеты. Содержание выпуска: 1) проф. Шестаков—«Большевики и крестьянство в первой русской революции»; 2) проф. Бочкарев—«Из истории хозяйства верхневолжской монастырщины конца XVII в.»; 3) доцент Надточеев — «Классовая борьба в белорусском городе в конце XVI и начале XVII вв.»; 4) Агеев — «Татария в 1917 году».

Кафедра новой истории также подготовляет к печати 1-й выпуск «Ученых записок» под редакцией проф. А. З. Иоанисиани со статьями профессоров Анекштейна, Иоанисиани, Кана, Васютинского и Вайнштейна.

Печатается работа заслуженного деятеля науки РСФСР Н. Г. Тарасова «Принципы и методы преподавания гражданской истории в средней школе».

Работа Института над кандидатскими диссертациями.

Тов. Саркисов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Советская власть в Баку в 1918 году». Тема диссертации тов. Саркисова имеет большой научный и общественно-политический интерес. На материале партархива Института истории имени Шаумяна, Азербайджанского государственного архива, Архива истпарта Армении и др. автор показал борьбу бакинского пролетариата под руководством партии большевиков за установление советской власти в Баку, образование Бакинского совета народных комиссаров и проведенные им социалистические мероприятия. В диссертации разоблачается контрреволюционная роль муссаватистов, дашнаков и других агентов интервентов.

Официальные оппоненты проф. А. З. Иоанисиани и кандидат исторических наук доц. Надточеев отметили научную ценность работы тов. Саркисова несмотря на некоторые ее недостатки.

Аспирант тов. Егоров защитил кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянское движение в годы реакции и подъема с 1907 г. по июль 1914 года».

Официальными оппонентами при защите выступали член-корреспондент Академии наук СССР проф. Шестаков и доц. Надточеев.

В основу своей работы тов. Егоров положил указания «Краткого курса истории ВКП(б)» об особенностях крестьянского движения в период столыпинской реакции. Автор поставил своей задачей ответить на один из актуальнейших вопросов — о крестьянском движении в новых условиях после революции 1905—1907 годов. На основе материалов архивов Москвы и Ленинграда автор показал, как проводилась столыпинская аграрная реформа в центральных губерниях России, а также быстрое расслоение крестьянства, резкое ухудшение положения деревенской бедноты и середняка, борьбу крестьян против помещиков и кулаков-хуторян.

Автор показывает также рост сознательности пролетарских и полупролетарских слоев деревни на почве разворота классовой борьбы, работу, которую вели большевистские агитаторы, пропагандисты и рядо-

вые промышленные рабочие, приезжавшие в деревню.

Аспирант тов. Пыхтеев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Аграрная политика Генриха IV» (научный руководитель — проф. Н. П. Грацианский).

Работа представляет собою самостоятельное исследование сложного вопроса, который еще не исследован достаточно ни у нас, ни за рубежом. Автор использовал много интересных источников и специальной литературы на французском языке, как например собрание писем Генриха IV и др.

В своей работе автор исследует аграрные мероприятия, которые были проведены правительством Генриха IV для развития сельского хозяйства Франции, и те изменения, которые происходили в жизни французской деревни во время царствования Генриха IV под влиянием экономической политики правительства.

Выступавшие официальные оппоненты проф. Радциг и проф. Поршнев отметили как недостаток работы принижение роли Сюлли, который имел большое влияние на всю политику Генриха IV, будучи его главным советником. Как положительные моменты оппоненты отметили, что тема диссертации дает ключ к пониманию многих проблем аграрной истории Франции XVI, XVII и XVIII веков и что вопросы, поставленные в диссертации, исследованы автором обстоятельно и разносторонне.

Доцент Н. Д. Фирсов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Православие и ламаизм в колониальной политике царизма в Бурят-Монголии в XIX веке».

Тема диссертации тов. Фирсова является актуальной, вооружающей работников антирелигиозного фронта в их борьбе с религиозными пережитками.

Для своей диссертации автор использовал ценные документы и материалы Центрального государственного архива внутренней политики, культуры и быта (фонды канцелярии Синода, канцелярии оберпрокурора Синода, департамента инославных исповеданий министерства внутренних дел, Сибирского комитета и др.).

Автор показывает, что деятельность царизма по насаждению православия среди бурят-монголов и отношение его к ламаизму являются частью колониальной политики царизма. С помощью религии царское правительство закабаляло и жесточайшим образом эксплоатировало народные массы бурят-монголов.

Царское правительство насаждало православие в Бурят-Монголии с первых же дней завоевания, допуская в то же время наряду с православием и ламаизм, религию нойонов, которых царское правительство превращало в свою агентуру, за их услуги закрепляя за ними феодальные права и освобождая их от ясака. Устав Сперанского «Об инородческом управлении» 1822 г. является выражением союза между царским правительством и нойонством.

В средине XIX в. резко выступает двойственность политики царского правительства по отношению к ламаизму: с одной стороны, оно боится оттолкнуть от себя ламство, которое ему помогает в колониальной политике, а с другой стороны, правительство усиливает насаждение православия, боясь, что ламаизм может превратиться в силу, угрожающую царским эксплоататорам в Бурят-Монголии.

Следует отметить, что автору удалось показать, что всякая религия — а в данном случае и ламаизм — является орудием в руках господствующих классов для угнетения и порабощения народных масс.

В заключение следует также отметить, что автором дана удачная и довольно разносторонняя характеристика состояния литературы по данному вопросу.

Выступавшие оппоненты проф. Пичета, проф. Шестаков, научный работник тов. Гирченко отметили, что Н. Д. Фирсов научно подошел к данному вопросу и по-марксистски исследовал его. Работа тов. Фирсова является вкладом в науку, прибавившим новую страницу в характеристике колониальной политики царизма.

Аспирант тов. Бортник защитил кандидатскую диссертацию, посвященную общественной деятельности и политическим взглядам одного из видных политических деятелей Италии XII в.— Арнольда Брешианского, начавшего свою деятельность в Брешии и продолжившего ее затем в Париже и Цюрихе.

Арнольд Брешианский объединил вокруг себя радикальные элементы (городское бюргерство, плебс и часть низшего клира) и выступил в 1152 г. с планом реорганизации государственного устройства Рима, согласно которому во главе города должен стоять Сенат, два консула и «национальный» император, а также восстановлены народное собрание и институт трибунов. В своей работе автор показывает, что практическая деятельность и идеология Арнольда Брешианского были направлены против папы, всего высшего духовенства, римской знати и германского императора.

Арнольд Брешианский требовал отнятия у епископов регалий, у монахов — земельных владений, у папы — светской власти. Выдвигая такую программу, он выражал интересы бюргерства городов, выросших из рамок феодализма.

На большом материале итальянских источников автор показывает, что прямым результатом деятельности Арнольда Брешианского были проповеди «арнольдистов» в течение многих десятилетий, а также продолжительная борьба римлян за сохранение независимости.

Официальные оппоненты — проф. Джевилегов и проф. Фортунатов — отметили значительную научную ценность исследования тов. Бортника.

Аспирант тов. Суров защитил кандидатскую диссертацию «Очерк по истории хозяйства Херсонеса Таврического».

На основе археологических данных последних лет, архивных документов Москвы, Ленинграда и Херсонского музея

автор исследовал роль, значение и уровень техники винодельческого производства Херсонеса Таврического.

Официальные оппоненты — проф. Граков и доц. Оранский — дали положительный отзыв о работе тов. Сурова.

Кандидатскую диссертацию на тему «Политика Петра I по отношению к Украине» защитила аспирантка тов. Галах. Тов. Галах дала основательную критику русской и украинской дворянско-буржуазной историографии, которая неправильно освещала политику Петра I по отношению к Украине.

Автор подчеркнул, что дворянская украинская историография (Бантыш-Каменский, М. Маркевич, Я. Шульгин) оправдывала централистическую политику Петра I по отношению к Украине, объясняя ее изменой Мазепы; буржуазная же украинская историография как в лице представителей буржуазного либерализма (Н. Костомаров, А. Ефименко, А. Лазаревский), так и в лице буржуазных националистов-сепаратистов (М. Грушевский, Ф. Уманец и др.) выступала противником самодержавной политики Петра I.

Автор в своем исследовании показывает, что во время Северной войны вся внутренняя жизнь Украины была подчинена военным нуждам: Украина поставляла рогатый скот, лошадей, селитру, содержала постой русских войск, украинские казаки служили в армии Петра I и строили крепости; поэтому Петр I при сложной политической ситуации заигрывал со старшиной и украинским народом.

Автор подчеркивает, что в новом политическом курсе Петра по отношению к Украине надо рассматривать два тактических момента: 1) момент ослабления гетманской власти при нейтралитете старшины — политика заигрывания с украинским народом, 2) уничтожение гетманства — решительное наступление на политические и экономические свободы Украины.

В заключение своего исследования автор делает вывод, что Петр I, уничтожив гетманство и заменив его коллегией из своих чиновников, не смог окончательно изменить военное и хозяйственно-административное управление края, уничтожить его автономию и присоединить к России.

Официальные оппоненты—проф. Козаченко и доц. Надточеев — отметили в своих выступлениях, что работа тов. Галах является серьезным научным исследованием, ставящим ряд вопросов в политике Петра I по отношению к Украине по-новому. Кроме того, отмечают оппоненты, в работе дана удачная и полная характеристика состояния хозяйства Украины в петровское время.

Защитили кандидатские диссертации тов. Ротенберг на тему «Ликвидация Боярской думы и учреждение Сената при Петре I» и тов. Розун на тему «Тверские либералы в реформах 60-х гг. XIX века». Официальные оппоненты на защите диссертации тов. Ротенберг—проф. Пичета и доц. Сыромятников — отметили научную ценность диссертации. Диссертантка хорошо справилась со своей задачей и написала интересную работу.

Товарищам Сорокину, Фирсову, Егорову, Саркисову, Пыхтееву, Бортнику, Сурову, Галах, Ротенберг и Розуну присуждены ученые степени кандидатов исторических наук, а доценту С. Б. Кану—ученая степень доктора исторических наук.

С. Стегарь

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР 26 декабря 1940 г.

Утреннее заседание сессии было посвящено вопросу о московском вооруженном восстании 1905 года. Руководитель сектора истории советского периода Института истории тов. Черномордик сделал доклад о московском вооруженном восстании, основываясь не только на документах, но и на личных воспоминаниях. Тов. Черномордик был секретарем подпольного Московского комитета большевиков в 1905 году.

Московская организация большевиков приступила уже с лета 1905 г. к подготовке вооруженного восстания. Приобреталось оружие, организовывались боевые дружины, создавалась лаборатория для производства бомб. Расходы партии на приобретение оружия и боевую организацию за октябрь—ноябрь 1905 г. составили уже 18 521 р. 72 копейки. Конечно, это было очень мало по сравнению с потребностью в оружии, но ведь эта сумма создавалась из грошей рабочих! В подготовку вооруженного восстания были вовлечены тысячи рабочих.

После ареста Петербургского совета и для Московского комитета большевиков и для Моссовета было ясно, что пробил час выступления московского пролетариата. 5 декабря на партийной конференции, происходившей с широким представительством районов, выяснилось революционное настроение московского пролетариата, его готовность выступить немедленно. На конференции делегаты в один голос заявляли, что если Московский комитет не возьмет инициативу в свои руки, рабочие все равно выступят. Но выяснилось также, что вооруженное восстание еще не достаточно подготовлено, что вооружение пролетариата крайне слабое, что на активное участие войск нельзя рассчитывать, хотя сочувствие некоторых пехотных частей московского гарнизона на стороне революции. Подавляющим большинством голосов конференция постановила с 7 декабря объявить всеобщую забастовку, понимая, что она неизбежно выльется в вооруженное восстание. Такое же решение вынес 6 декабря и Московский совет рабочих депутатов.

Забастовка быстро развивалась и в три

дня стала всеобщей. Правительственный аппарат перестал функционировать, и гражданская власть в городе фактически перешла к совету. Но в руках правительства оставались полиция и войска. 9 декабря правительство перешло в наступление, обстреляв реальное училище в доме Фидлера, где происходили митинги и собрание дружинников. В ответ на это московские рабочие при поддержке широких масс трудового населения Москвы под руководством дружинников приступили к постройке баррикад. В три дня Москва покрылась сетью баррикад; на место разрушенных артиллерией ночью воздвигались новые. 12—15 декабря происходила самая ожесточенная борьба. Баррикадные бойцы героически сопротивлялись войскам. Дружинники внезапно нападали на неприятеля группами в 3—4 чел., приводя нередко в паническое бегство целые отряды войск.

16 декабря восстание в общем было подавлено, продолжала держаться только Пресня. Но 17 декабря и она, расстрелянная артиллерией, была занята семеновцами.

Таким образом, царскому правительству понадобилось 10 дней, чтобы подавить восстание плохо вооруженного пролетариата. Восставшие московские рабочие не имели общего военного руководства. Не было у восставших и вполне разработанного плана восстания. Отрезанные от центра районы должны были самостоятельно руководить восстанием. Однако в процессе восстания установилась боевая связь между районами; об определенном плане свидетельствовало и расположение баррикад по Садовому кольцу и по радиальным улицам, соединяющим Садовую с центром; восставшие хотели продвинуться от окраин к центру и не допустить царские войска на окраины. В начале восстания боевая организация при Московском комитете большевиков распространяла листок «Советы восставшим рабочим» — это была инструкция о тактике партизанской борьбы,— она, несомненно, была усвоена восставшими.

Архивные документы свидетельствуют, что Дубасов, не считая полиции и жандармерии, имел только 700 штыков против тысячи удовлетворительно вооруженных дружинников. Свыше 6 тыс. солдат как ненадежные были обезоружены и заперты в казармах. Московские большевики своей работой сумели добиться нейтральности большинства гарнизона. Но в момент восстания руководители проявили мало инициативы и оперативности в борьбе за войско и не сумели использовать имевшиеся моменты колебания.

Основная ошибка руководителей московского восстания в том, что инициатива осталась в руках неприятеля и восставшие вместо того, чтобы перейти в наступление, находились все время в состоянии обороны. Уроки московского восстания помогли пролетариату понять, что восстание — искусство, которому надо учиться, и что в восстании, как и на войне, победа может быть обеспечена только при условии наступательной тактики,— это было учтено пролетариатом в октябре 1917 г. и облегчило ему победу.

Необходимо предостеречь от ложного представления, будто, подавив восстание, царское правительство одержало полную победу. В своей реляции Николаю II Дубасов доносит: «Я не могу признать мятежное движение подавленным. Главные руководители его... рассеялись и бежали, унося нити заговора и намерение продолжать свое преступное дело»[1]. Восстание было подавлено, но силы революции не были разгромлены и пролетариат не был разбит.

В заключение доклада тов. Черномордик рассказал о своей встрече с В. И. Лениным. В беседе с тов. Черномордиком Владимир Ильич сказал о московском восстании: «Вы, москвичи, сделали большое дело. Это не так страшно, что вас побили: за битого двух небитых дают».

В прениях выступил проф. Ш е с т а к о в, участник московского вооруженного восстания, член подпольной организации московских большевиков. Он сказал о том, что петербургский пролетариат, будучи до известной степени обессилен предшествующей напряженной борьбой, кроме того был расколот дезорганизаторской работой меньшевиков. Петербургский совет имел меньшевистское большинство, и на его направлении сказалась предательская роль Троцкого.

Говоря о военной подготовке вооруженного восстания, надо отметить, что бомбистская техника была еще слаба.

Руководство восстанием нельзя приписывать только Московскому комитету: В. И. Ленин занимался подготовкой восстания — добывал средства, организовывал боевую технику. Именно по вопросу о восстании как уполномоченный ЦК партии в Москву приехал тов. Любич-Саммер. Тов. Любич участвовал на собрании бюро Московского комитета партии и на Московской конференции, так что нельзя говорить, что Московский комитет самостоятельно решал это дело — оно было согласовано с Лениным.

Тов. Шестаков напомнил, что сочувствие восстанию наблюдалось не только в Ростовском полку, было большое брожение и в других полках. 2 декабря, на совещании представителей этих полков, было отмечено, что солдаты готовы к выступлению. Это было учтено при решении вопроса о вооруженном восстании.

В прениях выступили также тт. П е т р о п а в л о в с к и й, С и д о р о в и Н е е д л ы.

Тов. Петропавловский указал, что если бы петербургский пролетариат поддержал Москву, то восстание могло бы перерасти во всероссийское. В Петербурге организовать восстание было несравненно труднее, так как там была сконцентрирована огромная масса войск, кроме того баррикадная борьба была много сложнее чем в Москве. Нужно также учесть, что в Петербурге меньшевики сконцентрировали свои главные силы и в некоторых районах их влияние на пролетариат было довольно сильно.

Тов. Сидоров отметил, что вопрос о московском вооруженном восстании еще не до-

[1] ДПОО 1905, д. № 1350; т. 26, п. 130.

статочно освещен и разработан, между тем накопилось много нового материала. В частности необходимо выяснить обстоятельно роль Горького, который как раз в это время жил в Москве и оказывал большевистской организации колоссальную помощь.

Также не изучен вопрос об отношении московских большевиков к солдатам, почему оказалось невозможным возглавить солдатское движение, которое намечалось в двух полках московского гарнизона.

По вопросу, поднятому тов. Шестаковым, тов. Сидоров также отмечает, что ЦК с Лениным во главе одобрительно относился к идее начать вооруженное восстание в Москве.

Тов. Нееллы указывает на громадное международное значение московского восстания: именно с 1905 г. русский пролетариат становится в авангарде мирового революционного движения.

На вечернем заседании сессии состоялось чествование акад. С. А. Жебелева по случаю 50-летия его научной деятельности. Акад. Деборин в своем вступительном слове отметил, что С. А. Жебелев является одним из самых заслуженных историков античности и крупнейшим специалистом в области классической филологии, соединяя в своем лице археолога, историка, филолога-классика, эпиграфиста, искусствоведа. С. А. Жебелев создал ряд выдающихся трудов, посвященных истории древней Греции и античного мира.

Но особенный размах работы Жебелева приобретают со времени Великой Октябрьской социалистической революции. Идя навстречу новым требованиям эпохи, С. А. Жебелев напечатал ряд популярных очерков по истории античного мира. Особенное внимание заслуживают его работы, посвященные северному Причерноморью В этих работах акад. Жебелев пытается вскрыть основы классовой борьбы в Херсонесе и других провинциях, рассматривая восстание скифских рабов на Босфоре как первое революционное восстание угнетенных в античных колониях на территории, входящей ныне в СССР. С. А. Жебелев воспитал много учеников, ставших в настоящее время самостоятельными учеными.

Представители научных учреждений— акад. Б. Д. Греков (Институт истории) и проф. Артамонов (ИИМК)—отметили громадное значение для науки 50-летней деятельности С. А. Жебелева. С докладами о научной и педагогической работе акад. Жебелева выступили его ученики тт. Каллистов и Болтунова. С приветствием и оценкой научной деятельности акад. Жебелева выступили акад. Мещанинов, проф. Мишулин, проф. Машкин, акад. Тюменев, проф. Ранович и ныне покойный проф. С. Сергеев.

Л. К.

В Институте истории АН СССР

23 ноября 1940 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, тов. Ш. К. Чхетия защищал диссертацию «Тбилиси в XIX столетии» на степень д-ра исторических наук. Тов. Чхетия во вступительном слове указал, что Тбилиси до XIX в. в основном оставался феодальным городом. Лишь в XIX в. Тбилиси из средневекового города восточного типа постепенно превращается в буржуазно-капиталистический город европейского типа, хотя некоторые особенности восточного города в нем сохраняются до конца XIX в. и даже в начале XX столетия.

Диссертант поставил перед собой задачу воспроизвести процесс превращения средневекового Тбилиси в капиталистический город, процесс, в основном укладывающийся в рамки XIX в. (впрочем, в представленной к защите диссертации тов. Чхетия рассматривает не весь XIX в. в истории Тбилиси, а только годы с 1865 до 1869). В диссертации изучаются территория и благоустройство Тбилиси в эти годы, население города и его социальный состав, торговля, фабрично-заводская промышленность, амкары и ремесло, а также роль Тбилиси как административно-политического и культурного центра Кавказа и дается характеристика Тбилиси в бытовом отношении.

Введением к диссертации служит краткий очерк истории Тбилиси с V до XIX века. Далее, в диссертации дана схема истории Тбилиси с начала XIX до начала XX века. Выводы исследования изложены автором ввиде отдельных тезисов в заключительной главе работы (изданной отдельной брошюрой). Официальными оппонентами были доктор исторических наук проф. Л. Меликсет-бек и научные сотрудники Института истории О. П. Маркова и И. П. Петрушевский. В диспуте приняли также участие тов. А. Л. Сидоров и тов. Рожкова.

Проф. Л. Меликсет-бек отметил, что тов. Чхетия является одним из самых талантливых учеников акад. И. А. Джавахишвили, кроме того он один из основоположников Центрального архива Грузинской ССР, наиболее деятельный сотрудник и фактический редактор периодических изданий этого архива: «Исторического вестника», «Архива Грузии», «Архивного дела»; тов. Чхетия является также основоположником специальной литературы по архивистике и архивоведению на грузинском языке. Проф. Меликсет-бек считает, что основные положения и выводы диссертации в общем правильны и не вызывают спора, хотя им были указаны отдельные недочеты в работе.

По обсуждении диссертации Ученый совет Института истории АН большинством голосов присудил тов. Чхетия ученую степень доктора исторических наук.

6 декабря 1940 г., на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, защищали диссертации тт. А. В. Гиршфельд на тему «Версаль» и П. К. Алефиренко на тему «Отношение правитель-

ства Екатерины II к французской буржуазной революции» на степень кандидата исторических наук.

Во вступительном слове тов. Гиршфельд отметил, что при подготовке диссертации основными источниками, давшими принципиальное направление для анализа всего многообразного материала о Версале, являлись произведения Ленина и Сталина, а также решения Коминтерна. Затем диссертант охарактеризовал наиболее важные работы из очень обширной буржуазной литературы о Версале.

Работа тов. Гиршфельда распадается на три части. В первой он останавливается на вопросах, связанных с заключением ряда секретных договоров между союзниками, на причинах вступления США в войну и на позициях, занятых последними в отношении остальных союзников, в частности в отношении Японии, с которой у США уже тогда были серьезные противоречия. В этой же части диссертации рассматривается вопрос об обстановке, в которой было заключено в 1919 г. перемирие в Компьенском лесу с Германией.

Вторая часть диссертации посвящена характеристике работ Парижской конференции; диссертант показывает, как много внимания уделила конференция организации борьбы против Советской России. В третьей части содержится анализ договоров, подписанных в Сен-Жермене, Нейи, Трианоне, и показывается, почему версальская система неизбежно должна была привести к второй империалистической войне за новый передел мира.

Автор показывает, как прогнозы Ленина и Сталина оправдываются всем ходом событий и подтверждаются всей той массой документального материала, который был использован диссертантом.

Оппоненты Е. М. Жуков и Б. Е. Штейн отметили целый ряд положительных сторон в работе тов. Гиршфельда; особенно наглядно показан Версаль как штаб антисоветской борьбы, показано, что Советская республика была все время в центре внимания Парижской конференции, и, в частности, разоблачена антисоветская сущность политики американского империализма в Версале.

В своем вступительном слове диссертантка тов. П. К. Алефиренко указала, что для своей работы она изучила архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) в Москве (в фондах коллегии иностранных дел за 1789—1896 гг. по Австрии, Англии, Пруссии и Франции): депеши негоциантов и послов, министерские доклады, ноты, конфиденциальную переписку Екатерины II с французским правительством, официальные записки. Кроме того были использованы документы, напечатанные в журналах «Русская старина», «Русский архив», в сборниках Русского исторического общества и в публикации «Царизм и буржуазная революция во Франции» (томы I и II, подготовленные сектором новой истории), а также и вся имеющаяся буржуазная историография по этой теме.

Буржуазные историки, как французские, так и русские, замалчивали активное участие царской России в организации интервенции против революционной Франции. В действительности с 1791 г. Екатерина вступает на путь активной борьбы против французской революции, широко субсидируя все интервенции против Франции. В конце же 1795 г. правительство Екатерины II принялось энергично подготовлять посылку 60-тысячного корпуса русских войск против Франции. Эти войска должны были стать основной силой интервенции.

Оппоненты проф. В. И. Лебедев, чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета и д-р исторических наук Ф. И. Нотович отметили, что диссертация тов. Алефиренко написана на тему, имеющую большое политическое и научное значение; тов. Алефиренко впервые на основе неопубликованного документального материала показала международную контрреволюционную роль царизма во времена Екатерины II.

Проф. В. И. Лебедев указал на то, что в диссертации не раскрыто, почему именно царская Россия сделалась основной силой контрреволюционных коалиций против Франции, мало также уделено в диссертации внимания разделам Польши.

В. И. Пичета подверг критике оценку франко-русских отношений перед революцией, которые изображаются в диссертации как добрососедские; он считает также, что следовало бы больше остановиться на судьбе Радищева и Новикова, пересмотреть характеристику Радищева и установившиеся взгляды на причины кар, обрушившихся на Новикова. Необходимо было также не ограничиваться в диссертации фразой «о безымянных сторонниках» Радищева и Новикова, а поискать их конкретных последователей и охарактеризовать последних. В. И. Пичета называет, в частности, Челищева, автора «Путешествия на Север», и Мельмана, профессора Московского университета.

В. И. Пичета считает также, что несколько иначе следовало бы рассматривать восстание Костюшки. В связи с французской буржуазной революцией, в Польше возникает крестьянское движение и происходит революционный подъем в Варшаве и других городах. Костюшко же пытался отвлечь крестьянство и мещанство Польши от буржуазной революции и лозунгов борьбы за свободу. Костюшко и его соратники в своих показаниях на следствии совершенно ясно говорят, что никогда в жизни они не были поклонниками Конвента и якобинцев и никогда никакой симпатии к республиканским идеям не питали. Недаром после издания манифеста 7 мая 1794 г., известного под названием «Поланецкого универсала», крестьянская масса совершенно покинула ряды повстанцев.

Совет Института истории АН СССР присудил диссертантам тт. А. Гиршфельду и П. Алефиренко ученую степень кандидата исторических наук.

И. П.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

В январе 1940 г. в Лондоне состоялось годичное собрание членов английского «Исторического общества». В связи с военным положением оно продолжалось только один день. Был заслушан доклад президента «Исторического общества» Чарльза Гранта Робертсона на тему «Значение изучения истории во время войны».

В апреле 1940 г. в Бристоле (Англия) происходила конференция западных секций английского «Исторического общества». На конференции был прочитан и обсужден ряд докладов, в том числе и доклады на темы «Послевоенные проблемы», «Империя и война» и др.

Институт социологии (Англия) установил премию в 100 ф. ст. за лучший очерк на следующие темы: 1) «Критический обзор статей по социологическому и психологическому изучению пропаганды» и 2) «Опыт построения гипотез, относящихся к пропаганде, и предложений для дальнейших исследований с целью проверки обоснованности этих гипотез и их практического значения». Работы, представленные на конкурс, должны показать знакомство автора с теоретическими построениями современных психологических школ и с литературой вопроса.

В сентябре 1938 г., во время Международного исторического конгресса в Цюрихе, была образована комиссия по изучению военной истории под председательством французского военного историка А. Депрео (Depréaux). В нее вошли представители пятнадцати государств. Комиссия поставила себе целью издание международного военно-исторического журнала, призванного координировать научную работу военных историков различных стран. Статьи в этом журнале должны печататься на одном из пяти европейских языков и сопровождаться кратким резюме на остальных четырех языках. Несмотря на войну в Европе, в декабре 1939 г. вышел первый (сдвоенный) номер этого журнала, названного «Revue internationale d'histoire militaire». Большая часть помещенных в этом номере статей посвящена войнам и военному искусству XVII—XVIII веков. Одна из них, написанная подполковником Ганнула (Hannula), посвящена Северной войне 1700—1721 годов.

Два года назад итальянский Институт изучения международной политики начал издание (публикацию) коллекции источников под названием «Документы истории и политической мысли». Документы посвящены главным образом вопросам истории Италии. В отличие от известного французского издания — «Textes et documents d'histoire» («Исторические тексты и документы») — итальянское издание предназначено не только для специалистов-историков, но и для широких слоев читателей. Каждый том издания посвящен определенной проблеме. Таким образом, в отличие от французской коллекции документов в основу итальянского издания положен не хронологический, а тематический принцип. В настоящее время Институт опубликовал уже девять томов этого издания, посвященных самым разнообразным историческим проблемам: «Реформация в Италии и итальянские реформаторы заграницей в XVI в.»; «Римский вопрос»; «Итальянский вопрос с 1700 по 1815 г.», «Италия в Тройственном союзе» и др. Интересно отметить, что единственный том, не относящийся к итальянской истории, посвящен истории СССР и носит название «Русская политическая мысль от декабристов до мировой войны» (редактор—Джусти (W. Giusti). Каждый том снабжен историческим введением и библиографией, предназначенной для лиц, желающих более подробно ознакомиться с затронутыми в нем вопросами.

В ближайшее время в Италии начнется публикация многотомной «Истории Генуи от ее происхождения до наших дней». Основанный с этой целью институт предполагает закончить все издание в течение восьми лет. Установлена тематика каждого из пятнадцати томов этого издания, причем каждый том охватывает определенный период истории Генуи. Издание будет представлять собой коллективный труд под редакцией Марио Мартини. Первый том издания посвящен возникновению Генуи и носит название «Древняя Лигурия»; последний, пятнадцатый том — «Генуя и новая Италия»— охватывает новейшую историю города.

Альперович и Беленький

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Пять лет тому назад Академия истории материальной культуры напечатала мою книгу «Бургундская деревня в X—XII ст.», причем, вопреки моей воле, снабдила эту книгу своеобразным предисловием «От редакции». В свое время, по независящим обстоятельствам, я не мог ответить на это предисловие, дающее совершенно превратное представление о моих исторических концепциях. Возвращаясь к этому вопросу в настоящее время, прошу редакцию журнала «Историк-марксист» не отказать напечатать нижеследующие мои разъяснения.

В своем предисловии редакция ГАИМК подчеркивает «порочность» моей исторической концепции (стр. 10), так как у меня будто бы отсутствует «правильное понимание феодального общества как общества классового, антагонистического» (стр. 11). Мое непонимание основных институтов феодального общества, по утверждению редакции, доходит до того, что я «ставлю даже вопрос о самой целесообразности различия собственности помещичьей и крестьянской» (стр. 15). Все эти и другие подобные им утверждения редакции одинаково удивляют и своей голословностью и своей развязностью. Приписывая мне целый ряд принципиальных методологических ошибок (до отрицания разницы между помещичьей и крестьянской собственностью включительно), редакция совсем не дает себе труда обосновать свои утверждения соответствующими положениями и цитатами из моей книги. Там, где цитаты приводятся, они приводятся неправильно, причем основные мои положения искажаются.

Искажено, между прочим, то, что говорится у меня об общинных порядках в Бургундии. Отмечая в главе II (стр. 134—135) отсутствие в бургундской деревне принудительного севооборота и общих выпасов на паровом поле, я признаю здесь «наличие, наряду со строго индивидуальными землевладением и землепользованием, также и общих земель, которыми все сельчане или группа их пользовались pro indiviso» (стр. 135). Редакция последнюю мою фразу замалчивает и ставит мне в особую вину то, что я не признаю, вопреки Энгельсу, земель общего пользования в Бургундии (стр. 13).

Однако в дальнейшем редакция не может игнорировать признания мною наличия таких земель общего пользования; при этом она старается, однако, доказать, что земли общего пользования, о которых я говорю, являются, по моему мнению, «частной собственностью помещиков, или нескольких лиц, или, наконец, собственностью своего рода земельных товариществ с ограниченным кругом лиц, члены которых иногда именуются vicini» (стр. 13).

Разделавшись, по своему обыкновению, одним взмахом пера с неугодными ей почему-то «товариществами», редакция дальше изо всех сил старается будто бы вопреки мне, но на основании моего документального материала доказать, что в Бургундии была настоящая общинная собственность марок-деревень. Между тем я вслед за товариществами (кстати, наличие их, к досаде редакции,— факт совершенно бесспорный) определенно говорю, что если памятники с отчетливостью не констатируют наличия таких общих угодий, которые являлись бы собственностью целой деревенской общины в юридическом смысле, то «все же весьма вероятно, что угодья, принадлежавшие в собственность целой общине, в Бургундии существовали» (стр. 144—145).

Дальше я привожу для доказательства этой моей мысли соответствующий материал памятников и при этом подчеркиваю, что если теоретические права на общие земли в X и следующих веках захватила государственная власть, то это теоретическое притязание государства «не могло помешать жителям считать себя настоящими, фактическими собственниками угодий, часто с незапамятных времен состоявших в их пользовании» (стр. 146). Еще далее я говорю о наличии в Бургундии настоящих организованных сельских общин (с выборными и сельским сходом), целым миром выступающих на защиту своих исконных прав на лесные угодья. Борьба этих общин с помещиками за общинные земли не есть ли яркое проявление классовой борьбы, которую я, по мнению почтенной редакции, совсем игнорирую?

На стр. 16 своего предисловия редакция говорит обо мне: «Классовые столкновения даны им по линии внутриклассовой борьбы, борьбы светских и духовных феодалов. «Мирные» отношения между крестьянами и помещиками нарушаются лишь вторжением ростовщиков — евреев и купцов, хищнически эксплоатирующих деревню». «Мирные» взято в кавычки, очевидно, с расчетом на то, что доверчивый читатель сочтет этот термин моим термином. Нечего говорить о том, что ни о каких «мирных» отношениях между крестьянами и помещиками у меня нет и речи.

Наиболее ярким примером бесцеремонного обращения с текстом моей книги является приписываемое мне редакцией отрицание различия между крестьянской и помещичьей собственностью. На стр. 15 предисловия значится буквально следующее: «Автор стремится доказать, что учесть различие между помещичьим и крестьянским хозяйством, как особыми категориями земельной собственности, никак

нельзя, и ставит даже вопрос о самой целесообразности различия собственности крестьянской и помещичьей. Нужно ли говорить о том, кому такие положения играют наруку? Отсюда становится ясным, почему в такой работе отсутствует характеристика классовой борьбы, тем более, что сам автор настойчиво стремится доказать сложность социальной структуры бургундской деревни, глубокое социальное расслоение в ней». Я бы со своей стороны тоже поставил вопрос о том, кому наруку допущенное редакцией очевидное искажение смысла моего текста, да к тому же еще сопровождаемое туманными намеками на какие-то особые качества моей работы. И это после того, как вся моя первая глава посвящена доказательству, что в целом ряде областей Бургундии в X—XI вв. была распространена крестьянская собственность.

Мне очень досадно, что приходится выступать с разъяснениями своих взглядов относительно помещичьей и крестьянской собственности, которые изложены совершенно отчетливо. В первой главе я говорю о приемах обработки грамот и при этом, возражая немецким ученым, особенно Каро, подчеркиваю, что «на основании количественного анализа грамот мы можем с уверенностью говорить лишь о преобладании крупной и мелкой собственности в той или иной области, в тот или иной период. Пути к точному учету характера мелкой собственности (помещичьей или крестьянской) в большинстве случаев остаются закрытыми» (стр. 46), тем более что сплошь и рядом переход от крупной крестьянской к мелкопомещичьей собственности уловить трудно и даже невозможно (стр. 47).

Подчеркнув таким образом, что **количественный** анализ грамот не дает возможности точного учета собственников внутри деревенской территории, с отнесением их к категории крестьян или помещиков, я перехожу к **качественному** анализу тех же грамот и пытаюсь этим путем разрешить проблему о социальных группировках внутри той или иной территориальной единицы. Своеобразными приемами обработки грамот мне удается при этом выделить и помещичьи и крестьянские хозяйства различных типов.

Таким образом, из моей критики приемов количественного анализа грамот, с помощью которых, по моему мнению, нельзя (как это обычно делают немецкие исследователи) точно подсчитать число помещичьих и крестьянских хозяйств, почтенная редакция ухитрилась сделать вывод о том, что я вообще против различения крестьянской и помещичьей собственности. А отсюда и обвинение в сознательном замалчивании мною классовой борьбы и т. д.

Редакции, между прочим, очень не нравится признание мною сильного влияния на аграрный строй Бургундии старых романских порядков, и она почему-то склонна считать такую постановку вопроса немарксистской.

Полные путаницы и ошибок исторические изыскания редакции (стр. 11—12), имеющие целью опровергнуть мое высказанное на стр. 135 предположение, что поселение бургундов «ничего существенно нового в хозяйственную структуру бургундской деревни не внесло», бьют мимо цели. В самом деле, из контекста моей книги ясно, о какой хозяйственной структуре у меня идет речь. Я имею в данном случае в виду не что иное, как уровень сельскохозяйственной культуры и систему полей, а вовсе не вопросы, связанные с распределением земель, наличием родового строя у бургундов и т. д. Редакция, очевидно, и на этот раз пытается вложить в мои слова не тот смысл, какой они имеют на самом деле.

Редакция негодует по поводу того, что я называю работы Фюстель де Куланжа замечательными (стр. 10). Но какие же они с точки зрения редакции? И почему моей непременной обязанностью было «вскрыть реакционность взглядов» Фюстель де Куланжа (которого я упоминаю мимоходом), Допша (которого я совсем не упоминаю) и других? В своем предисловии я отметил, что «предпочитаю идти в своей книге не путем отрицательной критики, а путем положительных построений, добытых применением новых приемов обработки памятников». И эти мои положительные построения таковы, что они решительно расходятся с построениями Фюстель де Куланжа и Допша. Полагаю, что такое опровержение с фактами в руках гораздо действительнее и ценнее нежели рекомендуемое мне редакцией «вскрытие реакционности» (стр. 11).

Отмечая «порочность» моих построений, редакция все же отмечает кое-какие скромные достоинства моей книги. Оказывается, значение ее в том, что она содержит ценный неизученный материал источников, хотя при этом высказывается курьезное сожаление о том, что материал этот приводится по большей части не в подлиннике, а в ссылках. Выходит, таким образом, что моя книга, в сущности, имеет значение постольку, поскольку она является своего рода сборником малоизученных материалов, хотя сборником и несовершенным. Такая оценка значения моей книги удивляет своей наивностью. Значение ее, конечно, не в том, что она является своего рода хрестоматией, а прежде всего в том, что в ней применяются новые и своеобразные приемы обработки грамот, дающие новые результаты и выявляющие всю сложность социального развития одной из областей Франции, где были сильны романские влияния.

Навязывая мне несуществующие ошибки и тем самым давая превратное представление о моей книге, редакция ГАИМК определенно отпугивает от нее малоподготовленного и малосведущего читателя. Ввиду того что это никак не способствует распространению того конкретного исторического знания, к которому мы стремимся, я и счел своим долгом выступить с вышеприведенными моими разъяснениями.

Н. Грацианский

SOMMAIRE:

CONTENTS:

INHALT:

Адрес редакции: Москва. Волхонка, 14, комн. 113. Тел. К 0-70-16

А30813. Изд. № 305. Зак. № 388. Тираж 35 000
Подп. к печати 12/III 1941 г. 68 000 п. зн. в п. л. 10 печ. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 24.